

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Crime and Punishment in Dostoevsky's Russia

Land and Taxes in the History of Russia

Interest in the Horrible in the Tourist Industry

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 7 | 2019 | № 4

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *ANCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *ANCI Web of Science, Scopus*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editor* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Guest Editor* – Prof. **Alexander Uzhankov** (Russia, Moscow State Institute of Culture); *Reviews Section Editor* – Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation Editors* – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (United Kingdom, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr **Julia Zapary** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo ; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); приглашенный редактор – **А. Н. Ужанков** (Россия, Московский государственный институт культуры); *отдел рецензий* – доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редакторы перевода* – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<p><i>Aleksander Uzhankov, Larisa Soboleva.</i> Under the Sign of Fyodor Dostoevsky.....1043</p>	<p><i>Aleksander Uzhankov, Larisa Soboleva.</i> Under the Sign of Fyodor Dostoevsky.....1043</p>
--	--

Problema voluminis

<p>Преступление и наказание: жанровая парадигма и танатологический контекст</p> <p><i>Елена Конявская.</i> Древнерусский преподобный при кончине ..... 1057</p> <p><i>Александр Ужанков.</i> Бог гордым про- тивится: преступление и наказание в произведениях о походе Игоря Святославича .....1067</p> <p><i>Elena Marasinova.</i> The Death Penalty Moratorium in 18th-Century Russia.....1086</p> <p><i>Елена Приказчикова.</i> Царь должен умереть: танатологический дискурс мужских правлений в России XVIII в. .... 1107</p> <p><i>Олег Зырянов.</i> Модус смертного сознания в русской классической поэзии XIX в.: генезис и этнокультурная специфика.....1125</p> <p><i>Ирина Дергачева.</i> Эсхатологический хронотоп Федора Достоевского .. 1143</p> <p><i>Maia Stepenberg.</i> Dostoevsky's <i>Crime and Punishment</i> in the Light of Eschatology .....1160</p> <p><i>Стефано Мария Капилупи.</i> Античное и иудео-христианское наследие в категориях забвения и памяти (Ф. Достоевский, М. Булгаков) ...1172</p> <p><i>Алисе Плате.</i> Дело об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой: государственная забота о здоровье подданных.....1185</p> <p><i>Дмитрий Бугров, Екатерина Бугрова.</i> На грани Жизни и Смерти: погра- ничный Урал в танатологической культуре..... 1199</p>	<p>Crime and Punishment: The Genre Paradigm and Thanatological Context</p> <p><i>Elena Konyavskaya.</i> Medieval Russian Saints and Death .....1057</p> <p><i>Aleksandr Uzhankov.</i> <i>God Opposes the Proud: Crime and Punishment in Works about Prince Igor Svyatoslavich's Campaign</i> .....1067</p> <p><i>Elena Marasinova.</i> The Death Penalty Moratorium in 18th-Century Russia ..... 1086</p> <p><i>Elena Prikazchikova.</i> <i>The Tsar Must Die: The Thanatological Discourse of Male Rule in 18th-Century Russia</i> ..... 1107</p> <p><i>Oleg Zyryanov.</i> <i>The Mode of Mortal Consciousness in 19th-Century Russian Poetry: Genesis and Ethnocultural Peculiarities</i> .....1125</p> <p><i>Irina Dergacheva.</i> The Eschatological Chronotope of Fyodor Dostoevsky . 1143</p> <p><i>Maia Stepenberg.</i> <i>Dostoevsky's Crime and Punishment</i> in the Light of Eschatology .....1160</p> <p><i>Stefano Maria Capilupi.</i> The Ancient And Judeo-Christian Heritage of Oblivion and Memory (F. Dostoevsky, M. Bulgakov) .....1172</p> <p><i>Alice Plate.</i> State Interest and Public Health: The Case of the <i>Poisoning of the Peasant Maiden Marfa, Daughter of Petrov.</i>.....1185</p> <p><i>Dmitry Bugrov, Ekaterina Bugrova.</i> Between Life and Death: The Borderline Urals in Thanatological Culture .....1199</p>
--	--

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Налоги и земельный вопрос в экономике Российской империи	Taxes and the Land Question in the Economy of the Russian Empire
<i>Артур Мустафин.</i> Аберрация нало- гового бремени Петровской эпохи в исторических исследованиях. . .1214	<i>Arthur Mustafin.</i> The Tax Burden in the Petrine Era: Historiographical Discussions. 1214
<i>Елена Кравцова.</i> Краеугольный камень налоговой системы: введение подходного налога в Российской империи 1229	<i>Elena Kravtsova.</i> The Cornerstone of the Tax System: The Introduction of an Income Tax in the Russian Empire. 1229
<i>Валерий Керов.</i> Земля трудящемуся народу: аграрный вопрос в политиче- ской программе старообрядцев . .1243	<i>Valery Kerov.</i> Land to the Working People: The Agrarian Question in the Political Programme of Old Believers. 1243
<i>Андрей Мамаев.</i> Имперский проект заселения Голодной степи 1259	<i>Andrey Mamaev.</i> An Imperial Project for the Colonisation of Mirzacho'l . .1259

Origines

<i>Андрей Захаров.</i> Боярин и граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин: <i>Записная тетрадь</i> и новые документы . . . 1277	<i>Andrey Zakharov.</i> Ivan Musin-Pushkin, Boyar and Count: His <i>Notebook</i> and New Sources. 1277
--	---

Hereditas: nomina et scholae

<i>Sergey Krikh.</i> A Textbook and Its Author: The Pre-Revolutionary Russian Tradition and Soviet Innovations in Nikolay M. Nikolsky's Work. . . .1299	<i>Sergey Krikh.</i> A Textbook and Its Author: The Pre-Revolutionary Russian Tradition and Soviet Innovations in Nikolay M. Nikolsky's Work. . . .1299
--	--

Disputatio

<i>Александр Палкин, Юлия Боровик.</i> Брачные стратегии в единоверческой общине Екатеринбургa в начале XX в. 1311	<i>Alexander Palkin, Iulia Borovik.</i> Marriage Strategies of the Yekaterinburg Edinoverie Community in the Early 20 th Century 1311
<i>Валерий Юнгблуд, Денис Садаков.</i> Роль Советского Союза в Корейской войне по оценкам разведки США . 1324	<i>Valery Yungblud, Denis Sadakov.</i> The Role of the USSR in the Korean War as Estimated by US Intelligence . . .1324

Controversiae et recensiones

<i>Михаил Михеев, Александр Бедель.</i> Россия и нефть: взгляд экономиста 1341	<i>Mikhail Mikheev, Alexander Bedel.</i> Russia and Oil: The View of an Economist. 1341
<i>Николай Денисов.</i> Музыкальное при- ношение белорусскому православию: исследовательская глубина и гипоте- тические предположения 1349	<i>Nikolay Denisov.</i> Musical Contributions to Belarusian Orthodoxy: Research Scope and Hypotheses 1349
Об авторах. 1360	On the Authors. 1360
Сокращения 1367	Abbreviations 1367

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2019.4.423

UNDER THE SIGN OF FYODOR DOSTOEVSKY

The agenda of moral crime and punishment, of death and eternal life, entered Christianity-centred Russian literature through Holy Scripture. Since early Rus, Russian literature has not merely touched upon these concepts; they became key themes centred on the salvation of the soul (*Problema voluminis* section).

An attitude towards death as a new birth into the life eternal is symbolic for Russian Orthodox believers. *Elena Konyavskaya* (Institute of Russian History of the RAS, Moscow) explores the perception of the transition to another world in the vitae of Feodosii Pecherskii and Avramii Smolenskii in comparison with those of Greek saints. She shows that reflections on the end of earthly life and the posthumous destiny of the soul are inherent only in the Russian text of St Nestor, despite its narrative similarity with a number of Byzantine vitae. The researcher concludes that medieval Russian hagiographers reflected the mysticism of their era, along with the understanding of the human soul's mysterious transition from earthly life to another world and the expectation of the Second Coming by educated people of the times.

Aleksander Uzhankov (Moscow State Institute of Culture; D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural Heritage, Moscow) considers the moral aspect of crime and punishment in three works about Prince Igor Svyatoslavich's campaign against the Polovtsians in 1185. The campaign of Prince Igor, caused by pride and a desire for glory, ends with humiliating captivity. Medieval Russian writers interpreted this campaign and its result in different ways. In the Laurentian Chronicle, the blame for the subsequent devastation of the Russian land by the Polovtsians is laid on Prince Igor, who undertook a campaign of conquest and was defeated. The Kiev Chronicle, on the contrary, defends Igor Svyatoslavich, shows his courage, and tries to reveal God's Providence in him. Igor, having suffered defeat, conceptualizes his fate as an Orthodox prince ought, understanding it as a punishment for former sins. The prince repents and undergoes a spiritual transformation: the Lord saves him from captivity. *The Tale of Igor's Campaign*, which is close to the *Kiev Chronicle*, poetically describes the campaign and shows Igor's spiritual path; he passes from light into darkness and then returns through the prayers of his wife Yaroslavna.

The following two articles look at the role of women in the history of the 18th-century Russian Empire. Empress Elizabeth was the first ruler in Europe to introduce a moratorium on death penalty, which had an impact not only on life in the empire, but also on the formation of a wider European attitude towards the death penalty and its abolition in Italy in 1786 by Duke Leopold I

of Tuscany. This episode is investigated by *Elena Marasinova* (Institute of Russian History of the RAS; Higher School of Economics, Moscow).

Elena Prikazhikova's article (Ural Federal University, Yekaterinburg) continues the study of monarchical power in the 18th century. On the basis of official documents, memoirs and literary texts, the author unveils the main reasons for the decline of male-dominated governments in post-Petrine Russia. The author considers the ideologeme "The Tsar Must Die" during the formation and development of the so-called "Russian matriarchy", the pinnacle of which was the reign of Catherine II. The article analyses the possible causes of the thanatological discourse present during the reigns of male rulers, which lie either in the sacrificial service of those rulers to the interests of the Fatherland, like Peter I, or empresses' sacrifice of male rulers for the sake of the Fatherland. The ideology of the Enlightenment supported the formation of a state mythology for gynocratic governments.

Oleg Zyryanov (Ural Federal University, Yekaterinburg) investigates the mode of "mortal consciousness" in early 19th-century Russian poetry and its difference from the Western European perception of death. By the phenomenon of "mortal consciousness", the researcher understands the ability of a person to comprehend the finiteness of their existence, to dwell in the "thought of inevitable death" (A. Pushkin), but at the same time to try and overcome the tragedy of their existence by the desire to find a certain "formula of immortality." The author identifies three concepts of immortality in the works of Russian poets of the 1800s–1830s: the concept of social immortality, stemming from Horace's *Exegi monumentum aere perennius...*; the concept of poetic immortality, based on the mythological topos of Elysium (originating in the works of Batyushkov and Zhukovsky); and the concept of personalistic (existential) immortality. The latter carries a deeply personal and individually variable character, reflecting the poet's mode of mortal consciousness.

Naturally, it was not only medieval Russian writers who reflected upon fleeting life in the face of imminent death. This problem also excites the minds of the characters of F. M. Dostoevsky, who revived the idea of a mysterious connection between the human and the transcendent in his novels. *Irina Dergacheva* (Moscow State Institute of Culture) considers Dostoevsky's eschatological chronotope. The writer shows that the experience of death throughout life determines the nature of human action, and the meaning of their existence is understood when and only when one realizes their mortality. The study of this thanatological discourse reveals the evolution of the characters of Dostoevsky's later works towards a transcendental analysis of post mortem themes and the idea of posthumous retribution and rebirth of the soul.

Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* is considered by *Maia Stepenberg* (Dawson College, Montreal, Canada) as a holistic system of Christian eschatology. According to the researcher, the relationship between Raskolnikov and Sonia Marmeladova places the reader before the main mystery of the novel, namely its "incompleteness". The reader may perceive this either positively or negatively depending on their

understanding of Christian eschatology. The so-called “four last things” – Death, Judgment, Heaven and Hell – comprise the theological basis of the novel. They structure the plot and direct the development of the narrative, and they are reflected in the behaviour and actions of two deliberately opposed but mutually attractive characters. Dostoevsky managed to capture all the horrors of Hell in the image and fate of Raskolnikov, while in the image of Sonia Marmeladova he reflects a much more powerful force of Heaven, the ability to mysteriously and meekly heal all suffering.

The novels of F. M. Dostoevsky and M. A. Bulgakov are analysed in terms of their relationship with the heritage of antiquity and the Judeo-Christian tradition in the work of *Stefano Maria Capilupi* (Rome State University “La Sapienza”; Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg), who reflects upon the categories of oblivion and memory. Capilupi compares memory and oblivion in the finale of *The Master and Margarita* with the theme of “the return of the ticket to Heaven” by Ivan Karamazov and Alyosha’s answer about resurrection; he also juxtaposes these categories to their counterparts in ancient and medieval literature. This leads to the conclusion that the works of Dostoevsky and Bulgakov exist within a special dialogue and conflict both with antiquity and modernity. The intertwining of modern and biblical events in Bulgakov’s novel confronts the positivist and post-positivist thinking of the modern reader with the symbolic thinking of antiquity and the Middle Ages. However, while Bulgakov’s characters seek and find peace at the end of the novel, in the epilogue of *The Brothers Karamazov*, Alyosha promises the school boys a future happy life (“we shall all rise again” and “we will remember”). The dichotomy between happiness and compassion determines the mode of consciousness for Dostoevsky’s characters, because, according to Prince Myshkin, “compassion is... the chief law of human existence”.

Two articles from Yekaterinburg reflect on the thanatological theme from a regional perspective. *Alice Plate* (Ural Federal University, Yekaterinburg) looks at the materials of one criminal case “about the poisoning of the peasant girl Marfa, daughter of Petrov”, tried in 1791 in a Yekaterinburg court. The case is the basis for a study of the state’s social protection of the population and the establishment of professional medical practice often compelled to compete with numerous popular healers – herb collectors, sorcerers, etc. The author studies professional consolidation in the Russian provinces at the end of the 18th century, which was taking place in order to fulfil the tasks of social disciplining based on the Western European ideas of “medical education” and “medical police”. This was facilitated by the educated environment in Yekaterinburg, the unofficial capital of the Ural mining industry, with its population of relocated professional elites and local mining and civil officials.

The article by *Dmitry Bugrov and Ekaterina Bugrova* (Ural Federal University, Yekaterinburg) considers the space of the Urals as a kind of multi-level border which acts not only as a natural-geographical, ethno-cultural and socio-economic boundary, but also as a metaphysical one, where the world of the living converges with the world of the dead, and the real with

the surreal. In the course of historical circumstances, settlers adapted to the harsh realities of life, forming a special worldview; they started to perceive the gloomy, the disturbing and the terrible as ordinary and habitual. Hence, they also formed an attitude to death as a common and logical transition to otherness rather than as something extraordinary or frightening. Perpetual existence on the borderline between the known and the unknown, along with the commodification of death, formed a distinctive Ural character, one which was able not only to overcome all difficulties, but also to resist the challenges of nature and fate and strive for light. These features, according to researchers, created a specific local cultural code characteristic of the Urals.

The second problem posed by *Quaestio Rossica* in the *Problema voluminis* section relates to painful points in Russian history – namely, taxation projects and the land issue. Using new data, the study by *Arthur Mustafin* (Higher School of Economics; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow) examines the work of Prince D. M. Golitsyn's Tax Commission, which was important for calculating the tax burden in the 1720s. Reflections on traditional historical views of the Commission and the identification of typical errors in historical research makes this article additionally valuable. Without such analysis it is indeed impossible to assess tax policy in the first third of the 18th century,

The work of historian *Elena Kravtsova* (Kursk State Medical University) on the introduction of income tax in the early 20th century matches the previous article. It reveals in detail the discussions taking place during the imperial government's consideration of the taxation problem. The implementation of this reform, as the author shows, was hampered by the nobility's fear of losing privileges and their fatal unwillingness to strengthen commercial and industrial circles in Russian society. Despite the rather progressive efforts of the Ministry of Finance, which understood on a pragmatic level the need for a progressive tax, resistance led to lengthy discussions and non-productive competition among various versions of the law. As a result, its introduction was postponed to 1916, after which it was rendered obsolete by the events of the revolution.

The following article involves Old Believer discussions about the agrarian question, always an important and central debate for Russia. On the basis of numerous sources, *Valeriy Kerov* (Higher School of Economics, Moscow; Tomsk State University) examines the views of the Old Believers, as expressed in their resolutions and decisions. The Old Believers correlated their political projects with unique centuries-old reflections on land ownership in conjunction with Christian ideas of truth, justice, brotherhood, and love.

Andrey Mamaev (Institute of Economics of the RAS, Moscow; St Petersburg State University) turns to insufficiently researched pages of history, publishing new data on the imperial project of settling Mirzacho'l (the so-called *Hungry Steppe*) in Turkestan. The author emphasizes the ideological basis of decisions related to the transformation of the relations between the imperial centre and the periphery: these sought to strengthen

Russian presence on the outskirts of the empire for geopolitical and economic purposes. The government intended to create a layer of small Russian farmer-colonists in Turkestan, thus creating profitable farming on irrigated land. A mechanism of resettlement was created and the interests of immigrants defended by legislation. However, the outbreak of the First World War and the revolution interrupted the process. The return to this question in Soviet times was quite consistent with the principles of imperial policy.

In the *Origines* section, we publish new sources concerning the activity of the boyar Count Ivan Alekseevich Musin-Pushkin, as reflected in his census book of 1715 and other documents. Published by *Andrey Zakharov* (Ural Federal University, Yekaterinburg; Chelyabinsk State University), the archival documents and letters of Count Musin-Pushkin help to assess the range of his communication, especially his relationships with relatives, and the frequency of his correspondence. In addition, the documents allow us to move away from the common legend about the career of the count as a consequence of being the bastard son of Tsar Alexey Mikhailovich and focus on the personal characteristics of this historical figure instead.

This issue offers readers a description of the complex ideological quest of N. M. Nikolsky (1877–1959), a prominent Russian orientalist and historian of religion. His beliefs and scholarly interests were formed in the conditions of the pre-revolutionary academy, but this knowledge was combined with Marxist methodology in his subsequent academic activity. The historian's appeal to Marxism was in the spirit of the times, but it did not quite correspond to the vulgar interpretation of the doctrine in the 1930s. In this aspect, the analysis of Nikolsky's 1933 school textbook by *Sergey Krikh* (Omsk State University) uncovers significant innovations in its structure and content, fully corresponding to the level of international academic knowledge of the time. This did not suit pro-Soviet bureaucracy: the textbook was rejected, and the advanced views of the academic were not implemented in the educational process. The unfortunate destiny of the book as a reflection of the dramatic events surrounding the humanities in the Soviet times will, the Editorial Board hopes, offer much that is interesting to the reader.

The *Disputatio* section contains two articles. *Valery Yungblud* and *Denis Sadakov's* publication (Vyatka State University) reveals the complex history of the Soviet Union's participation in the Korean War and its assessment by US intelligence. The authors demonstrate that the analysis of the USSR's role obtained by US intelligence from open sources was not sufficiently considered in American politics and international relations. Politicians were excessively suspicious even of the data obtained by their own intelligence service; this blocked further constructive action and led to the prolongation of the conflict, which American politicians interpreted as the beginning of the communist domination of the world.

Aleksander Palkin and *Yulia Borovik* (Ural Federal University, Yekaterinburg) show the change in parishioner composition in edinoverie communities between 1901 and 1918 on the basis of marriage records from

the Holy Trinity Church in Yekaterinburg. Quite unexpectedly for the official Church, edinoverie became popular among Orthodox parishioners, which may be explained by the strengthening of edinoverie's role in the region.

The *Controversiae et recensione*s section opens with a review of the book *Oil and the Economy of Russia: From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period* (London, 2017) by the English researcher Nat Moser. The book considers the economic history of the Russian oil industry. The authors of the review, *Mikhail Mikheev* and *Aleksander Bedel* (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg), note the high academic importance of the study, as well as the possibility of applying the author's findings to the development of modern policy in this area of economy. The reviewers appreciate the variety of historical archival, biographical, and journalistic sources carefully collected by the author of the monograph.

Nikolay Denisov (Moscow State Tchaikovsky Conservatory; Russian Foundation for Basic Research, Moscow) reviews L. A. Gustova-Runts'o's *The Orthodox Singing Practice of Belarus (Typology and Performance Styles)* (Minsk, 2018). Although he offers a generally high appreciation of the Belarusian specialist's work, the reviewer draws attention to a number of controversial questions. He sees the reason for the book's controversial provisions in the desire to deepen the roots of Belarusian identity, constructing the origins of Belarusian culture in the early period of medieval Russian Orthodoxy. He emphasizes that, with all the understanding of the ideological conditionality of the development of the modern humanities in Belarus, it is necessary to take into account the unbiased data of the sources, which would make the conclusions more historically legitimate.

Aleksander Uzhanov

Moscow State Institute of Culture,

D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural Heritage,
Moscow

Larisa Soboleva

Ural Federal University, Yekaterinburg

Translated by *Anna Dergacheva*

Темы нравственного преступления и наказания, смерти и вечной жизни входят в христоцентричную русскую литературу через Священное Писание. Начиная с древнерусского периода, русская литература не просто затрагивает их – они становятся для нее ключевыми, а тема спасения души – главной (рубрика *Problema voluminis*).

Для русского православного человека отношение к смерти как рождению к вечной жизни было знаковым. *Елена Конявская* (Институт российской истории РАН, Москва) исследует отличие восприятия перехода в иной мир в преподобнических житиях Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского по сравнению с греческими святыми и показывает, что, несмотря на сходство событийной канвы ряда ви-

зантийских житий с текстами Жития Феодосия, рефлексия по поводу исхода из земной жизни и посмертной судьбы души присуща только творению преподобного Нестора. Исследовательница делает вывод, что древнерусские агиографы отразили в житиях мистицизм своей эпохи и представления образованных людей того времени о тайне перехода человеческой души от земной жизни в иной мир и ожидания Второго пришествия.

Нравственный аспект преступления и наказания в трех произведениях о походе князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. рассматривает *Александр Ужанков* (Московский государственный институт культуры, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Москва). Поход князя Игоря, вызванный гордыней и желанием славы, завершается унижительным пленом. Древнерусские книжники по-разному толкуют этот поход и его результат. В Лаврентьевской летописи вина за последовавшее разорение Русской земли половцами возлагается на князя Игоря, который предпринял завоевательный поход и потерпел поражение. Киевский летописец защищает Игоря Святославича, показывает его отвагу, пытается показать Божий промысел о нем. Игорь, потерпев поражение, осмысливает его как православный князь и понимает, что это наказание ему за прежние прегрешения. Он приносит покаяние, происходит его духовное преображение, и Господь выводит его из плена. «Слово», близкое Киевской летописи, поэтично описывает поход и показывает духовный путь Игоря – он попадает из света во тьму и возвращается, по молитвам жены Ярославны, из тьмы в свет.

Роль женщины уже не только в судьбе мужа, но в истории целой Российской империи XVIII в. рассматривается в двух следующих статьях. Российская императрица Елизавета Петровна первой в Европе ввела мораторий на смертную казнь, что оказало влияние не только на внутрисударственную жизнь, но и на формирование европейского отношения к смертной казни и на ее отмену в Италии в 1786 г. Леопольдом I, герцогом Тосканским. Этот вопрос исследуется в статье *Елены Марасиновой* (Институт российской истории РАН; Высшая школа экономики, Москва).

Продолжает исследование монархической власти в XVIII в. под гинекратическим углом зрения статья *Елены Приказчиковой* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). На материале официальных документов, мемуарных и художественных текстов выявляются основные причины упадка мужских государственных правлений в России после Петра I. Автор рассматривает комплекс причин, сформулировавших идеологему «Царь должен умереть» в условиях становления и развития «российского матриархата», вершиной которого было правление императрицы Екатерины II. В статье анализируются причины танатологического дискурса мужских правлений, кроющиеся или в жертвенном служении мужчин-правителей интересам Отечества,

как Петра I, или в их лице жертве, приносимой императрицами ради Отечества. Опорой в формировании государственной мифологии гинекратических правлений выступает идеология Просвещения.

Модус «смертного сознания» в русской лирике начала XIX в. и его отличие от западноевропейского восприятия смерти исследует *Олег Зырянов* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). Под феноменом «смертного сознания» им понимается способность человека осмыслить конечность своего существования, пребывать в «мысли о смерти неизбежной» (А. Пушкин), но при этом пытаться преодолеть трагизм своего бытия стремлением обрести некую «формулу бессмертия». В творчестве русских поэтов первой трети XIX в. автор выделяет три концепции бессмертия: концепцию *социального бессмертия*, идущую от «Памятника» Горация; концепцию *поэтического бессмертия*, опирающуюся на мифологический топос Элизиума (зарождается в творчестве Батюшкова и Жуковского); концепцию *персоналистического (экзистенциального) бессмертия*. Последняя несет в себе глубоко личностный и индивидуально-вариативный характер, отражая модус смертного сознания поэта.

Осмысление скоротечной жизни перед лицом неминуемой смерти отражается не только в произведениях древнерусских писателей. Эта проблема будоражит сознание героев Ф. М. Достоевского, который возрождает в своих романах идею таинственного соединения человеческого с трансцендентным. Эсхатологический хронотоп Федора Достоевского рассматривает в своей статье *Ирина Дергачева* (Московский государственный институт культуры). Писатель показывает, что переживание смерти на протяжении всей жизни предопределяет характер деятельности человека, а смысл его существования постигается при осознании им своей смертности. Изучение танатологического дискурса выявляет эволюцию героев позднего творчества Достоевского к трансцендентному анализу инобытийной тематики и темы посмертного воздаяния и возрождения души.

Роман «Преступление и наказание» как целостная система христианской эсхатологии рассматривается в статье *Майи Степенберг* (Колледж Доусона, Монреаль, Канада). По мнению исследовательницы, взаимоотношения Раскольникова и Сони Мармеладовой вводят читателя в главную загадку романа – его «незавершенность», которая по-разному воспринимается читателем – или положительно, или отрицательно, в зависимости от понимания им христианской доктрины эсхатологии. Богословскую основу романа составляют так называемые «четыре последние вещи» – смерть, суд, рай и ад. Они выстраивают фабулу и руководят развитием сюжета, отражаются в поведении и поступках двух нарочито противоположных, но взаимопритягивающихся героев. В образе и судьбе Раскольникова писателю удалось запечатлеть все ужасы ада, а в образе Сони Мармеладовой отразить гораздо более могущественную силу рая, способность таинственно и кротко исцелять всех страждущих.

Романы Ф. М. Достоевского и М. А. Булгакова в сопряжении с античным и иудео-христианским наследием в категориях забвения и памяти анализируются в работе *Стефано Марии Капилуни* (Римский государственный университет «Ла Сапиенца»; Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург). Память и забвение в финале романа «Мастер и Маргарита» сравниваются не только с темой «возвращения билета в рай» Ивана Карамазова и ответа Алеши о воскресении, но и сопоставляются с этими категориями в античной и средневековой литературе. Это приводит к выводу, что произведения Достоевского и Булгакова состоят в особом диалоге и конфликте с Античностью и современностью. Переплетение в романе М. Булгакова современных событий с библейскими сталкивает позитивистское и постпозитивистское мышление современного читателя с символическим мышлением античного и средневекового человека. Но если герои Булгакова ищут и находят в конце романа покой, то в эпилоге «Братьев Карамозовых» Алеша обещает мальчикам будущую счастливую жизнь («восстанем» и «будем помнить»). Дихотомия счастья и сострадания определяет модус сознания героев Достоевского, ибо, по словам князя Мышкина, «сострадание есть... единственный закон бытия всего человечества».

Региональная тематика в сочетании с танатологической нашла отражение в двух статьях из Екатеринбурга. Материалы одного уголовного дела «об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой», рассматривавшегося в 1791 г. в суде Екатеринбурга, стали основой для представленных в статье *Алисе Плате* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) размышлений о проводившейся государством социальной защите населения и укоренении на местах профессиональной медицинской практики, вынужденных конкурировать с многочисленными народными целителями – знахарями, ведуньями и т. д. Автор воссоздает обстановку профессиональной консолидации в российской провинции для исполнения задач по социальному дисциплинированию населения, основанному на западноевропейских идеях «медицинского просвещения» и «медицинской полиции». Этому способствовала образованная среда, сложившаяся в Екатеринбурге – столице уральской горной промышленности и образовательном центре конца XVIII в. – из приезжих профессиональных элит и местных горных и гражданских чиновников.

В статье *Дмитрия и Екатерины Бугровых* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) авторы предлагают рассматривать пространство Урала как некую многоуровневую границу, представляющую собой не только природно-географический, этнокультурный и социально-экономический рубеж, но и как метафизический, где мир живых сходится с миром мертвых, реальное – с ирреальным. В ходе исторически складывавшихся обстоятельств у переселенцев вырабатывалась адаптация к суровым реалиям жизни, а вместе с ней – и особое мировоззрение: мрачное, тревожное

и даже ужасное воспринимается ими как обыденное, привычное. Отсюда формируется и отношение к смерти как бытовому, закономерному переходу в инобытие, а не экстраординарному, пугающему. Постоянное пограничное бытие между познанным и неизведанным, практика коммодификации смерти и сформировали самобытный уральский характер, способный не только преодолевать все трудности, но и противостоять вызовам природы и судьбы и стремиться к свету. Все вместе и создает особенный местный культурный код, характерный именно для Урала.

Вторая проблема, поставленная журналом в рубрике *Problema voluminis*, связана с вниманием к болевым точкам в истории России – налоговым проектам и земельному вопросу. В исследовании *Артура Мустафина* (Высшая школа экономики; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва) с привлечением новых данных рассматривается работа Комиссии о подати князя Д. М. Голицина, которая имела важное значение для расчета налогового бремени России в 20-е гг. XVIII в. Ценность работы автора состоит в наличии рефлексии относительно традиционных взглядов на работу комиссии и в выявлении типичных ошибок в исторических исследованиях, вне анализа которых невозможно в нужном ракурсе оценить налоговую политику государства в первой трети XVIII в.

В корреляции с этой статьей находится работа историка *Елены Кравцовой* (Курский государственный медицинский университет) о введении подоходного налога в начале XX в. В ней подробно выявляются дискуссии в рассмотрении имперским правительством данной проблемы. Осуществление этой реформы, как показывает автор, было затруднено страхом дворянского сословия потерять привилегии и консервативно-фатальным нежеланием усилить торгово-промышленные круги российского общества. Несмотря на вполне прогрессивные усилия Министерства финансов, реалистично ощущавшего необходимость прогрессивного налога для формирования казны, сопротивление его противников, мало представлявших себе последствия, привело к затянутым обсуждениям и поискам различных вариантов закона. В итоге его введение отложилось на 1916 г., а потом было нивелировано событиями революции.

В рассмотрении аграрного вопроса, всегда важного для России, привлекаются материалы, связанные с малоизвестными фактами его обсуждения в старообрядческой среде. *Валерий Керов* (Высшая школа экономики, Москва; Томский государственный университет) на основе многочисленных источников рассматривает мнения старообрядцев, закрепленные в их постановлениях и решениях. Получив возможность их легализации, деятели староверия соотносили политические проекты с уникальными многовековыми размышлениями о собственности на землю в соединении с христианскими идеями правды и справедливости, братства и любви.

Недостаточно исследованные страницы истории поднимает в своей статье *Андрей Мамаев* (Институт экономики РАН, Москва; Санкт-Петербургский государственный университет), приводя новые данные об имперском проекте заселения Голодной степи в Туркестане. Автор подчеркивает идеологическую основу предпринимавшихся решений, связанных с трансформацией отношений между центром и окраинами, усиления русского присутствия на окраинах империи в геополитических и экономических целях. Правительство намеревалось создать в Туркестане слой мелких русских земледельцев-колонистов, которые бы вели доходное хозяйство на орошенных землях, для чего был создан механизм переселения и законодательно закреплялись интересы переселенцев. Однако начавшаяся война, а затем революция прервали ход процесса. Возвращение к этому вопросу в советское время вполне соответствовало принципам имперской политики.

В рубрике *Origines* публикуются новые источники, касающиеся деятельности боярина и графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, отраженные в его «записной тетради» 1715 г. и других документах. Публикуемые *Андреем Захаровым* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург; Челябинский государственный университет) архивные документы и письма графа помогают оценить круг его общения, особенности взаимоотношений с родственниками, активность его переписки. Помимо этого, документы позволяют отойти от распространенной легенды о карьере графа как следствии его незаконного происхождения от государя Алексея Михайловича и сосредоточиться на личностных характеристиках исторического деятеля.

Вниманию читателей журнала предлагается описание сложных идейных исканий российского востоковеда и историка религии Н. М. Никольского (1877–1959). Его убеждения и научные интересы сформировались в условиях дореволюционной науки, но в последующей научной деятельности прежние познания соединились с марксистской методологией. Обращение к марксизму было в духе времени, но не соответствовало вульгарной трактовке учения в 1930-е гг. В этом аспекте анализ написанного им учебника для школ (1933), как показывает автор статьи *Сергей Крих* (Омский государственный университет), отражает существенные инновации в его структуре и содержании, которые вполне соответствовали уровню развития мировой науки о древности этого времени, что не устраивало просоветскую бюрократию. Учебник был отвергнут, и передовые для того времени взгляды ученого не были реализованы в учебном процессе. Судьба книги как отражение тех драматических перипетий, которым подвергались гуманитарии в советское время, как надеется редколлегия журнала, заинтересует читателя во многих аспектах.

В рубрике *Disputatio* опубликованы две статьи. В публикации *Валерия Юнгблюда* и *Дениса Садакова* (Вятский государственный университет) выясняется сложная история оценок степени участия Советского Союза в Корейской войне разведкой США. Авторы показывают,

что адекватная аналитика роли СССР, добытая разведкой из открытых источников, недостаточно учитывалась в американской политике и выстраивании межгосударственных отношений. Сверхподозрительность даже к данным внутренней информации блокировала дальнейшие конструктивные действия политиков и приводила к пролонгированию конфликта, который американские политики трактовали как начало наступления коммунизма в мировой практике.

В статье *Александра Палкина* и *Юлии Боровик* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) на основании метрических записей о браках в 1901–1918 гг. в Свято-Троицкой церкви Екатеринбурга показано изменение состава прихожан в единоверческих общинах. Достаточно неожиданно для официальной церкви единоверие становится популярным для прихожан других конфессиональных групп, что, возможно, объясняется усилением его роли в жизни региона.

Рубрика *Controversiae et recensione* открывается рассмотрением книги английского исследователя Ната Мозера «Нефть и экономика России: от позднеимперского до постсоветского времени» (“Oil and the Economy of Russia. From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period”. London, 2017), посвященного экономической истории нефтяной промышленности нашей страны. Авторы – *Михаил Михеев* и *Александр Бедель* (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург) – отмечают не только высокое научное значение исследования, но и возможность применения выводов автора для разработки современной политики развития в этой области экономики. Рецензенты по достоинству оценивают многообразие исторических архивных, биографических и публицистических источников, тщательно собранных автором монографии.

В центре внимания *Николая Денисова* (Московская государственная консерватория; Российский фонд фундаментальных исследований, Москва) – книга Л. А. Густовой-Рунцо «Православная певческая практика Беларуси (типология и исполнительские стили)» (Минск, 2018). Наряду с общей высокой оценкой труда белорусского специалиста, автор обращает внимание и на ряд спорных суждений. Причину появления дискуссионных положений книги он видит в желании углубить корни белорусской идентичности, возвести истоки белорусской культуры к раннему периоду древнерусского православия. Автор подчеркивает, что при всем понимании идеологической обусловленности развития современной гуманитарной мысли в Беларуси необходимо учитывать данные источников, что сделает выводы исторически более правомерными.

Александр Ужанков

Московский государственный институт культуры,
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д. С. Лихачева

Лариса Соболева

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Problema voluminis

CRIME AND PUNISHMENT: THE GENRE PARADIGM AND THANATOLOGICAL CONTEXT
TAXES AND THE LAND QUESTION IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Problema voluminis

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ:
ЖАНРОВАЯ ПАРАДИГМА И ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
НАЛОГИ И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

**CRIME AND PUNISHMENT:
THE GENRE PARADIGM
AND THANATOLOGICAL CONTEXT**

DOI 10.15826/qr.2019.4.424
УДК 27-36+27-186+27-586(470)

ДРЕВНЕРУССКИЙ ПРЕПОДОБНЫЙ ПРИ КОНЧИНЕ*

Елена Конявская

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

MEDIEVAL RUSSIAN SAINTS AND DEATH**

Elena Konyavskaya

Institute of Russian History of the RAS,
Moscow, Russia

In recent decades, Russian scholars have focused on thanatological motifs in literature which have already borne fruitful results in the foreign academic tradition. However, the works of medieval Russian literature have not yet been considered from such a position. This article analyses the *Lives* of Feodosii Pechersky and Avraamii Smolensky, revealing ideas about the end of earthly life and the transition to the afterlife. The author analyses narratives about the last days of the monks, direct statements of the saints and hagiographers about these phenomena, and other subjects related to this issue. The author compares the thanatological motifs in the *Life* of Theodosius and in Greek hagiography (the *Life* of Sabbas the Sanctified, *Life* of Euthymius the Great, *Life* of St Anthony the Great), which a medieval Russian writer could rely on. It is established that the outline of events in Byzantine hagiography is in many cases similar to the corresponding texts of the *Life* of Feodosii. However, it is only in Nestor's work that we find a reflection on the end of earthly life and the fate of the soul after death. There is no such reflection in the story of the repose of Feodosii in *The Tale of Bygone Years*. In the *Life* of Avraamii Smolensky, thanatological

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16–04–00523 «Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации».

** Citation: Konyavskaya, E. (2019). Medieval Russian Saints and Death. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1057–1066. DOI 10.15826/qr.2019.4.424.

Цитирование: Конявская Е. Medieval Russian Saints and Death // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1057–1066. DOI 10.15826/qr.2019.4.424 / Конявская Е. Древнерусский преподобный при кончине // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1057–1066. DOI 10.15826/qr.2019.4.424.

subjects take up a lot of space because they were central to Avraamii's preaching. As a result of the study of this hagiography, it can be concluded that the two highly educated and talented old Russian hagiographers Nestor and Efrem reflected the mystical aspirations of the time and portrayed for their descendants the ideas of the intellectual elite about the mystery of the human soul's transition from earthly life to another world and the expectations of the Second Coming.

Keywords: old Russian hagiography; Last Judgment; salvation of the soul; theme of death; the Reverend.

Исследования танатологических мотивов в литературе, имеющие плодотворные результаты в зарубежной научной традиции, в последние десятилетия стали активно проводиться и российскими учеными. Однако произведения древнерусской литературы до сих пор не подвергались целенаправленному анализу с таких позиций. В статье выявлены и проанализированы тексты в житиях Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского, касающиеся представлений наших предков о конце земной жизни и переходе в инобытие. Анализируются повествования о последних днях преподобных, прямые высказывания самих святых и агиографов об этих феноменах и другие сюжеты, связанные с данной проблематикой. Проведено сравнение танатологических мотивов в Житии Феодосия Печерского и в греческих житиях (Житие Саввы Освященного, Житие Евфимия Великого, Житие Антония Великого), на которые мог опираться древнерусский сочинитель. Установлено, что событийная канва византийских житий во многих случаях сходствует с соответствующими текстами Жития Феодосия. Однако рефлексия относительно конца земной жизни и посмертной судьбы души присуща только произведению Нестора. Нет такой рефлексии и в повествовании о преставлении Феодосия в Повести временных лет. В Житии Авраамия Смоленского танатологической тематике отведено немало места в силу того, что она была главной в проповедях самого Авраамия. В результате изучения этих памятников агиографии раннего периода можно заключить, что два исключительно образованных и талантливых древнерусских агиографа Нестор и Ефрем отразили в своих сочинениях мистические устремления эпохи и запечатлели для потомков представления интеллектуальной элиты того времени о тайне перехода человеческой души от земной жизни в иной мир и ожидания Второго пришествия.

Ключевые слова: древнерусская агиография; Страшный суд; спасение души; тема смерти; преподобные.

Принимая монашеский постриг, русский подвижник отрекался от мира, «умирал» для суетного света этой жизни. «Яко ты Богу паче приблизилася еси и множайшею частию от мира умертвилася еси», – говорит Зосима Марии Египетской. Но жизнь за монастырскими стенами, даже в самом идеально удаленном от мира варианте, не отменяла для монашествующего важности момента перехода от земно-

го бытия в инобытие. Агиографические памятники сохранили рассказы о последних днях, о преставлении и погребении преподобных в Древней Руси. Безусловно, эти рассказы следовали традиции византийских житий, где устойчивая практика определяла топоры такого повествования [Лопарев, с. 31–32]. Практически обязательными компонентами его были предвидение и предсказание святым своей кончины. Часто незадолго до кончины преподобный впадал в болезнь. При приближении смертного часа он собирал братию для прощального поучения и напутствия. По согласованию с братией выбирался и благословлялся преемник, которому игумен давал наставления по управлению обителью. Наконец, оставшись в одиночестве, святой с молитвой на устах или евангельским «въ руци Твоя предаю духъ мой» уходил из этого мира.

Рассказы в житиях могли быть краткими, а могли насыщаться деталями и подробностями.

Нестор, переходя в Житии Феодосия Печерского к рассказу о последних днях преподобного, говорит:

И уже на коньць жития прѣшьдѣ, прѣже увѣдѣвъ, еже къ Богу свое отшъствие и днь покоя своего: правдѣньнымъ бо смърть покои естъ [Библиотека, с. 426].

Феодосию было дано знание о близкой кончине. Он собирает братию и всех живущих в монастыре (называются тиуны, приставники и слуги). Иноки заключают, что он собирается оставить монастырь, однако еще не понимают, что ему предстоит *последний путь*, и предполагают, что он хочет удалиться в пещеру, где он пребывал обычно во время Великого поста или когда имел потребность в уединенной молитве. Но вскоре насельники монастыря узнают, что Феодосия мучит тяжелая болезнь, которая описывается Нестором весьма правдоподобно (налицо признаки сильного воспалительного процесса): «Таче по сихъ блаженаго зимѣ възгрозивъши и огню уже лютѣ распальшу ѱ, и не могъи къ тому ничътоже, възлеже на одрѣ». Им становится ясно, что он говорит об окончании своей земной жизни.

Во время приступов мучительной болезни Феодосий обращается к Господу с просьбой:

Нѣ обаче молю Ти ся, Владыко мои, милостивѣ буди души моеи, да не сръящеть ея противъныхъ лукавство, нѣ да примуть ю ангели Твои, проводяще ю сквозѣ проныръство тѣмныхъ тѣхъ мытарствѣ, приводяще ю къ Твоего милосърдия свѣту.

Здесь упоминаются ангелы и темные силы, претендующие на душу умершего, и мытарства, пройти которые предстоит праведнику, покинувшему этот свет. После этой молитвы силы оставляют Феодосия, он впадает в забытие и лежит недвижим три дня, как мертвый, «не може ни глаголати къ кому, ниже очию провести».

В момент временного отступления болезни он уже определенно сообщает братии о своей близкой кончине («Се, яко уже вѣмъ, вѣмъ житию моему коньчаваеться, якоже яви ми Господь въ постъное вѣмъ, сущю ми въ пещерѣ, изити от свѣта сего») и предлагает назвать преемника – будущего игумена монастыря. Братия на следующий день называет Стефана, которого Феодосий благословляет. Он сообщает время своей смерти: «въ субботу, по възитии сълнца, душа моя отлучится от тѣлесе моего». После этого он беседует со Стефаном, последний уже не покидает его, «служба тому съ съмѣрениемъ, бѣ бо уже болѣзнию лютою одържимъ» [Библиотека, с. 428].

В субботу на рассвете он прощается с каждым из братии прощальным целованием и завещает похоронить его в пещере, где он проводил время поста, просит, чтобы на погребении была только братия монастыря. Феодосий заверяет братию, что, отходя от монастыря телом, «духъмъ присно» будет с ним и несет ответственность перед Богом в том, что будет с обителью и после его смерти. Эту мысль в качестве сбывшегося обещания Феодосия повторяет Нестор, сообщая о посмертных чудесах святого, когда он являлся и помогал молившимся ему с верою: «аще и тѣлмъ отлоучи са от нас, но, яко же самъ рече, дхъмъ присно съ нами есть» [Успенский сборник, с. 131].

Перед самой кончиной Феодосий пожелал остаться один. Но инок от братии, который ему всегда служил, «малу сътвориь скважню, съсмотряше ею». Понятно, что поступок инока объясняется любовью к Феодосию и невозможностью расстаться с учителем, с которым всегда был рядом. Но вместе с тем здесь и любопытство, и осознание важности момента – преставления преподобного, и атмосфера напряженного ожидания чудес. Келейник увидел, как блаженный коленапреклоненно молился, затем лег на постель и вскоре,

...възърѣвъ на небо, и великъмъ гласомъ, лице весело имыи, рече: «Благословленъ Богъ, аще тако есть то: уже не боюся, нѣ паче радуяся отхожу свѣта сего!» Се же, якоже разумѣти есть, яко обавление нѣкое видѣвъ, сице издрече [Библиотека, с. 430].

Из этих слов ясно, что Феодосий, боявшийся ранее поползновений на его душу бесов, получил подтверждение, что его ждут ангелы.

Чудеса, которых ждали в монастыре, произошли. Одно из них помогло братии выполнить последнюю волю умершего – похоронить его тихо в присутствии только насельников монастыря. Это казалось невозможным, так как «акы нѣ от коего божьствѣнааго явления» у ворот монастыря собралось много людей (Нестор подчеркивает, что здесь были и бояре), ожидавших, «донъдеже блаженааго изнесутъ». Монахи заперли ворота и ждали, когда люди разойдутся. Внезапно пошел дождь, и ожидавшие «разбѣгошася». Дождь вскоре прекратился, засияло солнце, и братия смогла отнести усопшего в пещеру, как он заповедовал. Второе знамение было дано князю Святославу,

который ранее посещал больного Феодосия («бѣ бо прѣже того днѣ у него и видѣлъ болѣсть его тяжку сущю»), о чем ранее говорилось в житии¹. Феодосий заповедовал Святославу Ярославичу попечение об обители и покровительство преемнику Стефану. Теперь князь был недалеко от монастыря и увидел огненный столп,

...до небесе сущъ надъ манастырѣмъ тѣмъ. Сего же инъ никѣтоже видѣ, нѣ тѣкъмо князь единъ, и якоже от того разумѣти прѣставление блаженнаго, и глагола сущимъ съ нимъ: «Се, якоже мню, дньсь блаженны Феодосии умре» [Библиотека, с. 432].

Таким образом, Нестор обнаружил интерес и знания в отношении христианского учения о жизни и смерти тела и бессмертии души, переходе от земной жизни в жизнь вечную, посмертной судьбе души праведника и святого. В его рассказе говорится о страхе преподобного перед мытарствами, которые ждут его душу, и лишь в последний миг он получает весть от Господа, что как праведник избежит мук. Утверждается, что смерть для праведника – «покой». Вариации мотивов из Притч Соломоновых (3: 1–2; 5: 1; 29: 2 и др.), где проводится подобная мысль, читаются и в Похвальном слове Феодосию Печерскому:

Радости бо, егда днесъ мужъ праведенъ и преподобенъ конецъ жития въсприиметь, егда покои трудъ своихъ узритъ, егда, печаль оставя, на веселье грядеть, егда, землю оставивъ и земная вся, на небеса идеть, егда челоуѣкы оставль, съ ангелы въдворяеться, и Бога зрѣти сподобляеться. В сии бо день учитель нашъ и наставникъ и пастырь преставися в вѣчный живот [Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 174–175].

В научной литературе отмечалось, что Нестор, составляя Житие Феодосия Печерского, имел образцом агиографические произведения Кирилла Скифопольского², а также Житие Антония Великого (Египетского), написанное Афанасием Александрийским. Но об образце можно говорить лишь в смысле очевидных примеров, которые были в распоряжении русского агиографа. Нестор следовал топосам преподобнических житий в целом [Артамонов, с. 192–196; Ранчин, с. 98]. Рассказ о последних днях и кончине Антония Великого имеет мало общего с соответствующими текстами Нестора. Совпадают лишь топосы предсказания даты кончины, поучения братии, болезни и напутствия (в случае Антония – двум монахам, которые оставались с преподобным до конца). Повествования же Кирилла Скифополь-

¹ Подробнее об этом сюжете и истории соответствующих текстов см.: [Шахматов, 2003, с. 80, 99; Конявская, 2006, с. 35, 41].

² В частности, он сам указывает на такой образец, приводя в Житии Феодосия аналогию с чудом св. Саввы. Наиболее полные сравнения Жития Феодосия с греческими см.: [Шахматов, 1896; Абрамович, 1898; Абрамович, 1902].

ского о преставлении Саввы Освященного и Евфимия Великого имеют с историей последних месяцев жизни основателя будущей прославленной киевской лавры больше общего.

Житие Саввы сообщает о тяжелой болезни преподобного; в нем нет информации о поучении братии, но рассказывается, что к преподобному были призваны «отцы лавры», которым он определил игумена. Затем следует наставление преемнику, которому Савва дает и письменную заповедь. Кирилл Скифопольский говорит, что после этого Савва никого к себе не пускал и в субботу вечером, общившись Святых Тайн, предал душу Господу. Хотя рассказ о его преставлении невелик, он исполнен реальных деталей: описывается посещение больного Саввы патриархом Петром, называются имя и происхождение нового игумена и др.

Рассказ о кончине Евфимия немного пространней и ближе к Несторову Житию Феодосия. На последней своей службе преподобный Евфимий собирает пресвитеров, объявляя им о том, что более не сможет служить, и просит созвать наутро всех отцов для прощального поучения. Затем выбирается новый игумен (называются имена кандидатов). Своему преемнику Илье он дает наставление наедине, в частности, оно касается и будущего лавры, которая, по его предсказанию и заповеди, впоследствии станет киновией. Скончался Евфимий в присутствии только Дометиана, которому предрек преставление через неделю после своей смерти. Преставился Евфимий, как и Савва, в субботу. Таким образом, все трое преподобных умирают в субботний день, но Савва – вечером, Евфимий – ночью, а Феодосий – утром.

Хотя событийная канва рассмотренных выше житий сходна, рефлексия относительно конца земной жизни и посмертной судьбы души присуща только Житию Феодосия Печерского. Проблема эта, видимо, казалась Нестору важной, а уровень познаний и мистическая направленность мышления позволяли ему рассуждать об этих материях.

Характерно, что в повествовании о преставлении Феодосия в Повести временных лет этой рефлексии нет. Ряд расхождений в фактических деталях рассказа о кончине преподобного в житии и в Повести временных лет дают основания для сомнений в том, что автором указанного текста в последней был тот же Нестор [Конявская, 2003]. Так, по летописи, Феодосий произносит поучение к братии перед тем, как уйти в пещеру на время Великого поста. В житии краткий пересказ поучения отнесен к более позднему моменту, когда Феодосий собирает братию, прозрев свою близкую кончину. В Повести временных лет Феодосий лежит в болезни пять дней, в житии – три дня. В житии говорится, что в какой-то момент болезнь его отпустила, он встал и обратился к братии. В летописи же Феодосий просит «изънести ся на дворь», его выносят на санях и ставят против церкви. Отличается рассказ о выборе и благословении преемника – будущего игумена обители. Согласно Повести временных лет, иноки сначала упорно отказываются назвать кандидата в игумены, уверяя, что при-

мут всякого, кого назовет Феодосий: «Послушаемъ его, яко и тебе». Он просит их назвать любого, кроме Николы и Игната. Братия опять настаивает, чтобы выбирал Феодосий. Когда же игумен, ссылаясь на «Божье строенье», называет пресвитера Иакова, иноки не соглашаются: «Не здѣсть постригѣлься». Лишь после этого они называют Стефана. В житии преподобный просит назвать имя преемника, братия думает день, затем просит благословить на будущее игуменство Стефана. Феодосий его благословляет, о каких-либо обсуждениях кандидатуры наставника не сообщается. Далее в житии говорится, что при Феодосии остается только Стефан, а братию преподобный призывает к себе для прощания лишь наутро, в то время как, согласно Повести временных лет, «прѣсѣдѣша братья у него ту ночь всю» [Библиотека, с. 224]. В летописи преподобный просит похоронить его в пещере ночью, что и было сделано, в житии, как мы видели, братия хоронит преподобного при солнечном свете.

При этом имеется текстуально совпадающий фрагмент. Это слова, которые произносит Феодосий, когда болезнь временно отступает. Игумен собирает монахов, сообщает им о своей близкой кончине и предлагает назвать будущего игумена.

ПВЛ

Братѣ моя, и отци мои, и чада моя! Се азъ отхожю от васъ, якоже яви ми Господь в постъное время, в пещерѣ ми суцю, изыти от свѣта сего. Вы же кого хотите игуменомъ поставити себѣ; да и азъ благословение подаль быхъ ему? [Библиотека, с. 224].

Житие

Братие моя и отъци! Се, яко уже вѣмъ, врѣмя житию моему кончевается, якоже яви ми Господь въ постъное врѣмя, суцю ми в пещерѣ, изыти от свѣта сего. Вы же помыслите въ себѣ, кого хотите, да азъ поставлю и вамъ въ себе мѣсто игумена [Библиотека, с. 428].

Такое совпадение не могло быть случайным. Более того, оно заставляет предполагать, что либо существовал общий для обоих текстов источник, либо один из авторов был знаком с текстом другого. И то, и другое предположение делает абсолютно необъяснимыми противоречия деталей, о которых уже шла речь. Но можно думать, что в монастыре велись какие-то записи, связанные с наиболее важными событиями в истории обители. Ученики Феодосия могли фиксировать самые значительные речи преподобного, что объясняет обилие таких речей в обоих текстах и то текстуальное совпадение, которое мы встречаем в обращении игумена к братии³.

³ Менее правдоподобной представляется гипотеза С. А. Бугославского о существовании устного предания, из которого почерпнули слова Феодосия составители соответствующих текстов Повести временных лет и жития [Бугославский, с. 175], ибо трудно объяснить, почему именно эти слова остались в предании и не запомнились остальные не менее значительные подробности.

При этом, как уже отмечалось, рефлексия относительно кончины и последующей судьбы души в летописном рассказе отсутствует. Единственное обращение в нем к этой теме – это слова умирающего настоятеля о вечной связи его души с монастырем и ответственности за него:

Аще по моему отшествию свѣта сего, аще буду Богу угодиль, и приять мя будеть Богъ, то по моему отшествию монастырь ся начнетъ строити и прибывати в немь, то вѣжьте, яко приять мя есть Богъ. Аще ли по моему животѣ оскудѣвати начне монастырь черноризьци, потребамы монастырьскими, то вѣдуще будете, яко не угодиль буду Богу [Библиотека, с. 226].

О том же, хотя и другими словами, говорит Феодосий и в житии:

Обаче о семь разумѣите дерзновение мое, еже къ Богу: егда видите вься благая умножающаяся въ монастыри семь, вѣдите, яко близъ Владыкы небеснааго ми сущю. Егда ли видите скудѣние сущи и всѣмъ умяляющеса, тѣгда разумѣите, яко далече ми Бога быти и не имуща дерзновения молитися къ Нему [Там же, с. 430].

Но этот мотив является топосом для преподобнических житий и не может в сколь-нибудь значительной степени характеризовать особенности мировоззрения пишущего.

Создавая Житие Авраамия Смоленского, его автор, ученик Авраамия Ефрем, во многом следовал традиции Нестора [Конявская, 2004, с. 89–91]. Однако акцент на мистике в отношении танатологических феноменов обнаружил себя в этом агиографическом сочинении в ином аспекте. В рассказе о кончине Авраамия Ефрем чрезвычайно краток. Он говорит, что преподобный заболел и преставился, «его же желаше и получи, царство небесное» [Розанов, с. 20]. Но темам Страшного суда, Второго пришествия, а также посмертной судьбы души в Житии Авраамия отведено немало места в силу того, что они были главными в проповедях самого преподобного. Так, в житии говорится, что Авраамий написал две иконы – «Страшный суд Второго пришествия» и «Испытание воздушных мытарств». Агиограф описывает день Страшного суда, ссылаясь на учение Иоанна Златоуста, но, возможно, и вспоминая иконописные образы, созданные Авраамием:

...рѣка огнена предъ судищемъ течеть, и книги разгыбаются, и Судии сѣде, и дѣла открываются всѣхъ. Тогда слава и честь, и радость всѣмъ праведнымъ, грѣшнымъ же мука вѣчная, ея же и самъ сотона боится и трепещеть...

Он заключает: «Да аще страшно есть, братье, слышати, страшнѣе будетъ самому видети» [Розанов, с. 8]. Об огненной реке говорит Ефрем и далее: после смерти епископа Игнатия

...блаженни Аврааміи часто собѣ поминая, како истяжутъ душу пришедшей аггели, и како испытаніе на въздусъ отъ бѣсовскихъ мытаревъ, како есть стати прѣдъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати, и в кое мѣсто поведуть, и како въ Второе пришествіе предстати предъ судищемъ страшнаго Бога, и какъ будетъ отъ судья отвѣтъ, и како огненная рѣка потечеть, пожагаючи вся, и кто помагая будетъ развѣи покаяніа и милостыня, и беспрестанныя молитвы, и кто всѣмъ любы, и прочая иная дѣла благая, яже обрѣтаются помагающія души [Розанов, с. 19].

Эти тексты дают возможность вообразить, какие впечатляющие картины рисовал перед братией и паствой проповедник-мистик.

Неожиданное завершение тема земного и загробного существования находит в похвале Авраамію, заключающей агиографическое сочинение Ефрема. Он призывает к радости в день памяти Аврааміа и живых, и преставившихся:

И нынѣ радуитесь и вы, отшедшіи и преставльшиися отъ сего свѣта, и паки и еще живущи съ трыпніемъ о Бозѣ, веселитесь и радуитесь, и ликуйте въ святое усупеніе боноснаго отца Аврааміа! [Розанов, с. 23].

Так два исключительно образованных и талантливых агиографа отразили в своих сочинениях мистические устремления эпохи и запечатлели для потомков представления интеллектуальной элиты того времени о тайне перехода человеческой души от земной жизни в иной мир и чаяния «воскресения мертвых и жизни будущего века».

Список литературы

Абрамович Д. И. К вопросу об источниках Несторова Жития преп. Феодосия Печерского // ИОРЯС. 1898. Т. 3, кн. 1. С. 243–246.

Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб. : Отд. рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук, 1902. 213 с.

Артамонов Ю. А. Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 год : Проблемы источниковедения. М. : Вост. лит., 2003. 446 с.

Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. 544 с.

Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора // ИОРЯС. 1914. Отд. 2. Т. 19, кн. 3. С. 153–191.

Конявская Е. Л. Какую летопись писал Нестор? // Родина. 2002. № 11–12. С. 89–91.

Конявская Е. Л. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // Ruthenica. 2004. Т. 4. С. 80–92.

Конявская Е. Л. Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 32–45.

Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков: Опыт научной классификации памятников агиографии. Пг. : Тип. Императ. Акад. наук, 1914. Ч. 1. 568 с.

Патерик Киевского Печерского монастыря / под ред. Д. И. Абрамовича. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1911. 275 с.

Ранчин А. М. Житие Феодосия Печерского: традиционность и оригинальность поэтики // Ранчин А. М. Статьи о древнерусской литературе. М. : Диалог – МГУ, 1999. С. 83–104.

Розанов С. П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. СПб. : Отд. рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук, 1912. 166 с.

Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон ; под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1971. 770 с.

Шахматов А. А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // ИОРЯС. 1896. Т. 1, кн. 1. С. 46–65.

Шахматов А. А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб. : Наука, 2003. Т. 1, кн. 2. С. 75–102.

References

Abramovich, D. I. (1898). K voprosu ob istochnikakh Nestorova Zhitiya prepodobnogo Feodosiya Pecherskogo [On the Sources of Nestor's Life of Feodosii Pechersky]. In *IORYaS* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 3. Book 1, pp. 243–246.

Abramovich, D. I. (1902). *Issledovanie o Kievo-Pecherskom paterike kak istoriko-literaturnom pamyatnike* [A Study of the Kyivan Cave Patericon as a Historical and Literary Work]. St Petersburg, Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. 213 p.

Abramovich, D. I. (Ed.). (1911). *Paterik Kievskogo Pecherskogo monastyrya* [The Patericon of the Kyivan Cave Monastery]. St Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova. 275 p.

Artamonov, Yu. A. (2003). Zhitie Feodosiya Pecherskogo: problemy istochnikovedeniya [The Life of Feodosii Pechersky: Issues of Source Studies]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2000 god. Problemy istochnikovedeniya*. Moscow, Vostochnaya literatura. 446 p.

Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Medieval Russian Literature]. (1997). St Petersburg, Nauka. Vol. 1. 544 p.

Bugoslavskii, S. A. (1914). K voprosu o kharaktere i ob'eme literaturnoi deyatelnosti prepodobnogo Nestora [On the Nature and Scope of the Literary Activity of the Reverend Nestor]. In *IORYaS* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Section 2. Vol. 19. Book 3, pp. 153–191.

Knyazevskaya, O. A., Dem'yanov, V. G., Lyapon M. V., Kotkov, S. I. (Eds.). (1971). *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.* [The Uspensky Collection of the 12th–13th Centuries]. Moscow, Nauka. 770 p.

Konyavskaya, E. L. (2002). Kakuyu letopis' pisal Nestor? [What Chronicle Did Nestor Write?]. In *Rodina*. No. 11–12, pp. 89–91.

Konyavskaya, E. L. (2004). Problema obshchikh mest v drevneslavjanskikh literaturakh (na materiale agiografii) [The Problem of Common Places in Old Slavic Literatures (with Reference to Hagiographic Material)]. In *Ruthenica*. Vol. 4, pp. 80–92.

Konyavskaya, E. L. (2006). Drevneishie redaktsii Kievo-Pecherskogo paterika [The Oldest Edition of the Kyivan Cave Patericon]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 1 (23), pp. 32–45.

Loparev, Kh. M. (1914). *Grecheskie zhitiya svyatykh VIII i IX vekov. Opyt nauchnoi klassifikatsii pamyatnikov agiografii* [The Greek Lives of Saints of the 8th and 9th Centuries. An Attempt at an Academic Classification of Hagiographic Works]. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Part 1. 568 p.

Ranchin, A. M. (1999). Zhitie Feodosiya Pecherskogo: traditsionnost' i original'nost' poetiki [The Life of Feodosii Pechersky: Traditional and Original Poetics]. In Ranchin, A. M. *Stat'i o drevnerusskoi literature*. Moscow, Dialog – MGU, pp. 83–104.

Rozanov, S. P. (1912). *Zhitiya prepodobnogo Avraamiya Smolenskogo i sluzhby emu* [The Life of Avraamii Smolensky and Offices to Him]. St Petersburg, Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. 166 p.

Shakhmatov, A. A. (1896). Neskol'ko slov o Nestorovom Zhitiie Feodosiya [A Few Words about Nestor's Life of Feodosii]. In *IORYaS* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. Book 1, pp. 46–65.

Shakhmatov, A. A. (2003). Киево-Печерский патерик и Печерская летопись [The Kyivan Cave Patericon and The Chronicle of the Holy Dormition Kiev-Pechersk Lavra]. In Shakhmatov, A. A. *Istoriya russkogo letopisaniya*. St Petersburg, Nauka. Vol. 1. Book 2, pp. 75–102.

DOI 10.15826/qr.2019.4.425

УДК 94(470)"1185"+930.24+82-94+27-185.3

**БОГ ГОРДЫМ ПРОТИВИТСЯ:
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
О ПОХОДЕ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА***

Александр Ужанков

Московский государственный институт культуры,
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
Москва, Россия

**GOD OPPOSES THE PROUD:
CRIME AND PUNISHMENT IN WORKS ABOUT PRINCE
IGOR SVYATOSLAVICH'S CAMPAIGN**

Aleksander Uzhankov

Moscow State University of Culture,
D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute
of Cultural Heritage,
Moscow, Russia

Only three literary works about Igor Svyatoslavich's campaign against the Polovtsians in 1185 are known to us: the story from the Laurentian Codex, the story from the Kiev Chronicle of the Hypatian Codex, and *The Tale of Igor's Campaign*. This article investigates the theme of sin and punishment, i. e. the vainglorious campaign of Igor Svyatoslavich and his captivity. In the Pereyaslavskaya story of the Laurentian Codex, all the blame for the ruin of the Russian land and the Pereyaslavl principality is put on Prince Igor Svyatoslavich, who undertakes a campaign of conquest and is defeated, opening the gates of Russia to the Polovtsians. The hero of this story is Vladimir Glebovich Pereyaslavsky, who fearlessly defends his principality from the Polovtsians and is seriously wounded. The Kiev chronicler defends Igor Svyatoslavich, depicts his courage, and tries to show that he had God's providence.

---

* *Citation*: Uzhankov, A. (2019). *God Opposes the Proud: Crime and Punishment in Works about Prince Igor Svyatoslavich's Campaign*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1067–1085. DOI 10.15826/qr.2019.4.425.

Цитирование: Uzhankov A. *God Opposes the Proud: Crime and Punishment in Works about Prince Igor Svyatoslavich's Campaign* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1067–1085. DOI 10.15826/qr.2019.4.425 / Ужанков А. *Бог гордым противится: преступление и наказание в произведениях о походе Игоря Святославича* // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1067–1085. DOI 10.15826/qr.2019.4.425.

Having suffered defeat, Igor Svyatoslavich interprets it as an Orthodox prince would, realising that he has received a punishment for his previous sin, i. e. the ruin of the city of Glebov in Pereyaslavskaya land and the death of Christians that he provoked. During his captivity in the hands of the Polovtsians, Igor demonstrates repentance, for which he invites a priest from the Russian land; as a result, his spiritual transformation takes place and the Lord leads him out of captivity. *The Tale* is close to the Kiev Chronicle in its interpretation of events. The difference is that *The Tale* describes Igor's campaign more poetically, reveals the theme of vain glory and dishonour, and depicts the spiritual path of Prince Igor Svyatoslavich via artistic means. For this, the author of *The Tale* creates an artistic image of an "eclipse": in nature, this is represented by the sun while in Prince Igor, it is his soul. When crossing the border river Donets, Prince Igor steps from light into darkness: his entire campaign takes place in darkness and he returns to the Russian land thanks to the prayers of his wife Yaroslavna, thus transiting from darkness to light.

Keywords: Russian chronicles; sin of pride; *The Tale of Igor's Campaign*; crimes of princes.

О походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. до нас дошли три произведения: повесть из Лаврентьевского летописного свода, повесть из Киевской летописи Ипатьевского летописного свода и «Слово о полку Игореве». В статье рассматривается тема греха и наказания – тщеславного похода Игоря Святославича и его плена. В переяславской повести Лаврентьевской летописи вся вина за разорение Русской земли и Переяславского княжества возлагается на Новгород-Северского князя Игоря Святославича, который предпринимает завоевательный поход, терпит поражение и тем самым «открывает ворота» половцам на Русь. Героем ее выступает Владимир Глебович Переяславский, который героически обороняет свое княжество от половцев и получает тяжелое ранение. Киевский летописец защищает Игоря Святославича, описывает его отвагу, пытается показать Божий промысел о нем. Игорь Святославич, потерпев поражение, осмысливает его как православный князь и понимает, что несет наказание за предыдущее свое прегрешение – разорение города Глебова в Переяславской земле и гибель христиан. Во время пребывания в плену у половцев Игорь приносит покаяние, для чего выписывает священника из Русской земли; происходит его духовное преобразование, и Господь выводит его из плена. Природа, подвластная Богу, тому способствует. «Слово» близко в интерпретации происходящего к Киевской летописи. Разница в том, что в нем более поэтично описан Игорев поход, раскрыта тема тщетной славы и бесславия, показан художественными средствами духовный путь князя Игоря Святославича. Для этого автор «Слова» создает художественный образ затмения: в природе – солнца, у князя Игоря – души. При переходе пограничной реки Донец князь Игорь ступает из света во тьму, весь его поход происходит во тьме, и возвращается он, по молитвам своей жены Ярославны, из тьмы в свет – на Русскую землю.

Ключевые слова: русские летописи; грех гордыни; «Слово о полку Игореве»; княжеские преступления.

Для сознания древнерусских летописцев было характерным толковать описываемые ими исторические события и поступки князей через призму Священного Писания, поскольку все происходит по Божественному промыслу, а княжеская власть воспринималась как Богом данная: «Яко же рече Исая пророк: Тако глаголет Господь: “Князя Азь учиняю, священни бо суть, и Азь вожу я (их)”» [Памятники литературы Древней Руси, т. 3, с. 426]. Если княжеская власть – от Бога, то и княжеское служение воспринималось как мирское служение Ему. Сводилось оно к защите Отечества (княжества), православной веры и народа. Так поступали все благоверные князья в Древней Руси, почему именно из их среды и вышло наибольшее число святых в домонгольский период. Священное Писание, по которому должны были жить православные князья, запрещало завоевательные походы, «не преступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части» [Повесть временных лет, с. 7–8].

Предваряя рассказ о походе Игоря Святославича, один из составителей Киевской летописи заметил под 1184 г.: «Всемиловитый Господь Богъ гордымъ противиться и светы ихъ разруши». Его убеждение основывается на словах апостола Петра: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Петр 5 : 5). Для древнерусских летописцев было очевидным, что причиной похода Игоря Святославича была гордыня, а наказание Божие за нее – плен.

Поход Новгород-Северского князя Игоря Святославича на половцев в апреле-мае 1185 г. был описан и негативно оценен в Переяславско-Владимирском летописании, и эта позиция отразилась и сохранилась в повести Лаврентьевского летописного свода [Шахматов, 2011, с. 57–58; Приселков, с. 67]. Киевский летописец в Выдубицкой летописи XII в. (позднее вошедшей в Ипатьевский летописный свод) защищает Игоря Святославича и дает ответы на все обвинения Лаврентьевской повести [Демкова, с. 47]. «Слово о полку Игореве» хорошо знает как переяславскую [Яценко, с. 37–40], так и киевскую повести [Літописні, с. 38–41]. При этом оно тоже полемизирует с переяславским летописцем и защищает Игоря Святославича [Яценко, с. 40].

Повесть о весеннем походе Игоря Святославича на половцев помещена в Лаврентьевском своде под 1186 г. (по мартовскому стилю). Ей предшествует рассказ о походе русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича на половцев летом 1184 г. Такое расположение двух рассказов в Лаврентьевской летописи не случайно. Просматривается не только их идейная связь (защита Русской земли от половцев), но и богословское осмысление двух похожих, но по сути своей разных походов.

Рассказ 1185 (1184) г. начинается с сообщения о поставлении «Божиим изволением и Святой Богородицы» игумена Луки епископом Ростовским, Владимирским и Суздальским. «Того же лѣта» случился во Владимире сильнейший пожар, и летописец-провиденциалист, пытаясь понять причину бедствия, размышляет о Божьем промысле:

Се же ся здѣя грѣх ради наших. яко умножишася грѣси наши и неправды. се же наведе на ны Богъ. веля нам имѣти покаянье. <...> Хръстяномъ бо многыми напастми внити въ царство небесное [ПСРЛ, т. 1, с. 392–393].

Приводя рассказ о походе русских князей на половцев, летописец указывает: «Богъ вложи в сердце княземъ Русскимъ. Ходиша бо князи Русстии вси на Половци» [Там же, с. 394]. В июльском походе 1184 г. приняли участие Святослав Всеволодович, Рюрик Ростиславич, Владимир Глебович, Глеб Святославич, Глеб Юрьевич Туровский, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович, Всеволод Мстиславич, была и галичская помощь, и владимирская, и луцкая. От похода уклонились только Черниговские князья, в том числе и Игорь Святославич, князь Новгород-Северский. Особая роль отводится Переяславскому князю Владимиру Глебовичу (Мономаховичу). Он выпросил у Святослава Всеволодовича возможность ездить «напереду в сторожих», поскольку его «волость пуста от половець». Русские князья не стали ему препятствовать.

Владимир Глебович после молитвы выступил против половцев, которые «побегоша, гоними гневом Божимъ и святое Богородици» [Там же, с. 395]. В плен попали многие половецкие ханы, среди которых был и хан Кобяк. Летописец отмечает: «И поможе Богъ и святая Богородица Володимеру... И бысть радость велика» [Там же, с. 396].

Примечательно в этом рассказе то, что Господь «вложи в сердце княземъ Русскимъ...» идею похода, отсюда и помощь Божия в одолении половцев. При этом основная заслуга в победе над половцами приписывается Владимиру Глебовичу, земли которого они разорили. Для них наступило справедливое возмездие: многие половецкие князья и воины попали в плен, а русские захватили богатую добычу. Наконец, помощь русским князьям оказали Господь и Пресвятая Богородица, на которых и уповал Владимир Глебович. Иными словами, если древнерусский князь выполняет Божию волю, а не противится ей и не творит свою волю, то Господь помогает ему.

После этого красноречивого рассказа о победоносном походе древнерусских князей в летописном своде следует повествование о неудачном походе Игоря Святославича. Как бы само собой напрашивается противопоставление и двух походов 1184 и 1185 г., и двух князей – Владимира Глебовича и Игоря Святославича.

Рассказ начинается с описания солнечного затмения. Лаврентьевская летопись часто обращает внимание, что оно предзнаменует недоброе развитие событий (ср. запись под 1124 г.: [ПСРЛ, т. 1, с. 293]). Убеждение, что небесное знамение – это предупреждение, строилось на Священном Писании, в частности, на «Апокалипсисе» Иоанна Богослова. В нем семь ангелов, вострубив, предвещают *конец света*, и на небесах появляются Божьи знамения, а на земле – наказания людям за их несправедную жизнь и грехи: и град, и огонь, и болезни, и потопаы, и нашествия саранчи, и т. д.

Есть подобные суждения и в Евангелиях: «И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение» (Лк 21 : 25). На этих откровениях Священного Писания строятся убеждения уже древнерусских книжников. Серапион, епископ Владимирский, замечает:

Се оуже наказает ны Богъ знаменьи, земли трясениемъ его повелѣнемъ: не глаголетъ оусты, но дѣлы наказаетъ. Всѣмъ казнивъ ны, Богъ не отведеть злаго обычая. Нынѣ землю трясеть и колѣблетъ, безаконья грѣхи многия от земля отрясти хочеть, яко лѣствие от древа [Памятники литературы Древней Руси, т. 3, с. 440].

Предвещание затмением солнца кончины князя – это малое напоминание о грядущем Страшном суде. Каждый, будь он даже князь, не избежит малого суда – смерти, «отдавъ общий долгъ, егоже нѣсть убѣжати всякому роженому» [Там же, с. 406], и предстанет на всеобщем Страшном суде. И автор «Слова о полку Игореве» мыслит так же: «Ни хытру, ни горазду... Суда Божиаго не минути»... Солнечное затмение происходит в самом начале похода Игоря Святославича:

В среду на вечерни. Бы(сть) знаменье въ солнци, и морочно бысть велми... и въ солнци оучинися яко месяцъ. <...> Страшно бѣ видѣти человекомъ знаменье Божье... [ПСРЛ, т. 1, с. 396].

Автор летописного повествования сразу же указывает на отличие этого похода от похода Святослава Всеволодовича, совершенного годом ранее. Если Мономаховичи выступили против половцев на защиту Русской земли по воле Божией, то Ольговичи *самостоятельно* решили отправиться в Половецкую степь, горделиво заметив: «Мы есмь ци не князи же? [Поидем] такыже собѣ хвалы добудем» [Там же, с. 397]. Побудительной причиной стала для них не защита русских земель от половецких набегов, а желание славы. Гордыня – первейший из грехов, порождающий и тщеславие. Древнерусские монахи-летописцы предупреждали об этом русских князей:

О възлюбленіи князи Русскіи, не прелщайтеся пустошною и прелестною славою свѣта сего, еже хужши паучины есть и яко стѣнь мимо идет; не принесосте бо на свѣтъ сеи ничто же, ниже отнести можете [Там же, т. 18, с. 73].

Такое впечатление, что у древнерусских князей Ольговичей произошло затмение души, и они прельстились славой. Инициатива похода исходит от Игоря Святославича. Он выступает из Новгород-Северска с сыном Владимиром. У Переяславля Игорь встречается со своим братом Всеволодом Святославичем из Трубчевска, племянником Святославом Ольговичем Рыльским и «черниговской помо-

щью» – ковуями. Услышав об этом, половцы встревожились: «Братья наша избита и отци наши, а друзии изъимани, а се ноне на нас идут». И послали гонцов по всей своей земле с призывом выступить против русских князей. Тем временем русские подступили к вежам половцев, которые не смогли противостоять русским и «побежени бывше». Летописец замечает, как русские, радуясь,

...рекуще: «Братья наша ходили с Святославомъ великимъ князем и билися с ними зря на Переславль... а в землю ихъ не смѣли по них ити. А мы в земли их есмь, и самѣхъ избии, а жены их полонены, и дѣти у насъ. А нонѣ поидемъ по ним за Донъ и до конца избьемъ ихъ. <...> Идем по них и луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши. А возмем до конца свою славу и честь». А не вѣдуще Божия строенья [ПСРЛ, т. 1, с. 397–398].

Автор приводит похвальбу князей, которые далеко зашли в половецкие степи, нарушив, тем самым, кодекс чести древнерусского князя, который не приветствовал завоевательных войн, признавая лишь оборонительные. Мономаховичи ведь бились с половцами, «зря на Переславль», то есть в своей земле.

Игорь же Святославич с князьями отправляются в *завоевательный поход*. Более того, они собирались пленить еще и всю Половецкую землю и дойти до лукоморья, куда еще никто из древнерусских князей не ходил! Не случайно и автор «Слова о полку Игореве» подчеркивает этот нечестивый путь в половецкую степь многократным повторением слов: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» [Слово, с. 13].

К тому же Ольговичи хвастаются взять «до конца свою славу и честь». Летописец показывает Игоря Святославича «со товарищи» одержимыми гордыней и тщеславием. И как ожидаемый результат от нарушения ими заповедей – напоминание о «Божием строении» о них. Наказание последовало вскоре: половцы собрали все свои силы и обступили русских воинов, которые, «видѣвше ихъ, ужасошася и величанья своего отпадоша» [ПСРЛ, т. 1, с. 398]. Происходит отрезвление, а древнерусский летописец напоминает слова пророка: «Нѣсть человеку мудрости, ни есть мужества, ни есть думы противу Господеву» [Там же]. Изнемогавшие от жажды русские воины попытались пробиться к воде, но половцы «бишася с ними крепко». Тогда и конные дружинники спешили, «кони бо бяху под ними изнемогли», «и бысть сеча зла вельми».

И побѣжени быша наши гнѣвом Божимъ. Князи вси изъимани быша, а боляре и велможа и вся дружина избита, а другая изъимана и та язвена [Там же].

Таков печальный итог битвы и всего похода Игоря Святославича как наказание за его гордыню и похвальбу. Но это и начало возможного преображения князя, поэтому и вспомнил летописец слова

пророка Исайи: «Господи, в печали помянухом тя». Самое главное для князя – осознать греховность своих действий и покаяться в них. Игорь Святославич отступил от Бога, от исполнения заповедей Его. Захотел славы, а получил бесславию – попал в плен. Для православного все предельно ясно: в жизни человека все происходит или по воле Божией, или попустиением Божиим, когда человек творит свою волю. Игорь Святославич творил свою волю, и как результат – гибель всего его войска, а для него самого – бесчестие и ожидание выкупа.

К тому же он «открыл ворота» на землю Русскую половцам. Они направились к Переяславлю, у стен которого развернулось большое сражение. Главным действующим лицом вновь становится переяславский князь Владимир Глебович. Он выехал с малой дружиной против половцев и «бишася с ними крѣпко, и обиступиша князя злѣ». Горожане, увидев изнемогавших воинов своих, «выринушася из города и бишася, одва изотяша князя боденого трети копыи». А половцы «възвратишася со многым полоном в вежѣ» свои [ПСРЛ, т. 1, с. 399]. Разорение Переяславского княжества – это следствие безумного поступка Игоря Святославича, после которого уже половцы воспользовались ситуацией. Вина на Игоре Святославиче лежит и за тяжелые раны Владимира Глебовича.

Тем не менее, летописец сообщает, что «по малых днѣхъ оускочи Игорь князь» от половцев, поскольку

...не оставитъ бо Господь праведного в руку грѣшничю. Очи бо Господни на боящаяся его, а оуши его в молитву ихъ. Гониша бо по нем и не обрѣтоша его, яко и Саоуль гони Давыда, но Богъ избави и. Тако и сего Богъ избави из руку поганыхъ [Там же, с. 399–400].

Из слов летописца можно понять, как Игорь из грешника превратился в праведника: Господь увидел страх князя пред Ним; князь раскаялся за содеянное и обратился к Богу с покаянной молитвой. Красноречиво в этом плане сравнение князя Игоря с царем Давыдом, пострадавшим свое прощение.

Для автора описаний последствий безумства князя Игоря было важно разобраться, почему все так произошло. Его размышлениями и завершается летописная статья 1186 г.:

Се же и здѣяся грех ради наших, зане оумножишася грѣси наши и неправды. Богъ бо казнить рабы своя напастми различными, огнемъ и водою и ратью, и многими различными казньми [Там же, с. 400].

Размышления статьи 1186 г. дословно повторяют некоторые моменты из рассуждений начала статьи 1185 г. Это свидетельствует об устойчивости представлений о наказании за грехи еще в этой жизни:

Се же ся здѣя грех ради наших. яко умножишася грѣси наши и неправды. се же наведе на ны Богъ. веля нам имѣти покаянье. и въстягнутися

от грѣха. и от зависти. и от прочихъ злыхъ дѣлъ неприязниныхъ. Богъ бо казнить рабы своя напастыми различными. огнемъ и водою и ратью. и иными различными казньми. да явятся яко злато искушено в горнилѣ. хрстыяномъ бо многыми напастыми внити въ царство небесное [ПСРЛ, т. 1, с. 392–393].

В новой статье летописец только подверг предыдущий текст некоторым сокращениям, сохранив основную мысль: «яко створихом, тако и прияхом», и сконцентрировал свою мысль на самом главном – проявленном Богом милосердии:

...но кажет ны добръ Господь нашъ. но да никтоже может рещи яко ненавидит нас Богъ. не буди то. кого тако любить [Богъ] якоже възлюбиль е(сть). и страсть приять нас ради. да ны избавить от неприязни [Там же, с. 400].

Потому и избавляет Господь древнерусского князя Игоря Святославича из половецкого плена. Бегство Игоря Святославича – не его заслуга, а воплощение Божией воли и проявление милосердия. Для летописца-монаха это было безусловным фактом.

Еще одна повесть о походе Игоря Святославича 1185 г. на половцев вошла в составленную в конце XII в. в Киевском Михайловском Выдубицком монастыре его игуменом Моисеем так называемую Киевскую летопись (охватывала события с 1119 по 1198/9 г.) [Шахматов, 1938, с. 70–71; Приселков, с. 47–49; Рыбаков, с. 7–8]. Как и в Лаврентьевском своде, этой статье о походе Игоря Святославича предшествуют несколько погодных записей начала 80-х гг. с рассказами о набегах половцев на Русскую землю и ответных походах древнерусских князей. Значительная роль в этих событиях отводится правящему думвирату Ольговичей и Мономаховичей: великому князю Киевскому Святославу Всеволодовичу (Ольговичу) и великому князю Киевской земли Рюрику Ростиславичу (Мономаховичу). Автор летописи всякий раз стремится отметить их союзнические отношения и совместную деятельность на благо родной земли.

Этому летописцу также присущ провиденциализм. Когда в феврале 1183 г., в первую неделю Великого поста, «приидоша Измалтяне безбожней Половци на Русь», то «Божьемъ застоуплениемъ не бысть пакости от нихъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 628]. Уже летом Святослав Всеволодович, «сгадавъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ», выступает против половцев. Святослав послал своих сыновей с полками под предводительством Новгород-Северского князя Игоря Святославича, «веля емоу ѣхати в себе мѣсто». А Рюрик послал Владимира Глебовича Переяславского со своими полками. Киевский летописец отмечает заносчивость и неблагопристойное поведение переяславского князя, о чем Лаврентьевский свод, благоволивший Владимиру Глебовичу, тактично умолчал.

Владимир Глебович попросил разрешения у Игоря Святославича «ѣздити на переди полкомъ своимъ», мотивируя это тем, что русским князьям дано право ездить «на переди» в Русской земле. Князь Игорь этого ему не позволил, и Владимир Глебович «розгнѣвався и возвратися. и оттолѣ идя иде на Сѣверьскіѣ города и взя в них много добытокъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 628–629]. Этот рассказ в корне отличается от рассказа Лаврентьевского свода, когда Святослав Всеволодович позволил ездить Владимиру Глебовичу «на переди», поскольку половцы разорили его Переславское княжество, и тогда никто из князей не оспорил этого его права первенства на военную добычу.

«Ездити на переди полкомъ своимъ» – это значит в случае победы первыми обогатиться захваченным имуществом неприятеля. Игорь Святославич лишил дружинников Владимира Глебовича такой возможности, тогда переяславский князь пошел со своим полком и частью киевлян в Новгород-Северскую волость Игоря Святославича, чтобы компенсировать воинам упущенную добычу. По сути, Владимир Глебович выступил зачинщиком нового вооруженного конфликта Мономаховичей и Ольговичей, разжигателем княжеской розни. Лаврентьевский свод, симпатизирующий Мономаховичам, предпочел об этом поступке Владимира Глебовича ничего не сообщать, однако не приводит и сведений, что Владимир Глебович раскался в содеянном.

Киевский летописец показал Игоря Святославича как настоящего полководца и воина, который неукоснительно исполняет свой княжеский долг. Во главе оставшихся киевских полков он поставил своего племянника Олега Святославича, и вместе с другими князьями они стали преследовать и пленять убегающих половцев.

«Того же лѣта» киевский летописец-провиденциалист рассказывает о другом коллективном походе русских князей: «Богъ вложи въ сердце Святославоу, князю Киевскомоу... поити на Половцѣ» [Там же, с. 630]. Собрав «окольных» князей, кроме отказавшихся от похода своих братьев Ольговичей, Святослав Всеволодович выступил в поход, «пооущаемъ Божиимъ промысломъ» [Там же, с. 631]. Отыскав половцев на «ратной стороне Днепра», он отрядил шесть «молодых князей» впереди полков, в том числе и Владимира Глебовича.

В отличие от Лаврентьевского свода, который отводил главную роль Владимиру Глебовичу Переяславскому, Киевский летописец ограничился лишь сообщением, что половцы «оузрѣвше Володимерь полкъ, крѣпко идоущъ на нихъ, и побѣгоша гонимы гнѣвомъ Божиимъ [и] святѣи Богородицѣ» [Там же]. Русские князья пленили хана Кобяка с двумя сыновьями и других ханов «без числа».

Великии же князь Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ приемше от Бога на поганяя побѣдоу и возвратишася во свояси съ славою и честью великою [Там же, с. 633–634].

На следующий 1184 г. пришлось воевать уже с другим половецким ханом Кончаком. «Оканьнии и безбожнии и треклятии» пришел он со множеством половцев «плѣнити хотя грады Рускыѣ и пожещѣ огньмъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 634]. Однако, как заметил летописец, «всеми-лостивый Господь Богъ гордымъ противиться и свѣты ихъ раздрюши», и «съдея Господь спасение свое, дасть побѣду князема Роускыма» [Там же, с. 635, 636].

Киевский летописец объясняет, что Игорь Святославич готов был отправиться и в этот общий поход, но не успевал из-за весенней распутицы. Поэтому он и решил на самостоятельный поход. 23 апреля, во вторник Пасхальной седмицы, он выехал из Новгород-Северска, взяв с собой брата Всеволода из Трубчевска, племянника Святослава Ольговича из Рыльска и сына своего Владимира из Путивля. У своего сюзерена Ярослава Черниговского попросил себе в помощь Ольстина Олексича с черниговскими ковуями. «И тако идяхоуть тихо, собирающе дружиноу свою... Идоущимъ же имъ к Донцю рѣкы в годъ вечернии» [Там же, с. 638].

Так начинается повесть о злосчастном походе Игоря Святославича на половцев в апреле-мае 1185 г. Она очень близка «Слову о полку Игореве», в ней можно выделить смысловые узлы и сопоставить их со смысловыми узлами и повествованием «Слова». Это дает основание рассматривать их вместе, тем более и оценка действий Игоря Святославича у них совпадает, что выдает одного их автора.

Поход начинается с грозного предзнаменования – солнечного затмения:

Игорь жь възрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко месяцъ. И рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей. <...> Игорь же рече: «Братья и дружино!» [Там же].

Сопоставления со «Словом» напрашиваются сами собой:

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. <...> И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино!» [Слово, с. 10–11].

Примечательно и отношение Игоря к солнечному затмению: «А намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то женамъ види-ти». В конце «Слова» жены, как и Ярославна, будут оплакивать своих не вернувшихся мужей...

В отличие от более богобоязненных бояр («Княже, се есть не на добро знамение се!»), Игорь Святославич даже не пытался истолковать предзнаменование и просто отмахнулся от него, за что и был наказан.

Первые тревожные вести прозвучали вскоре, когда посланные Игорем сторожа рассказали, что видели половцев уже облачив-

шихся в доспехи и готовых к бою. Поэтому, посоветовали они, или нужно ехать «борзо», или возвратиться домой, «яко не наше есть веремья» [ПСРЛ, т. 2, с. 639]. Однако Игорь воспринимал все по-другому: «Оже ны боудеть не бившися возворотитися, то *соромъ ны боудеть пущеи смерти*, но како ны Богъ дасть» [Там же]. Князю, идущему за славой, «сором» (позор) страшнее смерти. При этом князь полагается на Божью волю. Значит, считает свои поступки правильными?

Русские, решив, «ѣхаша чересь ночь. Заутра же пятькоу наставшоу во обѣднее веремья, оусрѣтоша полкы Половѣцкиѣ» [Там же]. Автор «Слова» еще раз напоминает о солнечном затмении и создает образ неприветливой ночи:

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, ношь стонуци ему грозою, птичь убуди свистъ, звѣринъ въ ста збися, Дивъ кличетъ врѣху древа... [Слово, с. 11].

У князя Игоря Святославича затмение души, в природе – затмение солнца. Такое ощущение, будто князь Игорь из светлого пространства шагнул в темное – против чьей-то воли, потому-то солнце ему тъмою путь заступало, как бы удерживало¹. В реальном затмении день потемнел и ночь настала, а в художественном описании затмение превратилось в развернутую поэтическую метафору. Автор воспользовался подсказанным самой природой образом ночи и стал его усиленно развивать:

А половци неготовама дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычать телѣги *полунощы*, рци, лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои веть... [Там же, с. 12].

Грозны *в ночи* волчий вой по оврагам да орлиный клекот, зовущий зверей на кости. «Длъго *ночь* мръкнетъ. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла» [Там же, с. 13]. Ночь днем, погасший свет зари, спустившийся на поле мрак, стихшие голоса птиц – все нагнетает тревогу. Природа предчувствует, точнее, уже знает исход битвы (ибо орлы на кости позвали зверей) и замерла в тревожном ожидании полной гибели света. Замерли в ожидании и воины.

Киевский летописец подробно описывает приготовление русских князей к первой битве. Снарядив полки, князь Игорь обратился «ко братьи своеи: “Братья, сего есмы искалѣ, а потягнемъ”» [ПСРЛ, т. 2, с. 639]. И пошел против половцев, «положаче на Бозѣ оупование свое».

В «Слове» это первое столкновение русских с половцами описано и поэтично, и лаконично:

¹ Об образе «похода в ночи» Игоря Святославича см.: [Ужанков, с. 303–307].

Съ зарания въ пятъкъ потопташа поганяя плъкы половецкыя и, рассушыяь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты... [Слово, с. 13].

К вечеру пятницы русские обнаружили, что против них «собрашася Половци вси» [Там же, с. 640]. Игорь предложил ехать ночью, ему возразил племянник Святослав Ольгович, у которого устали кони. Его поддержал Всеволод, чтобы остаться на ночлег в поле. «Слово»: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо – далѣче залетело!»

Основные события разворачиваются с рассветом в субботу:

Свѣтаючи же соуботѣ, начаша выстоупати полци Половецкии акъ боровѣ. Изоумѣшася князи Роускии... Быс(ть) бо ихъ бецисленое множество [Там же, с. 641].

«Слово» описывает этот момент более поэтично:

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають (а свет как бы и не настал! – А. У.); чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии [Там же].

Русские сошли с коней и попытались с боем пройти к реке Донец. Князья сказали, что если сами убегут, а «черных людей» оставят, то от Бога будет им грех за это. И решили пробиваться все вместе: или умрут, или живы останутся, но все заодно. Помнят князья об ответственности за людей своих пред Богом, но пока не осознали до конца свой грех – завоевательный поход.

И тако Божиимъ попоущениемъ оуязвиша Игоря в роукоу... И быс(ть) печаль велика в полкоу его. <...> И мнозии ранении (и) мертви быша в полкохъ Роуских. Наставши же ноци соуботнии и поидоша бьучися [Там же].

«Слово» – о том же: «Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ рускыя плъкы оступиша». И далее:

Съ зарания до вечера, съ вечера до свѣта (а свет как бы и не наступил! – А. У.) летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещать копия харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи [Там же].

Весь поход Игоря Святославича описан автором «Слова» во тьме! Кульминация битвы приходится на воскресенье:

Бис(ть) же свѣтающе недѣлѣ. Возмятошася Ковуеве в полкоу (и) побѣгоша [Там же].

Какое точное слово использовал автор для передачи смятения ковуев – *возмятошася!* Раненый Игорь пытается остановить бегущих ковуев, поскакал за ними на лошади, но его не узнали. Когда возвращался и уже приблизился к полкам своим на расстояние одного полета стрелы, половцы перехватили его.

Держим же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борюшася, и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ падения брата своего [Слово, с. 642].

«Слово»: «Игорь плѣкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода...» Битва проиграна князем Игорем *в полдень*, то есть в самое светлое время дня, но автор «Слова» создает тот же *образ тьмы*, что и в начале описания похода:

Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста (Игорь и Всеволод Святославичи. – А. У.), оба багряная стѣпа *погасоста*, и съ нима молодая месяца... *тьмою ся поволокоста*... На рѣцѣ на Каялѣ *тъма свѣтъъ покрыла*...

Так и не увиденный во всей полноте свет дня битвы сменяется для Игоря тьмою плена:

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче [Там же, с. 19–20].

Всего одной фразой, но ярко изобразил летописец битву Всеволода с половцами: русский князь так сражался с врагами, «яко и оружья в руку его не доста». Автор «Слова» более красноречив:

Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганья головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! [Там же, с. 14].

В воскресенье, на малую Пасху, наступила развязка битвы. Половцы зажали со всех сторон горстку продолжающих сражение русских воинов:

И тако во день святого воскресения наведе на ня Господь гнѣвъ свои, в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю на рѣцѣ Каялы [ПСРЛ, т. 2, с. 642–643].

В самый кульминационный момент летописец возвращается к князю Игорю, стремясь передать его внутреннее состояние:

Рече... Игорь: «Помяноухъ азъ грѣхы своя предъ Господомъ Богомъ моимъ, яко много оубиство кровопролитие створихъ в землѣ крестьянѣсти, яко же бо азъ не пощадѣхъ христьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ оу Переяславля. Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии христьяни...» [ПСРЛ, т. 2, с. 643].

В этом исповедальном монологе Игоря Святославича – трагедия оступившегося человека. Через осмысление постигшего его Божьего наказания произошло осознание им греха. Для христианина это наиважнейший момент в жизни. Осмысление греховности приводит к покаянию, покаяние – к прощению, прощение – к освобождению от плена греха. У человека появляются будущность и надежда. В нем происходит духовное преобразование, которое возможно только через страдание, и древнерусские летописцы постоянно напоминают об этом.

Набег Игоря на Переяславскую вотчину Мономаховичей принес ей опустошение: «все *смятено* пленомъ и скорбью тогда бывшую». Автор не сообщает, что этот поход князя Игоря был мстью Владимиру Глебовичу за его разорение новгород-северских земель Игоря, о чем говорилось выше. Он, пусть и запоздало, оценивает свои поступки с позиции христианина и являет искреннее раскаяние в содеянном: «Се возда ми Господь *по безаконию моему* (Пс. 102 : 10) и *по злобѣ моеи* (Пс. 7 : 9–10) на мя снидоша днесь *грѣси мои* на главою мою (Пс. 7 : 17)». Поэтому и наказание от Бога справедливо: «Истиненъ Господь и прави соуди его зѣло (Пс. 118 : 137)» [ПСРЛ, т. 2, с. 644]. Князь вершит собственный суд над собой:

Азъ же оубо не имамъ со живыми части. Се нынѣ вижю другая мучения вѣннца приемлюще. Почто азъ единъ повинный не пряхъ страсти за вся си? [Там же].

Князь отвечает пред Богом за людей своих, потому и готов понести наказание за свои поступки и пострадать сам, но оказывается виновником страданий других, которые уже приемлют венцы мучеников на небесах.

Это не случайное духовное прозрение Игоря. Это первое осмысление произошедшего было осознанным, и князь становится на путь возвращения к Богу, Отцу небесному. Для него, хотя и оступившегося, но православного князя было очевидным, что без покаяния невозможен обратный путь домой. Засвидетельствовать покаяние пред Богом мог только священник, которого он и вызовет с Руси.

В «Слове» о покаянии князя Игоря ничего не сказано, но приводится утверждение: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу». Почему же Господь помогает князю Игорю Святославичу не только вернуться на землю Рускую, но и занять черниговский княжеский престол? Не свидетельство ли это прощения Им князя Игоря после его покаяния?

Воскресение князя Игоря начинается в воскресенье пополудни. В русских храмах завершилась служба, а «в поле незнаемомъ» – битва. После проявления им «подвига христианского смирения и кротости» [Еремин, с. 127], осознания своего греха и покаяния.

Киевский князь Святослав Всеволодович узнает от бояр о походе Игоря и Всеволода Святославичей,

...и вельми воздохнувъ, *утеръ слезъ своих и рече*: «О любя моя братья и сынове, и мужъ землѣ Рускоѣ! Дал ми Богъ притомити поганья, но не воздержавше уности, *отвориши ворота на Русьскую землю*. Воля Господня да будетъ о всемъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 645].

«Слово» вторит повести:

Тогда великий Святъславъ *изрони злато слово, слезами смейбно, и рече*: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлвити, а себѣ славы искати! Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь погану пролиясте!»

Он обращается к князьям Мстиславичам:

Загородите Полю ворота своими острыми стрелами, *за землю Русскую*, за раны Игоревы, буге Святъславлича.

За преступление князя отвечают его подданные. А в Посемье

...бысть скорбь и тоуга люта, якоже николи же не бывала во всемъ Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверскомъ, и по всеи волости Черниговьскои. Князи изымани, и дружина изымана, избита и мятахоуться акы в мутви, городи воставахоуть [Там же, с. 645–646].

Схожую обстановку воссоздает и «Слово»:

Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче. <...> А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою, а Черниговѣ напастьми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи...

Теперь половцы, «побѣдивъше Игоря с братьею и взяша гордость великоу» [Там же, с. 646], решили идти на Русскую землю.

Хан Кончак как будущий сват князя Игоря предлагал пойти на Киевские земли Мономаховичей – противников Игоря Святославича. Рациональный Гзак предлагает пойти на Новгород-Северское княжество, поскольку защищать его некому. «Кончакъ поиде к Переяславлю, и остоупи городъ, и бишася тоу в(е)сь день». Владимир Глебович, будучи «дерзъ и крѣпокъ к рати, выеха из города и почте к нимъ».

И бися с ними крѣпко, и обстоупиша мнозии Половцѣ. Тогда прочии видивше князя своего крѣпко бьющяся, выриноушася из города и тако отяша князя своего язвена соущи тремѣ копыи. <...> И оутре мужественаго поути своего за отчиною свою [ПСРЛ, т. 2, с. 646–647].

В этом случае киевский летописец солидарен в оценке мужества Владимира Глебовича с переяславльским автором.

Половцы повернули от Переяславля к Римову. Горожане затворились в городе и столпились на забороле – крепостной стене.

И тако Божиимъ соудомъ летѣста двѣ городници с людьми тако к ратнымъ, и на прочая гражаны наиде страх [Там же, с. 647–648].

Автор «Слова» об этом сообщил устами князя Святослава Киевского:

Се у Римъ кричатъ подѣ саблями половецкыми, а Володимиръ подѣ ранами: туга и тоска сыну Глебову! [Слово, с. 21].

Киевский летописец снова объясняет события провиденциализмом:

И се Богъ казня ны грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганяя, не аки милоуя ихъ, но насъ казня и обращаю ны к покаяню [ПСРЛ, т. 2, с. 648].

Нет ли здесь прямого упрека, что Владимир Глебович Переяславский так и не покаялся за свой набег на Новгород-Северское княжество, а потому Господь и послал на его земли напасти? В отличие от него, Новгород-Северский князь Игорь Святославич, попав в половецкий плен, раскаялся в своем набеге на город Глебов:

Азь по достояню моему восприяхъ побѣду от повеления твоего, Владыко Господи... Не жаль ми есть за свою злобу прияти ноужная вся, ихже есмь приялъ азь [Там же, с. 649].

Это второе осознание случившегося Игорем. Киевский летописец приводит слова покаяния князя Игоря и его объяснения, за что он наказан и страдает. В этом существенное отличие Новгород-Северского князя от Владимира Глебовича, и симпатия автора явно на стороне Игоря Святославича. «Избави и (его) Господь за молитвою христьянскоу, им же мнозѣ печаловахоуть и проливахоуть же слезы своя за него» [Там же]. И прежде всего за слезы его супруги Ярославны, которая плакала поутру «въ Путивле на забрале». Венчанные муж и жена являют собой одно целое:

...Ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, въ Господе. Ибо какъ жена отъ мужа, такъ и мужъ чрезъ жену; все же – отъ Бога (1 Коринф. 11 : 11–12).

Молитва о плененном выводит из плена (просьба об этом имеется в утренних молитвах), тем более если это молитва жены о муже. Ее молитва стала решающей в промысле об Игоре². Трижды употребляет автор слово «рано» при описании плача Ярославны, и трижды воспроизведена природа на Руси ясным днем. Русская земля ассоциируется у автора с солнцем, светом. Половецкое поле как земля чужая, неприветливая – с ночью, тьмою. Граница между ними – Донец как река (или огненная река), отделяющая рай от ада или земли [Клейн, с. 64–68].

Ярославна описана средь бела дня, а Игорьь – во тьме. К нему, в ночь, возвращается автор. Князь держал в уме мысль о побеге со всеми своими мужами и не соглашался бежать один: «Азь славы дѣля нѣ бѣжахъ тогда от дружины, и нынѣ не славнымъ поутемъ не имамъ поити» [ПСРЛ, т. 2, с. 650]. Эту мысль его советчики назвали неудобной Богу, поскольку возвращавшиеся из похода половцы собирались перебить всех пленных.

Летописец эмоционально описывает состояние Игоря непосредственно перед бегством, когда решается его судьба и происходит его третье обращение к Богу. Игорьь

...вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонился образу Божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! Аще спасеши мя, владыко, ты недостойнаго?!» И взяв на ся крестъ и икону, и подоима стѣноу, и лѣзе вонъ [Там же, с. 651].

Спасение Игоря из плена рассматривалось как результат помощи Бога. Сам Господь говорит в Священном Писании:

И воззовете ко Мне, и пойдете и помолитесь Мне, и Я услышу вас; и възыщите Меня и найдете... и возвращу вас из плена (Иер. 29 : 11–14).

В плен князь Игорьь попадает промыслом Божиим, и Божиим промыслом избавляется от него. Игорьь шел за славой, но обрел бесславие. Но нижней, пиковой точкой бесславия был побег, поэтому «чашу бесславия» князь должен был испить до дна и вернуться домой «неславным путем» – бегством из плена, проявив смирение. Решаясь на побег («неславный путь»), Игорьь берет с собой крест и икону, возлагая надежду на помощь Бога. Тогда становится понятным, почему автор «Слова» указывает, что «Игореву князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую»: он прощен Богом после раскаяния князя.

Поход Игоря был из света во тьму, путь домой – из тьмы («полуночи») на свет: «Солнце светится на небеси, князь Игорьь в Русской земли», – свидетельствует «Слово». За внешними совпадениями кроется глубокий религиозный смысл. Игорьь шел за победой и земной славой, а по Божьей воле получил поражение и унижительный для князя плен. В плену он проявил смирение, покался (начало избавления) и обрел

² О молитве Ярославны см.: [Ужанков, с. 311–312].

не только внешнюю, но и внутреннюю свободу. Произошло его духовное преобразование. Намечается его возвращение не только как блудного сына домой, но и к простившему его Отцу Небесному [Александров, с. 417–422; Гаспаров, с. 298–299; Есаулов, с. 36–37]. В этом и кроется смысл всех испытаний и страданий, которые были посланы ему Богом.

Аллюзия с евангельской притчей заметна и в летописной повести. Княжескую власть, честь (достаток) Игорь Святославич получил от Бога, но все потерял и погубил по гордыне своей, отправившись в поле половецкое за славой, пренебрегая заповедями Господними. Претерпев испытания (моральные – угрызения совести, и физические – ранение и плен) и осознав свой проступок, он в молитве обращается к Отцу Небесному:

Владыко Господи Боже мои, не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ, рабомъ твоимъ [ПСРЛ, т. 2, с. 644].

И как отец простил и принял своего блудного сына, так и Господь простил и принял Своего – князя Игоря, избавил (именно такой глагол использует автор повести) его от плена и помог возвратиться домой: «...избави и (его) Господь за молитвою христьяньскоу» и «Се же избавление створи Господь... [Там же, с. 649, 651].

Автором подразумевается не только физическое возвращение князя Игоря в свое родное Отечество – Новгород-Северское княжество, но и духовное его возвращение в Отечество Небесное.

Список литературы

- Александров О.* Література Київської Русі: Між міфопоетикою і христьянським символізмом. Одеса : Астропринт, 2010. 472 с.
- Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М. : Аграф, 2000. 608 с.
- Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 220 с.
- Еремин И. П.* Литература Древней Руси : (Этюды и характеристики). М. ; Л. : Наука, 1966. 262 с.
- Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводск. ун-та, 1995. 287 с.
- Клейн И.* Донец и Стикс (Пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») // Культурное наследие Древней Руси. М. : Наука, 1976. С. 64–68.
- Літописні оповіді про похід князя Ігоря / Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В. Ю. Франчук. Київ : Наукова думка, 1988. 190 с.
- Памятники литературы Древней Руси : в 12 т. М. : Худ. лит., 1981. Т. 3. XIII век. 616 с.
- Повесть временных лет. 2-е изд. СПб. : Наука, 1996. 668 с.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1940. 188 с.
- ПСРЛ. М. : Языки рус. культуры, 1997–. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 496 с. Т. 2. Ипатьевская летопись. 648 с. Т. 18. Симеоновская летопись. 328 с.
- Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М. : Наука, 1972. 520 с.
- Слово о полку Игореве. М. ; Л. : Наука, 1950. 483 с.
- Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М. : Академика, 2015. 512 с.
- Франчук В. Ю.* Киевская летопись : (Состав и источники в лингвистическом освещении). Киев : Наукова думка, 1986. 183 с.

Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. 372 с.

Шахматов А. А. История русского летописания : в 2 т. СПб. : Наука, 2011. Т. 2. Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. 647 с.

Яценко Б. И. Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году // Рус. лит. 1985. № 3. С. 31–42.

References

Aleksandrov, O. (2010). *Literatura Kiivs'koï Rusi: Mizh mifopoetikoyu i khristiyans'kim simbolizmom* [The Literature of Kievan Rus': Between Mythological and Christian Symbolism]. Odessa, Astroprint. 472 p.

Demkova, N. S. (1997). *Srednevekovaya russkaya literatura* [Mediaeval Russian Literature]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 220 p.

Eremin, I. P. (1966). *Literatura Drevnei Rusi (Etyudy i kharakteristiki)* [Literature of Medieval Rus' (Studies and Characteristics)]. Moscow, Leningrad, Nauka. 262 p.

Esaulov, I. A. (1995). *Kategoriya sobornosti v russkoi literature* [The Category of Collegiality in Russian Literature]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta. 287 p.

Franchuk, V. Yu. (1986). *Kievskaya letopis' (Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii)* [The Kiev Chronicle (The Composition and Sources through Linguistic Analysis)]. Kiev, Naukova dumka. 183 p.

Franchuk, V. Yu. (Ed.). (1988). *Litopisni opovidi pro pokhid knyazya Igorya* [Chronicle Descriptions of Prince Igor's Campaign]. Kiiiv, Naukova dumka. 190 p.

Gasparov, B. M. (2000). *Poetika "Slova o polku Igoreve"* [Poetics of *The Tale of Igor's Campaign*]. Moscow, Agraf. 608 p.

Klein, I. (1976). Donets i Stiks (Pogranichnaya reka mezhdu svetom i t'moyu v "Slove o polku Igoreve") [Donets and Styx (the Border River between Light and Darkness in *The Tale of Igor's Campaign*)]. In *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi*. Moscow, Nauka, pp. 64–68.

Pamyatniki literatury Drevnei Rusi v 12 t. [Literary Works of Medieval Rus'. 12 Vols.]. (1981). Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 3. XIII vek. 616 p.

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. (1996). 2nd Ed. St Petersburg, Nauka. 668 p.

Priselkov, M. D. (1940). *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv.* [The History of the Russian Chronicles of the 11th–15th Centuries]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 188 p.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (1997–). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. 496 p. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. 648 p. Vol. 18. Simeonovskaya letopis'. 328 p.

Rybakov, B. A. (1972). *Russkie letopistsy i avtor "Slova o polku Igoreve"* [Russian Chroniclers and the Author of *The Tale of Igor's Campaign*]. Moscow, Nauka. 520 p.

Shakhmatov, A. A. (1938). *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv.* [Review of Russian Annals of the 14th–16th Centuries]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 372 p.

Shakhmatov, A. A. (2011). *Istoriya russkogo letopisaniya v 2 t.* [The History of the Russian Chronicles. 2 Vols.]. St Petersburg, Nauka. Vol. 2. Obozrenie letopisei i letopisnykh svodov XI–XVI vv. 647 p.

Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]. (1950). Moscow, Leningrad, Nauka. 483 p.

Uzhankov, A. N. (2015). *"Slovo o polku Igoreve" i ego epokha* [The Tale of Igor's Campaign and Its Era]. Moscow, Akademika. 512 p.

Yatsenko, B. I. (1985). Lavrent'evskaya povest' o pokhode Igorya Svyatoslavicha v 1185 godu [Lavrentievskaya Tale of the Campaign of Igor Svyatoslavich in 1185]. In *Russkaya literatura*. No. 3, pp. 31–42.

THE DEATH PENALTY MORATORIUM IN 18th-CENTURY RUSSIA*

Elena Marasinova

Institute of Russian History of RAS,
National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article examines the twenty-year moratorium on the death penalty in 18th-century Russia during the reign of Elizabeth Petrovna. The paper analyses the most important reasons for the unofficial abolition of capital punishment and the correlation between the decision of the empress and the events of the palace coup of 1741. The moratorium on the death penalty raised the urgent issue of “pardoned convicts”, whose conditions of detention on Rågervik Island are also described in the article. Such a harsh and peremptory humanisation of criminal penalties undertaken solely on the internal motives of the empress aroused the displeasure of the Senate and affected the preparation of the draft of the New Law Code. Only the death of Elizabeth prevented the impending conflict of the throne with the court elite. The moratorium on the death penalty considerably influenced not only the internal political climate of subsequent reigns, but also the foreign perception of the Russian Empire. Three years after the death of Elizabeth in 1764, the Italian philosopher Cesare Beccaria published his famous treatise *On Crimes and Punishments*, in which he proved the inconsistency of the death penalty, both in terms of the concept of a social contract and in terms of the effectiveness in the prevention of serious crimes. Beccaria used the ‘Great Example of the Russian Empress’ as an important argument not only in his famous treatise, but also in discussions with Leopold I, duke of Tuscany, who was the first to abolish the death penalty in Europe in 1786 under the influence of the philosopher’s arguments.

Keywords: death penalty; political death; social control; social consciousness; 18th-century Russia.

---

* This project is supported by the Russian Foundation of Fundamental Research, project 18–09–00461. I would like to thank the Mikhail Prokhorov Foundation for the opportunity to include foreign publications in the text of the article. See about these issues and aspects in Russian: [Марасинова, 2014а; Марасинова, 2014б].

** *Citation:* Marasinova, E. (2019). The Death Penalty Moratorium in 18th-Century Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1086–1106. DOI 10.15826/qr.2019.4.426.

Цитирование: Marasinova E. The Death Penalty Moratorium in 18th-Century Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1086–1106. DOI 10.15826/qr.2019.4.426.

Статья посвящена феномену двадцатилетнего моратория на смертную казнь в России XVIII в. во время правления Елизаветы Петровны. Анализируются важнейшие причины негласной отмены высшей меры наказания и связь этого решения императрицы с событиями дворцового переворота 1741 г. Мораторий на смертную казнь с особой остротой поставил вопрос о судьбах «помилованных колодников», условия содержания которых на острове Рогервик также описываются в статье. Столь резкая и безапелляционная гуманизация уголовных наказаний, предпринятая исключительно по внутренним мотивам императрицы, вызвала недовольство Сената и отразилась на подготовке проекта нового Уложения. Лишь смерть Елизаветы Петровны предотвратила назревавший конфликт престола с придворной элитой. Мораторий на смертную казнь имел глубокие последствия, повлиявшие не только на внутривластический климат последующих правлений, но и на внешнеполитическое восприятие Российской империи. Итальянский философ Чезаре Беккариа через три года после смерти Елизаветы Петровны (1764) издал трактат «О преступлениях и наказаниях», в котором доказывал несостоятельность смертной казни как с позиции общественного договора, так и для предупреждения тяжких преступлений. «Великий пример русской императрицы» Беккариа использовал в качестве важнейшего аргумента не только в своем знаменитом трактате, но и в дискуссиях с Леопольдом I, герцогом Тосканским, который в 1786 г. впервые в Европе отменил смертную казнь под влиянием доводов философа.

Ключевые слова: смертная казнь; политическая смерть; социальный контроль; общественное сознание; Россия XVIII в.

Before the Icon of the Saviour

As is well known, not a single execution took place throughout the entire twenty-year reign of Empress Elizabeth from 1741 to 1761. The French diplomat and man of letters Joseph de Maistre referred to this 'abolition' of the death penalty during her reign as 'false philanthropy and a sign of national inferiority' [Местр, с. 85, 284–285]. The Italian philosopher Cesare Beccaria, however, took inspiration from the 'renowned example of the Empress of Moscovia' and, three years after her death, published his work *On Crimes and Punishments* [Beccaria, 1809]. Catherine II praised this meritorious act of "our Auntie Elizabeth" as superior to "the most glorious conquests," while herself making an exception for cases involving "disturbances of the national peace" – executing Lieutenant Mirovich and those who had taken part in the Plague Riot of 1771 and the Pugachev Rebellion of 1773–1774 [Екатерина II, 1907, с. 62].

This precedent, unique not only for Russian history but for all countries in the early modern era, has remained virtually without academic interpretation. Specialists have stubbornly contented themselves with the account of Prince Mikhail Shcherbatov, who wrote of the palace coup of 1741:

Она при шествии своем принять всероссийский престол пред образом Спаса Нерукотворенного обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет¹ [Радищев, Щербатов, с. 55].

This story, with some variations, is reproduced in all works devoted to the reign of Elizabeth. However, research into the circumstances of this mid-eighteenth century suspension of the death penalty contains rich material for the study of the self-consciousness of the imperial person, for the channels of representation of power, mechanisms of social control, and the correlation between divine and state law in the notions of contemporaries. Apart from this, the events connected in one way or another with this subject give us the opportunity to understand what consequences may arise from prayer and the heightened religious feelings of an autocratic monarch.

Specialists have often expressed sceptical opinions regarding the authenticity of such a classically² arranged scene as that portrayed by Prince Mikhail Shcherbatov in his essay. However, the French envoy at the Russian court, le Marquis de la Chétardie, who had played a key role in the events of the coup of the 5 December 1741, informed Paris the very next day of the circumstances surrounding the transfer of power in Russia in these terms:

On 5 December, four-thousand guardsmen received the sudden order to march out to Vyborg in twenty-four hours. <...> Elizabeth's party regarded [this] as intended to remove the guards from the scene, in view of their well-known devotion to the princess. The [princess's] supporters persuaded her to decide upon carrying out their plan. On the same night of 5/6, she first prayed to God, then sat in her sleigh and set off straight for the barracks [Маркиз де ля Шетарди в России, с. 398–400].

Moreover, Chétardie mentions the names of three witness of the prayer uttered by the future empress: chamber-junker M. I. Vorontsov, the surgeon Johann Lestocq, and Jacob Schwarz, 'who had served initially as a musician, receiving a small pension from the Imperial Academy of Sciences, and who enjoyed free access to the court of the princess, who from time to time had granted him significant allowances' [Там же].

The reliability of Chétardie's testimony is confirmed in the notes of Christoff Manstein, a Prussian major-general then in Russian service, as well as in the dispatch of the Dutch resident in Saint Petersburg, Marselies de Schwart [Манштейн, с. 250; Маркиз де ля Шетарди

¹ 'While making her move to take the throne of All Russia, she vowed before an image of the Saviour Not-Wrought-By-Human-Hand that, should she gain the throne of her forefathers, none should receive the death penalty by her command for the entirety of her reign' (Hereinafter the translation of E. Marasimova).

² Reference is made in Russian sources of the staging of such a *mise en scene*. On 1 September 1598, having accepted the royal crown from the patriarch, the elected Tsar Boris Godunov solemnly swore to have nobody put to death for a period of five years [Устрялов, с. 11–12].

в России, с. 425–426].³ Moreover, the noted nineteenth-century historian and philologist P. P. Pekarskii states in his research that he managed to get hold of, by chance one time in Moscow, an eighteenth-century manuscript, to all appearances a poor translation of some foreign account in which several highly curious facts were related. On 18 December 1741, on the birthday of the recently enthroned Empress Elizabeth, the Russian resident at the English court had, on the request of those there assembled, retold a letter he had received from a friend in Petersburg. It turned out that Elizabeth's predecessor, Anna, had actually decided to send the unreliable guards regiments out on a campaign. On the evening of 5 December, a delegation of nine grenadiers had been sent to Grand Duchess Elizabeth Petrovna with the following plea:

All-Merciful Sovereign! Deign to see the misfortune thou and all Russia now bear: we are to be sent on campaign tomorrow morning, have mercy, do not leave us orphaned, but shield us with thy motherly vouchsafement from this plan! [Маркиз де ля Шетарди в России, с. 431–433].

According to the words of the resident, then occupying the centre of attention at the English court, the future empress had welled up with tears, requesting everyone to go out into the next room, 'and herself, bowing her head to the ground before an image of the Saviour, pray[ed] in the secrecy of her own heart' [Там же]. Elizabeth then appeared with a crucifix before her waiting faithful subjects and demanded their oath of loyalty [Там же].

The empress's prayer was no brief emotional impulse, though her promise, made before the icon of the Saviour not to deprive a single one of her subjects of their life, contained no rational principle connected with the humanistic ideas of the Enlightenment. The impulsive actions of the Russian monarch the night before the coup were motivated, primarily, by her deep religious sensibilities. Shcherbatov also noted insightfully that:

Хотя не можно сказать, чтобы Елизавета Петровна не имела исполненное человеколюбием сердце, но смертные казни при самом восшествии ее на престол отставлены были не на основании систем человеколюбия, но по единой набожности⁴ [Щербатов, с. 66].

For the empress, the image that had opened her way to power took on a lofty sacral significance. In September 1742, J. S. Petzold, secretary to the Saxon embassy, informed August III that:

³ In 1754, the French *Gazette d'Utrecht* confirmed the existence of a peculiar moratorium on the death penalty in Russia, which had been introduced solely as a result of a "formal promise", made by the Russian empress on the night of the "wondrous transition which raised her to the throne" [Архив князя Воронцова, с. 649–650].

⁴ "Although it cannot be said that Elizabeth Petrovna was lacking a heart filled with philanthropy, the suspension of death sentences on her very accession to the throne were based not on any philanthropic system, but on religious devotion alone".

Last Thursday, there occurred for the first time, on the orders of Her Majesty the Empress, a nationwide church celebration in honour of the miracle-working icon that Emperor Peter I had had brought into his home during dangerous and important ventures, and which had been brought before the empress on the night she led the troops of the guards out of their barracks and then took the throne [Дипломатические документы, с. 442].

Elizabeth created a special cult of this icon of the Saviour, handing it over for safekeeping to the Donskoi monastery, regularly arriving in the company of the court to pay reverence to the image and obtaining a diamond worth thirty-thousand roubles for its casing [Там же].

If the reliability of this account is accepted, it then becomes clear why this richly decorated image found its way to the Donskoi monastery. To keep up such a ritual was beyond the strength of any mortal, but the prohibition of the death penalty by the autocratic will of the monarch in absolutist Russia was quite real.

“Sentences of execution and political death are not to be carried out”

The decree suspending the carrying out of sentences for those convicts sentenced to death, political death, or, in certain cases, eternal exile was issued on 7 May 1744. The chanceries were thenceforth to send case descriptions to the Senate and await further instructions. This essentially unprecedented decision was formulated in a restrained manner, without any explications and accompanied only by a short remark: ‘It is perceived that death sentences and political death not be carried out on either the guilty or the innocent’ [ПСЗ-1, т. 12, № 8944 (1744, 7 мая), с. 114].

The monarch was clearly displaying caution here, resulting in a lack of clarity in interpretation: on the one hand, it was ordered that ‘executions not be carried out’ [Там же]; on the other, the number of death sentences issued was by no means restricted, and they continued to be pronounced on the basis of existing legislation as though nothing had changed. Even among the upper classes, few were made aware that any moratorium had been declared. The decree of 5 May 1744 was composed in the empress’s own hand as a resolution on a report submitted to her by the Senate, written on the very same sheets of paper. This original was at once hidden away in a secret dispatch, with a copy produced for public consumption that contained only the monarch’s instructions that case extracts for those sentenced to the most severe punishments be sent without delay. It was precisely this copy, omitting all mention of the existence of any concealed decree, which was sent out to the collegia, chanceries, governorates and provincial administrations.

The preparation of extracts for royal confirmation was entrusted to a specially created Senate expedition headed by the secretary Ivan Sudakov. Hearings of sentences given to those condemned to death or political

death took place in the utmost secrecy: Senate minute-takers were not permitted to attend these sessions, and Sudakov's special expedition with its clerks was given 'a chamber set apart from public affairs' [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 99–100].

In turn, observance of the accepted but unpublicised moratorium demanded permanent monitoring by the government and even the intervention of the royal personage in the most varied legal cases. The decision to suspend the death penalty was reiterated with disturbing regularity throughout Elizabeth's reign and gave rise to all manner of new renditions, clarifications and explanations. The persistent repetition of one and the same decree bears witness to the difficulties associated with its implementation, and to the fact of its occasional contravention, several instances of which reached the throne and found reflection in legislative acts.

For example, in 1749, when the governor general of Kiev, M. I. Leontyev, was forced to inform the Senate that, despite the published decree, two Cossacks had been hanged in Zaporozhye for banditry and robbing the home of the Polish Jewish copyholder Shmoll. Here, the koshevoi ataman of the Zaporozhian host had referred in his report to a certain imperial ordinance, clearly known to himself alone, to proceed with death penalties: without such, «it would be impossible to eradicate thievery and other mischief» [ПСЗ-1, т. 13, № 9586 (1749, 13 марта), с. 25] (on this, also see: [СОЛОВЬЕВ, 1964, кн. 12, т. 23–24, с. 40]). Not long before this, a similar paper had come from the chancellery of Revel province. The local landrath and magistrate asked the Senate not to abolish their 'ancient justice', urging that they be permitted to retain the privilege to sentence convicts to death without confirmation from the sovereign, justifying this by the increasing numbers of 'evildoers' on their hands and the ever more difficult task of keeping them fed [ПСЗ-1, т. 12, № 9312 (1746, 5 авг.), с. 583–584].

The position of the throne with regard to such attempts at revision of the legislation remained firm: in all territories of the empire, without exception, 'those condemned to death and political execution are not to have these sentences carried out, case descriptions are to be sent to the Senate and a decree awaited' [ПСЗ-1, т. 12, № 8944 (1744, 7 мая), с. 114]. Of course, no further instructions were forthcoming: the Senate was inundated with lists of convicts. The prisons and places of incarceration were filled to bursting, but the death sentences remained only on paper. The empress was zealously attached to the enacted legislation, acting in advance, on the annexation of new territories, to immediately dispatch orders there on the suspension or abolition of the death penalty.⁵ The moratorium even extended to those convicted by the Secret Chancellery and to military criminals. On 31 May 1744,

⁵ Cf. the 1794 *imennoi ukaz* (edict that the empress signed) 'on the abolition of torture and execution' in the Lithuanian provinces; the 1801 *imennoi ukaz* on the abolition of the death penalty in Georgia, etc. (See the emperor's decree of 1794 on the end of torture and the death penalty in the Lithuanian provinces; the emperor's decree of 1801 abolishing the death penalty in Georgia, etc.: [ПСЗ-1, т. 23, № 17264 (1794, 20 окт.), с. 576; т. 25, № 18943 (1799, 20 апр.), с. 622–623; т. 26, № 20007 (1801, 12 сент.), с. 786]; etc.

the Senate sent out special instructions to both the agencies of political investigation and to the regimental leib-companies and leib-guards [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 18–18 об.].

As a result, in the ten years following the promulgation of the decree of 1744, 279 death sentences accumulated in the Senate and a further 3,579 cases concerning murder, theft and brigandage were pending, awaiting the confirmation of the empress. ‘The number of convicts grew by the hour’ and the jailers were unable to cope with their duties [ПСЗ-1, т. 13, № 10086 (1753, 29 марта), с. 817–819] (on this, cf. also: [Анисимов, с. 256]). Catherine II also recalled of the first few months of her reign that:

Тюрьмы были так наполнены колодниками, что хотя при смерти своей императрица Елизавета Петровна освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации моей 22 сентября 1762 года оных еще до восьми тысяч было⁶ [Екатерина II, 1917, с. 200–201].

There appeared an ambiguity – what was to be done with the growing numbers of thieves, murderers, forgers and other ‘evildoers’ who, while awaiting their fate, required close security and a not insignificant degree of ‘maintenance’? [Сенатский архив, 1893, с. 642–643]. The decree on suspending the death penalty had been signed, but all sentences remained without royal confirmation and without alternative punishment. In March 1746, the Senate reported that it had already received 110 accounts of murders, 169 case notes on thievery, banditry and other crimes, and 151 life sentences of hard labour. Having described the situation, the senators themselves suggested a solution to the empress: ‘that all of the above described be sent to labour at Rågervik’ [Там же].

The ‘Rye Island’ of Rågervik

‘Rye Island’ was the name given by the Swedes to a rarely frozen natural harbour fifty kilometres from Revel, which passed to Russia during the Northern War. Peter visited Rågervik six times, personally conducting a survey of the depth of the harbour and taking the decision to construct a port on the site and a stone embankment from the island to the mainland. In 1718, the first Russian emperor attended in person the foundation-laying of the seawall and a fortress on the coast. Control over the work was entrusted to a descendant of Scottish émigrés, the engineer Major Johann Ludwig Luberas, and the first labourers would be sullen and refractory, though mostly harmless, poor beard-wearers and schismatics, made available by the moratorium on the death penalty. In 1722–1723, two royal edicts were issued, ‘on the exiling to Rågervik of those not willing to shave their beards and being unable to pay the fine’ [ПСЗ-1, т. 6, № 4041 (1722, 28 июня),

⁶ ‘The prisons were so full of convicts that even though seventeen thousand had been granted amnesty by Empress Elizabeth Petrovna on her death, at the time of my coronation on 22 September 1762 they still numbered up to eight thousand.’

с. 725; № 4109 (1722, 15 окт.), с. 782] and 'on the exiling of schismatics to eternal labour at Rågervik instead of to Siberia' [ПСЗ-1, т. 7, № 4256 (1723, 28 июня), с. 86–87]. The number of convicts engaged in hacking away at the cliffs and dragging away unliftable boulders would, on occasion, reach three thousand (on this cf., for example: [Сенатский архив, 1893, с. 639]). Construction continued, but the plight of those driven to break stones for holding fast to the faith and traditions of their forefathers did not escape the almighty reforming emperor. In the last decrees issued by the dying autocrat on 26 and 27 January 1725, he commanded that all convicts be freed, save murderers and bandits, that they might pray to God for the alleviation of His Majesty's sufferings [ПСЗ-1, т. 7, № 4638 (1725, 26 янв.), с. 408; № 4642 (1725, 27 янв.), с. 409–410]. On 28 January, Peter was no more. On 30 January, Empress Catherine Alexeevna, clearly motivated by concerns for the soul of her deceased royal husband, confirmed once more the amnesty extended to those convicted of less serious crimes.⁷

While royal mercy and displays of Christian spirituality on the throne are, of course, touching, Rågervik was emptied and the port began to experience labour shortages. According to Lubertas's report of 1726, only 450 persons remained at the fortress, of which 150 would soon be transferred to the silver mines in Nerchinsk. By 1746, the Senate discovered that the island housed

...nobody, apart from ten artisans, and the works begun there were not being carried out, with the timbers having become unusable due to lying for so long in damp and poor weather conditions, and the breakwater that had been built by the hard labour of the convicts, was now [almost half] submerged by water [Сенатский архив, 1893, с. 639–642].

After having described all the advantages of keeping a timber fleet in a salt water port that rarely ever froze over,⁸ the senators recommended to Elizabeth that work be renewed on Rågervik harbour.

The empress received the Senate's report in March 1746, and was already making a personal visit to Rågervik in July, where a demonstration of naval manoeuvres had been planned involving thirty-two military vessels, though this intention was foiled by the absence of a suitable wind. Elizabeth was accompanied by the court, representatives of prominent noble families, the heir to the throne and his wife, the Grand Duchess Catherine Alekseevna.

⁷ Cf.: [ПСЗ-1, т. 7, № 4645 (1725, 30 янв.), с. 411–412] as well as various other decrees of Catherine I on improving the situation of convicts, "apart from those convicted on the first two points, of murder and repeated robbery": [ПСЗ-1, т. 17, № 4655, 4968, 4970, 4985] and others.

⁸ The Danish pastor, Peder von Haven, having travelled through Russia, also noted the advantages of Rågervik's harbour and the crippling inadequacies of the port at Kronstadt: «However many new ships are built, as many old ones are rendered unserviceable each year. The main reason for this is considered to be the peculiar nature of the water in this harbour, which is why the work on construction of a new port, began by Emperor Peter I, has been renewed' ([Хавен, с. 305].

The young German princess hurt her feet on the island's rocky surface, and was, perhaps, the sole member of the party to notice the Rågervik convicts in her written account. Catherine recalled:

Почва этого местечка каменистая, покрытая густым слоем мелкого булыжника. <...> Мы стояли здесь лагерем и должны были ходить по такому грунту в течение нескольких дней; у меня ноги болели потом целых четыре месяца. Каторжники, работавшие на моле, носили деревянные башмаки, и те не выдерживали больше восьмидесяти дней⁹ [Екатерина II, 1859, с. 50]¹⁰.

Following Elizabeth's visit, the number of these convict labourers, working on the breakwater increased markedly.¹¹ Convicts sentenced to death or political death were drawn thither from all across Russia, with the exception of the provinces of Siberia, Astrakhan and Orenburg (cf., for example: [ПСЗ-1, т. 13, № 9943 (1752, 23 февр.), с. 609; т. 14, № 10541 (1756, 12 апр.), с. 551–552]). And yet some Muslims, 'Trukhmentsy, Kalmyk and others', shackled hand and foot in chains under the watch of an 'appropriate convoy' [ПСЗ-1, т. 14, № 10764 (1757, 24 сент.), с. 795–796], did end up being driven to Rågervik from Astrakhan and Orenburg.¹² Women found guilty of serious crimes were unsuited for stone breaking and so were sent to Siberia.¹³

The crowd at the harbour construction site had changed in comparison with Peter's day. The majority were now not gloomy beard-wearers and religious dissenters, but murderers, bandits and forgers of counterfeit notes. Guarding these was both dangerous and difficult due to the regime demanding the constant presence of officers and soldiers on the breakwater in wind, rain and snow. The celebrated Andrei Bolotov happened to be serving in the guard there on Rågervik in 1755. 'The honest or villainous throng' with whom the future memoirist had to take daily roll-call, impressed him with their variety and striking confirmation of the dictum that in Russia one can never 'rule out either the beggar's bowl or the gaol' [Болотов, стб. 341–342].

⁹ 'The soil of this spot is stony, covered in a thick layer of fine gravel. <...> We set up camp here and had to walk on this gravel for several days in a row; my feet ached for a full four months afterwards. The convicts working on the breakwater pier wore wooden clogs that didn't last any longer than eighteen days.'

¹⁰ In the St Petersburg edition of 1907, this topic was omitted, cf.: [Екатерина II, 1907, с. 92–93]. Cf., for example, other recollections of the court's 1746 visit to Rågervik island: [Jetze, 1788, s. 92–97 etc.; Императрица Елизавета Петровна, с. 417–420; Поездка императрицы Елизаветы Петровны, с. 5–12 и проч.].

¹¹ In 1751 alone, the number of 'those exiled convicts assigned to labour in Rågervik [was] around 2,000 persons' [ПСЗ-1, т. 13, № 9871 (1751, 31 июля), с. 462–463; № 9872 (1751, 31 июля), с. 463–464].

¹² The Senate decree on exile to Rågervik of serious criminals from the governorates of Orenburg and Astrakhan: Trukhmentsy, Kalmyks and other Mohammedans [ПСЗ-1, т. 14, № 10764 (1757, 24 сент.), с. 795–796].

¹³ The Senate decree on not sending to Rågervik women condemned to death; and on their life exile to Siberia [ПСЗ-1, т. 13, № 9911 (1751, 28 нояб.), с. 543–544].

Были тут [люди] всякого рода, звания и чина: знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякого рода подлость... кроме русских, были тут люди и других народов, были французы, немцы, татары, черемисы и тому подобные¹⁴ [Болотов, стб. 341–342].

Having escaped execution and political death, the convicts were doomed to severe suffering and a speedy end.

Каторжных водили на работу окруженных со всех сторон беспрерывным рядом солдат с заряженными ружьями, собственное жилище их построено в превеликом остроге... разделенном внутри на разные казармы. Сии набиты полны злодеями, которых в мою бытность было около тысячи. <...> Все без изъятия они закованы в кандалах, и многие имеют двойные и тройные железа¹⁵ [Там же].

From 1753 to 1756, 13,242 inmates arrived on the island of Rågervik, of whom 13,101 perished there (on this cf., for example: [История пролетариата СССР, с. 179]).

During the years of Elizabeth's reign, the Rågervik labour camp served an important function as a colossal prison at a time when the empress firmly upheld the suspension of execution. Although it seemed that the practical aspect of things had been dealt with, an underlying conflict remained between the political elite and the sovereign on the matter of the death penalty.

'The Senate has great misgivings'

The senators expressed their bewilderment in the autumn of 1743, immediately after the empress had sent her instructions to Field Marshal Lacy that Stockholm be informed of the substitution in Russia of political death for the death penalty, even for such terrible crimes as offences caused to Swedish subjects. Elizabeth's insistence, pronounced in a May 1744 royal decree written in her own hand on the suspension of execution of convicts and sent directly for the attention of the Senate, stoked passions even further.

The senators attempted to dissuade the monarch and immediately put forward several arguments against a moratorium on the death penalty. First of all, they stated that the numbers of thieves, bandits, murderers and forgers left among the living would grow unceasingly. This army

¹⁴ 'Here were found [people] of all types, callings and ranks: the well-born, nobles, merchants, artisans, clergymen and all manner of scum... and apart from Russians there were people too of other nations, there were Frenchmen, Germans, Tatars, Cheremis and the like.'

¹⁵ 'The convict labourers were led out to work surrounded on all sides by an unbroken line of soldiers with loaded weapons, they built their own quarters in a great fort... divided inside among the different barracks. These were packed completely full with miscreants, who numbered around a thousand in my time there... They were all clapped in irons that were never taken off, many of them with double or triple shackles.'

of villains would be very difficult to hold in subjection, and escapes would doubtless ensue, leading to the ruin of her law-abiding subjects. Secondly, these subjects, seeing the absence of punishment, would themselves become inclined to evildoing, and the army to insubordination. Finally, in the opinion of the senators, this perilous form of mercy went directly counter to the traditions of Russian law-making, particularly against the firm governmental actions of the 'parent' of the ruling sovereign, 'the blessed and eternally worthy of memory Peter the Great', who had punished 'mortal guilt' with ruthless executions [Сенатский архив, 1892, с. 651; Сенатский архив, 1893, с. 62, 642]. The dignitaries diffidently suggested that only death sentences be presented for the monarch's inspection, and that the sentence of political death be carried out, as formerly, on the provincial level. To all these protocols and their many pages, the empress replied with the single instruction – 'that political death sentences not be carried out' [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4, 5 об., 10–10 об.; Д. 1023. Л. 14–16 об.] (on this, see also: [Писаренко, с. 33, 44–48]).

The opinion of the ruling elite was thus dismissed with ease in autocratic Russia, and the moratorium on capital punishment and political death was enacted and rigorously enforced. However, the contradictions concealed behind the faithful-subject rhetoric of the Senate's reports would also reveal themselves distinctly in the composition of the unfinished text of the new law code.

In August 1754, on the motion of the empress's favourite P. I. Shuvalov, a specially convened Senate commission sat for the 'composition of clear and understandable laws' [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4, 5 об., 10–10 об.; Д. 1023. Л. 14–16 об.],¹⁶ including in its number Major General Ivan Divov, vice president of the College of Justice Fyodor Emme, Senate Ober-Secretary Alexander Glebov, college assessor Vasilii Liapunov, burgomaster and chief magistrate Ivan Vikhliaev, senior judge of the detection prikaz Nikita Bezobrazov, senior judge of the judiciary prikaz Ivan Iushkov, and Academy of Sciences professor Friedrich Heinrich Strube de Piermont. These 'elucidators and experts in law' were furnished the aid of experienced clerks, as well as such means from the state bureaucracy as paper, ink, sealing wax, firewood and candles. Their task was to write up the project for a future law code, comprising four parts – 'on the courts', 'on the various conditions of subjects', 'on moveable and fixed property', and 'on executions, punishments and fines' [ПСЗ-1, т. 14, № 10283 (1754, 24 авг.), с. 201–209]. A year later, two of these were ready; the most thoroughly elaborated, from the commission's point of view, was the so-called 'justice' and 'criminal' sections. To all appearances, however, the wax and quills had been used up in vain – Elizabeth kept silent on the project submitted to her until 1759, after which she ordered the text to be revised and the two other parts

¹⁶ For details on the work of the Commission as a whole, cf.: [Омельченко, с. 39–53].

completed. The commission was reinforced by the addition of the senators Roman Vorontsov and Mikhail Shakhovskii [ПСЗ-1, т. 15, № 11335 (1761, 29 сент.), с. 793].¹⁷ In the fateful year for the empress of 1761, she finally received in her hands a manuscript work intended to direct the sovereign's attention to the truly meticulous investigation of the issue, including 'arguments previous to the commission' and matters as 'reasoned by the present commission' [Сенатский архив, 1892, с. 651; Сенатский архив, 1893, с. 62, 642].¹⁸

However, at first glance, the articles of the codex presented, on the one hand, merely a continuity with the Council Code, Military Articles, Naval Regulations and General Regulations and, on the other, revealed a total obliviousness of all the decrees issued by the ruling monarch concerning the death penalty and political death. After a decade of a virtual moratorium in practice on the execution of such sentences, the sphere of action for the most drastic forms of punishment was extended, and the very procedure of execution made crueller. According to the project, lives were to be taken not only of convicted bandits, murderers and forgers: the scaffold was also open to those who had stolen over forty roubles, any thief convicted for a third time, importers of metal money from abroad, tomb robbers, those causing damage to another's health by means of roots, as well as governors or military commanders who deliberately failed to promulgate among subjects the content of decrees intended for universal awareness, and so forth [Проекты уголовного уложения, с. 120–121, 143–144, 148, 171 etc.]. In other words, the death penalty was proclaimed the single or maximum sanction for a vast spectrum of deeds: crimes against religion, the Church, the state, public order, murder, theft, banditry, smuggling, witchcraft, fornication, complicity, failure to report a crime, and so on.

The methods proposed for the execution of criminals also do not witness any humanisation of criminal law. On this matter, the members of the commission displayed particular inventiveness, and reproduced the most varied kinds of capital punishment: alongside the banal act of beheading, a convict might be quartered, hung by the ribs, burnt, have molten lead poured down his throat, or even be torn apart by five horses,¹⁹ which represented something of a novelty for the Russian tradition.²⁰

¹⁷ The positions freed up on the departure of A. I. Glebov, I. I. Vikhliav and F. H. Strube de Piermont were subsequently filled by A. P. Kvashnin-Samarin and A. M. Erokin.

¹⁸ Corrections to this part of the project for the code were also inserted after the death of Elizabeth during the reign of the new emperor, Peter III.

¹⁹ This fearsome means of execution, in the opinion of the authors of the first version of the project, was befitting of 'evil deeds against the health of a loved one' of the emperor. In the second version, being torn into five pieces was generously replaced by quartering ([Проекты уголовного уложения, с. 76]).

²⁰ Breaking on the wheel was proposed, for example, as punishment for murder in the presence of the emperor, bandits were to be hung by the ribs, counterfeiters to have molten lead poured down their throat, and arsonists and those failing to report them were to be burnt, etc. ([Проекты уголовного уложения, с. 68–69, 76, 92, 103–106, 111, 137–144 etc.]). Strangely, the authors left out impalement and burial alive.

In this context, the project for a new law code cannot be regarded as some peculiar form of legislative rebellion on behalf of the Senate commission. Rather than any softening of the criminal code, Elizabeth's reign was concerned with the rules for the sovereign's confirmation of all sentences of death and political death, which, were not even promulgated among the greater part of her subjects. As for the confirmation of sentences, the authors sensibly proposed a reduction in the level at which sentences were ultimately proclaimed, and that differentiation be included according to the person of the condemned. In other words, it was proposed that the fate of convicts belonging to the nobility and merchants of the first guild be decided at the level of the Senate, and that cases of 'base-born and common villains' be examined no higher than that of the governorate or, in extreme cases, the College of Justice. As for what would follow confirmation, the commission had no doubts, and so, 'without any delay', the condemned would undergo two weeks of repentance, take communion, and on a subsequent day be executed – not in town, to be fair, but 'in an appropriate public place' not far away,²¹ with the crime of the convict and the fact of their execution being promulgated to the universal acquaintance [Проекты уголовного уложения, с. 54–57].

Clearly, it was on precisely this point that the pragmatics of this approach went counter to the nuances of worldview in the empress's decrees, which implied a prohibition on implementation of execution or political death without royal confirmation for any crime, committed by any person, regardless of rank and state, as was also witnessed in the social make up of those exiled to labour on Rågervik.

The situation around the preparation of the code and the position of Elizabeth looks even more incredible if we take into account that, before work began on the second redaction of the project, cabinet minister Adam Olsufyev had proclaimed verbally that 'Her Imperial Majesty commands that the death penalty not be inserted in this new code for those found guilty' [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 41. Ч. 6. Л. 15] (on this, cf.: [Сергеевский, с. XIV; Таганцев, с. 973; Омельченко, с. 42]). This was followed by decrees on the election of noblemen and merchants from the towns for a 'hearing of the newly compiled code' [ПСЗ-1, т. 15, № 11335 (1761, 29 сент.), с. 792–794; № 11378 (1761, 8 дек.), с. 862–863. 1761]. By this, an object of potential public discussion was made not only of the moratorium on capital punishment and political death, but also the fundamental alteration of criminal law itself. It now becomes clear that the empress was in no mind to give way, and only her death ended this confrontation, hitherto unseen in Russia, between the autocrat and the political elite on the matter of introducing humane punishments for serious crimes.

---

²¹ As described famously in song: "For that I grant you, child, high gallows in a field – two posts and a cross-bar" (A. S. Pushkin, "The Captain's Daughter").

The 'renowned example of the Empress of Moscovia'

Thus, in the mid-eighteenth century Russian Empire, a moratorium on the death penalty was observed for over twenty years. The hypothesis, made by Shcherbatov, about the empress's oath before the icon of the Saviour not to deprive a single subject of their life has passed into all textbooks and academic works, being taken on faith and without receiving any scholarly commentary. And yet the attitude of the monarch, the political elite and contemporaries as a whole towards the death penalty constitutes an important characteristic of the frame of mind in a society.

In this case, we are faced primarily with a clear collision of consciousness in a particular individual. In desperate life-or-death situations, it is human nature to turn to God and hope for a miracle when, it seems, nobody is there to help and nothing can save us. Depending on one's individual life history, religion, and depth of spiritual experience, these irrational 'deals' with the Almighty can take on the most unexpected forms.²² The promise made to the preacher from Judaea fits well within the kind of piety specific to the women's chambers at the Russian court and displayed by Elizabeth. To all appearances, Elizabeth really did take upon herself certain obligations to her God in the event of Him granting success to her military insurrection. As is known, the revolt met with success, and so the debt had to be paid.

All these curious details of religious sensibility would have remained the intimate experience of a single person, had this person not been an empress ruling the autocratic Russian Empire. On the one hand, the Byzantine coronation rite lent a special exaltation to the Christian faith of any Russian monarch. On the other, the sacred will of the sovereign, of God's Anointed, was taken in its own right as something incontestable. It is exactly these circumstances, so far from political pragmatism – these existential factors, we might say – that explain the context of the laws on the non-execution of capital sentences.

The impression is made that the decision of the empress to forbid taking death sentences to their conclusion, or enacting political execution without the confirmation of the monarch, was something that concerned solely her own relationship with her God. Her subjects, never mind those 'evildoers' among them whose fate depended directly on this decision, had no business even knowing of its existence. No decree on the moratorium as such, accompanied by explanatory notes and praise of the royal mercy, was ever issued. In its stead came only semi-secret instructions, not intended in any way for 'proclamation to the universal acquaintance', requiring that case notes be presented to the Senate on all those sentenced to the most extreme punishments. The empress thus did not concern herself at all with

---

²² A well-known example of the abgrinndning with markedlyiy material offerings is that of Anton Antonovich Skvoznik-Dmukhanovskii: 'Just grant, God, that it be sent from your Hands the sooner, and then I will set up such a candle as nobody has ever set up before: for each beast of a merchant, I will add three *pud* of wax. O, my God...?' [Gogol Government Inspector].

the fates of the pardoned convicts, any salvation of their sinful souls or any possible correction. They would all die anyway, whether it be under the blows of the knout or due to backbreaking penal servitude on the northern 'isle of Rågervik'.

On the other hand, Elizabeth was steadfast and uncompromising in her resolution, whose motivation she saw no cause to reveal. Clearly, in line with her understanding of Christian truths, there were neither Jews nor Hellenes, and all were saved, not just the elect: nobody was to be put to death, regardless of the crime committed. As well as the abolition of natural execution, the prohibition also fell upon its imitation in the form of being 'placed upon the block or led up to the gallows' which, for the empress, signified the ritual of political death. The theatricalised motions of taking the life of a subject had clearly also been part of the contract made with the Almighty.

Meanwhile, the reflection of a devout empress in absolutist Russia, coming twenty years before the publication of Cesare Beccaria's noted work, effortlessly made a reality that philosopher's dream, something which Europe was only beginning to discuss. However, Elizabeth and the Italian thinker were separated by more than two decades, living in completely different eras: no such enlightened ideals were embodied in her moratorium, but rather a combination of mediaeval religiosity and the autocrat's assuredness that the law of the state and her own will were one and the same. The suspension of executions for serious crimes had no theoretical groundings, and was not connected in any way with the contemporary development of legal thought. The empress had few notions of limiting the public nature of executions to shift the emphasis from a showy retribution to a triumph of justice in the courts,²³ or of moving from the punishment of the body to the prevention of recidivism, or any other ideas that might trouble European philosophers and jurists (on this, see, for example: [Фуко, с. 7–104; Evans, p. 130–137 etc.; Graff, p. 477–491; Martschukat, s. 12–53; Фридланд, с. 119–134; Bryner, p. 389–416] etc.). It was the logic of the Christian Commandments²⁴ that had led her directly to pose the well-known question: 'And who set me here

---

²³ The historiography is practically devoid of any comparative culturological analysis of the public spectacle aspect of the death penalty in Russia and the gradual decline of showy executions in Europe. It can only be stated that, in correspondence with the Assembled Codex, the public aspect of executions, employed as a means of retribution and deterrence, was considered obligatory: 'Death sentences are to be carried out in those places where "thieving people" have stolen or where they lived, so that they be seen, otherwise they would be *povadno*, and such thieves are not to be executed in deserted places' [ПСЗ-1, т. 1, № 431 (1669, 22 янв.), с. 799]. In 1727, an attempt was made to regulate the ritual of executions to some extent. First of all, corpses and heads were removed from columns and spikes, and the remains of the criminals were buried. Secondly, it was forbidden to carry out executions in either capital, with punishment moved outside their boundaries to specially allotted sites as, for example, the Moskovskaia and Vyborgskaia sides outside St Petersburg [ПСЗ-1, т. 7, № 5118 (1727, 10 июля), с. 824; № 5155 (1727, 17 сент.), с. 859; Опись высочайшим указам и повелениям, т. 2, с. 101]. As is well known, the last decree was often ignored in practice.

²⁴ It is characteristic that the members of the Synod, even when in full agreement with the sentence, had no right to sign a death sentence, 'in so far as they belong essentially to a clerical rank. (see, for instance: [ПСЗ-1, т. 14, № 12241 (1764, 15 сент.), с. 906–907]).

as a judge over who should live and who should die?’ Having resolved that the best means of showing gratitude to God would be to refrain from employing the death penalty,²⁵ the Russian empress, by means of her autocratic will, forbade a single execution during her reign, or even imitation thereof in the form of political death, and, a few months prior to her death, raised the question of a fundamental alteration of criminal law, evidently to bring it into line with the faith she professed.

Contemporaries and successors made little effort to fathom the monarch’s motives in all their complexities, which were likely not fully understood by Elizabeth herself. The twenty-year moratorium by supreme order became a reality, however, and perhaps this fact was sufficient to prompt the Italian enlightener to ask ‘whether the punishment of *death* be really just or useful in a well governed state?’ [Beccaria, 1809, p. 83]. In any case, it was precisely Cesare Beccaria who became one of the first to unabashedly applaud “императрица Московии, подавшая отцам народов знаменитый пример, равный по меньшей мере многим победам, купленным кровью сынов отечества”²⁶ [Beccaria, 1780, p. 74, 76–77].

Если только немногие общественные союзы и только на короткое время воздерживались от смертной казни, то это скорее говорит в мою пользу: такова участь великих истин – подобно молнии, озаряющих лишь на один миг мрачную ночь, которая окружает человечество²⁷ [Beccaria, 1809, p. 92].

The empress would never hear these words, nor discover how the moratorium had influenced the mind-set of her subjects. However, two generations of people matured in Russia who had never witnessed a death on the scaffold. The profession of executioner gradually disappeared, as did the skills of erecting a gallows, as was demonstrated by the tragic events connected with the executions of the Decembrists. And the ruling elites became subconsciously accustomed to the death penalty existing only on paper, with the spectacle of public execution no longer constituting the main condition for upholding order in society.

A mere few decades previously, the bodies of criminals left out to hang as a deterrent to others, with tin plaques listing their offences, had been

²⁵ Properly speaking, such logic would not have been something mutually exclusive for the Russia of the mid-eighteenth century. V. N. Tatishchev, in his collection of laws regulating labour in mineral production, expressed similar thoughts on the death penalty, though admittedly only concerning injustices: ‘Some judges, forgetful of the fear of God and the fate of their eternal soul... condemn to death or deprivation of honour without any corresponding evidence’ [Соловьев, кн. 10, т. 19–20, с. 490; Татищев, с. 98 (177)].

²⁶ ‘the Empress of Moscovia, who gave the fathers of their country an example more illustrious than many conquests bought with the blood of the sons of the fatherland’ (transl. by Simon Belokowsky, see: [Marasinova, p. 309]).

²⁷ ‘That some societies only, either few in number, or for a very short time, abstained from the punishment of death, is rather favourable to my argument, for such is the fate of great truths, that their duration is only as a flash of lightning in the long and dark night of error’ (transl. by Simon Belokowsky, see: [Marasinova, p. 309]).

a familiar sight in Russia's social landscape.²⁸ It had seemed that a wave of uprisings and disorder might sweep the country if a 'hereditary fear' was not sown in the minds of its subjects, as Lieutenant-General Prince Vasiliï Urusov noted at the time of the suppression of the Bashkir Revolt [Соловьев, кн. 10, т. 19–20, с. 608]. The first Russian procurator-general, Pavel Iaguzhinskii, proposed in a special note to Empress Catherine I that one of the senators be sent to the provinces with the right 'to put [rebels] to death, and until this be carried out, there will be neither fear nor order' [Ягужинский, с. 271].

In all of two decades, the ruling and educated elite were already primed for a discussion on the utility of the most severe punishments and the scale of their employment, a shift that had taken place not due to any treatise by Beccaria, but as a result of the internal disposition of Empress Elizabeth. The insightful historian S. M. Solovyov wrote of this that:

Народ должен был отвыкнуть от ужасного зрелища смертной казни. Закона, уничтожавшего смертную казнь, не было издано: вероятно, Елизавета боялась увеличить число преступлений, отнявши страх последнего наказания; суды приговаривали к смерти, но приговоры эти не были приводимы в исполнение, и в народное воспитание вводилось великое начало²⁹ [Соловьев, кн. 11, т. 21–22, с. 527].

"This great beginning" underwent a deep transformation during the reign of the other empress: Ekaterina Alekseevna did not pray to the Russian or German God on the night before the palace coup, she did not give any vows before an icon. However, the twenty-year moratorium on the death penalty forced Empress Catherine II to resort to such punishment only in exceptional cases of protecting the throne, and, in 1775 after the defeat of the Pugachev uprising, generally repeat Elizabeth's decree on the moratorium.

Список литературы

Анисимов Е. В. Русская пытка : Политический сыск в России XVIII века. СПб. : Норинт, 2004. 461 с.

Архив князя Воронцова : в 40 кн. М. : Тип. Грачева и Ко, 1871. Кн. 3. 698 с.

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. М. М. Исаева. М. : Юридич. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с.

²⁸ In January of 1726, it was therefore ordered that the commissioners of the Obonezhkaia Piatina in the Province of Novgorod, Nikita Artsybashev, Grigory Baranov and subdeacon Iakov Volotskii, be 'hanged in the same Obonezhkaia Piatina, with their guilt written on placards nailed to the gallows, and that their bodies not be taken down from these gallows.' Their crime, carried out in this way in the sight of all the inhabitants, consisted of taking bribes and embezzling public funds, particularly in the purchase of loaves on means taken from the recruitment collections and making use of the proceeds without paying the requisite fees [ПСЗ-1, Т. 7, № 4826 (1726, 24 янв.)].

²⁹ 'The people had to be weaned off the ghastly spectacle of the death penalty. The law abolishing it was not published: it is likely that Elizabeth feared an increase in the number of crimes committed once the fear of the ultimate punishment had been taken away; the courts sentenced people to death, but the sentences were not carried out, and so a great first step was taken on the road to popular enlightenment.'

Болотов А. Т. Записки : в 4 т. СПб. : Печатня В. Головина, 1870. Т. 1. 1017 стб.

Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии : Сообщено из дел Саксонского государственного архива в Дрездене профессором Марбургского университета Э. Германом. Донесения секретаря посольства Пецольтда с января 1742 г. по март 1744 г. // Сб. РИО. 1871. Т. 6. С. 387–507.

Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. Лондон : Изд. Искандера, 1859. 277 с.

Екатерина II. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / ред. Н. Д. Чечулина. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1907. 177 с.

Екатерина II. Собственноручная записка Екатерины II о первых годах ее царствования // Коваленский М. Н. Хрестоматия по русской истории : в 3 т. М. : Мир, 1917. Т. 3. С. 200–201.

Императрица Елизавета Петровна в Ревеле в 1746 г. // Рус. старина. 1885. Т. 46. № 5. С. 417–420.

История пролетариата СССР. 1933. № 13–16.

Маништейн К. Г. Записки о России : 1727–1744. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1875. 399 с.

Марасинова Е. Н. О негласном моратории на смертную казнь в России середины XVIII века // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2014a. Vol. 2. P. 5–7.

Марасинова Е. Н. Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века // Рос. ист. 2014b. № 4. С. 53–69.

Маркиз де ля Шетарди в России 1740–1742 годов : Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге / изд. П. П. Пекарский. СПб. : Тип. Иосафата Огризко, 1862. 638 с.

Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб. : Инапресс, 1995. 336 с.

Омельченко О. А. Законная монархия Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России. М. : Юрист, 1993. 428 с.

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве за XVIII век : в 3 т. СПб. : Тип. Правительств. Сената, 1875. Т. 2. 1725–1740. 1002 с.

Писаренко К. А. Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743–1744 гг. // Российский архив: история отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М. : Студия «ТРИТЭ» : Рос. архив, 1991. Вып. 18. Т. 18. С. 33–50.

Поездка императрицы Елизаветы Петровны в Эстляндскую губернию. 1746 // Рус. архив. 1895. Кн. 3. Вып. 9. С. 5–12.

Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов (новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства преступления казни, наказания и штрафы положены) / под. ред. А. А. Востокова. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 208 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 7, 12, 13, 14, 15, 23, 25.

Радищев А. Н., Щербатов М. М. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М. : Наука, 1984. 504 с.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919, 1023; Ф. 342. Оп. 1. Д. 41.

Сенатский архив. Т. 5. 1892. Т. 6. 1893.

Сергеевский Н. Г. Предисловие // Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов (новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства преступления казни, наказания и штрафы положены) / под. ред. А. А. Востокова. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. I–XXI.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 18 кн. М. : Мысль, 1993–1998. Кн. 9. Т. 17–18. 700 с. Кн. 11. Т. 21–22. 647 с. Кн. 12. Т. 23–24. 714 с.

Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции : часть общая : [в 2 т.]. СПб. : Гос. тип., 1902. Т. 2. 1460 + XIII с.

Татищев В. Н. Заводской устав, или Горные узаконения // Горный журнал. 1831. Кн. 2. Ч. 1. С. 174–197.

- Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Дмитрие Самозванце : в 5 ч. СПб. : Тип. Императ. Рос. акад., 1831. Ч. 1. Берова летопись московская. XVIII + 297 с.
- Фридланд П.* От покаяния к устрашению: теория и практика высшей меры наказания во Франции раннего Нового времени // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.) / под. ред. М. Г. Муравьева. СПб. : Европ. ун-т в С.-Петербурге., 2011. 296 с.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
- Хавен П.* Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях : Введение. Тексты. Комментарии. СПб. : Блиц, 1997. С. 303–364.
- Щербатов М. М.* Размышления о смертной казни // ЧОИДР. 1860. Кн. 1. С. 57–72.
- Ягужинский П. И.* Записка П. И. Ягужинского о состоянии России // ЧОИДР. 1860. Кн. 4. С. 269–273.
- Beccaria C.* Dei delitti e delle pene. Paris : Da Molini Librajo rue du Jardinets, 1780. XXIV + 190 p.
- Beccaria C.* An Essay on Crimes and Punishments, Translated from the Italian. With the Commentary, Attributed to M. de Voltaire Translated from the French. Philadelphia : Publ. by William P. Farrand and Co, 1809. XI + 191 p.
- Bryner C.* The Issue of Capital Punishment in the Reign of Elizabeth Petrovna // Russian Rev. Vol. 49. 1990. № 4. P. 389–416.
- Evans R. J.* Rituals of Retribution. Capital Punishment in Germany. 1600–1987. NY : Oxford Univ. Press, 1996. 1014 + XXXII p.
- Graff H.-J.* Crime and Punishment in the Nineteenth Century: A New Look at the Criminal // J. of Interdisciplinary History. Vol. 7. 1977. Winter. № 3. P. 477–491.
- Jetze F. Ch.* Statistische Politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief- und Rußland. Liegnitz : [S. n.], 1788. 180 S.
- Marasinoва E.* Punishment by Penance in 18th Century Russia : Church Practices in the Service of the Secular State // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 17. 2016. Spring. № 2. P. 305–332.
- Martschukat J.* Inszeniertes Töten: Eine Geschichte der Todesstrafe vom 17. bis zum 19. Jahrhundert. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2000. 365 S.

References

- Anisimov, E. V. (2004). *Russkaya pytka. Politicheskii sysk v Rossii XVIII veka* [Russian Torture. Political Investigation in Russia in the 18th Century]. St Petersburg, Norint. 461 p.
- Arkhiv knyazya Vorontsova v 40 kn.* [Archives of Prince Vorontsov. 40 Books]. (1871). Moscow, Tipografiya Gracheva i Ko. Book 3. 698 p.
- Beccaria, C. (1780). *Dei delitti e delle pene*. Paris, Da Molini Librajo rue du Jardinets. XXIV + 190 p.
- Beccaria, C. (1809). *An Essay on Crimes and Punishments, Translated from the Italian*. With the Commentary, Attributed to M. de Voltaire Translated from the French. Philadelphia : Publ. by William P. Farrand and Co. XI + 191 p.
- Beccaria, C. (1939). *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments] / transl. by M. M. Isaev. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo Narodnogo komissariata yustitsii SSSR. 464 p.
- Bolotov, A. T. (1870). *Zapiski v 4 t.* [Notes. 4 Vols.]. St Petersburg, Pechatnya V. Golovina. Vol. 1. 1017 columns.
- Bryner, C. (1990). The Issue of Capital Punishment in the Reign of Elizabeth Petrovna. In *Russian Review*. Vol. 49. No. 4, pp. 389–416.
- Catherine II. (1859). *Zapiski imperatitsy Ekateriny II* [Notes of Catherine II]. L., Published by Iskander. 277 p.
- Catherine II. (1907). *Nakaz imperatitsy Ekateriny II, dannyi Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya* [The Instruction of Empress Catherine II Given to the Commission on the Drafting of a New Code] / ed. by N. D. Chechulin. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 177 p.

Catherine II. (1917). *Sobstvennoruchnaya zapiska Ekateriny II o pervykh godakh ee tsarstvovaniya* [Catherine II's Own Handwritten Note on the First Years of Her Reign]. In Kovalenskii, M. N. *Khrestomatiya po russkoi istorii v 3 t.* Moscow, Mir. Vol. 3, pp. 200–201.

Diplomaticheskie dokumenty, otnosyashchiesya k istorii Rossii v XVIII stoletii. Soobshcheno iz del Saksonskogo gosudarstvennogo arkhiva v Drezdene professorom Marburgskogo universiteta E. Germanom. Doneseniya sekretarya Posol'stva Petsol'da s yanvarya 1742 g. po mart 1744 g. [Diplomatic Documents Relating to the History of Russia in the 18th Century. Reported from the Acts of the Saxon State Archives in Dresden by Professor E. Herman of Marburg University. Reports of Pezold, the Secretary of the Embassy, from January 1742 to March 1744]. (1871). In *Sbornik RIO*. Vol. 6, pp. 387–507.

Evans, R. J. (1996). *Rituals of Retribution. Capital Punishment in Germany. 1600–1987*. N. Y., Oxford Univ. Press. 1014 + XXXII pp.

Foucault, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem. 480 p.

Friedland, P. (2011). Ot pokayaniya k ustrasheniyu: teoriya i praktika vysshei mery nakazaniya vo Frantsii rannego Novogo vremeni [From Repentance to Intimidation: The Theory and Practice of Capital Punishment in France of the Early Modern Age]. In Murav'ev, M. G. (Ed.). *Vina i pozor v kontekste stanovleniya sovremennykh evropeiskikh gosudarstv (XVI–XX vv.)*. St Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. 296 p.

Graff, H.-J. (1977). Crime and Punishment in the Nineteenth Century: A New Look at the Criminal. In *J. of Interdisciplinary History*. Winter. Vol. 7. No. 3, pp. 477–491.

Imperatriza Elizaveta Petrovna v Revele v 1746 g. [Empress Elizabeth Petrovna in Revel in 1746]. (1885). In *Russkaya starina*. Vol. 46. No. 5, pp. 417–420.

Istoriya proletariata SSSR [History of the Proletariat of the USSR]. (1933). No. 13–16.

Jetze, F. Ch. (1788). *Statistische Politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief- und Rußland*. Liegnitz, S. n. 180 S.

Haven, P. (1997). Puteshestvie v Rossiyu [The Voyage to Russia]. In Bespyatykh, Yu. N. *Peterburg Anny Ioannovny v inostrannykh opisaniyakh. Vvedenie. Teksty. Kommentarii*. St Petersburg, Blits, pp. 303–364.

Maistre, J. de. (1995). *Peterburgskie pis'ma* [Petersburg Letters]. St Petersburg, Inapress. 336 p.

Manstein, K. G. (1875). *Zapiski o Rossii. 1727–1744* [Notes on Russia. 1727–1744]. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva. 399 p.

Marasinova, E. N. (2014a). O neglasnom moratorii na smertnyu kazn' v Rossii serediny XVIII veka [On the Unproclaimed Moratorium on the Death Penalty in Russia in the Mid-18th Century]. In *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*. Vol. 2, pp. 5–7.

Marasinova, E. N. (2014b). Smertnaya kazn' i politicheskaya smert' v Rossii serediny XVIII veka [The Death Penalty and Political Death in Russia in the Mid-18th Century]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 4, pp. 53–69.

Marasinova, E. (2016). Punishment by Penance in 18th Century Russia: Church Practices in the Service of the Secular State. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 17. Spring. No. 2, pp. 305–332.

Martschukat, J. (2000). *Inszeniertes Töten: Eine Geschichte der Todesstrafe vom 17. bis zum 19. Jahrhundert*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag. 365 S.

Omel'chenko, O. A. (1993). *Zakonnaya monarkhiya Ekateriny Vtoroi: prosveshchennyi absolyutizm v Rossii* [The Legitimate Monarchy of Catherine II: Enlightened Absolutism in Russia]. Moscow, Yurist. 428 p.

Opis' vysochaishim ukazam i poveleniyam, khranyashchimsya v Sankt-Peterburgskom senatskom arkhive za XVIII vek v 3 t. [The Inventory of the Highest Decrees and Injunctions Stored in the St Petersburg Senate Archive for the 18th Century. 3 Vols.]. (1875). St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata. Vol. 2. 1725–1740. 1002 p.

Pekarskii, P. P. (Ed.). (1862). *Markiz de Iya Shetardi v Rossii 1740–1742 godov. Perevod rukopisnykh depesh frantsuzskogo posol'stva v Peterburge* [Marquis de la Chetardi

in Russia in 1740–1742. Translation of Manuscript Dispatches of the French Embassy in St Petersburg]. St Petersburg, Tipografiya Iosafata Ogrizko. 638 p.

Pisarenko, K. A. (1991). *Sekretnye protokoly Senata ob otmene smertnoi kazni, 1743–1744 gg.* [Secret Protocols of the Senate on the Abolition of the Death Penalty, 1743–1744]. In *Rossiiskii Arkhiv: istoriya otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* Moscow, Studiya “TRITE”, Rossiiskii arkhiv. Iss. 18. Vol. 18, pp. 33–50.

Poezdka imperatritsy Elizavety Petrovny v Estlyandskuyu guberniyu. 1746 [The Trip of Empress Elizabeth Petrovna to the Governorate of Estonia. 1746]. (1895). In *Russkii arkhiv*. Book 3. Iss. 9, pp. 5–12.

PSZ [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 7, 12, 13, 14, 15, 23, 25.

Radishchev, A. N., Shcherbatov, M. M. (1984). “*O povrezhdenii nravov v Rossii*” knyazy M. Shcherbatova i “*Puteshestvie*” A. Radishcheva [On the Corruption of Morals in Russia by Prince M. Shcherbatov and *Journey* by A. Radishchev]. Moscow, Nauka. 504 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 248. List 113. Dos. 919, 10234; Stock 342. List 1. Dos. 41.

Senatskii arkhiv [Senate Archive]. (1892–1893). Vol. 5, 6.

Sergeevskii, N. G. (1882). Predislovie [Introduction]. In Vostokov, A. A. (Ed.). *Proekty ugolovnogo ulozheniya 1754–1766 godov (novoulozhennoi knigi chast' vtoraya: o rozysknykh delakh i kakie za raznye zlodeistva, prestupleniya kazni, nakazaniya i shtrafy polozheny)*. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, pp. I–XXI.

Shcherbatov, M. M. (1860). Razmysleniya o smertnoi kazni [Reflections on the Death Penalty]. In *ChOIDR*. Book 1, pp. 57–72.

Solovyov, S. M. (1993–1998). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 18 kn.* [The History of Russia since Ancient Times]. Moscow, Mysl'. Book 9. Vol. 17–18. 700 p. Book 11. Vol. 21–22. 647 p. Book 12. Vol. 23–24. 714 p.

Tagantsev, N. S. (1902). *Russkoe ugolovnoe parvo. Lektsii. Chast' obshchaya v 2 t.* [Russian Criminal Law. Lectures. General Part. 2 Vols.]. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 2. 1460 + XIII p.

Tatishchev, V. N. (1831). *Zavodskoi ustav, ili Gornye uzakoneniya* [Manufactory Regulation or Mining Legislation]. In *Gornyi zhurnal*. Book 2. Part 1, pp. 174–197.

Ustryalov, N. G. (1831). *Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvantse v 5 ch.* [Tales of Contemporaries about Dmitriy the Impostor. 5 Parts]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii. Part 1. Berova letopis' moskovskaya. XVIII + 297 p.

Vostokov, A. A. (Ed.). (1882). *Proekty ugolovnogo ulozheniya 1754–1766 godov (novoulozhennoi knigi chast' vtoraya: o rozysknykh delakh i kakie za raznye zlodeistva, prestupleniya kazni, nakazaniya i shtrafy polozheny)* [The Draft Criminal Code of 1754–1766 (the Second Part of the New Law Code Book: About the Criminal Investigation and What Penalties, Punishments and Fines are Imposed for Various Crimes)]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 208 p.

Yaguzhinsky, P. I. (1860). Zapiska P. I. Yaguzhinskogo o sostoyanii Rossii [Note by P. I. Yaguzhinsky on the State of Russia]. In *ChOIDR*. Book 4, pp. 269–273.

The article was submitted on 01.02.2018

DOI 10.15826/qr.2019.4.427

УДК 94(470)"17"+354-055.1(09)+354-055.2(09)+27-186

**ЦАРЬ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ:
ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МУЖСКИХ
ПРАВЛЕНИЙ В РОССИИ XVIII в.***

Елена Приказчикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

***THE TSAR MUST DIE:
THE THANATOLOGICAL DISCOURSE OF MALE RULE
IN 18th-CENTURY RUSSIA***

Elena Prikazchikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the reasons for the degradation of male principles of rule in 18th-century Russia with reference to official documents, memoirs, and literary texts (F. Prokopovich, M. Lomonosov, G. Derzhavin, A. T. Bolotov, Catherine II, Ch. Masson, G. L. Oberkirch, etc.). The author considers the formation of the ideology “the Tsar must die” in conditions of gynocratic rule and “Russian matriarchy”, which reached its climax in the era of Empress Catherine II. The author considers the main mechanisms of women’s reigns, which include the formation of a state mythology of classicism based on grand genres and discrediting their royal opponents by accusing them of insanity, betraying national interests, or childishness unforgivable in the Enlightenment. The article also analyses the causes of the thanatological discourse of male rule, based on the sacrificial complex of the male ruler voluntarily sacrificing himself to the interests of the Fatherland (the case of Peter I) or being sacrificed to such interests by female rulers, guided by the ideology of the Enlightenment and based

---

* Citation: Prikazchikova, E. (2019). *The Tsar Must Die: The Thanatological Discourse of Male Rule in 18th-Century Russia*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1107–1124. DOI 10.15826/qr.2019.4.427.

Цитирование: Prikazchikova E. *The Tsar Must Die: The Thanatological Discourse of Male Rule in 18th-Century Russia* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1107–1124. DOI 10.15826/qr.2019.4.427 / Приказчикова Е. *Царь должен умереть: танатологический дискурс мужских правлений в России XVIII в.* // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1107–1124. DOI 10.15826/qr.2019.4.427.

on the broad support of their subjects (Ivan Antonovich, Peter III). In the case of Emperor Paul I, the author studies why he was an implacable opponent of gynocratic rule as such, realising in his behaviour the literary mythologemes of the Russian Don Quixote and Hamlet on the throne. The article concludes with an answer to why gynecocracy exhausted its potential at the turn of the 19th century.

Keywords: 18th-century Russia; gynecocracy; thanatological discourse; Emperor Ivan Antonovich; Peter III; Paul I; Catherine II.

Рассматриваются основные причины деградации мужского начала государственных правлений в России XVIII в. на материале официальных документов, мемуарных и художественных текстов (Ф. Прокопович, М. Ломоносов, Г. Державин, А. Т. Болотов, Екатерина II, Ш. Массон, Г. Л. Оберкирх и др.). Автор приводит комплекс причин, сформулировавших идеологему «Царь должен умереть» в условиях гинекратического правления и фактической ситуации «российского матриархата», кульминация которого была достигнута в эпоху императрицы Екатерины II. Исследуются основные механизмы женских правлений, включающих в себя формирование государственной мифологии классицизма с опорой на высокие жанры, дискредитацию своих царственных оппонентов за счет обвинения их в безумии, измене национальным интересам государства или непростительном для эпохи Просвещения ребячестве. Подвергаются анализу основания танатологического дискурса мужских правлений, исходя из жертвенного комплекса мужчины-правителя, или добровольно приносящего себя в жертву интересам Отечества (случай Петра I), или же приносимого в жертву этим интересам женщинами-правительницами, руководствовавшимися при этом идеологией Просвещения и опиравшимися на широкую поддержку подданных (Иоанн Антонович, Петр III). Изучаются причины, сделавшие императора Павла I непримиримым противником гинекратического правления как такового, реализовавшего в своем поведении литературные мифологемы российского Дон Кихота и Гамлета на престоле. Делается вывод о причинах исчерпанности потенциала гинекократии на рубеже веков.

Ключевые слова: Россия XVIII в.; гинекократия; танатологический дискурс; император Иоанн Антонович; Петр III; Павел I; Екатерина II.

“The King Must Die” («Царь должен умереть») – так назвала свой роман 1958 г. о древнегреческом герое Тесее английская писательница-мифолог М. Рено. В нем на примере истории Древней Греции рассматриваются две концепции жертвоприношения мужчин-правителей, соответствующие аксиологическим установкам патриархата и матриархата. В патриархальной системе царь добровольно идет на смерть в том случае, если его жизнь может выкупить благополучие его на-

рода – эллинов (“sprung from the seed of Ever-Living Zeus”) [Renault, p. 5]. В матриархальной его как мужа-соправителя приносят в жертву великой Богине-матери для достижения земледельческого «золотого века». Концепция царственного жертвоприношения, предложенная М. Рено, оригинально проецируется на историю России XVIII в., когда царь-мужчина в силу внутренних закономерностей развития общества приносился в жертву женскому правлению – гинекократии¹.

Российский писатель В. Аксенов в романе «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004) заставляет Екатерину II настаивать, что «женский век» наступил в России еще с эпохи царевны Софьи, так как «после Петра в России началась деградация мужского начала» [Аксенов, с. 186]. Эта «деградация» была неразрывно связана с ярко выраженным танатологическим дискурсом, в результате чего все мужские правления в послепетровской России XVIII в. заканчивались трагически.

Несмотря на то, что проблемы, связанные с гинекратическим аспектом XVIII столетия, поднимались во многих зарубежных и российских работах, ни в одной из них не ставился вопрос о роли маскулинного начала в русской политической, культурной и литературной жизни XVIII столетия, не давался ответ на вопрос, почему именно женское правление в России этого времени рассматривалось как норма, а мужское – как отклонение [Graham; Madariaga; Marres; Wortman; Абрамзон; Вачева, 2015; Вачева, 2017; Проскурина].

Предпосылка для создания подобной ситуации возникла в Петровскую эпоху, когда императору отводилась роль демиурга, создающего новый «золотой век» путем грандиозных преобразований. Не случайно Ф. Прокопович в «Слове на погребение Петра Великого» (1725) писал: «...воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу» [Прокопович, с. 126]. В 1743 г. М. Ломоносов в оде «На день тезоименитства... великого князя Петра Федоровича» напишет слова, определившие основной пафос государственного мифа: «Он бог, он бог твой был, Россия» [Ломоносов, с. 96].

Личность Петра I как идеал маскулинного правителя прекрасно вписывается в контекст первой парадигмы жертвоприношения, по М. Рено, с поправкой на христианскую составляющую его образа. Одной из самых известных библейских цитат, связанных с культом христолюбивого воинства, является фраза из Евангелия от Иоанна: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15 : 13). Перифраз этой цитаты с учетом классицистической эстетики можно найти в хрестоматийном «Приказе» Петра I перед Полтавской битвой 27 июня 1709 г.:

¹ Термин «гинекократия» впервые употребил в 1802 г. Ш. Массон, воспитатель великих князей Александра и Константина, в «Секретных мемуарах о России, и особенно о последних годах царствования Екатерины II и начала царствования Павла I». Под этим термином он имел в виду особую власть и силу, которыми обладала знатная русская женщина во второй половине XVIII в. [Массон].

А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе, для благосостояния вашего [Письма и бумаги, с. 226].

Пафос речи связан не только с формированием новой классицистической идеологии, но и с идеей жертвенности. Для сравнения: любимая Ф. Прокоповичем мысль о готовности царя отдать свою жизнь за отечество применительно к Петру и о неготовности Бога принять эту жертву находит свое отражение в его речи «Слово похвальное о баталии Полтавской» (1717) в эпизоде, где шведская пуля пробивает шляпу царя:

Далече ли смерть была от боговенчанная главы? Не явственно ли сим показа Бог, яко Сам Он с царем нашим воюет? Повеле приступить смерти к нему, но запрети коснуться его [Прокопович, с. 56].

Во время трех мужских правлений, закончившихся насильственной смертью правителей – Иоанна Антоновича, Петра II и Павла I, на первый план вышла традиция гинекратического жертвоприношения.

Русская железная маска

Император Иоанн VI (Иоанн Антонович) стал российским императором в возрасте трех месяцев, и его царствование продолжалось ровно год, после чего жизнь «младого орла», как называл его в одах М. Ломоносов, превратилась в «несчастнейшую из человеческих жизней» [Анисимов, с. 273]. Современные авторы, например, Э. Радзинский, называют его русской железной маской по аналогии с таинственным французским узником эпохи короля Людовика XIV, носившим маску из черного бархата. Вольтер придаст этой истории драматизм, предположив в 1771 г., что не под бархатной, а под железной маской скрывался незаконный старший брат Людовика XIV. Его тайное заключение в тюрьму было продиктовано вопросом государственной безопасности [Voltaire]. Не забудет Вольтер и про Иоанна Антоновича. Он появится в его повести «Кандид, или Оптимизм» (1759), написанной, когда русский таинственный узник еще был жив, на венецианском карнавале, на который якобы его отпустят тюремщики.

На судьбе Иоанна VI был отработан государственный механизм гинекратического правления, предполагающий вытеснение законного правителя не только с трона, но и из истории, а потом из жизни. Иоанн пришел к власти абсолютно законным путем согласно воле императрицы Анны Иоанновны, которую она выразила в манифестах 1731 и 1740 г. Однако после дворцовой революции 1741 г., приведшей к власти Елизавету Петровну, последняя сделала все возможное не только для дискредитации «правления» младенца-императора,

но и для уничтожения памяти о нем. Данное обстоятельство представляло собой беспрецедентный случай в истории России². Поэтому в Высочайшем манифесте от 28 ноября настойчиво проводится мысль о том, что по завещанию (завещанию) Екатерины I именно Елизавета после смерти Петра II была законной наследницей всероссийского престола. Лишилась она его «недоброжелательными къ Намъ и коварными происками бывшего тогда при Его Императорскомъ Величествъ, Оберъ-Гофъ-Мейстеромъ Графа Андрея Остермана», скрывшего духовную императрицы [Высочайший манифест, 1741, с. 1–2]. В результате этого Иоанн Антонович объявлялся самозванцем, «никакой уже ко Всероссийскому Престолу принадлежащей претензии, линии и права неимѣющаго» [Там же, с. 2]. Это было неправдой, так как по петровскому указу о престолонаследии от 5 февраля 1722 г. император имел право назначать своим преемником любого человека.

Понимали ли Елизавета и ее сторонники юридическую шаткость своей позиции? Безусловно, поэтому в первом (от 25 ноября) и во втором (от 28 ноября) Высочайших манифестах упор делается в том числе на ее «кровь», то есть происхождение от Великого Петра. Этот тезис получит всемерное развитие в поэтике высоких жанров русского классицизма. Их риторическая составляющая должна была компенсировать тот факт, что петровский указ о престолонаследии, по сути дела, узаконил ситуацию, когда лишение власти (и даже жизни!) правителя перестало однозначно рассматриваться как покушение на святость, как это было в эпоху Средневековья. Если следовать этому указу буквально, на престоле мог оказаться человек не царской крови. В подобных условиях можно было ожидать всплеска самозванничества и откровений в духе высказывания Пармена, героя трагедии А. Сумарокова: «Пускай Отрепьев он, но и среди обмана, / Коль он достойный царь, достоин царска сана» [Сумароков, с. 445].

Используя антитезу, можно было поднять правящего монарха на недостижимую высоту, увидев в нем символ солнечного света, разума и просвещения, противопоставленного тьме невежества. Этот прием – один из любимых у М. Ломоносова. Обращаясь к нему, он создаст наиболее репрезентативный для своего времени образ «дщери Петровой», символизирующей гинекратический идеал российского правления, включая элементы андрогинности. Согласно последнему принципу, по мнению российского философа И. Ильина, русская

---

² С 1744 г. у бывшего императора отняли его настоящее имя, приказав называть его Григорием, имя в виду Григория Отрепьева, тем самым Иоанн Антонович автоматически причислялся к разряду самозванцев. Еще раньше, 31 декабря 1741 г., приказано было изъять из официального оборота все монеты, отчеканенные в его правление, на которых красовался профиль императора-младенца. С этого момента любой сохранный «ивановский рубль» рассматривался как государственное преступление, за которое человек мог оказаться в Тайной канцелярии и на дыбе. Подробно о мерах, предпринимавшихся императрицей Елизаветой Петровной, чтобы стереть память о годичном царствовании императора Иоанна Антоновича, см.: [Корф, с. 64–66].

женщина женственна по-особому. Она «умеет подать и реализовать ставший мужественным характер в форме вечно женственного» [Ильин, с. 190].

В оде Ломоносова 1742 г. «На прибытие... императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург по коронации» риторика государственного мифа в его гинекратическом изводе служит нравственно-эстетическим оправданием человека, официально совершившего преступление – лишение власти *законного* русского императора, правнука царя Иоанна V. В этой оде Елизавета предстает как «...слава жен во свете славных, России радость, страх врагов, / Краса Владетельниц державных» [Ломоносов, с. 79]. Поэт создает андрогинный идеал правителя, заявляя: «В ней зрятя истинны доброты, / Геройство, красота, щедроты» [Там же, с. 84]. В контексте оды «геройство» Елизаветы, вышедшей, подобно деве Палладе, из головы своего отца, родство с которым подчеркивается практически в каждой строфе, заменяет собой законодательные и юридические основания правления. Благодаря таланту поэта, сумевшего заставить современников вначале увидеть в Елизавете богиню, а затем, как в «Разговоре с Анакреонтом», воплощение самой России, вопрос о совершенном в начале ее царствования преступлении отходил на второй план, если не исчезал совсем.

Императрица Екатерина II, придя к власти, пошла другим путем. После смерти Иоанна Антоновича во время заговора В. Мировича в манифесте от 17 августа 1764 г. она продолжила его дискредитацию уже в культурной парадигме эпохи Просвещения, добавив к мысли о незаконности правления «к несчастью рожденного» мысль о его безумии. Для эпохи Просвещения это был приговор. Французский философ и историк М. Фуко показал, что в эпоху Просвещения безумец фактически перестает восприниматься как человек, но воспринимается исключительно как животное, даже монстр, недостойный сочувствия [Фуко]. Манифест характеризовал Иоанна Антоновича как существо, для которого характерно «лишение разума и смысла человеческого... ибо он не знал ни людей, ни рассудка, не имел доброе отличить от худого, так как и не мог притом чтением книг жизнь свою пробавлять» [цит. по: Корф, с. 206]. В последнем случае мы сталкиваемся с элементами библиофилического мифа, приписывающего книге важнейшее, порой исключительное влияние на воспитание личности³. Безумие Иоанна VI будет настойчиво подчеркиваться и графом Н. Паниным, начиная с письма коменданту Шлиссельбургской крепости полковнику И. Бередникову, где дается распоряжение предать земле «мертвое тело *безумного* арестанта» [Там же, с. 253].

³ На самом деле Иоанн Антонович знал грамоту. В рапорте коменданта Шлиссельбурга капитана Овцына от 27 мая 1760 г. речь идет об отнятии у арестанта всяких материалов для письма, включая известь со стен, и звучит жалоба на то, что «извести обломки, кажется, он и ноне берет» [цит. по: Корф, с. 192].

Придя к власти, императрица Екатерина II нисколько не облегчила режим содержания царственного узника в Шлиссельбургской крепости, ликвидировав те немногие «вольности», которые ему были позволены в недолгое царствование Петра III. Она «запретила выводить его из каземата, говорить с окружающими, читать, писать и вообще заниматься чем бы то ни было, что только служит к развитию умственных способностей» [Император Иоанн Антонович, с. 293]⁴.

В подобных условиях трудно было остаться психически здоровым человеком, хотя вера академика М. А. Корфа в реальное безумие свергнутого императора кажется преувеличенной. Внимательное чтение донесений тюремщиков императора показывает, что приступы безумия он часто разыгрывал с совершенно определенной целью – позлить своих мучителей и добиться послабления режима. В случае ответных репрессий (лишения чая, теплых носков) приступы быстро прекращались. Начальник шлиссельбургского караула капитан Преображенского полка Овцын в своих рапортах на имя графа А. И. Шувалова сознательно сгущал краски, рисуя приступы безумия арестанта, цель которых была добиться отстранения от ненавистной ему должности главного тюремщика экс-императора. Но и в его рапортах, подававшихся часто против воли доносившего, можно найти оговорки, свидетельствующие о хорошей памяти и изрядном разуме узника, который о «прочем обо все говорит порядочно» [цит. по: Корф, с. 185]. Например, во время возникшего между Овцыным и Иоанном Антоновичем спора о еретиках бывший император свою позицию «доказывает Евангелием, апостолом, минеею, прологом, маргаритом и прочими книгами, рассказывает, в котором месте и в житии святого (об этом. – Е. П.) пишется» [Там же]. Уже одно это официальное свидетельство опровергает строку манифеста о принце, для которого характерно «лишение разума и смысла человеческого».

Однако настойчиво декларируемое безумие Иоанна Антоновича (а следовательно, его фактически *нечеловеческая* природа) снимали главный вопрос о нем как о невинном страдальце, жертве жестокой политической игры. Ведь *Царь должен умереть!* Тем более, царь, находящийся в состоянии безумия. Но даже судьи, выносившие приговор В. Мировичу, не могли быстро принять эту новую философию. Е. В. Анисимов со ссылкой на того же М. Корфа отмечает, что во время суда над В. Мировичем «среди судей разгорелся спор: как могли офицеры охраны поднять руку на царственного узника, пролить царскую кровь» [Анисимов, с. 302].

⁴ Единственный момент, который тут преувеличен, это запрет на разговоры. Иоанн Антонович разговаривал со своими тюремщиками, ставшими впоследствии его убийцами, Власевым и Чекиным, которые должны были по инструкции ночью находиться в камере узника [Император Иоанн Антонович, с. 293].

Imperator ludens

К началу царствования императрицы Екатерины II гинекратическая традиция государственного правления вполне сформировалась. О восприятии этой традиции как единственно возможной откровенно рассказал российский просветитель и помолог А. Т. Болотов, противопоставивший царство Петра III царству Елизаветы Петровны: «Родившись и проводив все дни под кротким правлением женским, все мы к оному так привыкли, что правление мужское было для нас очень дико и ново» [Болотов, с. 128]. О «дикости» мужского правления Болотов, бывший в царствование Петра III адъютантом Н. А. Корфа, генерала-полицмейстера Петербурга, и неоднократно видевший императора и его ближайшее окружение, поведал достаточно подробно. Петр III у Болотова – государь, который любил «продукты Бахусовы», «любил посидеть за столом и повеселиться» [Там же]. Будучи мужчиной-правителем, он не довольствовался нюханием табака как женской забавой, обожал курение трубок, в чем окружающие старались ему подражать, а он, «ходючи по комнате, только что шутил, хвалил и хохотал» [Там же, с. 205]. Наконец, опять же как у мужчины-правителя, у него был очень громкий голос, по определению Болотова, «скаросьй, неприятный» [Там же, с. 198].

Между тем, на ассамблеях столь любимого им Петра I вино лилось рекой, и трубки все курили, и общество собиралось порой еще менее изысканное, чем за ужином у Петра Федоровича. Снимая это противоречие, мемуарист представляет Петра в образе *imperator ludens*, для которого именно игры всякого рода, начиная с игры на скрипке как именно процесса, а не искусства, до любимой карточной игры кампии, составляли единственный смысл жизни⁵. Кульминацией этой онтологической игры как затянувшегося ребячества, в которое монарх вовлекает своих подданных, стала сцена, о которой Болотов не мог писать без раздражения даже спустя несколько десятков лет, апеллируя к разуму «любезных читателей»: «А по сему судите, каково же нам было тогда смотреть на зрелище сие из окон...» [Там же, с. 205]. Во время этой сцены мемуарист видит «первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами», которые по воле монарха играют, «как играют *маленькие ребятки*», буквально прыгая на одной ножке [Там же].

Мемуарная память Болотова в полной мере соответствует пафосу третьего варианта записок Екатерины II, адресованных наследнику престола Павлу и потомкам, где играм Петра Федоровича отводится большое место. Все начинается с ночной игры в солдатки, в которую он вовлекал свою супругу, в результате чего «вся кровать была покрыта и полна куклами и игрушками, иногда очень тяжелыми»

---

⁵ Как напишет А. Городницкий в 1987 г. накануне краха Советского Союза в своей песне «Петр III»: «Император играет на скрипке, государство уходит из рук».

[Екатерина II, с. 254]. Кончается же этот игровой дискурс театрализованными играми и проектами вроде постройки в Ораниенбауме дачи в виде капуцинского монастыря. Во многом именно благодаря «играм» Петра III российский историк И. Н. Ионов пришел к выводу, что в XVIII в. «только женщины-императрицы... производят впечатление взрослых людей, под ногами которых, прячась за широкие юбки, бегают вечные мальчишки-императоры» [Ионов, с. 77].

Говоря об игре как универсальном феномене человеческой цивилизации, И. Хейзинга особенно отмечает «игровое качество культуры XVIII века», включающее в себя моду, политику, искусство, литературу и музыку [Хейзинга, с. 210]. Опасность остаться в глазах окружающих «человеком играющим» на сколько-нибудь долгий срок и прослыть недорослем приводила к раннему взрослению. Данную установку хорошо демонстрирует во втором варианте своих записок, начатых в 1771 г., Екатерина II, подчеркивая, что у нее уже в семилетнем возрасте отобрали все игрушки, сказав, что она уже «большая девочка, которой не пристало более их иметь» [Екатерина II, с. 6].

Но быть просто *imperator ludens* было явно недостаточно, чтобы его правление воспринималось как абсолютное зло. В Высочайшем манифесте от 28 июня 1762 г. против Петра III выдвигаются два основных обвинения. Первое было связано с опасностью принятия «иноверного закона» для греческой церкви и православия. Второе касалось попраiania «славы Российской» «заключением нового мира» [Высочайший манифест, 1762, с. 3]. В «Обстоятельном Высочайшем манифесте» от 6 июля 1762 г. это дополняется резкой критикой императора за «малость духа к правлению столь великой Империи» [Обстоятельный Высочайший манифест, 1762, с. 15], за самовластие, пренебрежение к государственным законам и опасность «погубления нам и сыну нашему» [Там же, с. 17].

Все эти обвинения против Петра III впоследствии найдут свое отражение в записках императрицы Екатерины II, особенно в их третьем (герценовском) варианте. В нем Екатерина припоминает Петру III и его жестокость, и его насмешки над обрядами православной церкви, и его нервный, деспотический характер. Так, настроенный своим любимцем Брокдорфом, он бросается на Екатерину со шпагой в руке, желая «ее образумить» [Екатерина II, 2003]. Но все же главным обвинением против Петра Федоровича, и не только в записках Екатерины, станет его обвинение в пруссофильстве, его горячая приверженность к королю Фридриху II. Эти обвинения, совсем не беспочвенные, помогли актуализировать по отношению к Петру III классическую культурную мифологию Чужого, в данном случае «пруссак», где «прусская» составляющая нового императора была явлена в словах: «Голштиния возвеселися, / Что от тебя цветет наш крин» [Ломоносов, с. 202]. При внимательном чтении второго варианта записок Екатерины II, начатого в 1771 г., обнаруживается, что и сама императрица в первое десятилетие своего пребывания в России в полной мере разделяла «прус-

ские» пристрастия своего супруга [Екатерина II, 1989]. Но ко времени своей коронации она уже предпочитала не вспоминать об этом.

Неприятие пруссофильства Петра III проявляется в мемуарах Болотова. Более того, на примере этих записок можно увидеть реализацию нового культурного процесса, связанного с мемуарной памятью автора. «Чужое» слово манифестов 1762 г. под пером автора записок становится «своим», дополняясь собственными впечатлениями и подробностями при сохранении общего пафоса официального документа. Это касается проявляемого государем презрения ко всем русским и предпочтения им голштинцев. Такое поведение императора стимулирует рост общественного мнения в соответствии со знаменитым латинским высказыванием *Vox populi vox Dei*, умножает «ропот на государя и негодование ко всем деяниям и поступкам его» не только у знати, но и у простого народа [Болотов, с. 211]. Как следствие, все «отважились публично и без всякого опасения говорить, и судить, и рядить все дела и поступки государевы» [Там же].

Но будучи офицером, давшим присягу на верность императору, Болотов нигде не договаривается до фразы, появившейся в «Обстоятельном Высочайшем манифесте» и, по сути дела, оправдывающей смерть Петра III: «ни единого въ народѣ уже не оставалось... кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его» [Обстоятельный Высочайший манифест, 1762, с. 18]. К моменту выхода этого манифеста Петр III был уже мертв. О. Иванов достаточно убедительно доказывает, что смерть императора всецело лежит на совести «панинской партии», и одним из активнейших участников цареубийства мог быть, помимо А. Орлова и князя Ф. Барятинского, Г. Н. Теплов, вероятный автор «Обстоятельного Высочайшего манифеста» [Иванов]. Воспитанник Ф. Прокоповича, Г. Н. Теплов не мог не помнить знаменитые слова своего учителя: «Да и весьма опасно лишенного короны государя в живых оставлять» [цит. по: Со шпагой и факелом, с. 298]. *Царь должен был умереть*. Не случайно Екатерина II в третьем варианте своих записок заставляет своего супруга признаться, что он «чувствует, что не рожден для России; что ни он не подходит вовсе для русских, ни русские для него, и что он убежден, что погибнет в России» [Екатерина II, с. 443]. Так или иначе, он был принесен в жертву самому блестящему в истории русского XVIII в. женскому правлению. Однако его смерть открывала широкую дорогу самозванничеству, так как если убить плохого царя, чтобы заменить его хорошим, всегда появится искушение заменить хорошего царя еще лучшим.

Гамлет и Дон Кихот российского трона

Павел I, законодательно запретивший русскую гинекократию своим указом о престолонаследии 1797 г., был единственным русским монархом XVIII в., которого целенаправленно готовили к престолу. При этом была реализована утопическая задача воспитания идеаль-

ного правителя, проект, в книге Ричарда Уортмана получивший название «Минерва и Телемак: воспитание принца» [Wortman]. Об этом позаботится воспитатель наследника престола граф Н. Панин, в царствование Елизаветы подготовивший «Понятие и мнение о воспитании... Павла Петровича», поставивший перед собой цель привить наследнику престола идею долга и гражданские добродетели, основывающиеся на «примерах великих дел его освещенных предков» [Панин, с. 316]. Учителями наследника престола стали профессор Страсбургского университета, известный писатель А. Л. Николаи, французский писатель Ф. Лафермьер; Божественные науки Павел изучал с архимандритом Платоном, впоследствии ставшим Московским митрополитом.

Европейские философы и просветители, видевшие Павла в юности, восхищались его способностями и характером. Философ Д. Дидро, посетивший Россию в 1773 г., писал о наследнике престола: «...все те, кто имел честь бывать с ним, восхищаются его проницательностью, разносторонними способностями, мягкостью его сердца и его умом» [Дидро, с. 107]. Русские масоны видели в нем «Великого Павла», посвящая ему свои произведения. М. Херасков посвятил Павлу свою любимую масонскую нравственно-этическую поэму «Владимир Возрожденный» (1785), в которой главный герой является образцовым монархом, прошедшим путь от «тьмы» незнания к «свету» истинного Просвещения.

Тем не менее, русский педагогический эксперимент по воспитанию идеального правителя эпохи Просвещения провалился. Павлу было суждено оставить очень противоречивую память у современников и потомков. Г. Р. Державин, приветствуя воцарение Александра I, будет отождествлять умершего императора с северным ветром нордом. А. С. Пушкин в оде «Вольность» сравнит его с римским императором Калигулой, К. Рылеев в агитационных песнях назовет «курносым злодеем». Даже отождествление Павла с известными литературными героями Гамлетом и Дон Кихотом не проясняет, а, наоборот, запутывает ситуацию еще больше, так как в российском сознании данные герои являются антагонистами⁶.

Основная причина противоречивого характера наследника, на наш взгляд, была связана с противоречивым характером русского Просвещения. По мнению американского историка Д. Х. Биллингтона, оно представляло собой драматическую иллюстрацию конфликта между просвещением в теории и деспотизмом на практике, что позволило исследователю охарактеризовать его как «смятенное Просвещение» [Биллингтон], когда сосуществовали, с одной стороны, «Наказ», Комиссия для составления проекта нового уложения, педагогическая утопия Смольного, расцвет журналистики, блестящие военные победы и усиление престижа России в Европе, с другой же –

⁶ Ср. «Гамлет и Дон Кихот» И. С. Тургенева.

усиление крепостного права, крестьянские войны, издержки фаворитизма, самозванничество. В России эпохи Екатерины II эти противоречия частично нейтрализовались механизмом женского правления и личным обаянием императрицы. Прекрасной иллюстрацией может служить эпизод из «Записок» Г. Р. Державина, в котором тот, исполняя роль статс-секретаря императрицы, показывал, как императрица «особливо умела выигрывать сердца и ими управлять, как хотела» [Державин, с. 345]. Мемуарист вспоминает, как после очередной «ссоры», вызванной нежеланием Екатерины II соответствовать в глазах Державина идеальному образу Фелицы,

...он надуется, даст себе слово быть осторожным и ничего с ней не говорить; но на другой день, когда он войдет, то она тотчас приметит, что он сердит: зачнет спрашивать о жене, о домашнем его быту, не хочет ли он пить, и тому подобное ласковое и милостивое, так что он позабудет всю свою досаду и сделается по-прежнему чистосердечным. В один раз случилось, что он, не вытерпев, вскочил со стула и в испуге сказал: «Боже мой! Кто может устоять против этой женщины? Государыня, Вы не человек. Я сегодня наложил на себя клятву, чтоб после вчерашнего ничего с Вами не говорить; но Вы против моей воли делаете из меня, что хотите». Она засмеялась и сказала: «Неужто это правда?» [Там же].

Еще до личного знакомства с императрицей Державину удалось понять логику нового правления, создав ономоимиф Фелицы, в котором на смену блестящему визуальному ряду, рисующему образ Минервы-Елизаветы, пришел внешне неброский, с пешими прогулками и простой пищей «путь добродетели прямой».

Стоит ли удивляться, каким диссонансом в контексте сложившейся гинекратической традиции должно было казаться правление Павла I с его ярко выраженным маскулинным началом и нарочитой грубостью. Тот же Державин свидетельствует:

Тотчас во дворце (после смерти Екатерины II – Е. П.) прияло все другой вид, загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом [Там же, с. 389].

Точно такое же впечатление от воцарения Павла осталось и у Ш. Массона, с грустью констатировавшего: «...атмосфера свободы, непринужденности и учтивости, которая царила здесь, уступила место невыносимому гнету» [Массон, с. 41].

Желая править не так, как это делала Екатерина II, то есть без ее лицемерия, чтобы свести теорию и практику, утопию и реальность, Павел I, сам того не желая, уподоблял себя Дон Кихоту, сражавшемуся с ветряными мельницами. Желая подтянуть дисциплину, он являл

себя классическим тираном, отправлявшим в Сибирь целые полки. Желая достигнуть естественного равенства всех сословий, он мог предложить только равенство в несправедливости, когда восстановил телесные наказания для дворян. Борясь с Французской революцией, он запрещал иностранные книги, предметы гардероба и танцы, что сразу же становилось предметом насмешек и материалом для анекдотов. Кстати, в жанре анекдота, переживавшего во второй половине XVIII – первой половине XIX в. в Европе и России настоящий «золотой век» и переместившегося с периферии литературного процесса практически в его центр, императору Павлу в большей степени отводится роль чудака. В анекдотах распоряжения и указы императора зависят исключительно от его сиюминутного настроения, не имея под собой никакой логики (см. анекдоты о виселице для чижа, о пресловутом поручике Кижее, о пьяном офицере, который едва не стал полковником, о братьях-подполковниках Ермолиных I и II, о косе императора, которая лежит не по шву, о старушке, которой запретили обедать в 12 часов, когда император гулял по городу [Павел I]). Все «павловские» анекдоты объединяет момент непредсказуемости: общаясь с императором и приняв нужный тон, можно выиграть, но это совсем не значит, что завтра ты не проиграешь и не будешь наказан несоразмерно больше своего мнимого проступка.

То, что Павел не оправдал надежд образованного русского общества, связано, безусловно, и с личной виной императрицы как просвещенной правительницы. В результате, по словам В. А. Сахарова, «сын великой Екатерины, умный, просвещенный и добрый человек, загнанный бесчеловечной русской историей в тупик политического безумия и истерической тирании, самый одинокий, несчастный и непонятый деятель XVIII века» [Сахаров, с. 160].

«Гамлетовское» начало в образе Павла заключалось не только в почитании своего убитого отца Петра III, но и в ощущении общего трагизма своей судьбы, мистической направленности души, что стало проявляться еще в детстве. Самым же известным мистическим эпизодом из жизни Павла является история встречи наследника в Петербурге с призраком своего прадеда Петра I, о которой он рассказал баронессе Г. Л. Оберкирх 10 июля 1782 г. Призрак, завернутый в испанский плащ, с надвинутой на лицо шляпою, обратился к Павлу со словами: «Павел! Бедный Павел! Бедный князь!», предсказал ему скорую смерть и завещал: «Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся укора совести; для благородной души нет более чувствительного наказания» [Оберкирх, с. 522].

Данная история, помимо ее естественной мистической составляющей, заставившей Павла «бояться мысли, что могу бояться», и топонимического предания о месте возведения Медного всадника, интересна еще одним аспектом. В ней Павел намеренно подчеркивает непосредственную духовную связь со своим прадедом Петром I, на которую, конечно, не может претендовать его мать Екатерина II,

ведь в ее жилах не текло ни одной капли русской крови. Так замыкалась цепь мужчин-правителей XVIII в. Несмотря на это, Екатерина прямо заявила о своей исключительной духовной связи с великим преобразователем России, выбив на постаменте Медного всадника знаменитую дарственную надпись: «Петру Первому – Екатерина Вторая». При такой логике Павлу просто не было места в гинекратической системе правления. Ему оставалось только одно: добровольно принести себя в жертву на благо государства, принимая в обмен на жизнь по законам справедливости скорую спокойную смерть. *Царь должен был умереть!*⁷

Российский историк И. Н. Ионов, отстаивая правомерность феномена «бабьего царства», был уверен, что для XVIII в. присутствие женщин на престоле было единственно возможной гендерной альтернативой, так как «правление мужчин в XVIII веке... все время вызывало угрозу нового Смутного времени» [Ионов, с. 77]. Такая точка зрения подводит черту под мужским правлением эпохи русского Просвещения, выставляя его абсолютно бесперспективным. В контексте же гинекратического культурного мифа формируется представление об особом, сакральном месте женщины в русском космосе. Так, английский писатель С. Грэхэм в своей книге 1912 г. «Неоткрытая Россия», размышляя о русских женщинах, писал: «...ими Россия сильна. Из-за них солнце светит радостно, а птицы поют. Из-за их святости мужчинам позволено быть далекими от святости» [Graham, p. 326–327].

Механизм гинекратического правления обеспечивал его легитимизацию разными способами: через создание литературного государственного мифа с Минервой и Фелицей, путем явной и тайной дискредитации соперников на троне через объявление их безумцами, монархами «играющими» или изменниками Отечества. Последних надо было принести в жертву для достижения нового «золотого века» и ликвидации угрозы если не буквально «смутного времени», то застоя на прямом пути Просвещения, завещанного Петром I. И хотя XVIII в. как век Просвещения всемерно гордился своим скептицизмом по отношению не только к мифологии, но и к религии, однако в данном случае в духе классических концепций жертвоприношения смерть правителя-мужчины рассматривалась как средство достижения социальной гармонии, будь это мифологема «золотого века» или просветительская утопия построения идеального государства.

Мужские правления, не обладая веселым культурным гедонизмом правления императриц, в большей степени демонстрировали «альтернативный» классическому Просвещению путь. Они противопоставили легкости петербургских «дворцовых революций» кровавое

---

⁷ Идея принесения себя в жертву, желание осчастливить страну любыми способами четко проявляются в фильме В. Мельникова 2003 г. «Бедный, бедный Павел», где роль императора исполняет Виктор Сухоруков.

самозванничество Е. Пугачева, новоявленного Петра III, павловский мистицизм масонства и тайн Мальтийского ордена, наконец, утопические легенды о «добром царе» Иоанне Антоновиче – безмянном кексгольмском узнике [Император Иоанн Антонович, с. 506–512].

Потребность в маскулинном правлении стала знаменем наступающей эпохи Наполеона Бонапарта, эпохи массовых всеевропейских войн и революций. Хотя император Александр I, придя к власти, обещал править по заветам своей венценосной бабки Екатерины II, возрождения гинекократии в XIX столетии не произошло, как не случилось правления Екатерины III, сестры императора Екатерины Павловны, которая, возможно, было бы лучшей альтернативой российскому трону, чем ее братья Константин и Николай. Э. Радзинский в своей последней книге «Бабье царство. Русский парадокс» выражает вполне гинекратическую идею: «Женщины-императрицы оставили в наследство императорам-мужчинам необъятную империю с необъятными проблемами. <...> Но пришедшие императоры-мужчины всех этих проблем решить не смогли. Что они смогли? Привели Россию к революции» [Радзинский, с. 644–645]. История русского XVIII в. наглядно продемонстрировала как опасности, сопряженные с правлением императоров-мужчин, так и недостатки женских правлений, воспринимавшихся в качестве единственно возможных.

Список литературы

- Абрамзон Т. Е.* Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин. Магнитогорск : МаГУ, 2006. 480 с.
- Аксенов В.* Вольтерьянцы и вольтерьянки. М. : Изографус, 2005. 555 с.
- Анисимов Е. В.* Иван IV Антонович. М. : Молодая гвардия, 2008. 350 с.
- Биллингтон Д. Х.* Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры. М. : Рудомино, 2001. 880 с.
- Болотов А. Т.* Жизнь и приключения А. Болотова, писанные им самим для своих потомков : в 4 т. СПб. : Печатня В. Головина, 1871. Т. 2. 1738–1793. 1120 с.
- Вачева А.* Ее Императорского величества Екатерины II автоцензура // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235.
- Вачева А. И.* Потомству Екатерина II : Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София : Св. Климент Охридски, 2015. 717 с.
- Высочайший Манифест о вступлении на Престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ее Величества на Императорскую Корону. СПб. : Печатано при Сенате, 1741. 3 с.
- Высочайший Манифест о вступлении на Престол Императрицы Екатерины II. 1762 г., июня 28 // Указы Всепреспетлейшей, Державнейшей, Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, состоявшиеся с благополучнейшего вступления Ее Императорского Величества на Всероссийский Престол, с 28 июня 1762 по 1763 год : Напечатано по Всевысочайшему Ее Императорского Величества повелению. М. : Печатано при Сенате, 1763. С. 3–4.
- Державин Г. Р.* Записки Гавриила Романовича Державина. 1743–1812. М. : Изд. Рус. беседы, 1860. 502 с.
- Дидро Д.* Философские, исторические и другие записки различного содержания (год 1773-й, с 5 октября по 3 декабря) // Дидро Д. Собр. соч. : в 10 т. Т. 10. М. : ОГИЗ, 1947. С. 41–263.

Екатерина II. Мемуары // Памятник моему самолюбию. М. : ЭКСМО, 2003. С. 171–541.

Екатерина II. Записки, начатые 21 апреля 1771 года и продолженные в 1791 год // Записки императрицы Екатерины Второй. М. : Орбита, 1989. С. 1–194.

Иванов О. А. Петр III : Загадка смерти. М. : Центрополиграф, 2018. 863 с.

Ильин И. А. О вечно-женственном и вечно-мужском в русской душе // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Парог, 1996. Т. 6. Кн. 3. С. 165–195.

Император Иоанн Антонович // Рус. старина. 1879. Т. 25. С. 291–306. Т. 26. С. 493–514.

Ионов И. Н. Женщины и власть в России: история и перспектива // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 75–87.

Корф М. А. Брауншвейгское семейство. М. : Прометей, 1993. 413 с.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. : в 6 ч. СПб. : Императ. Акад. наук, 1803. Ч. 1. 343 с.

Массон Ш. Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правления Павла. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 208 с.

Оберкирх Г. Л. Рассказ великого князя Павла Петровича о видении ему Петра I // Рус. архив. 1869. Вып. 3. С. 517–526.

Обстоятельный Высочайший Манифест о возшествии на Всероссийский Престол Императрицы Екатерины II. 1762 г., июля 6 // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, состоявшееся с благополучнейшего вступления Ее Императорского Величества на Всероссийский Престол, с 28 июня 1762 по 1763 год. М. : Печатано при Сенате, 1763. С. 14–23.

Павел I : Собрание анекдотов, отзывов, характеристик указов и пр. / сост. А. Гено и Томич. М. : Либроком, 2014. 306 с.

Панин Н. И. Всеподданнейшее представление слабого понятия и мнения о воспитании Его Императорского Величества Павла Петровича // Рус. старина. 1880. Т. 36. С. 315–317.

Письма и бумаги Петра Великого. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1950. Т. 9. Вып. 1. 528 с.

Прокопович Ф. Сочинения. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 502 с.

Проскурина В. Мифы империи : Литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 328 с.

Радзинский Э. С. Бабе царство : Русский парадокс. М. : АСТ, 2019. 656 с.

Сахаров В. И. Русское масонство в портретах. М. : АиФ Принт, 2004. 512 с.

Со шпагой и факелом. 1725–1825 : Дворцовые перевороты в России. М. : Современник, 1991. 594 с.

Сумароков А. П. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1957. 607 с.

Хейзинга Й. Homo ludens : В тени завтрашнего дня. М. : Прогресс, 1992. 464 с.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М. : АСТ : АСТ Москва, 2010. 698 с.

Graham S. Undiscovered Russia. L. ; N. Y. : John Lane Company, 1912. 332 p.

Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven : Yale Univ. Press, 1981. 698 p.

Marrese M. L. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca ; L. : Cornell Univ. Press, 2002. 296 p.

Renault M. The King Must Die. N. Y. : Open Road Integrated Media, 2013. 354 p.

Voltaire F. M. A. de. Questions sur l'encyclopédie, distribuées en forme de dictionnaire par des amateurs : in 9 vols. 2-de éd. Londres : [S. n.], 1771–1772. Vol. 8. Loix – Russie. 306 p.

Wortman R. S. Scenarios of Power : Myth and Ceremony in Russian Monarchy : in 2 vols. Princeton : Princeton Univ. Press, 1995. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. 469 p.

References

- Abramzon, T. E. (2006). *Poeticheskie mifologii XVIII veka: Lomonosov, Sumarokov, Kheraskov, Derzhavin* [Poetic Mythologies of the 18th Century: Lomonosov, Sumarokov, Kheraskov, Derzhavin]. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi universitet. 480 p.
- Aksenov, V. (2005). *Vol'ter'yantsy i vol'ter'yanki* [Female and Male Followers of Voltaire]. Moscow, Izografus. 555 p.
- Anisimov, E. V. (2008). *Ivan IV Antonovich* [Ivan IV Antonovich]. Moscow, Molodaya gvardiya. 350 p.
- Billington, J. H. (2001). *Ikona i topor: opyt istolkovaniya istorii russkoi kul'tury* [Icon and Ax: The Experience of Interpreting the History of Russian Culture]. Moscow, Rudomino. 880 p.
- Bolotov, A. T. (1871). *Zhizn' i priklyucheniya A. Bolotova, pisanye im samim dlya svoikh potomkov v 4 t.* [The Life and Adventures of A. Bolotov, Written by Him for His Descendants. 4 Vols.]. St Petersburg, Pechatnya V. Golovina. Vol. 2. 1738–1793. 1120 p.
- Catherine II. (1989). *Zapiski, nachatye 21 aprelya 1771 goda i prodolzhenye v 1791 god* [Notes Begun on 21 April 1771 and Continued in 1791]. In *Zapiski imperatritsy Ekateriny Vtoroi*. Moscow, Orbita, pp. 1–194.
- Catherine II. (2003). *Memuary* [Memoirs]. In *Pamyatnik moemu samolyubiyu*. Moscow, EKSMO, pp.171–541.
- Derzhavin, G. R. (1860). *Zapiski Gavriila Romanovicha Derzhavina 1743–1812* [Notes by Gavriila Romanovich Derzhavin. 1743–1812]. Moscow, published by Russkaya beseda. 502 p.
- Diderot, D. (1947). *Filosofskie, istoricheskie i drugie zapiski razlichnogo sodержaniya (god 1773-i, s 5 oktyabrya po 3 dekabrya* [Philosophical, Historical, and Other Notes of Various Contents (1773, from 5 October to 3 December)]. In Diderot, D. *Sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, OGIZ. Vol. 10, pp. 41–263.
- Foucault, M. (2010). *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason]. Moscow, AST, AST Moskva. 698 p.
- Geno, A., Tomich (Eds.). (2014). *Pavel I. Sobranie anekdotov, otzyvov, kharakteristik ukazov i pr.* [Paul I. A Collection of Anecdotes, Reviews, Characteristics of Decrees, etc.]. Moscow, Librokom. 306 p.
- Graham, S. (1912). *Undiscovered Russia*. L., N. Y., John Lane Company. 332 p.
- Huizinga, J. (1992). *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. Moscow, Progress. 464 p.
- Il'in, I. A. (1996). *O vечно-zhenstvennom i vечно-muzhskom v russkoi dushe* [About the Eternally Feminine and Eternally Masculine in the Russian Soul]. In Il'in, I. A. *Sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, Rarog. Vol. 6. Book 3, pp. 165–195.
- Imperator Ioann Antonovich [Emperor Ivan Antonovich]. (1879). In *Russkaya starina*. Vol. 25, pp. 291–306. Vol. 26, pp. 493–514.
- Ionov, I. N. (2000). *Zhenshchiny i vlast' v Rossii: istoriya i perspektiva* [Women and Power in Russia: History and Perspective]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 4, pp. 75–87.
- Ivanov, O. A. (2008). *Petr III. Zagadka smerti* [Peter III. The Riddle of Death]. Moscow, Tsentropoligraf. 863 p.
- Korf, M. A. (1993). *Braunshveigskoe semeistvo* [The Braunschweig Family]. Moscow, Prometei. 413 p.
- Lomonosov, M. V. (1803). *Polnoe sobranie sochinenii v 6 ch.* [Complete Works. 6 Parts]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Part 1. 343 p.
- Madariaga, I. de (1981). *Russia in the Age of Catherine the Great*. New Haven, Yale Univ. Press. 698 p.
- Marrese, M. L. (2002). *A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861*. Ithaca, L., Cornell Univ. Press. 296 p.
- Masson, Ch. (1996). *Sekretnye zapiski o Rossii, i v chastnosti o kontse tsarstvovaniya Yekateriny II i pravleniya Pavla* [Secret Notes on Russia, and in Particular on the End of the Reign of Catherine II and the Reign of Paul]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 208 p.

Oberkirch, G. L. (1869). Rasskaz velikogo knyazya Pavla Petrovicha o videnii emu Petra I [The Story of the Grand Duke Pavel Petrovich about the Apparition of Peter I]. In *Russkii arkhiv*. Iss. 3, pp. 517–526.

Obstoyatel'nyi Vysochaishii Manifest o vozshestvii na Vserossiiskii Prestol Imperatritsy Ekateriny II. 1762 g., iyulya 6 [Comprehensive Highest Manifesto on the Ascension of Empress Catherine II to the All-Russia Throne. 6 July 1762]. (1763). In *Ukazy Vsepresvetleishei, Derzhavneishei, Velikoi Gosudaryni Imperatritsy Ekateriny Alekseevny, sostoyavsheesya s blagopoluchneishego vstupleniya Ee Imperatorskogo Velichestva na Vserossiiskii Prestol, s 28 iyunya 1762 po 1763 god.* Moscow, published by the Senate, pp. 14–23.

Panin, N. I. (1880). Vsepoddanneishee predstavlenie slabogo ponyatiya i mneniya o vospitanii Ego Imperatorskogo Velichestva Pavla Petrovicha [The Most Submissive Representation of a Weak Concept and Opinion on the Education of His Imperial Majesty Pavel Petrovich]. In *Russkaya starina*. Vol. 36, pp. 315–317.

Pis'ma i bumagi Petra Velikogo [Letters and Papers of Peter the Great]. (1950). Vol. 9. Iss. 1. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR. 528 p.

Prokopovich, F. (1961). *Sochineniya* [Works]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 502 p.

Proskurina, V. (2006). *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [Myths of the Empire. Literature and Power in the Age of Catherine II]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.

Radzinskii, E. S. (2019). *Bab'e tsarstvo. Russkii paradoks* [Women's Tsardom. Russian Paradox]. Moscow, AST. 656 p.

Renault, M. (2013). *The King Must Die*. NY, Open Road Integrated Media. 354 p.

Sakharov, V. I. (2004). *Russkoe masonstvo v portretakh* [Russian Freemasonry in Portraits]. Moscow, AiF Print. 512 p.

So shpagoi i fakelom. 1725–1825. Dvortsovye perevoroty v Rossii [With a Sword and a Torch. 1725–1825. Palace Coups d'État in Russia]. (1991). Moscow, Sovremennik. 594 p.

Sumarokov, A. P. (1957). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 607 p.

Vacheva, A. I. (2015). *Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnye strategii v avtobiografii imperatritsy* [To Future Generations from Catherine II. Ideas and Narrative Strategies in the Autobiography of the Empress]. Sofiya, Sv. Kliment Okhridski. 717 p.

Vacheva, A. (2017). *Yeye Imperatorskogo velichestva Yekateriny II avtotsenzura* [Her Imperial Majesty Catherine II Self-Censorship]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No 2. Pp. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235.

Voltaire, F. M. A. de (1771–1772). *Questions sur l'encyclopédie, distribuées en forme de dictionnaire par des amateurs*: in 9 vols. 2-de éd. Londres, S. n. Vol. 8. Loix – Russie. 306 p.

Vysochaishii Manifest o vstuplenii na Prestol Gosudaryni Imperatritsy Elizavety Petrovny, s obstoyatel'nym iz'yasneniem blizhaishego i preimushchestvennogo prava Eya Velichestva na Imperatorskuyu Koronu [The Highest Manifesto on the Accession to the Throne of Empress Elizabeth Petrovna, with a Detailed Explanation of Her Majesty's Immediate and Primary Right to the Imperial Crown]. (1741). St Petersburg, published by the Senate. 3 p.

Vysochaishii Manifest o vstuplenii na Prestol Imperatritsy Ekateriny II. 1762 g., iyunya 28 [The Highest Manifesto on the Accession to the Throne of Empress Catherine II. 28 June 1762]. (1763). In *Ukazy Vsepresvetleishei, Derzhavneishei, Velikoi Gosudaryni Imperatritsy Ekateriny Alekseevny, sostoyavshiesya s blagopoluchneishego vstupleniya Ee Imperatorskogo Velichestva na Vserossiiskii Prestol, s 28 iyunya 1762 po 1763 god. Napechatano po Vsevysochaishemu Ee Imperatorskogo Velichestva povelenyu.* Moscow, published by the Senate, pp. 3–4.

Wortman, R. S. (1995). *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*: in 2 Vols. Princeton, Princeton Univ. Press. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. 469 p.

The article was submitted on 26.07.2019

DOI 10.15826/qr.2019.4.428

УДК 821.161.1-1+82.091+159.922+27-186

**МОДУС СМЕРТНОГО СОЗНАНИЯ
В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ XIX в.:
ГЕНЕЗИС И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА***

Олег Зырянов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE MODE OF MORTAL CONSCIOUSNESS
IN 19th-CENTURY RUSSIAN POETRY:
GENESIS AND ETHNOCULTURAL PECULIARITIES**

Oleg Zyryanov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the genesis of death-related themes and the formation of the mode of *mortal consciousness* in the individual practice of modern Russian poets. The phenomenon of mortal consciousness, along with the understanding of the existential tragedy of man as a mortal being, emphasises special forms of overcoming the tragic state. The author substantiates the three most widely used concepts of immortality found in the works of Russian poets: 1) the concept of social immortality, dating back to Horace's *Exegi monumentum aere perennius...*; 2) the concept of poetic immortality, based on the mythological topos of Elysium (originating in the works of Batyushkov and Zhukovsky); and 3) the concept of personalistic (existential) immortality. It is proved that, unlike the first two, the third concept of immortality is deeply personal and individually variable by nature, directly connected with the mode of mortal consciousness. Referring to the methods of contemporary ethnopoetics and contemporary historical and intertextual analysis, the author compares works by Derzhavin, Zhukovsky, Pushkin, Boratynsky, and Lermontov with non-Russian sources

---

* Citation: Zyryanov, O. (2019). The Mode of *Mortal Consciousness* in 19th-Century Russian Poetry: Genesis and Ethnocultural Peculiarities. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1125–1142. DOI 10.15826/qr.2019.4.428.

Цитирование: Zyryanov O. The Mode of *Mortal Consciousness* in 19th-Century Russian Poetry: Genesis and Ethnocultural Peculiarities // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1125–1142. DOI 10.15826/qr.2019.4.428 / Зырянов О. Модус смертного сознания в русской классической поэзии XIX в.: генезис и этнокультурная специфика // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1125–1142. DOI 10.15826/qr.2019.4.428.

(Jung, Gray, Shakespeare, Chénier, and Byron), which makes it possible to reveal the evolution of foreign influences in Russian space and clarify the nature of the national reception of precedent texts as a result of ethnocultural factors. The most significant determinants of national culture are *death, sleep, and love for a deceased lover*. The texts of the Russian poetic tradition, considered in terms of ethnocultural peculiarities, are combined into supertext unities comparable to receptive cycles. Such supertext unities may be limited to the work of one author, as is confirmed with reference to Lermontov's poems *May 16, 1830, Night I, Death, The Last House-Warming, Dead Man's Love, Sleep, Alone I Set out on the Road...* At the same time, such unities may go beyond the boundaries of an individual oeuvre and into an intertextual dialogue between contemporaries, i. e. Pushkin's elegy *Breathing Youthfully with Sweet Hope...*, *The Vanished Joy of My Crazy Years...* and Boratynsky's poem *From Chénier*, in their appeal to Shakespeare's precedent texts (monologue *To be or not to be...*) and those by Chénier (*Elegy XXXVI*).

Keywords: A. Pushkin; E. Boratynsky; M. Lermontov; W. Shakespeare; A. Chénier; G. G. Byron; mode of consciousness; ethno-poetics.

Статья посвящена проблеме генезиса мортальной тематики и вопросам формирования модуса *смертного сознания* в индивидуальной практике русских поэтов Нового времени. В феномене смертного сознания наряду с осмыслением экзистенциальной трагедии человека как смертного существа акцентируются особые формы преодоления трагического состояния. Дается обоснование трех концепций бессмертия, наиболее репрезентативно представленных в творчестве русских поэтов: 1) концепции *социального бессмертия*, идущей еще от «Памятника» Горация; 2) концепции *поэтического бессмертия*, опирающейся на мифологический топос Элизима (зарождается в творчестве Батюшкова и Жуковского); 3) концепции *персоналистического (экзистенциального) бессмертия*. В отличие от предшествующих двух, последняя концепция более позднего происхождения и носит глубоко личностный и индивидуально-вариативный характер, непосредственно соприкасаясь с модусом смертного сознания. Используя методы современной этнопоэтики, сравнительно-исторического и интертекстуального анализа, автор проводит сопоставление произведений Державина, Жуковского, Пушкина, Боратынского и Лермонтова с иноязычными источниками (Юнг, Грей, Шекспир, Шенье, Байрон), что позволяет выявить спектр преломлений иностранных влияний на русской почве, уточнить характер национальной рецепции исходных текстов-прецедентов в результате воздействия факторов этнокультурного порядка. В качестве важнейших детерминант национальной культуры выступают ситуации *сна-смерти* и *любви к мертвой возлюбленной*. Рассматриваемые в аспекте этнокультурной специфики тексты русской поэтической традиции складываются в сверткестовые общности наподобие рецептивных циклов. При этом сверткестовые образования могут ограничиваться творчеством одного автора, что подтверждается на материале стихотворений Лермонтова «1830. Май. 16 числа», «Ночь I», «Смерть», «Последнее

новоселье», «Любовь мертвеца», «Сон», «Выхожу один я на дорогу». В то же время возможен выход и за границы индивидуального творчества, в сферу интертекстуального диалога поэтов-современников – к элегиям Пушкина «Надеждой сладостной младенчески дыша...», «Безумных лет угасшее веселье...» и стихотворению Боратынского «Из Шенье» («Под бурею судеб, унылый, часто я...») – в их обращении к прецедентным текстам-источникам Шекспира (монолог «Быть или не быть...») и Шенье (Элегия XXXVI).

Ключевые слова: А. Пушкин; Е. Боратынский; М. Лермонтов; В. Шекспир; А. Шенье; Дж. Г. Байрон; модус сознания; этнопоэтика.

Оценивая место А. С. Пушкина в развитии мировой литературы, Д. Благой очень проницательно отметил, что первый национальный поэт «вживал русскую литературу в те культурно-исторические западные миры, которых не было на карте исторической жизни русского народа и которые, эстетически восполняя это, он на нее наносил» [Благой, 1977, с. 16]. Нечто подобное можно сказать и о разрабатываемой русскими поэтами теме самосознания смерти, или о специфическом модусе смертного сознания, как он выразился в русской литературе. Данный феномен до известной степени также представляется продуктом *вживания* русского духа в художественные миры западных поэтов-классиков.

Речь в статье пойдет не просто о смертной тематике, но об особом качестве медитирующего на эту тему художественного сознания и о его модальных характеристиках. В одном из черновых вариантов к пушкинским стансам «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» поэт был найден, на наш взгляд, очень удачная формула смертного сознания: «Но мысль о смерти неизбежной / Везде близка, всегда со мной» [Пушкин, т. 3, с. 422]¹. В центре исследования – именно *феномен смертного сознания*, или сознания, постигающего смертность человеческого существования, активно реагирующего на «мысль о смерти неизбежной», но при этом теми или иными путями пытающегося преодолеть трагизм своего состояния, стремящегося обрести своего рода «формулу бессмертия».

Одна из первых в европейской истории попыток концептуального подхода к теме бессмертия, во многом определившая генеральный вектор поэтической рефлексии посмертного существования поэта, принадлежит Горацию. В его «Оде 30. К Мельпомене» обращают на себя внимание следующие строки: «Non omnis moriar, multaque pars mei / Vitabit Libitinam» («Нет, не весь я умру! Лучшая часть моя / Избежит похорон») [Гораций, с. 148]. Расшифровка того, что составляет «лучшую часть мою», сохраняющуюся после смерти, наряду, конечно, с интенсивным переживанием самой мысли о конечности челове-

¹ Отметим в пушкинской формуле универсальность и даже тотальность смертной памяти, на что указывают пространственные и временные показатели – наречные формулы «везде» и «всегда».

ского существования и неизбежности смертного часа, и составляет содержательный феномен смертного сознания.

В истории отечественной поэзии Нового времени были предложены следующие концепции бессмертия.

Во-первых, *концепция социального бессмертия*, что связывается с идеей процветания государства, нации. По сути, именно горацянская ода «*Exegi monumentum...*» явилась ее эталонным выражением. На русской почве к этой традиции «поэтического памятника» присоединяется Г. Р. Державин в программном стихотворении «Памятник» (1795). В оде на его смерть В. Капнист, следуя логике своего предшественника, вполне обоснованно прокламирует: «Пока сиять Россия будет / В торжественных венках побед, / Тебя потомство не забудет / И имя барда вознесет. / Злый Хрон, все в мире истребляя, / Твой памятник истнить желая, / Преткнется о ступень его; / И, вечною покрытый тьмою, / Плутон забвения рекою / Не смоет лавра твоего» [Капнист, с. 307].

Во-вторых, *концепция собственно поэтического бессмертия*, получающая свое обоснование в мифологическом топосе Элизиума, где, согласно античным представлениям, после смерти располагаются души героев и поэтов. Этот топос заявлен (но пока чисто метафорически) также в «Оде на смерть Державина» В. Капниста: «Певец любви, победы, Бога / Чрез праг Плутонова чертога / В подземный Элизей грядет» [Там же, с. 304]. Правда, свое поэтическое воплощение миф об Элизиуме, равно как и сам *элизийский текст*, получит в русской поэзии позднее – в лирических опытах Жуковского и Батюшкова, Пушкина и Боратынского [см.: Четвертных]. В качестве ведущей эволюционной линии этого примечательного сверткста следует принять идею последовательной интериоризации элизийского топоса, что наглядно просматривается в стихотворениях Боратынского «Не славь, обманутый Орфей...» и Тютчева «Душа моя, Элизиум теней...».

В-третьих, *концепция ортодоксально-христианского бессмертия*. Ее эталонным выражением на русской почве можно считать оду Державина «Бессмертие души», которой поэт открывает второй том своего итогового собрания стихотворений: «Но если нет души бессмертной: / Почто ж живу в сем свете я? / Что в добродетели мне тщетной, / Когда умрет душа моя? / <...> Да на краю воскликну бездны: / Жив Бог! – Жива душа моя! (здесь и далее все курсивы в цитатах, за исключением особо оговоренных, принадлежат авторам. – О. З.)» [Державин, с. 231, 233]. В этом же ряду следует рассматривать практически всю традицию стихотворных переложений псалмов.

Предмет данной статьи – осмысление *концепции экзистенциального* (или персоналистического) *бессмертия*, а также тех форм, в которых она возникает под влиянием иноязычных источников и получает дальнейшее развитие на русской почве. По сравнению с предыдущими концепциями бессмертия, практически каждый поэт заявляет свое видение проблемы, отсюда вытекают плюрализм воз-

можных вариантов, тенденция к их причудливому синтезу, установка на поэтический диалог. Но в каждом отдельном случае концепция персоналистического бессмертия опосредована модусом *смертного сознания* – иначе говоря, ответной индивидуально-авторской реакцией на медитацию о смерти, или на «мысль о смерти неизбежной».

Необходимо подчеркнуть важное обстоятельство, что проводником персоналистической концепции бессмертия, ее влияния и существенных трансформаций под действием этнокультурного фактора на русской почве становятся прецедентные тексты по преимуществу английской поэтической традиции. И в этом, как нам видится, для русского национального самосознания открывается глубочайший философско-религиозный смысл.

Рецепция темы смерти в ее специфически рефлексивном варианте начинает свой отсчет в русской поэзии Нового времени с творческого освоения «Ночных размышлений» Э. Юнга (последняя четверть XVIII в.). С именем английского автора связан феномен «русской юнговой культуры», обогативший отечественную поэзию «первыми стенаниями нового лиризма» [Пумпянский, с. 89, 252] (достаточно вспомнить оду Державина «На смерть князя Мещерского»). Но юнгово начало у того же Державина строго локализовано, причем представлено именно в одическом жанре, часто сочетаясь с другими исходными посылками, и прежде всего с философией гораццианства. Наряду с Державиным, в русской поэзии были и другие, более последовательные проводники традиции ночной поэзии Юнга².

Если же говорить о начале собственно русского лиризма в его «особом, самоуглубленно-лакримозном смысле», то, по мнению С. С. Аверинцева, его следует связывать с именем В. А. Жуковского как творческого перелагателя «Сельского кладбища» Т. Грея. И здесь мы опять сталкиваемся с влиянием английской культуры и осознанием ее особой важности для «рождающегося русского самоощущения» [Аверинцев, с. 261, 263]. Приведем высказывание С. Аверинцева, связанное с именем Пушкина и воссоздающее впечатляющую картину систематических увлечений русского гения традицией английской поэзии: «...но ведь вот и Пушкин, воспитанный на французях и еще в 1825 г., несмотря на весь свой байронизм, оставлявший *урну Байрона* ради неоплаканной тени *Андрея Шенье*, в самый таинственный свой период вдохновился забытой с тех пор самими англичанами *Вильсоновой трагедией*, обеспечив ее памяти бессмертие в пределах русской культуры, и по примеру Барри Корнуэлла с истинно английской *homeliness* пил за здоровье Мери, а потом еще перелагал начало “*Pilgrim’s Progress*”; тут, правда, есть что-то повторяющееся» [Там же, с. 262].

² Ср. оригинальный вариант освоения юнгово начала в творчестве Н. Смирнова («Стихи на смерть», прозаический фрагмент «К смерти»), у которого смертная тема получала не просто условно-литературную обработку, но именно автобиографическое и автопсихологическое преломление, см.: [Зырянов, 2012].

Магистральным сюжетом в этом увлечении Пушкиным поэзией Вильсона и Корнуэлла не случайно становится обращение к теме смерти, более того – ее самосознания, или медитации на смерть. Вобретении своего рода «формулы бессмертия» (не об этом ли и пушкинская трагедия «Пир во время чумы»?) состояло обращение поэта к ситуации любви к мертвой возлюбленной, столь выразительно воплощенной в цикле «прощальных» элегий болдинской осени 1830 г. («Прощание», «Для берегов отчизны дальной...», «Заклинание»).

Трактовка темы любви к мертвой возлюбленной в различных национальных традициях – немецком (Г. Гейне) или американском (Э. По) романтизме, что подтверждает и стихотворение Корнуэлла, ставшее прецедентным для пушкинского «Заклинания», – выводит на передний план готические черты «кладбищенской темы» и «тайны гроба роковые», выливающиеся, как правило, в мотивы вампиризма и некрофилии. Пушкин же сознательно стирает в разработке указанной темы все «следы явной патологичности»: «страстный призыв к тени умершей любимой женщины явиться на посмертное любовное свидание с поэтом» [Благой, 1931, с. 207] осуществляется не для того, чтоб изведать тайны гроба или, тем более, упиться извращенным в декадентском духе любовным сладострастием, а для того, чтобы воскресить (в полном смысле этого слова) возлюбленную тень, что в какой-то мере уже предвосхищает национальный вариант всеобщего воскрешения Н. Федорова [см.: Семенова]. Именно ситуация любви к мертвой возлюбленной заявляет у Пушкина «обычный, даже неизбежный процесс *воплощения веры*» [Гершензон, с. 259], веры в личное бессмертие, что выразится в гениально найденной поэтической формуле: «Во мне бессмертна память милой, / Что без нее душа моя?» [Пушкин, т. 2, с. 104].

Однако обретению веры и гармоничному разрешению ситуации смертного сознания у Пушкина предшествует сложный и драматический путь философско-психологических размышлений: от лицейского «Безверия» (1817) и южной элегии «Надеждой сладостной младенчески дыша...» (1823) к программному тексту болдинской «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...») и памятным «Стансам» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). Примечательно, что обе указанные элегии (южная и болдинская), разделенные временной дистанцией седмицы, генетически восходят к известному монологу Гамлета «Быть или не быть...». Посредническую роль в обоих случаях играет также XXXVI элегия А. Шенье, чья связь с монологом Гамлета, равно как и с 66-м сонетом Шекспира, уже была отмечена в отечественном литературоведении [см.: Розанов, с. 529–530; Реизов; Фризман].

Что касается южной элегии, то в ней четко обозначена композиционная трехчастность в развитии лирической мысли. Так, младенчески сладостной мечте (заметим, квалифицируемой в тексте не иначе как «обманчивая») оставить этот мир, решительной воле к самоубийству в надежде на обретение вечной жизни за гробом ли-

рический герой Пушкина противопоставляет упорство ума, по собственному чуть более позднему признанию поэта, «уроки чистого афеизма», «систему не столь утешительную, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более правдоподобную» [Пушкин, т. 10, с. 70]. Примечательно, что в раннем стихотворении «Безверие» материализму сердца противопоставлялся именно ум с его отчетливо религиозной интуицией («Ум ищет божества, а сердце не находит» [Пушкин, т. 1, с. 216]). Однако спустя несколько лет ситуация меняется кардинально: ум придерживается скептической позиции, тогда как *сердце* (пусть и имплицитно, лишь на правах предполагаемого концепта) выступает прибежищем именно младенческой мечты, наивно-интуитивного верования. Рационально-логический скепсис ума в данном случае, равно как и в ближайшем по времени стихотворении «Придет ужасный час... твои небесны очи...», «связан с невозможностью сохранить в загробной жизни земные чувства» [Кибальник, с. 159]. И вот логический вывод из сей малоутешительной системы философской мысли: «Ничтожество меня за гробом ожидает... / Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь! / Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален вновь, / И долго жить хочу, чтоб долго образ милый / Таился и пылал в душе моей унылой» [Пушкин, т. 2, с. 142]. Драматизм ситуации, как он представлен в стихотворении 1823 г., связан с дихотомическим представлением поэта о духовной жизни: ум назван прямо, но ему противостоит пусть и подразумеваемая сфера *сердца* – иначе говоря, чувств, воображения и надежды, оцениваемая (опять же с позиции ума) как «младенческая». В отличие от раннего стихотворения «Безверие», в котором спор ума и сердца был подан в нарративной форме (как разыгрываемая и описываемая история), в южной элегии воспроизведена исключительно ментальная ситуация интеллектуального размышления, сам процесс развития лирической мысли, акт непосредственной, а не опосредованной рассказом поэтической рефлексии.

Дальнейшее развитие мортальной темы у Пушкина вообще трудно оценить вне интертекстуального диалога с лирикой его ближайшего современника Евгения Боратынского. Примечательно, как для Пушкина меняется имидж этого поэта: из «певца пиров и неги томной» он стремительно превращается в «Гамлета-Баратынского». Именно в связи со стихотворением последнего «Череп» Пушкин в своем «Послании Дельвигу» (1827) отметил шекспировский текст-прецедент («Гамлет», акт 5, сцена 1) – монолог Гамлета над черепом Йорика: «Или, как Гамлет-Баратынский, / Над ним задумчиво мечтай...» [Пушкин, т. 2, с. 30]. Несмотря на то, что стихотворение Боратынского «Череп» (1824) прежде всего генетически связано с прецедентным текстом Байрона 1808 г. “Lines Inscribed Upon a Cup Formed From a Skull” («Надпись на кубке из черепа»), и здесь сквозь байроновский сюжет просматривается исходный прототекст, уводящий к уже указанной сцене шекспировской трагедии «Гамлет».

Байроновский текст написан от лица «вещающего черепа», но не тайны гроба выдает череп, а очередные, ставшие уже банальными истины анакреонтики: «Где ум светился, ныне там, / Умы будя, сверкает пена. / Иссохшим в черепе мозгам / Вино – не высшая ль замена?» [Байрон, с. 37]. Стихотворение английского поэта выдержано в системе строго регулярного четырехстопного ямба, тогда как у Боратынского мы наблюдаем цезурный пятистопник, или так называемый драматический ямб, в котором на фоне преобладающих мужских цезур особо выделяются цезуры дактилические (соотношение их по всему тексту 6 : 26). Приведем концовку стихотворения Боратынского (в объеме трех строф), отметив курсивом лишь наименее частотные дактилические цезуры:

Живи живой, спокойно тлей, мертвец!
Всесильного ничтожное создание,
 О человек! Уверься наконец:
 Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!
 Нам *надобны* и страсти, и мечты,
 В них бытия условие и пища:
 Не подчинишь одним законам ты
 И света шум, и тишину кладбища!
 Природных чувств мудрец не заглушит
 И от гробов ответа не получит:
 Пусть *радости* живущим жизнь дарит,
 А смерть сама их умереть научит [Баратынский, с. 116].

Такая «игра» цезур согласуется с драматическим развитием лирического сюжета и полемически направлена против односторонности байроновского либертинажа³. В связи с этим П. А. Плетнев имел все основания заметить, что «русский стихотворец в этом случае гораздо выше английского. Байрон, сильный, глубокий и мрачный, почти шутя говорил о черепа умершего человека. Наш поэт извлек из этого предмета поразительные истины» [цит. по: Там же, с. 403]. Действительно, лирический герой Боратынского предстает как бы «мыслящим наследником разрушения». И «света шум», и «тишина

³ При этом Боратынский, конечно, далек от ортодоксально-христианской позиции. Продолжая линию полемики с Байроном, А. Бестужев в одноименном стихотворении «Череп» (1828) будет гораздо сильнее акцентировать морально-религиозную тенденцию, стараясь уже дарить череп «земле мирительною тризной». Кстати, и в стиховом плане он выбирает неурегулированный ямб, в котором сочетаются, соответственно, 16 строк 4-стопного, 12 строк 5-стопного и восемь строк 6-стопного ямба. Показательно, что заключительная строфа (девятая по счету: у Байрона строф шесть, у Боратынского – восемь) выделяется преобладанием 6-стопного ямба – особенно на фоне контрастирующей с ней предпоследней строфы: «Где ж доблести? Отдай мне гроба дань, / Познаний светлых темный вестник! / Ты ль бытия таинственная грань? / Иль дух мой – вечности ровесник? // Молчишь! Но мысль, как вдохновенный сон, / Летает над своей покинутой отчизной, / И путник, в грустное мечтанье погружен, / Дарит тебя земле мирительною тризной» [Бестужев-Марлинский, с. 146].

кладбища» – это две непримиримые сферы, совсем как в более поздней маленькой трагедии Пушкина «Пир во время чумы». Позиция же мыслителя, возвышающаяся над физической точкой зрения героя-персонажа (ср.: «Со мной толпа безумцев молодых / Над ямою безумно хохотала» [Баратынский, с. 115]), отзовется позднее в известных пушкинских строчках: «Сию ль меж юношей безумных, / Я предаюсь моим мечтам» [Пушкин, т. 3, с. 130].

На пути к болдинской «Элегии» Пушкина в качестве ее важнейшего опосредующего звена располагается стихотворение Боратынского «Из Шенье» («Под бурею судеб, унылый, часто я...»), которое также ориентировано на общий литературный прецедент – XXXVI элегию А. Шенье «Souvent, las d'être esclave et de boire la lie...» и монолог Гамлета "To be, or not to be...". Заметим, что в элегической медитации Шенье центральным мотивом, уводящим к монологу Гамлета, становится мотив кинжала: «Souvent, las d'être esclave et de boire la lie / De ce calice amer que l'on nomme la vie, / Las du mépris des sots qui suit la pauvereté, / Je regarde la tombe, asile souhaité; / Je souris à la mort volontaire et prochaine; / Je me prie, en pleurant, d'oser rompre ma chaîne; / Le fer libérateur qui percerait mon sein / Déjà frappe mes yeux et frémit sous ma main» («Часто, устав быть рабом и пить осадок из этой горькой чаши, которую называют жизнью, устав от презрения глупцов, что идет вслед за бедностью, я смотрю на могилу, этот желанный уют; я улыбаюсь добровольной и близкой смерти; плача я убеждаю себя отважиться и разорвать мою цепь; избавительный кинжал, который пронзит мою грудь, уже представляется моим глазам и дрожит под моей рукой...») (подстрочник: [Фризман, с. 73])⁴. Однако именно фрагмент, связанный с кинжалом, Боратынский опускает в своей поэтической вариации на тему Шенье, тем самым лишая ее, по сути, главного ситуационно-характерологического момента, придавая абстрактно-типизированный характер диалектическому развитию мысли. В субъектной архитектонике элегической медитации Боратынского просматривается еще одна особенность: он отказывается от выбранной Шенье повествовательной установки – смены точек зрения, или перехода от перволичной позиции «я» к философски-морализирующему резюме «человек вообще». Кардинально минимизировав текст (вместо 24 стихов французского оригинала у Боратынского строго выдержана сонетная форма 14-строчника), поэт сохраняет «однородность» размышления с позиции первого лица, но наполняет ее более строгим, свойственным именно сонетному жанру фило-

⁴ У Шекспира интересующий нас фрагмент монолога Гамлета в подстрочном переводе М. М. Морозова выглядит так: «Вот причина, которая вынуждает нас переносить бедствия столь долгой жизни, несправедливости угнетателя, презрение гордеца, боль отвергнутой любви, проволочку в судах, наглость чиновников и удары, которые терпеливое достоинство получает от недостойных, если бы можно было самому произвести расчет простым кинжалом? Кто бы стал тащить на себе бремя, крихтя и потея под тяжестью изнурительной жизни, если бы не страх чего-то после смерти...» [Шекспир, с. 664].

софско-диалектическим содержанием⁵. Помимо самой трехчастной структуры развития поэтической мысли, отметим прямые параллели с пушкинской элегией южного периода: «Страшна могила мне» (Боратынский) – «Мне страшно!...» (Пушкин); «И далеко ищю, как жребий мой ни строг, / Я жить и бедствовать услужливый предлог» (Боратынский) – «И долго жить хочу, чтоб долго образ милый / Таился и пылал в душе моей унылой» (Пушкин).

Психологизм рефлексии, столь ярко проявленный в сонетной форме «Из Шенье», соседствует у Боратынского с аллегоризмом медитации, что демонстрирует стихотворение «Смерть» (1827). Выдержанная в прямо противоположном, антипсихологическом ключе, подобная медитация становится возможна лишь с позиции некоего сверхсубъекта, или «равнодушной природы», говоря пушкинским языком. Но вместе с тем, наряду с господствующим в стихотворении, казалось бы, буддийским настроением, легко обнаружить переключки с христианской традицией святых отцов церкви. Сравним параллельные места у Боратынского и святителя Иоанна Златоуста: «Когда возникнул мир цветущий / Из равновесья диких сил, / В твое храненье всемогущий / Его устройство поручил. / И ты летаешь над твореньем, / Согласно прям его лия, / И в нем прохладным дуновеньем / Смирняя буйство бытия» [Боратынский, с. 141]; «Не случайно учителем мудрости вошла в нашу жизнь смерть, воспитывая ум, укрощая страсти души, утишая волны и водворяя тишину» [цит. по: Святые «О смертной памяти»]. Стихотворение Боратынского «Смерть» также вполне сопоставимо с пушкинскими стансами «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Но если у Боратынского это медитация, аллегорическая картина в отвлеченно-философском духе, то у Пушкина – именно рефлексия, не чисто умозрительный дискурс, а поэтическая индукция, вырастающая из глубоко индивидуальной экзистенциальной думы.

Обратимся к смысловому центру композиции пушкинских стансов – предпоследней строфе: «И хоть бесчувственному телу / Равно повсюду истлевать, / Но ближе к милому пределу / Мне все б хотелось почивать» [Пушкин, т. 3, с. 130]. В этом тексте Пушкин дает свое представление о «лучшей части» собственного «я», сохраняющейся в структуре личности после смерти. Разведение двух семантических планов (жизни и смерти, тела и души) получает здесь поистине драматическое воплощение, подчеркнутое к тому же контрастом рифмующейся пары мужских клаузул *истлевать – почивать*. Местоименная форма «я» («мне») в данном случае может быть осмыслена двояко: «я» как душа (дух) в автономном существовании после смерти, разлучения с телом; «я» как акт самосознания еще при жизни, прогнозирующий перспективу своего посмертного существования (вариант смертной памяти). В любом случае именно здесь залегают те драма-

---

⁵ Об использовании Боратынским смыслового потенциала сонетной формы см.: [Зырянов, 2003, с. 207–209].

тические антиномии мысли, которые особенно ощутимо проявятся в медитациях на смерть Лермонтова, о чем будет сказано чуть ниже.

Однако тут же следует отметить и принципиальное отличие Пушкина от Лермонтова. Если Лермонтов, по сути, первым выразил в русской поэзии «мотивы персонализма» [Зеньковский, с. 875], то Пушкин еще не порывает с родовой почвой, народно-христианской традицией понимания смерти. Не случайно основную элегическую ситуацию пушкинских стансов задает феномен смертной памяти, считающийся обязательным для всякого истинно верующего христианина⁶. В свете подобного христианского мироощущения⁷ вполне объясним гармонизирующий финал стихотворения, в котором «равнодушная природа» смыкается с образом «уединенного дуба», а «младая жизнь» ассоциируется с образом «милого младенца». Всему должному миру противопоставляется «милый предел» (гробовой вход с соответствующей символикой), тогда как жизни – вечность: «младая жизнь» при этом *играет*, а «равнодушная природа» *сияет* вечной красотой. Именно родовой памятью, скрепляющей связь поколений (вспомним еще одну элегию-думу «...Вновь я посетил» с ее финальным обращением к «племени младому, незнакомому»), обретается искомая поэтом «формула бессмертия».

Персоналистический вариант мортального сюжета наиболее последовательно проявился в творчестве Лермонтова. «Боюсь не смерти я. О, нет! / Боюсь исчезнуть совершенно» – это признание еще совсем юного поэта из стихотворения «1830. Майя. 16 числа», по сути, представляет собой рефлексю по поводу уже известного нам сакраментального вопроса Горация. На вопрос, что же это за «лучшая часть моя», которая каким-то удивительным образом сохраняется и после смерти, Лермонтов отвечает так: самосознание, или сознание собственного «я», существующее отдельно от тела, после акта разделения души и тела. Сохраняя полную память о предшествующем существовании, проявляя интимную близость к телу, это самосознание, или некий дух, как можно предположить, лишено возможности волевых усилий, но в то же время не лишено эмоциональных переживаний.

---

⁶ О «метафизическом сознании» поэта, отчетливо выразившем в данном стихотворении смертную память, см.: [Франк, с. 470]. Обстоятельно анализируя пушкинский текст, Н. Мазур аргументирует близость поэта к стоической философии смерти, однако с одной существенной для нас оговоркой: «Христианская традиция “памяти смертной” была генетически связана с поздним стоицизмом и включала в себя целый ряд психологических установок стоического происхождения» [Мазур, с. 362].

⁷ Д. Благой, исходя из датировки стихотворения 26 декабря (второй день после Рождества), акцентирует мысль Пушкина «о неизбежности смерти, как конечного – без надежды на воскресение – уничтожения и его самого и всех, кто его окружает» [Благой, 1977, с. 197]. На наш взгляд, рождественский контекст здесь действительно значим, что увязывает данные стансы с известным стихотворением «На день рождения» («Дар напрасный, дар случайный...»). Но впечатляющие антиномии в достойных библейского героя Иова раздумьях, как в предваряющем тексте, усмиряются Пушкиным под влиянием смертной христианской памяти, вызывая ближе к финалу (последние два четверостишия, на которых мы и фиксируем внимание) поистине катарсический эффект.

Правда, в стихотворении «1830. Майя. 16 числа» совсем еще юный поэт не определился с формой посмертного существования. В тексте отчетливо заявлен сюжет спора двух концепций бессмертия. «Хочу, чтоб труд мой вдохновенный / Когда-нибудь увидел свет» – здесь речь идет о социальном варианте бессмертия, или о материализации духовной жизни поэта после смерти, воплощении ее в материальном «памятнике». Но далее задается новый виток драматического размышления: «Зачем? что пользы будет мне? / Мое свершится разрушение / В чужой, неведомой стране. / Я не хочу бродить меж *вами* / По разрушении!» [Лермонтов, т. 1, с. 129]. «Разрушение» – это вариант пушкинского «ничтожества», ожидающего человека за гробом. Мысль поэта здесь четко не проявлена, но речь идет о разрушении тела, а с ним – о потере важнейших для самосознания героя свойств и черт, конституирующих личность. Конечно, Лермонтов далек от античных ассоциаций пушкинской элегии и его стихийного материализма. Третья, заключительная часть лермонтовской медитации – обращение к Творцу. Здесь открывается прямой путь к герою Достоевского, который, как известно, отвергал не самого Творца, но Его творение («Я не Бога не принимаю... я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [Достоевский, т. 14, с. 214]). В качестве творения здесь выступает и сам человек, осужденный на «разрушение» после смерти.

Сюжет посмертного существования души, разлученной с телом, не ощущающей «на себе оков телесных», будет проходить в стихах раннего Лермонтова с поистине навязчивой настойчивостью: примером могут служить тексты 1830 г. «Ночь I» и «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...»), написанные под впечатлением от чтения Байрона, в частности его лирических фантазий “The Dream” («Сон») и “Darkness” («Тьма»), над переводом которых русский поэт интенсивно работал в это же самое время. От Байрона здесь идет и такая особенность, вступающая в некоторое противоречие с шекспировской метафорой сна-смерти, или посмертного сна – он здесь выступает как основа сюжетно-фабульного развития, однако это не посмертный сон, или сон после смерти, но именно *сон о смерти*: «Я зрел во сне, что будто умер я» [Лермонтов, т. 1, с. 102]. Иначе говоря, это та фантазия или мечта, картина воображения, которая позволяет поэту развернуть свое представление (пусть и не совсем определенно, только гадательно) о посмертном существовании души, или духа, то есть самосознания личности. Смерть при этом воспринимается как «страшный промежуток» между двух форм существования – *до* и *после*. Вообще Лермонтов исходит из религиозной интуиции «бессмертной жизни», разворачивая картины сознания «бесплотного духа» в период его «земного, краткого изгнания».

Обращает на себя внимание очень существенный для раннего Лермонтова богоборческий мотив. Согласно каноническим представлениям христианства, после смерти душа человека предстает на суд,

где решается ее посмертная участь. Не случайно поэтом отмечается борьба «двух отголосков целая природы» в душе субъекта: с одной стороны, боязнь предстоящих мытарств, а с другой – гордость о «свершенном добре». В словах светозарного ангела, обращенных к душе героя, как мы понимаем, выражается позиция Бога: «Сын праха – ты грешил – и наказание / Должно тебя постигнуть, как других: / Спустишь на землю – где твой труп / Зарыт; ступай и там живи, и жди, / Пока придет Спаситель – и молись... / Молись-страдай... и выстрадай прощенье...» [Лермонтов, т. 1, с. 102].

Далее следует достаточно натуралистично выписанная картина встречи души со своим «последним, единственным другом», делившим с ней все «земные муки», а сейчас преданным разложению – телом: «Я припадал на бранные останки, / Стараясь их дыханием согреть...» [Там же, с. 103]. Душа и после смерти оказывается не лишенной эмоциональных переживаний, но волевых усилий ее оказывается недостаточно для одушевления своего брэнного тела. И здесь возникает богоборческий мотив проклятия: «И мне блеснула мысль (творенье ада): / Что, если время совершит свой круг / И погрузится в вечность невозвратно, / И ничего меня не успокоит, / И не придут сюда простить меня?... / И я хотел изречь хулы на небо – / Хотел сказать... / Но голос замер мой – и я проснулся» [Там же, с. 104].

Именно от акцентированной в этом фрагменте идеи «отчаянья бессмертия» исходит ведущая коллизия стихотворения Боратынского «Недоносок». Трагическое положение «недоноска», или так до конца и не воплотившегося в теле духа, подчеркнуто в стихотворении последнего финальным резюме: «В тягость роскошь мне твоя, / О бессмысленная вечность!» [Баратынский, с. 182]⁸.

В стихотворении Лермонтова «Смерть» («Оборвана цепь жизни молодой...») мотив самоубийства, вплетаемый в размышление о смерти, обнаруживает некоторые, пусть и отдаленные, параллели с элегией Шенье и шекспировским прототекстом. При этом следует заметить, что Лермонтову важно не столько орудие самоубийства (кинжал, к примеру), сколько сам факт самовольного ухода из жизни (акцентировка его!). Примечательна трехчастная структура меди-

---

⁸ Подобный же опыт переживает герой рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» после совершенного во сне самоубийства. В обращении к высшей силе герой пытается выразить собственный психологический комплекс непреодолимой мстительности и мучительства: «Кто бы ты ни был, но если ты есть и если существует что-нибудь разумнее того, что теперь совершается, то дозвожь ему быть и здесь. Если же ты мстишь мне за неразумное самоубийство мое – безобразием и нелепостью дальнейшего бытия, то знай, что никогда и никакому мучению, какое бы ни постигло меня, не сравниться с тем презрением, которое я буду молча ощущать, хотя бы в продолжение миллионов лет мученичества!» [Достоевский, т. 27, с. 110]. Но вместе с богоборческими мотивами в сознании героя просыпается мысль, что жизнь существует и за гробом и что путь посмертного существования человека неизвестен ему и страшно таинственен, будучи направляем «по чьей-то неустрашимой воле». «Миллион лет мученичества» – бессмысленного, непреодолимо-безысходного – вряд ли теперь может удовлетворить героя Достоевского.

тации. Первая часть (стихи 1–10) задает тему добровольного ухода из жизни как «возвращения домой», то есть в страну вечного покоя и забвения («Где вспоминанье спит глубоким сном / И сердце в тесном доме гробовом / Не чувствует, что червь его грызет» [Лермонтов, т. 1, с. 163]). Вторая часть (стихи 11–19) выдержана в модусе вопрошания, но на самом деле это иронический прием, ниспровергающий тему жизненных прельщений (у Лермонтова здесь подчеркнута однозначно негативная аксиология, тогда как у Пушкина и Боратынского указанные ценности подавались преимущественно в позитивном плане). Еще более примечательна третья, заключительная часть (стихи 19–24), представляющая обращение героя-самоубийцы к Творцу: «Всесильный Бог, / Ты знал: я долее терпеть не мог...» [Там же]. При этом обращает на себя внимание совершенно ортодоксальная точка зрения: самоубийца понимает, что после смерти его наступают мучения ада, но эти муки оказываются для него предпочтительнее в сравнении с бездушностью света, самолюбием толпы и коварностью любви (здесь поэтом в полном виде развертывается негативный романтический комплекс).

Тема сна о смерти (в модификации именно посмертного сна) найдет свое продолжение и в зрелой лирике поэта: достаточно присмотреться к таким произведениям, как «Последнее новоселье», «Любовь мертвеца», «Сон», «Выхожу один я на дорогу...». В них четко просматривается тенденция к объективации интересующего нас феномена – смертного сознания и посмертного существования, что выражается и в соответствующих достаточно новаторских жанрово-стилевых формах – баллады, новеллизированной фантазии, элегической медитации-волюнты (о последней жанровой разновидности см.: [Тюпа, с. 141]).

Так, в «Последнем новоселье» (1841), размышляя о переносе праха Наполеона в Париж, Лермонтов, между прочим, замечает: «И если дух вождя примчится на свиданье / С гробницей новою, где прах его лежит, / Какое в нем негодованье / При этом виде закипит!» [Лермонтов, т. 2, с. 71]. «Дух вождя» – это обозначение посмертной формы существования Наполеона, мятущейся при жизни души, алкавшей «так жадно, столько лет – спокойствия и сна». В этом смысле «дух вождя» противостоит его «тленным остаткам», которые в безумном восторге толпа укладывает в «пышный гроб». Но и после смерти, спустя почти два десятка лет, «дух вождя» так и не находит вожделенного удовлетворения: кипящее негодование, сожаление и печаль – вот те естественные, с точки зрения Лермонтова, реакции, которые мог бы испытывать «дух вождя» на своем последнем новоселье.

Своеобразным контрапунктом к только что рассмотренному сюжету можно считать балладный монолог «Любовь мертвеца», в котором представлено осязаемо-зримое изображение тех страстей, что переносит в свое посмертное существование душа неуспокоенного мертвеца-ревнивца. В отличие от «духа вождя», алкавшего еще при жизни «спокойствия и сна», душа ревнивого мертвеца страстно и го-

рячо отказывается от «мира и забвенья». Именно «земные страсти», действие которых продолжает испытывать и после смерти душа ревнивца («Желаю, плачу и ревную, / Как в старину»), приводят к тому, что «прелесть бестелесных» (скорее всего, ангелов) не удовлетворяет мертвеца, наводя на него лишь тоску: «Что мне сиянье Божьей власти / И рай святой? / Я перенес земные страсти / Туда с собой!» [Лермонтов, т. 2, с. 68]. Обратим внимание также на то, что выдержанный в балладном колорите монолог ревнивого мертвеца (этого объективированного балладного персонажа) удивительным образом напоминает мироощущение самого лирического героя Лермонтова из его более раннего стихотворения «1830. Майя. 16 числа» («Боюсь не смерти я. О, нет!»): «И этот образ, он за мною / В могилу силится бежать, / Туда, где обещал мне дать / Ты [Творец] место к вечному покою. / Но чувствую: покоя нет, / И там, и там его не будет, – / Тех длинных, тех жестоких лет / Страдалец вечно не забудет!..» [Лермонтов, т. 1, с. 129].

Рассмотренной диалогии («Последнее новоселье», «Любовь мертвеца»), воплощающей болезненно-дисгармоническую форму посмертного существования (будь то дух вождя французской нации Наполеона или душа ревнивого мужа-мертвеца), у Лермонтова противостоит еще один своего рода диптих, или микроцикл – стихотворения «Сон» и «Выхожу один я на дорогу...», раскрывающий возможности диалогического и гармонического претворения интересующей нас моральной темы.

Стихотворение Лермонтова «Сон» продолжает реализацию актуальной для поэзии метафоры *сон – смерть*, являющейся, как мы видели, стержневой и для монолога Гамлета. Но что поражает именно у Лермонтова? Во-первых, мера художественной объективации, когда история, связанная со смертью героя и зеркальной симметрией двух снов – умершего героя и его возлюбленной, сопрягается с мастерским и «фантастическим» рассказом от лица, казалось бы, все того же умершего героя. Однако феномен «сновидения в кубе» (удачное выражение В. С. Соловьева) достигается за счет разведения точек зрения – внутренней, или субъектно-рефлексивной (героя), и внешней, или художественно-объективированной (собственно автора-повествователя). Во-вторых, диалогическая проницаемость границ бытия (земного и посмертного, бодрствования и сна, мира «я» и мира «другого»), которая в модусе самого лирического автора предстает как позитивное открытие и достижение, демонстрация на практике, пожалуй, самого главного – возможности *участливого сознания* и после смерти, несмотря на весь трагизм экзистенциально воспринятой и персоналистически переживаемой моральной темы.

«Я ишу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть!» [Лермонтов, т. 2, с. 83] – в этом универсальном признании «лермонтовского человека» из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» (1841) запечатлены все те заветные желания и интуиции, включая и религиозно понимаемую свободу, которые (чаще всего «от противного»)

исповедовали и балладные герои Лермонтова – уже известные нам Наполеон и мертвец-ревнивец. Еще более удивителен в стихотворении феномен посмертного сна, который сознательно разводится с «холодным сном могилы» и приобретает черты не то романтического сна-летаргии (с его страстным оттенком – «сладким голосом любви»), не то религиозно выдержанного сна-успения («Надо мной чтоб, вечно зеленея, / Темный дуб склонялся и шумел») [Котельников, с. 25; Терешкина, с. 197].

В заключение выскажем ряд обобщающих соображений. Выделенные тексты русских поэтов могут рассматриваться и как фрагменты некоего единого смертного сверхтекста русской поэзии. В нашей типологии это именно ситуационный сверхтекст, который, в свою очередь, реализуется через систему более локальных субтекстов, формирующихся вокруг отдельных типовых ситуаций, таких, например, как ситуация любви к мертвой возлюбленной или ситуация сна – смерти. Архитектоническими формами этого смертного сверхтекста становятся или интертекстуальный диалог (например, Пушкин – Боратынский), или система рецептивных циклов (пример поэзии Лермонтова). Возникновение модуса *смертного сознания* в русской поэзии Нового времени тесно связано с обретением концепции экзистенциального (или персоналистического) бессмертия, что приходится на конец XVIII – первую половину XIX в.

Список литературы

Аверинцев С. С. Британское зеркало для русского самосознания, или еще раз о «Сельском кладбище» Грея – Жуковского // Аверинцев С. С. Собр. соч. Связь времен. Киев : Дух і літера, 2005. С. 260–267.

Байрон Д. Г. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1981. Т. 2. 320 с.

Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1989. 464 с.

Бестужев-Марлинский А. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1961. 312 с.

Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина : этюды. 2-е изд., доп. М. : Мир, 1931. 320 с.

Благой Д. Д. Душа в заветной лире : Очерки жизни и творчества Пушкина. М. : Сов. писатель, 1977. 544 с.

Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. Томск : Водолей, 1997. 288 с.

Гораций. Собрание сочинений. СПб. : Биограф. ин-т «Студия биографика», 1993. 448 с.

Державин Г. Р. Сочинения / вступ. ст., сост., подг. текста и прим. Г. Н. Ионина. СПб. : Академ. проект, 2002. 712 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990. Т. 14. 511 с. Т. 27. 463 с.

Зеньковский В. В. М. Ю. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб. : РХГА, 2002. С. 874–883.

Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. 548 с.

Зырянов О. В. Н. С. Смирнов // История литературы Урала : Конец XIV – XVIII в. / гл. ред. В. В. Блажес, Е. К. Созина. М. : Языки славян. культуры, 2012. С. 470–479.

Капнист В. В. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1973. 616 с.

Кибальник С. Смерть у А. С. Пушкина как поэтическая и религиозная тема // Христианство и русская литература. СПб. : Наука, 1994. С. 157–184.

Котельников В. А. «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // Рус. лит. 1994. № 1. С. 3–41.

Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений : в 2 т. Л. : Сов. писатель, 1989. Т. 1. 688 с. Т. 2. 688 с.

Мазур Н. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и стоическая философия смерти // Стих, язык, поэзия : Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М. : РГГУ, 2006. С. 343–372.

Пумпянский Л. В. Классическая традиция : Собрание трудов по истории русской литературы. М. : Языки рус. культуры, 2000. 864 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. 4-е изд. Л. : Наука, 1977–1979. Т. 1. 480 с. Т. 2. 400 с. Т. 3. 496 с. Т. 10. 712 с.

Реизов Б. Г. Пушкин и Андре Шенье : (Элегия «Безумных лет угасшее веселье...») // Реизов Б. Г. История и теория литературы : сб. ст. Л. : Наука, 1986. С. 187–193.

Розанов М. Н. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. : Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. М. : Тип. Моск. ун-та, 1910. Т. 1. 559 с. Святые «О смертной памяти» // Цитаты святых : [сайт]. URL: <https://svyatye.com/otcy/O-smertnoi-pamiaty/2.html> (дата обращения: 24.05.2019).

Семенова С. Г. Пушкинская философия Эроса (в контексте русской мысли конца XIX–XX вв.) // Вопр. философии. 2000. № 1. С. 33–55.

Терешикина Д. Б. «Четьи-Минеи» и русская словесность Нового времени. Великий Новгород : ИПЦ НовГУ, 2015. 332 с.

Тюпа В. И. Дискурс / жанр. М. : Intrada, 2013. 211 с.

Франк С. Светлая печаль // Пушкин в русской философской критике : Конец XIX – первая половина XX в. М. : Книга, 1990. С. 465–481.

Фризман Л. Г. Три элегии // Искусство слова : сб. ст. к 80-летию Д. Д. Благого. М. : Наука, 1973. С. 72–81.

Четвертных Е. А. Элизийский текст в русской поэзии XIX–XX вв. : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2010. 210 с.

Шекспир У. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Интербук, 1997. Т. 8. «Гамлет» в русских переводах XIX–XX веков. 672 с.

References

Averintsev, S. S. (2005). Britanskoe zerkalo dlya russkogo samosoznaniya, ili eshche raz o “Sel’skom kladbishche” Greya – Zhukovskogo [The British Mirror for Russian Identity, or Once Again about the *Elegy Written in a Country Churchyard* by Gray – Zhukovsky]. In Averintsev, S. S. *Sobranie sochinenii. Svyaz vremen*. Kiev, Dukh i litera, pp. 260–267.

Baratynsky, E. A. (1989). *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete Collection of Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel’. 464 p.

Bestuzhev-Marlinsky, A. (1961). *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete Collection of Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel’. 312 p.

Blagoi, D. D. (1931). *Sotsiologiya tvorchestva Pushkina. Etyudy* [Sociology of Pushkin’s Work. Studies]. 2nd Ed., add. Moscow, Mir. 320 p.

Blagoi, D. D. (1977). *Dusha v zavetnoi lire. Ocherki zhizni i tvorchestva Pushkina* [The Soul in the Treasured Lyre. Essays on the Life and Work of Pushkin]. Moscow, Sovetskii pisatel’. 544 p.

Byron, G. G. (1981). *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected Works. 4 Vols.]. Moscow, Pravda. Vol. 2. 320 p.

Chetvertnykh, E. A. (2010). *Eliziiskii tekst v russkoi poezii XIX–XX vv.* [Elysian Text in Russian Poetry of the 19th-20th Centuries]. Dis. ... kand. filol. nauk. Yekaterinburg, S. n. 210 p.

Derzhavin, G. R. (2002). *Sochineniya* [Works] / ed. by G. N. Ionin. St Petersburg, Akademicheskii proekt. 712 p.

Dostoevsky, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 t.* [Complete Works and Letters. 30 Vols.]. Leningrad, Nauka. Vol. 14. 511 p. Vol. 27. 463 p.

- Frank, S. (1990). Svetlaya pechal' [Light Sorrow]. In *Pushkin v russkoi filosofskoi kritike: Konets XIX–pervaya polovina XX v.* Moscow, Kniga, pp. 465–481.
- Frizman, L. G. (1973). Tri elegii [Three Elegies]. In *Iskusstvo slova. Sbornik statei k 80-letiyu D. D. Blagogo.* Moscow, Nauka, pp. 72–81.
- Gershenzon, M. O. (1997). *Mudrost' Pushkina* [The Wisdom of Pushkin]. Tomsk, Vodolei. 288 p.
- Horace (1993). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. St Petersburg, Biograficheskii institut „Studia biografika“. 448 p.
- Kapnist, V. V. (1973). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 616 p.
- Kibal'nik, S. (1994). Smert' u A. S. Pushkina kak poeticheskaya i religioznaya tema [Death in A. S. Pushkin's Works as a Poetic and Religious Theme]. In *Khristianstvo i russkaya literatura.* St. Petersburg, Nauka, pp. 157–184.
- Kotel'nikov, V. A. (1994). “Pokoi” v religiozno-filosofskikh i khudozhestvennykh kontekstakh [“Peace” in Religious, Philosophical, and Artistic Contexts]. In *Russkaya literature.* No. 1, pp. 3–41.
- Lermontov, M. Yu. (1989). *Polnoe sobranie stikhotvorenii v 2 t.* [Complete Collection of Poems. 2 Vols.]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. Vol. 1. 688 p. Vol. 2. 688 p.
- Mazur, N. (2006). “Brozhu li ya vdol' ulits shumnykh...” i stoicheskaya filosofiya smerti [“Whether I Wander along The Noisy Streets...” and the Stoic Philosophy of Death]. In *Stikh, yazyk, poeziya. Pamyati Mikhaila Leonovicha Gasparova.* Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 343–372.
- Pumpyansky, L. V. (2000). *Klassicheskaya traditsiya. Sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [The Classical Tradition. Collection of Works on the History of Russian Literature]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 864 p.
- Pushkin, A. S. (1977–1979). *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t.* [Complete Works. 10 Vols.]. 4th Ed. Leningrad, Nauka. Vol. 1. 480 p. Vol. 2. 400 p. Vol. 3. 496 p. Vol. 10. 712 p.
- Reizov, B. G. (1986). Pushkin i Andre Shen'e (Elegiya “Bezumnykh let ugashee vesel'e...”) [Pushkin and André Chénier (Elegy *The Gone Joy of Restless Years...*)]. In Reizov, B. G. *Istoriya i teoriya literatury. Sbornik statei.* Leningrad, Nauka, pp. 187–193.
- Rozanov, M. N. (1910). *Zh.-Zh. Russo i literaturnoe dvizhenie kontsa XVIII i nachala XIX v. Ocherki po istorii russoizma na Zapade i v Rossii* [J.-J. Rousseau and the Literary Movement of the Late 18th and Early 19th Centuries. Essays on the History of Rousseau Studies in the West and Russia]. Moscow, Tipografiya Moskovskogo universiteta. Vol. 1. 559 p.
- Semyonova, S. G. (2000). Pushkinskaya filosofiya Erosa (v kontekste russkoi mysli kontsa XIX–XX vv.) [Pushkin's Philosophy of Eros (in the Context of the Russian Thought of the Late 19th–20th Centuries)]. In *Voprosy filosofii*, Iss. 1, pp. 33–55.
- Shakespeare, W. (1997). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works. 8 Vols.]. Moscow, Interbuk. Vol. 8. “Hamlet” v russkikh perevodakh XIX–XX vekov. 672 p.
- Svyatyte “O smertnoi pamyati” [Saints “On Mortal Memory”]. In *Tsitaty svyatykh* [website]. URL: <https://svyatyte.com/otcy/O-smertnoi-pamiati/2.html> (mode of access: 24.05.2019).
- Tereshkina, D. B. (2015). “Chet'i-Minei” i russkaya slovesnost' Novogo vremeni [The Menaion Reader and Modern Russian Literature]. Veliky Novgorod, Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 332 p.
- Tyupa, V. I. (2013). *Diskurs / zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow, Intrada. 211 p.
- Zen'kovskii, V. V. (2002). M. Yu. Lermontov [M. Yu. Lermontov]. In *M. Yu. Lermontov: pro et contra.* St Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, pp. 874–883.
- Zyryanov, O. V. (2003). *Evolutsiya zhanrovogo soznaniya russkoi liriki: fenomenologicheskii aspekt* [The Evolution of the Genre Consciousness of Russian Lyrical Poetry: Phenomenological Aspect]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 548 p.
- Zyryanov, O. V. (2012). N. S. Smirnov [N. S. Smirnov]. In Blazhes, V. V., Sozina, E. K. (Eds.). *Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v.* Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 470–479.

DOI 10.15826/qr.2019.4.429

УДК 821.161.1-3Достоевский+2-187+2-175+27-183.5

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО*

Ирина Дергачева

Московский государственный институт культуры,
Москва, Россия

THE ESCHATOLOGICAL CHRONOTOPE OF FYODOR DOSTOEVSKY**

Irina Dergacheva

Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russia

Issues of otherness and the discovery of the meaning of life in the face of death, the central themes of Russian literature since its emergence, were especially relevant for the characters of Fyodor Dostoevsky. He revived the medieval idea of a mysterious combination of the human and the transcendental and demonstrated that the experience of death throughout life determines the nature of man's activity: the meaning of life is acquired in the face of death. It is from these methodological positions that an analysis of the thanatological meanings of Dostoevsky's texts should be carried out, as they function as the most important regulators of the worldviews and behaviour of his characters, whose psychological ideas regarding death play a significant role in the artistic system of his works. This article presents an analysis of the ideas of characters from *Poor Folk*, *The Idiot*, and *The Brothers Karamazov* about death and otherness. An analysis of this thanatological discourse shows the evolution of the characters of Dostoevsky's later works to a transcendental analysis of non-existential subjects and the themes of posthumous retribution and rebirth of the soul.

Keywords: F. Dostoevsky; eschatology; thanatological discourse; Apocalypse; binary oppositions; retribution; punishment.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-012-90034 «Достоевский и Италия»).

** *Citation:* Dergacheva, I. (2019). The Eschatological Chronotope of Fyodor Dostoevsky. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1143–1159. DOI 10.15826/qr.2019.4.429.

Цитирование: Dergacheva I. The Eschatological Chronotope of Fyodor Dostoevsky // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1143–1159. DOI 10.15826/qr.2019.4.429 / Дергачева И. Эсхатологический хронотоп Федора Достоевского // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1143–1159. DOI 10.15826/qr.2019.4.429.

Вопросы инобытия и обретения смысла жизни перед лицом смерти, ставшие центральной темой памятников письменности с начала зарождения древнерусской литературы, особенно остро волновали героев Ф. М. Достоевского, возродившего средневековую идею таинственного соединения человеческого с трансцендентным и показавшего, что переживание смерти на протяжении всей жизни предопределяет характер деятельности человека, а смысл жизни обретается перед лицом смерти. Именно с этих методологических позиций следует осуществлять анализ танатологических смыслов текстов Достоевского как важнейших регуляторов мировоззренческих установок и поведения его героев, чьи психологические представления в отношении смерти играют большую роль в художественной системе произведений. В статье приведен анализ представлений героев ранней повести Достоевского «Бедные люди», романов «Идиот» и «Братья Карамазовы» о смерти и инобытии. Рассмотрение данного танатологического дискурса показывает эволюцию героев позднего творчества Достоевского к трансцендентному анализу инобытийной тематики и темы посмертного воздаяния и возрождения души.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; эсхатология; танатологический дискурс; Апокалипсис; бинарные оппозиции; воздаяние; наказание.

Центральной частью русского эсхатологического комплекса является учение о малой и большой эсхатологии – об индивидуальной посмертной судьбе души, Страшном суде и апокалиптическом преображении земли, наказании грешников и воздаянии праведникам. Источником эсхатологических представлений в Древней Руси с момента ее крещения стал *Русский Синодик* – памятная книга с именами живых и мертвых, поминаемых священником во время богослужения или во время келейной или домашней молитвы [Дергачева]. Статьи, вошедшие в состав синодичных предисловий, заимствовались из Библии, житий, Скитского и Синайского патериков, Пролога, Триоди постной, патристики, Библии, апокрифов, Великого и Малого Зерцала, Неба Нового Иоанникия Голятовского, а также литературных произведений, популярных в средневековой России. Скорбью о «маловременности сего жития» и призывом к своевременному покаянию и спасению души проникнуты статьи лирико-аскетического характера, построенные на антитезах «жизнь – смерть», «мгновение – вечность», «богатство – пепел». Смертный час интересовал составителей синодичных предисловий как начало воздаяния праведным и грешным в зависимости от их образа жизни. Древнерусские книжники следовали принятой в христианстве традиции понимания жизни и смерти, поэтому казалось, что и в Европе должны распространяться аналогичные взгляды. Но на Руси, в отличие от Европы, путь к бессмертию увлекал более, чем его образы, и выражался в стремлении к искуплению грехов через раскаяние, молитву, милостыню и добротолубие. Поэтому ни в памя-

никах древнерусской письменности, ни в древнерусском искусстве мы не увидим устрашающего образа смерти, похищающей тех, кто к ней не готов. Философская идея русских Синодиков позволяет говорить об их «эсхатологическом оптимизме».

Рассмотрение концептуальных вопросов художественной системы Ф. М. Достоевского в русле проблемы христианского мировосприятия смерти как «порогового этапа» человеческой жизни привлекало не только историков литературы, но и религиозных философов [см.: Соловьев; Розанов; Мережковский; Бердяев; Булгаков]. Современный итальянский философ С. М. Капилупи исследовал «художественно-литературное отражение “драмы” иудео-христианской эсхатологии» в творчестве Ф. М. Достоевского и описал философские толкования его творчества, проанализировал концепцию грехопадения и всеобщего спасения в романе «Братья Карамазовы» [Капилупи].

Однако несмотря на то, что эсхатологические мотивы в творчестве Ф. М. Достоевского составляют важную часть его теософской системы, описаны они подчас достаточно субъективно. Так, Р. И. Крысин, анализируя эсхатологические представления Достоевского на примере романа «Преступление и наказание», предполагает, что они соответствуют трем типам русского национального сознания: «человекобожие (Раскольников), 2) монашество (Алена Ивановна), 3) русское национальное “всечеловеческое мессианство” (Лизавета) – модель эсхатологической системы взглядов Достоевского» [Крысин, с. 258]. С. Н. Сморгжко проанализировала представления героев Достоевского об Апокалипсисе и разделила «эсхатологические характеры» по принципу противостояния «позитивной эсхатологии» и «эсхатологии негативной» [Сморгжко, с. 4]. Это определение не вписывается в концепцию «эсхатологического оптимизма» русской культуры, аксиологический вектор которой, несомненно, прослеживается в творчестве писателя.

Обращаясь к эсхатологическому тексту Достоевского, хочется представить парафраз высказывания Т. А. Касаткиной о перспективности «постраничного комментирования» романа «Преступление и наказание»: «Евангельский текст как бы формирует вокруг себя *структурно сродный себе* текст романа» [Касаткина, с. 177] – эсхатологический текст формирует вокруг себя структурно сродный себе текст романов, создает некую эсхатологическую карту, по которой перемещаются герои, попадая в локусы иного мира и хронотоп вечности.

Протоиерей Николай Артемов (Мюнхен) раскрывает ключевой принцип Ф. М. Достоевского, «который напрямую связан с цельной литургической эсхатологией и без осознания которого мысль Достоевского как автора распадается, порождая лишь недоразумения и мнимые противоречия» [Артемов]. Аксиологические этапы истории человечества, описанные в художественном наследии писателя, – схождение Духа, воскресение, посещение Духом Святым – показаны Достоевским в некоей перспективе христианского подвига и восходят к «эсхатологическому измерению Божественной Литургии» [Там же, с. 1].

Преподобный Иустин (Попович), тонко и глубоко интерпретировавший главные аксиологические идеи художественного наследия Достоевского, определил в качестве основных двух глубинные эсхатологические положения христианского учения: «In ultima line все тайны, все проблемы, – считает Достоевский, – сводятся к двум основным “вечным проблемам”: проблеме существования Бога и проблеме бессмертия души... Без Бога – все смертно и проявляется через категорию смертности, с Богом и в Боге – бессмертие становится неопровержимой реальностью» [Иустин (Попович), с. 7, 132–133]. Недаром еретики (стригольники, антитринитарики) пытались оспорить именно этот важнейший эсхатологический догмат о бессмертии души и воскресении Богочеловека [Дергачева, с. 22–25].

Суть «эсхатологического оптимизма» произведений Ф. М. Достоевского выразил В. Н. Захаров: «Что в личной судьбе писателя было ужаснее каторги? Но радостью рождественских праздников разрешается первая часть “Записок из Мертвого дома”, а пасхальная тема воскресения из мертвых становится ведущей во второй части “Записок” и в произведении в целом. Пасхальна идея поздних романов Достоевского... И отчего в последнем романе Достоевского ликуют над гробом почившего в Бозе старца Зосимы званые и избранные на брачном пире в Кане Галилейской? Все плохо – чему они радуются? Откуда, чем вызвано их умиление? Ответить на эти вопросы – понять характер и сокровенную тайну русской литературы» [Захаров, с. 177–178].

Укорененность художественного сознания Ф. М. Достоевского в традициях православной культуры особенно ярко проявилась в его обращении к христианской эстетике, поэтому творческое наследие великого художника вписывается в контекст философской и богословской мысли о Боге и мире, о месте человека в бытии, о природе личности, о жизни и смерти, о грехе и спасении. Христианская этика является своего рода нравственно-этическим базисом, на котором выстраивается полный трагизма и внутреннего надлома тип художественного мышления, обогативший русскую литературу XIX в. особым религиозно-эстетическим содержанием. Попытки Ф. М. Достоевского художественно переосмыслить и воссоздать ядро русского национального мировидения, глубоко православного в своей основе, традиционно были сопряжены с обращением писателя к религиозно-философским вопросам. Его тексты сосредоточивают в себе особый сакральный смысл, подчеркивая вневременной бытийный пласт, нашедший отражение в архитектонике произведений. Выявление и освоение глубинного религиозно-философского контекста помогают обнаружить нравственно-философские смыслы творчества Достоевского, его постижение народной России, «корневых» духовно-нравственных основ русской жизни. К числу таких концептуальных идей относятся представления писателя о душе и смысле жизни, о смерти и бессмертии, об аде и рае. Конкретные формы проявления в идейно-художественной структуре произведений писателя этих ценностных в нравственном смысле идей-

образов и являются предметом анализа в рамках данной статьи. Размышляя над природой человека, Достоевский говорил о двух противоборствующих началах – разуме и душе. Более всего писателя заботила духовная составляющая не только отдельной личности, но и русского общества в целом. Он связывал свои представления о душе и ее бессмертии с христианской традицией, в которой отцы церкви подчеркивали соотношенность понятий «душа» и «совесть». Именно душа/совесть начинает будоражить сознание героев Достоевского, замкнутых в рассудочных догматах своих «теорий» и «идей».

Рассматривая в христианском ключе тему смерти, экстраполирующуюся на духовное состояние героев, писатель в качестве основного идеологического центра выдвигает мотив воскресения, реализующийся как в контексте художественного целого романов «Преступление и наказание», «Подросток», «Братья Карамазовы», так и в отдельно взятых образах героев (Раскольников, Подросток, Ипполит, Ганя Иволгин, Грушенька, Коля Красоткин). В подобном идейном срезе герои и события воспринимаются как аллегория духовной смерти и воскресения, поэтому смерть в романном дискурсе Ф. М. Достоевского предстает как жизнеутверждающий феномен бытия, является неким этапом в преодолении двойственности сознания героев.

В ранней повести Ф. М. Достоевского «Бедные люди» трактуются проблемы «малой эсхатологии» – герои принимают смерть как неизбежное зло, не ассоциируя ее с продолжением существования бессмертной души, посмертная участь которой зависит от земного существования. Варенька признается Макару Девушкину, что ее несчастья начались со смерти Покровского, описание смертного часа которого ближе к макабрической западноевропейской традиции:

Иногда по целым ночам он говорил с кем-то долго-долго, неясными темными словами, и хриплый голос его глухо отдавался в тесной его комнате, словно в гробу; мне тогда становилось страшно. Особенно в последнюю ночь он был как иступленный; он ужасно страдал, тосковал; стоны его терзали мою душу [Достоевский, т. 1, с. 44].

Достоевский показывает, что умирающий и окружающие его люди не готовы к переходу его души в иной мир:

Все в доме были в каком-то испуге. Анна Федоровна всё молилась, чтоб Бог его прибрал поскорее. Призвали доктора. Доктор сказал, что больной умрет к утру непременно [Там же].

Глагол «прибрать» носит отрицательную коннотацию и относится скорее к ожиданию смерти тела, а не к проходам души в мир иной. Об отпевании и соборовании нет и речи. Умирающий же устремлен душой к Богу, жаждет Его Божественного света:

Я подводила ему всех наших, давала ему пить; но он все грустно качал головою. Наконец я поняла, чего он хотел. Он просил поднять занавес у окна и открыть ставни. Ему, верно, хотелось взглянуть в последний раз на день, на свет Божий, на солнце [Достоевский, т. 1, с. 44–45].

«Дрожащий свет лампадки, затепленной перед образом», дает надежду на возможную лучшую участь этого «бедного человека», ведь в Евангелии сказано: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5 : 4). Отец, без памяти любивший сына, после его смерти не готов помочь ему облегчить переход в иной мир:

Вместо того, чтобы молиться у гроба, все эти дни он был как беспмятный, как одурелый и с какою-то странною заботливостию все хлопотал около гроба: то оправлял венчик на покойнике, то зажигал и снимал свечи. Видно было, что мысли его ни на чем не могли остановиться порядком [Там же, с. 45].

Автор подчеркивает:

Ни матушка, ни Анна Федоровна не были в церкви на отпевании. Матушка была больна, а Анна Федоровна совсем было уж собралась, да поссорилась со стариком Покровским и осталась. <...> В церкви были только Варенька и отец покойного. Во время службы на нее напал какой-то страх – словно предчувствие будущего. Варенька не молилась всем сердцем за покойного, она едва могла выстоять в церкви [Там же].

Крестились прохожие да нищая старуха, увязавшаяся провожать гроб, – усопший был одинок в жизни, и в последний путь его провожают случайные люди. Однако, в отличие от главных героев, которых автор не случайно называет «бедными людьми», эти второстепенные персонажи исполняют свой молитвенный долг, их поддерживает вера. Героиню, лишенную упования на Царство Небесное, продолжает преследовать образ смерти:

Я бросилась в страшной тоске на грудь матушки. Я сжимала ее крепко-крепко в руках своих, целовала ее и навзрыд плакала, боязливо прижимаясь к ней, как бы стараясь удержать в своих объятиях последнего друга моего и не отдавать его смерти... Но смерть уже стояла над бедной матушкой... [Там же].

Макар Девушкин также размышляет о смерти. Описывая Вареньке смерть сына Горшковых и скорбь его близких, он представляет смерть лишь избавлением от безысходной нужды:

Сегодня, в пятом часу утра, умер у Горшкова маленький. <...> Им, может быть, и легче, что вот уж один с плеч долой; а у них еще двое осталось, грудной да девочка маленькая, так лет шести будет с небольшим. Что за приятность, в самом деле, видеть, что вот де страдает ребенок, да еще детище родное, а ему и помочь даже нечем! [Достоевский, т. 1, с. 50].

В этой семье все страдают, никто не надеется на блаженную помертвевшую участь невинного ребенка. Включенное в текст повествование о смерти Ермака контрастирует с описанием смерти «бедных людей» лишь по стилистике изложения:

И после всего этого Ермак, будучи не в силах пережить свою Зюлейку, бросается в Иртыш, и тем все кончается [Там же, с. 53].

Ремарка «Тем все кончается» является ключевой для разных рассказов о смерти героев повести «Бедные люди» – их объединяет представление о предельности бытия, мысль о смертном часе как конце существования человека, у них отсутствует понимание дихотомичности «бессмертия души» и «смерти бренного тела». Хотя Варенька, томящаяся ожиданием близкой смерти, ближе других героев к ощущению иного мира, она, подобно им, не задумывается о будущем воздаянии и посмертной судьбе, смерть для нее, как и для них, означает смерть телесную:

Кто-то меня похоронит? Кто-то за гробом моим пойдет? Кто-то обо мне пожалеет?.. И вот придется, может быть, умереть в чужом месте, в чужом доме, в чужом угле!.. [Там же, с. 55].

Ее мысли не простираются за временную границу процесса похорон. Так же и Макарь Девушкин переводит теософские категории в материальную плоскость, но его сердце открыто Богу, он способен каяться, чувствует, что недостойн вести диалог с Господом. Неожиданно для самого героя из души его вырывается крик о том, что он чувствует себя погибшим:

Жить, Варенька, совестно! точно оглашенный какой-нибудь; хуже, чем беспаспортному бродяге какому-нибудь. Бедствия тяжкие! – погиб я, просто погиб! безвозвратно погиб [Там же, с. 80].

Причем гибель вызвана оторванностью от духовных традиций русской культуры по причине крайней бедности, приводящей и к скудости духовной. Как это часто бывает у героев Достоевского, предчувствующих свою смерть или смерть любимого человека (см. ниже анализ романа «Идиот»), мысли о неизбежности скорой смерти преследуют героиню:

Знаете ли, у меня есть какое-то убеждение, какая-то уверенность, что я умру нынче осенью. Я очень, очень больна. Я часто думаю о том, что умру, но все бы мне не хотелось так умереть – в здешней земле лежать [Достоевский, т. 1, с. 84].

Они по-прежнему касаются только земного бытия – героиню страшат смерть тела и перспектива лежать в земле, она не задумывается о посмертной судьбе души. Духовная жизнь главного героя не статична – любовь к Вареньке Доброселовой изменила его жизнь, превратив из косноязычного клерка в писателя, поэтому хочется надеяться, что, пройдя через горнило мучений, его душа раскроется добру и призыву Господа «Да любите друг друга» (Ин 13 : 34). В своей ранней повести Достоевский не описывает посмертный хронотоп, образы иного мира и его обитателей тревожат лишь душу героини в виде воспоминаний о покойной матери, которая ей регулярно является в самых сложных жизненных ситуациях.

Следующая смерть, описанная в повести, также напоминает макабрические описания неожиданной кончины:

...Умер, маточка, умер Горшков, внезапно умер, словно его громом убило! А отчего умер – бог его знает. Меня это так сразило, Варенька, что я до сих пор опомниться не могу. Не верится что-то, чтобы так просто мог умереть человек [Там же, с. 99].

Она заставляет Макара Девушкина наконец задуматься о бренности земного существования:

Только жалко, ох как жалко! Грустно подумать, что этак в самом деле ни дня, ни часа не ведаешь... Погибает этак ни за что... [Там же].

Духовной кульминацией повести становятся слова, дающие надежду на воздаяние бедным людям с доброй и чистой душой в ином мире:

Добрые дела не остаются без награды, и добродетель всегда будет увенчана венцом справедливости Божией, рано ли, поздно ли [Там же, с. 105].

Художественный анализ текста романа «Идиот» показывает, что проблемы малой и большой эсхатологии занимают центральное место в его композиции. Ключом к эсхатологическому контексту являются слова Лукьяна Тимофеевича Лебедева, толкующего с Настасьей Филипповной Апокалипсис и объяснившего князю Мышкину, какую степень они занимают в апокалиптическом хронотопе:

...мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как всё в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут. Но на едином праве не сохраняют, и за сим последует конь бледный и тот, коему имя Смерть, а за ним уже ад... [Достоевский, т. 8, с. 167–168].

Встреча князя Мышкина и Парфена Рогозина в вагоне поезда, следующего в Петербург, знаменует лишь начало мытарств, которые в конце пути приведут их в *locus infernus*. Образ железной дороги, окутанной густым туманом, вызывает ассоциации с переправой между двумя мирами – трансцендентным и материальным (ср. у Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина»). В конце романа герои вновь будут сидеть рядом, а образ Настасьи Филипповны, объединивший их в начале пути эксплицитно, будет присутствовать теперь в виде покинутого душой безмолвного тела. Кольцевая композиция позволяет ощутить завершенность сюжетных событий, подчеркивает выраженную замкнутость пространства. Парфен начинает знакомство с князем Мышкиным обращением к танатологическому дискурсу:

– Тьфу тебя! – сплюнул черномазый. – Пять недель назад я вот, как и вы, – обратился он к князю, – с одним узелком от родителя во Псков убег, к тетке; да в горячке там и слег, а он (отец Парфена. – *И. Д.*) без меня и помер. Кондрашка пришиб. Вечная память покойнику, а чуть меня тогда до смерти не убил! Верите ли, князь, вот ей-богу! Не убеги я тогда, как раз бы убил [*Достоевский*, т. 8, с. 10].

Кульминацией их общения в дальнейшем станет обмен крестами, породнивший князя с Рогожиным и определивший их общий крестный путь:

– Поменяться крестами хочешь? Изволь, Парфен, коли так, я рад; побратаемся! – Князь снял свой оловянный крест, Парфен – свой золотой, и поменялись [*Там же*, с. 184].

Любовь к Настасье Филипповне, заполнившая душу Парфена с первого взгляда, станет постоянной доминантой в его сознании, но доминантой деструктивной, направленной на разрушение (танатос) и в конце концов приведшей к трагическому концу – убийству героини. После знакомства с нею Рогожин едва не погибает:

Ну, а я этой порой, по матушкину благословию, во Псков по машине и отправился, да приехал-то в лихорадке; меня там святыми зачитывать старухи принялись, а я пьян сижу, да пошел потом по кабакам на последние, да в бесчувствии всю ночь на улице и провалялся, ан к утру горячка, а тем временем за ночь еще собаки обгрызли. Насилу очнулся [*Там же*, с. 13].

Девиантное поведение Рогожина окружающие справедливо связывают с его чувством к Настасье Филипповне.

Любовь князя Мышкина носит метафизический характер. Образы Настасьи Филипповны Барашковой и Аглаи Епанчиной противопоставлены друг другу: Аглая являет «возможный идеал земного рая» [*Там же*, с. 34], а Настасья Филипповна представлена в образе

«девы-обиды» [Чернова, с. 196]. Мечтательная девушка в юности позже предстает перед читателем «раненная реальной жизнью... уже не женщина, а мстительница, убивающая на своем пути и правых, и виноватых без разбора» [Там же]. В ее облике подчеркнута бледность, она лишена чувств и эмоций, «как будто у ней вместо сердца был камень, а чувства иссохли и вымерли раз навсегда» [Достоевский, т. 8, с. 39]. И все же Настасья Филипповна осознает, что она хотела бы воскреснуть:

Это правда, что ей теперь тяжело и скучно, очень скучно; Афанасий Иванович угадал мечты ее; она желала бы воскреснуть, хоть не в любви, так в семействе, сознав новую цель... [Там же, с. 41].

Чувствуя свою обреченность, она непрерывно ищет спасения то у князя Мышкина, то у Лебедева, открывшего князю, что она не раз прибегала к нему со словами «Спаси и сохрани».

Именно Лукьяну Тимофеевичу Лебедеву, поведавшему князю о начавшемся Апокалипсисе, отведена важная роль в романе – он связан с проблемами большой эсхатологии («профессор антихриста») и малой – читает Священное Писание не только за упокоевание души умершей супруги, но и молится «за упокой графини Дюбарри», о которой он «четвертого дня первый раз в жизни в лексиконе прочел» [Там же, с. 164]. Его зауспокойная молитва гиперболизируется, он молится за всех грешников и грешниц, «которые там теперь мятутся, и стонут, и ждуть» [Там же, с. 165]. Грядущий Апокалипсис Лебедев «толкует» не только с Настасьей Филипповной. В романе представлен эпизод с чиновником, просившим истолковать ему вопросы большой эсхатологии, успевшим назначить Лебедеву «награждение к Святой», «а на Фоминой» отдавшим Богу душу. Откровения Лебедева произвели большое впечатление на князя:

– Вы сами так веруете? – спросил князь, странным взглядом оглянув Лебедева. – Верую и толкую. Ибо нищ и наг, и атом в коловращении людей [Там же, с. 168].

Тема милосердия Божия, столь характерная для русской словесности начиная с самого ее возникновения, давшая повод толковать о ее «эсхатологическом оптимизме», звучит в словах князя, обращенных к Рогожину:

«...Такая же точно бывает и у Бога радость всякий раз, когда он с неба завидит, что грешник пред ним от всего своего сердца на молитву становится». Это мне баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно религиозную мысль, такую мысль, в которой вся сущность христианства разом выразилась, то есть все понятие о Боге как о нашем родном отце и о радости Бога на человека, как отца на свое родное дитя, – главнейшая мысль Христова! [Там же, 184].

Воспоминания князя Мышкина о чувствах человека, избежавшего смертной казни, соотносятся с эпизодом из жизни Достоевского, приговоренного по делу Петрашевского к казни через расстрел, но в последний момент получившего помилование императора. Описывая мысли приговоренного через слова князя, автор отмечает его готовность слиться с лучами небесного светила, соединившись с Божественной сущностью:

...Ему все хотелось представить себе как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, – так кто же? где же? Все это он думал в эти две минуты решить! Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи – его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольется с ними... [Достоевский, т. 1, с. 51–52].

В трагедии прощания героя с жизнью участвуют трое: приговоренный, чей внутренний монолог пересказывает князь, услышавший его от помилованного героя; священник, который, поняв, что творится в душе смертника, «перестал говорить, а все ему крест давал целовать» [Там же, с. 56]; и, наконец, сам князь, подхвативший эсхатологический дискурс приговоренного и вовлекший в него Аделаиду. Спасением из *locus infernus* является любовь. Не случайно Аделаида после участия в танатологическом дискурсе обращается к теме любви: «Ну, теперь расскажите, как вы были влюблены...» [Там же]. Князь рассказывает ей о Мари, образ которой является в тексте романа аллюзией на евангельскую Марию Магдалину. Однако доминанта концепта «красота» связана в романе с образом Настасьи Филипповны:

Это необыкновенное по своей красоте и еще по чему-то лицо сильнее еще поразило его теперь. Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты. Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота! [Там же, с. 68].

Аделаида разделяет мнение князя о красоте:

– Такая красота – сила, – горячо сказала Аделаида, – с этакою красотой можно мир перевернуть! [Там же, с. 69].

Однако Настасья Филипповна Барашкова, «чистой из ада вышедшая» и попавшая в апокалиптический хронотоп преображения земного мира, не может спасти не только мир, но и саму себя и обречена на заклятие.

Заняты осмыслением эсхатологических вопросов и второстепенные герои романа, которые, по меткому замечанию Лизаветы Прокофьевны, «все с ума спятили от гордости и тщеславия» [Достоевский, т. 8, с. 267]. Она верно определяет неверие как главную проблему времени:

Сумасшедшие! Тщеславные! В Бога не веруют, в Христа не веруют! Да ведь вас до того тщеславие и гордость проели, что кончится тем, что вы друг друга переедите, это я вам предсказываю [Там же, с. 238].

Таковым представлен и князь Щ., не верящий в существование земного рая:

– Милый князь, – как-то опасно подхватил поскорее князь Щ., переглянувшись кое с кем из присутствовавших, – рай на земле нелегко достается; а вы все-таки несколько на рай рассчитываете; рай – вещь трудная, князь, гораздо труднее, чем кажется вашему прекрасному сердцу [Там же, с. 282].

Ипполит Терентьев, обреченный из-за чахотки на скорую смерть, уже ощущает себя в эсхатологическом хронотопе вечности: «у мертвого лет не бывает, вы знаете» [Там же, с. 246], «завтра “времени больше не будет”» [Там же, с. 318]. Перед лицом смерти Ипполит задумывается об аксиологических вопросах: «Дело в жизни, в одной жизни, – в открывании ее, непрерывном и вечном, а совсем не в открытии!» [Там же, с. 327]. Эпиграф «Après moi le déluge!» (*фр.* «После нас хоть потоп!») противоречит тексту «Необходимого объяснения», которое умирающий хочет оставить живущим на память о себе, так как в нем он говорит о великой пользе милостыни:

Единичное добро останется всегда, потому что оно есть потребность личности, живая потребность прямого влияния одной личности на другую [Там же, с. 335].

В духе патериковых рассказов он повествует о «старичке генерале», который забрасывал семя добра и милосердия в сердца заключенных, и его вспоминали с любовью «самые закоренелые преступники».

В душе человека в смертный час борются силы добра и зла. В душе Ипполита, не принявшей Христа, поселилось чудовище: во сне его спасает собака, в борьбе с тарантулом принявшая смерть и оставившая его наедине с «темным, глухим и всесильным существом». Чудовище олицетворяет в романе богоборческую идею героя, воплощенную в его новом кошмаре в образе Парфена Рогожина.

Важная роль в эсхатологическом дискурсе романа отведена описанию картины Г. Гольбейна (Младшего) «Христос во гробе». Ипполит ошибается, считая, что мертвый Христос не в состоянии победить смерть, но именно после воспоминания о картине, поразившей его в доме Рогожина, и появляется призрак будущего убийцы Настасьи Филипповны,

олицетворяющей образ страдающей от несовершенства мира красоты. Однако танатологический дискурс романа, свидетельствующего о Воскресении Христа, исполнен «эсхатологического оптимизма».

Тайны, которые пытаются разрешить герои последнего романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», касаются эсхатологических проблем. Особенно остро чувствует антагонизм добра и зла Дмитрий Карамазов:

Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей [Достоевский, т. 14, с. 100].

Смертный час интересует героев как начало воздаяния праведным и грешным в зависимости от прожитой жизни: «...коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе» – конец атеистического эксперимента Смердякова трагичен. Эпиграф к роману – «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин 12 : 24) – связан с эпилогом – соборным единением Алеши и мальчиков после смерти Илюши Снегирева, охваченных чувством любви к Богу и человечеству:

– И вечная память мертвому мальчику! – с чувством прибавил опять Алеша. – Вечная память! – подхватили снова мальчики. – Карамазов! – крикнул Коля, – неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых, и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку? – Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, – полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша [Достоевский, т. 15, с. 196–197].

Сомнение же в вечном существовании души приводит героев романа либо к преодолению этого заблуждения (Митя путем мытарств побеждает свои сомнения и воскресает душою, а с ним и близкие ему люди, поэтому эпиграф относится и к его судьбе тоже), либо к преступлению (убийству Смердяковым Федора Павловича, а затем и своей бессмертной, хотя и запятнанной убийством души через самоубийство). Ранее рассуждения Ивана мы слышим в переложении Петра Александровича:

Не далее как дней пять тому назад, в одном здешнем, по преимуществу дамском обществе он [Иван Карамазов] торжественно заявил в споре, что на всей земле нет решительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себе подобных, что такого закона природы... Иван Федорович прибавил при этом в скобках, что в этом-то и состоит весь закон естественный, так что уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила,

чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия [Достоевский, т. 14, с. 64, 65].

Упоминание антропофагии как следствия неверия в бессмертие является аллюзией на слова Лизаветы Прокофьевны («вы всех переедите») и продолжает эсхатологический дискурс романа «Идиот».

Роман «Братья Карамазовы», помимо важных эсхатологических понятий, разгадка которых определяет основные коллизии жизненного пути его героев, содержит и другие эсхатологические мотивы. Так, в метатекст романа включена история о несправедно погребенном:

Рассказывают, например, что однажды, в древнейшие времена христианства, один таковой послушник, не исполнив некоего послушания, возложенного на него его старцем, ушел от него из монастыря и пришел в другую страну, из Сирии в Египет. Там после долгих и великих подвигов сподобился наконец претерпеть истязания и мученическую смерть за веру. Когда же церковь хоронила тело его, уже чтя его как святого, то вдруг при возгласе диакона: «Оглашенные, изыдите!» – гроб с лежащим в нем телом мученика сорвался с места и был извергнут из храма, и так до трех раз. И наконец лишь узнали, что этот святой страсотерпец нарушил послушание и ушел от своего старца, а потому без разрешения старца не мог быть и прощен, даже несмотря на свои великие подвиги. Но когда призванный старец разрешил его от послушания, тогда лишь могло совершиться и погребение его [Там же, с. 27].

Как и в синодиках, в романе встречается запрет поминать за упокой души пропавших без вести:

...между верующими простонародными женщинами, приходившими поклониться старцу и благословиться у него, была одна городская старушка, Прохоровна, унтер-офицерская вдова. Спрашивала она старца: можно ли ей помянуть сыночка своего Васеньку, захавшего по службе далеко в Сибирь, в Иркутск, и от которого она уже год не получала никакого известия, вместо покойника в церкви за упокой? На что старец ответил ей со строгостию, запретив и назвав такого рода поминание подобным колдовству. Но затем, простив ей по неведению, прибавил, «как бы смотря в книгу будущего»... и утешение, «что сын ее Вася жив несомненно, и что или сам приедет к ней вскорости, или письмо придет, и чтоб она шла в свой дом и ждала сего»... Едва лишь старушка вернулась домой, как ей тотчас же передали уже ожидавшее ее письмо из Сибири... Вася уведомлял свою мать, что едет сам в Россию... [Там же, с. 150].

История Грушеньки о луковке доказывает великую пользу милостыни. Подобную луковку подает и Иван, спасая замерзшего мужика после разговора со Смердяковым (этот разговор произвел в нем пере-

ворот, ибо ранее Иван не обращал на того нищего внимания). Многократно увеличивает значение этого мотива милостыни, зашифрованного автором в образе «луковки», упоминание ее старцем Зосимой, привидившимся Алеше:

Я луковку подал, вот и я здесь (в раю. – *И. Д.*). И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке... [Там же, с. 327].

Несомненной аллюзией на синодики является тезис о недопустимости для христианина отречься от своей веры – за подобным прегрешением неминуемо следуют вечные муки [Дергачева, с. 23]. Речь идет о рассказе Григория, услышанном в лавке у купца Лукьянова, об одном русском солдате, что тот

...где-то далеко на границе, у азиятов, попав к ним в плен и будучи принуждаем ими под страхом мучительной и немедленной смерти отказаться от христианства и перейти в ислам, не согласился изменить своей веры и принял муки, дал содрать с себя кожу и умер, слава и хвала Христа... [Достоевский, т. 14, с. 117].

Художественный анализ эсхатологического дискурса трех текстов, относящихся к разным периодам творческого пути Ф. М. Достоевского, показал, что идейно-религиозная специфика воззрений героев его произведений на посмертное существование является основной их философской темой. Понятия «жизнь» и «смерть» испокон веков волновали людей, но герои Достоевского особенно преисполнены стремления разрешить эти «проклятые» аксиологические вопросы, проходящие через всю историю человеческой цивилизации. Образно-семантический потенциал его произведений базируется на религиозно-философских концепциях, поэтому сюжетообразующая бинарная оппозиция «жизнь – смерть» несет в структуре художественного целого важную смысловую нагрузку.

Список литературы

Артемов Н., прот. Литургия и эсхатология в творчестве Ф. М. Достоевского // Эсхатологическое учение Церкви : богослов. конф. Рус. православ. церкви, Москва, 14–17 ноября 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theolcom.ru/doc/day2.sect3.07.Artemov.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).

Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском : Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М. : Книга, 1990. 432 с.

Булгаков С. Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 61. С. 826–863.

Дергачева И. В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М. : Кругъ, 2011. 404 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990. Т. 1. 519 с. Т. 8. 511 с. Т. 14. 511 с. Т. 15. 624 с.

Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики : Этнологические аспекты. М. : Индрик, 2012. 264 с.

Иустин (Попович), преп. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск : Изд. Д. В. Харченко, 2007. 312 с.

Капилуци С. М. «Трагический оптимизм» христианства и проблемы спасения: Ф. М. Достоевский. СПб. : Алетейя, 2013. 288 с.

Касаткина Т. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Вопр. лит.* 2003. № 1. С. 176–208.

Крысин Р. И. Эсхатологическая система взглядов Ф. М. Достоевского // *Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки.* 2008. Вып. 11 (67). С. 254–258.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский : Вечные спутники. М. : Республика, 1995. 623 с.

Розанов В. В. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского : Опыт критического комментария. С приложением двух этюдов о Гоголе. 9-е изд. СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1906. 282 с.

Сморжко С. Н. Художественная эсхатология в романах Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар : [Б. и.], 2007. 201 с.

Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // *Соловьев В. С. Соч. : в 2 т.* М. : Мысль, 1988. Т. 2. С. 289–323.

Чернова Н. В. Последняя книга Настасьи Филипповны: случайность или знак? («Героиня с книгой» как сквозной мотив в творчестве Достоевского) // *Достоевский : Материалы и исследования.* СПб. : Наука, 2010. Т. 19. С. 192–202.

References

Artemov, N., Archiprb. (n/a). Liturgiya i eskhatologiya v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [Liturgy and Eschatology in the Works of F. M. Dostoevsky]. In *Eskhatologicheskoe uchenie Tserkvi. Bogoslovskaya konferentsiya Russkoi pravoslavnoi tserkvi, Moskva, 14–17 noyabrya 2005 g.* URL: <http://www.theolcom.ru/doc/day2.sect3.07.Artemov.pdf> (mode of access: 10.09.2019).

Berdyayev, N. A. (1990). Otkrovenie o cheloveke v tvorchestve Dostoevskogo [Revelation about Man in the Works of Dostoevsky]. In *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881–1931 godov.* Moscow, Kniga. 432 p.

Bulgakov, S. N. (1902). Ivan Karamazov (v romane Dostoevskogo “Brat’ya Karamazovy”) kak filosofskii tip [Ivan Karamazov (in Dostoevsky’s *The Brothers Karamazov*) as a Philosophical Type]. In *Voprosy filosofii i psikhologii.* Book 61, pp. 826–863.

Capilupi, S. M. (2013). “Tragicheskii optimism” khristianstva i problemy spaseniya. F. M. Dostoevskii [The “Tragic Optimism” of Christianity and the Problem of Salvation. F. M. Dostoevsky]. St Petersburg, Aleteiya. 288 p.

Chernova, N. V. (2010). Poslednyaya kniga Nastas’i Filippovny: sluchainost’ ili znak? (“Geroinya s knigoi” kak skvoznoi motiv v tvorchestve Dostoevskogo) [The Last Book of Nastasya Filippovna: Chance or Sign? (“A Heroine with a Book” as a Recurring Motif in the Oeuvre of Dostoevsky)]. In *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya.* St Petersburg, Nauka. Vol. 19, pp. 192–202.

Dergacheva, I. V. (2011). *Drevnerusskii Sinodik: issledovaniya i teksty* [The Old Russian Synodic: Studies and Texts]. Moscow, Krug”. 404 p.

Dostoevsky, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works]. Leningrad, Nauka. Vol. 1. 519 p. Vol. 8. 511 p. Vol. 14. 511 p. Vol. 15. 624 p.

Justin (Popović), reverend. (2007). *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [The Philosophy and Religion of F. M. Dostoevsky]. Minsk, published by D. V. Kharchenko. 312 p.

Kasatkina, T. (2003). Voskreshenie Lazarya: opyt ekzegeticheskogo prochteniya romana F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” [The Resurrection of Lazarus: An Exegetical Reading of Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*]. In *Voprosy literatury.* No. 1, pp. 176–208.

Krysin, R. I. (2008). Eskhatologicheskaya sistema vzglyadov F. M. Dostoevskogo [The Eschatological System of Views of F. M. Dostoevsky]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki.* Iss. 11 (67), pp. 254–258.

Merezhkovsky, D. S. (1995). *L. Tolstoi i Dostoevskii. Vechnye spутniki* [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal Companions]. Moscow, Respublika. 623 p.

Rozanov, V. V. (1906). *Legenda o velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Opyt kriticheskogo kommentariya. S prilozheniem dvukh etyudov o Gogole* [F. M. Dostoevsky's Legend of the Grand Inquisitor: An Attempt at Critical Commentary. With an Appendix of Two Sketches about Gogol]. 9th Ed. St Petersburg, published by M. V. Pirozhkov. 282 p.

Smorzhenko, S. N. (2007). *Khudozhestvennaya eskhatologiya v romanakh F. M. Dostoevskogo 1860–1870-kh gg.* [Artistic Eschatology in the Novels of F. M. Dostoevsky between the 1860s and 1870s]. Dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, S. n. 201 p.

Solovyev, V. S. (1988). *Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo* [Three Speeches in the Memory of Dostoevsky]. In Solov'ev, V. S. *Sochineniya v 2 t.* Moscow, Mysl'. Vol. 2, pp. 289–323.

Zakharov, V. N. (2012). *Problemy istoricheskoi poetiki. Etnologicheskie aspekty* [Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects]. Moscow, Indrik. 264 p.

The article was submitted on 09.10.2019

DOSTOEVSKY'S *CRIME AND PUNISHMENT* IN THE LIGHT OF ESCHATOLOGY*

Maia Stepenberg

Dawson College,
Montreal, Canada

This article considers Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* as the subtle elaboration of a complete Christian eschatology. Through the relationship of the two principal protagonists, Raskolnikov and Sonia, readers are drawn into the enigma and lack of closure at the end which is either frustrating or fulfilling, depending on readers' understanding of the Christian doctrine of eschatology. For it is "The Four Last Things" (Death, Judgment, Heaven, Hell) that underpin and orient the entire narrative, particularly as they are refracted through the experiences of the two deliberately opposite characters. In his creation of Raskolnikov, Dostoevsky certainly succeeds in conveying all the horrors of Hell (before dying); but it is his creation of Sonia – especially as intimated earlier in *Winter Notes on Summer Impressions* – that Dostoevsky succeeds in suggesting the greater abiding powers of Heaven to quietly and mysteriously heal. *Crime and Punishment* is thus proposed as an enduring artistic triumph because of its deep underlying sense of a specifically Christian call to ontological consciousness, following as it does in the footsteps of earlier Christian writers such as Dante and Bunyan, who had equally understood the crucial necessity of female wisdom leading the male pilgrim back to his home in the heart of God.

Keywords: eschatology; Orthodox Christianity; Dostoevsky; Dante; Death; Judgment; Heaven; Hell.

Рассматривается роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» как пример целостной системы христианской эсхатологии. Автор анализирует то, как взаимоотношения Раскольникова и Сони вводят читателя в главную загадку романа – в его незавершенность, которая воспринимается читателем либо с разочарованием, либо с удовлетворением, в зависимости от самого понимания им христианской доктрины эсхатологии. В романе именно так называемые «четыре последние вещи» (смерть, суд, рай и ад) являются основополагающими и руководят развитием фабулы, в особенности в аспекте их отражения

---

* Citation: Stepenberg, M. (2019). Dostoevsky's *Crime and Punishment* in the Light of Eschatology. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1160–1171. DOI 10.15826/qr.2019.4.430.

Цитирование: Stepenberg M. Dostoevsky's *Crime and Punishment* in the Light of Eschatology // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1160–1171. DOI 10.15826/qr.2019.4.430.

в двух диаметрально противоположных действующих лицах. В образе и судьбе Раскольникова Достоевскому удалось запечатлеть все ужасы ада (перед смертью), а в образе Сони писатель указывает на гораздо более могущественную силу рая, проявляющуюся в непостижимой способности исцелять страждущих (о чем Достоевский писал раньше в «Зимних записках о летних впечатлениях»). Таким образом, непреходящий художественный триумф «Преступления и наказания» осмысливается как результат глубокого основополагающего христианского призыва к онтологическому сознанию, которым пронизан весь роман. Достоевский идет по стопам более ранних христианских авторов, таких как Данте и Джон Баньян, которые указывали на то, что только женская мудрость может провести мужчину-паломника домой, к сердцу Господню.

Ключевые слова: эсхатология; православие; Ф. Достоевский; Данте; смерть; Страшный суд; ад; рай.

Unlike his three other great murder novels, Dostoevsky's *Crime and Punishment* (1866) is relatively compact and clear to follow. The lines of plot and character are dense but easily separated since everything radiates from and relates back to the center, which is Raskolnikov. It is unarguably a masterpiece which – like all great works of art – owes its power to a certain central enigma that resists definition. Another proof of its peculiarly enduring artistic power is the many imitations it has inspired in both film and literature.¹

I would argue that the strangeness of *Crime and Punishment* – its persuasive artistic achievement – resides in its acute eschatological sensibility. Indeed, Dostoevsky's awareness of "The Four Last Things" moves and defines this novel more than anything else because in this, his first fully-developed novel since *The Insulted and Injured*, everything reflects the maturing theological temperament of the author. Whereas *The Insulted and Injured* is still derivative of Dickens (specifically *The Old Curiosity Shop*), just like *Poor Folk* is still indebted to Gogol (as Vissarion Belinsky appreciated), *Crime and Punishment* reveals Dostoevsky developing his own distinctive style and voice as a full-length novelist for the first time.

Eschatology is a word of Greek origin that literally means "knowledge of last things." The shorthand version is "The Four Last Things": Death, Judgment, Heaven, and Hell. In considering the eschatological significance of Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*, I would like to proceed by examining the relation of the novel's two principal protagonists – Rodion Romanovich Raskolnikov and Sonia Semyonovna Marmeladova – to "The Four Last Things" that define eschatology as a Christian doctrine.

---

¹ Italo Calvino has gone on the record as saying that the opening paragraphs of *Crime and Punishment* are so strangely exquisite that one can be content to simply copy them out, in admiration of their consummate artistry [Calvino, p. 177-178].

Death

Raskolnikov is the bearer of death in this novel. He is heavy with it, haunted by it, both before and after the murders. He turns in circles, always in anguish, always fatigued yet never able to rest. He stewes in an exquisite feverish energy that drains him, an energy entirely driven by his mind. He has a fine mind, a strong mind, but without outlet or issue. He approaches the brink of madness precisely because only a strong mind is able to attack itself (many a man with a weak mind has been spared the curse of madness).² His heart has atrophied, shutting down all avenues to the sustaining love and concern of his friends and family in the outside world. His mind holds him prisoner in an unassailable fortress of pride.

Yet his heart continues to beat, and his idealism – the very motive for the murders (however twisted or betrayed by the actual act) – continues to reveal itself in sudden impetuous rushes to spend money like water on behalf of the poor and the dispossessed. Raskolnikov wants to show a largesse that is a reflection of his lofty aspirations and his nobility of soul. He is sensitive, but morbidly so; he is intelligent, but in the manner of a rapier. He really demonstrates what the poet Rabindranath Tagore once observed: “A mind all logic is like a knife all blade: it makes the hand bleed that uses it.”

Raskolnikov is in sore and desperate need of resurrection, for he can only wander aimlessly in the Valley of the Shadow of Death that has claimed him now, in the wake of his terrible deeds.³ He has been reduced to a living nightmare, a living death, and he banishes himself increasingly from all men’s company. He finds himself drawn to the purity and goodness of Sonia, but coldly – with the idle interest of resolving an untenable intellectual enigma – and he seeks to pull her down with him, after his confession of his crimes to her, down into his own relentless undertow of grief and guilt and death.

Sonia is surrounded by death, yet manages to endure and overcome it. From a young age she was left without a mother, so she was forced to find shelter and strength in a faith-filled surrogate: the Mother of God (The Theotokos), Mary the Mother of Christ.⁴ Christ delivered mankind from the shackles of death when he descended into Hell, between the Crucifixion and the Resurrection.⁵ This eschatological doctrine of the resurrection

---

² As noted by the neurologist in the 1946 film *Stairway to Heaven* (dir. Michael Powell & Emeric Pressburger). The original title of this British film when it was first released in the U. K. was *A Matter of Life and Death*. The title was altered to *Stairway to Heaven* in order to appear less morbid to North American audiences.

³ See Psalm 23: “Yea, though I walk through the Valley of the Shadow of Death, I will fear no evil...”

⁴ This Greek word literally signifies “The God-bearer.” In Orthodox terms, she is also simply known as “Our Most Holy Lady.”

⁵ This event (also known as the Harrowing of Hell) is depicted in Orthodox iconography as *Anastasis*, which in Greek means “Resurrection.” It is a crucial part of the annual Easter celebration in the Orthodox calendar, commemorated as the time of Saturday evening before the dawn and the renewal of mankind on Easter Sunday. The Easter troparion hymn repeats triumphantly, “Christ is risen from the dead, trampling down death by death, and on those in the tombs bestowing life.”

of the dead is what Sonia passionately believes, as she shares her reading of the raising of Lazarus with Raskolnikov.⁶

Sonia intuits Raskolnikov's distress with a depth of wisdom that is rare for her years. Although she is just eighteen, she has an old head on young shoulders: she is the daughter of Misfortune, and Misfortune imposes harsh and rapid conditions for learning and adapting to the disappointments of life. Not only does she consent to humiliate herself absolutely in order to put food on the table for her family, in the most degrading yet most accessible profession available to women since time immemorial; she also loses her friend Lizaveta, a kind of sister to her in sorrow, in the violent death inflicted by Raskolnikov's axe. Sonia holds her dissolute but repentant father in her arms before he dies, the victim of a street accident⁷; she also witnesses her stepmother succumbing to tuberculosis, choking as much on bitterness as on illness. Sonia is a survivor because she has died to herself long ago: somehow she has perfectly absorbed and understood that "humility is the beginning of wisdom" and that "humility is endless."⁸

Sonia thus grows into the meaning of the name that she was given (Sofia), which in Greek means wisdom.⁹ But she is always quick to acknowledge that whatever wisdom she possesses or enacts comes only and directly from God – «Что ж бы я без Бога-то была?» [Достоевский, т. 6, с. 248].¹⁰ She takes no credit for anything, and thus proves capable of accomplishing anything. Her extreme gentleness and meekness is the exact counterpart to Raskolnikov's extreme agitation and violence. Opposites attract, indeed!

Judgment

Raskolnikov is godless, so he fears no consequences to his transgressions. Indeed, he feels himself to be so superior that he has convinced himself that he will get away with it. He has even elaborated an entire theory justifying the "extraordinary" few's violation of the law at the expense (and sometime service) of the ordinary masses.¹¹ As a law student, he enjoys the free play of such ideas for their own sake which – in the case of his

⁶ Part IV, chapter 4 of *Crime and Punishment* features the entirety of the Lazarus story (John 11 : 19-45), as haltingly and rapturously read out loud by Sonia to Raskolnikov in hopes of his conversion.

⁷ Semyon Marmeladov announces the overarching eschatological theme of the novel as soon as chapter 2 of Part I when he confesses to Raskolnikov his belief that "we shall understand all" and "all shall understand" when the soul of the dying and contrite sinner is received by Christ. Marmeladov's entire speech is a gloss on Psalm 50, particularly line 19 ("A broken and contrite heart, Lord, Thou shalt not despise").

⁸ See the last line of Psalm 110 ("The fear of the Lord is the beginning of wisdom") as well as midway through T. S. Eliot's poem "East Coker," from *Four Quartets*.

⁹ Another echo of the Orthodox liturgy: frequently the deacon invokes "Wisdom" before Mass begins.

¹⁰ "For what would I be without God?" [Dostoevsky, 2001, p. 257]. This is Sonia's rhetorical question during Raskolnikov's first interview with her. See again Part IV, chapter 4 of *Crime and Punishment*.

¹¹ See Part III, chapter 5 of *Crime and Punishment*.

own particular personality, history, and circumstances – gratify and mirror his own inflated image of himself as someone clever and powerful enough to count himself among the extraordinary.

But as time wears on, even Raskolnikov cannot sustain the fantasy of such an identification. «Пошел ли бы Наполеон или нет?» [Достоевский, т. 6, с. 321].¹² He admits to Sonia that his “experiment” of testing his mettle amounts to a failure. His identification as “extraordinary” had been undermined right from the start, poisoned by fear and self-loathing. His first nightmare¹³ clearly warns him that he is not cut from the same cloth as “Solon, Mohammed, or Napoleon” who are ready to “wade through blood.” And so Raskolnikov becomes his own judge, jury, and executioner. He tortures and judges himself, and he feels that is sufficient and even unjust, given the uncomprehending masses that are indifferent to his suffering – for all of: «истинно великие люди... должны ощущать на свете великую грусть» [Там же, с. 203].¹⁴

Raskolnikov is a rebel, a romantic, and a recluse who is too proud to submit to the yoke of the society that has (he feels) spurned and wasted his truest gifts, scattering them into obscurity and persecuting him into the most grinding poverty. He will do anything to save his beloved sister Dounia’s honour from the soiling encroachments of Luzhin and Svidrigailov, and yet he needed to do practically nothing to safeguard her happiness since Dounia (very reasonably and naturally enough) finds her salvation in the person of Razumihin in the end. All is still well in the world; Raskolnikov’s murders served no one and nothing in terms of justice. But (sadly and terribly) perhaps those same murders still served something, if only in terms of finally breaking down Raskolnikov’s pride and bringing him to the threshold of redemption and salvation.

As for Sonia: once she becomes aware of the gravity of Raskolnikov’s crimes, she holds him accountable. She stands in silent witness, crying out on behalf of the slain ones without a voice, as the very emblem of Raskolnikov’s nascent Christian conscience. She does not berate or harangue him. With incredible strength, courage, and depth of love, she forgives the murderer and embraces him, recognizing only his misery: «Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете!» [Там же, с. 316].¹⁵

Sonia in her goodness could have been construed as some kind of cartoon, too good to be true, except that Dostoevsky takes infinite care to portray her realistically in accordance with his earlier astute observations about human nature. In *Winter Notes on Summer Impressions* (1863), Dostoevsky writes a brilliant “Essay on the Bourgeois” that begins by considering

¹² “Would a Napoleon murder and rob an old woman?” [Dostoevsky, 2001, p. 326].

¹³ See Part I, chapter 4 of *Crime and Punishment*.

¹⁴ “The really great men must... have great sadness on this earth” [Dostoevsky, 2001, p. 206, 210]. This is the rather dreamy way in which Raskolnikov concludes the exposition of his ideas “On Crime” to Porfiry Petrovich in Part III, chapter 5 of *Crime and Punishment*.

¹⁵ “There is no one – no one in the whole world now so unhappy as you!” [Dostoevsky 2001, p. 323]. This heartfelt cry comes in Part V, chapter 4 of *Crime and Punishment*.

the maxim of the French Revolution: *liberté, égalité, fraternité*. He examines the first two terms and he finds them wanting. Why? Because a new revolutionary freedom and equality before the new law ends up not fulfilling its promise: they more often than not prove to be dissatisfying, illusory, and self-defeating because the first two terms in the original socialist formula become fatally compromised by the infamous French bourgeois preoccupation with money. This leaves only brotherhood as something still worth seriously examining. Now Dostoevsky asserts a startling claim: «Сделать братства нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится» [Достоевский, т. 5, с. 79].¹⁶

One can also put it another way: the discovery of true brotherly love is like Grace, something that can happen if we can set ourselves aside and allow ourselves to be receptive to the discovery. Such a gift of grace is always at odds, however, with: «Начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в своем собственном Я» [Там же].¹⁷

And an insistence on individuality very rapidly becomes a language about rights, and as soon as one demands rights, no brotherhood results [Dostoevsky, 1985, p. 60-61]. So we are now at an impasse: what is to be done?¹⁸ («Что ж, скажете вы мне, надо быть безличностью, чтоб быть счастливым? Разве в безличности спасение?» [Достоевский, т. 5, с. 79]¹⁹).

Dostoevsky offers a resounding "No" in answer to his own questions. He also offers a stunning summation of all of Sonia's idealized attributes *avant la lettre* by explaining the following response to the difficulty of experiencing true brotherhood:

Напротив, напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли [Там же, с. 79].²⁰

¹⁶ "Brotherhood cannot be created, because it creates itself, is given, exists in nature" [Dostoevsky, 1985, p. 60]. Emphases added.

¹⁷ "The principle of Individuality, the principle of isolation, of intensified self-preservation, of self-seeking" [Dostoevsky, 1985, p. 60].

¹⁸ "What is to be done?" was the title of a famously influential socialist novel by Nikolai Chernyshevsky published in 1863 – the same year as the publication of Dostoevsky's *Winter Notes on Summer Impressions*.

¹⁹ "Must one lose one's individuality in order to be happy? Is salvation to be found in the absence of individuality?" [Dostoevsky, 1985, p. 61].

²⁰ "My reply is no, on the contrary, not only should one not lose one's individuality, but one should, in fact, become an individual to a degree far higher than has occurred in the West. You must understand me: a voluntary, absolutely conscious and completely unforced sacrifice of oneself for the sake of all is, I consider, a sign of the highest development of individual personality, its highest power, highest self-possession and highest freedom of the individual will" [Dostoevsky, 1985, p. 61].

This is the language of paradox: one should strive to become an individual by not asserting one's individuality in the narrow conventional or earthbound sense. The task is to approach a higher plane that redefines the individual in relationship to others. It is the work of heroes and saints to overcome themselves joyously and selflessly on behalf of the collective.

But, Dostoevsky warns, even here there remains a danger:

Тут есть один волосок, один самый тоненький волосок, но который если попадается под машину, то всё разом треснет и разрушится. Именно: беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды [Достоевский, т. 5, с. 79–80].²¹

The stain of self-interest must be vigilantly eliminated so that no trace of vanity may be gratified.

Например: я приношу и жертвую всего себя для всех; ну, вот и надо, чтоб я жертвовал себя совсем, окончательно, без мысли о выгоде, отнюдь не думая, чтоб вот я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдаст мне всего себя. Надо жертвовать именно так, чтоб отдавать всё и даже желать, чтоб тебе ничего не было выдано за это обратно, чтоб на тебя никто ни в чем не изубыточился [Там же, с. 80].²²

Now the religious dimension of Dostoevsky's insight into the problem becomes more evident. By her pure generosity of feeling, completely devoid of "the hair of self-interest," Sonia disarms Raskolnikov and demonstrates how much she is his sister. For it is only "the principle of intensified self-preservation" that prevents the spirit of true brotherhood from existing between people, as Dostoevsky put it. Sonia never cares for her own safety or well-being: this is why and how she incarnates, in a mysteriously meaningful way, the healing power of true brotherhood. She is crucial in Raskolnikov's ultimate transformation because she practically descends from Heaven as an emissary to conduct Raskolnikov out of his own Hell. Sonia follows in the illustrious literary footsteps of Beatrice in Dante's *Divine Comedy* (1321), a work of Christian genius with which Dostoevsky was certainly familiar. But Sonia differs from Dante's Beatrice in that she has to embrace all of the contempt of the world in order to exercise her salvific effect. That is why she must join the ranks of the prostitutes (the lowest of the low among women) to be able to transcend both her own estate and Raskolnikov's. Like Saint Paul, she seems to say to Raskolnikov:

²¹ "There is a hair, one very, very thin hair but, if it gets into the machine, all will immediately crack and collapse. It is the following: there must not be in this case the slightest motive of personal gain" [Dostoevsky, 1985, p. 61].

²² "I should sacrifice myself wholly and irrevocably, without consideration of gain, not thinking in the least that here I am, sacrificing my entire self to society and in exchange society will offer the whole of itself to me. One must, in fact, make one's sacrifice with the intention of giving away everything, and even wish that nothing be given to you in exchange and that no one should spend anything on you" [Dostoevsky, 1985, p. 61–62].

"We [the fools for Christ] are as the refuse of this world, the offscouring of all... We are reviled: and we bless. We are persecuted; and we suffer it" (I Corinthians 4 : 13; 12).

Sonia is thus for Raskolnikov the vehicle of and the catalyst for moral resurrection by reason of her totally unassuming yet totally dedicated personal example. She leads him to the quiet judgment seat of God, so that Raskolnikov can eventually realize and recover a certain spiritual stillness within himself, a kind of equilibrium of soul, to prepare and to fortify him for the acts of atonement he must begin to make for his crimes. She commands him only once, with a zealous conviction and with a loving emphasis on holding only the good of his own soul in mind, to bow down to everyone and to confess openly that he is a murderer: «Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» [Достоевский, т. 6, с. 322].²³ As a woman of faith, she knows that Raskolnikov will eventually hear "the still small voice" of God within him as much as from without, and respond to that call to contrition as he must. For "all things to men are not possible, but for God all things are possible"²⁴ – even the softening of Raskolnikov's hardened heart.

Hell

Like no other literary character, Raskolnikov is the proof of "living hell" as his own creation. He can never leave the fact of his crimes behind him: he drags the terrible memory of them everywhere (even into his sleep) at the same time that he is constantly invested in keeping the fact of his own involvement in the crimes an airtight secret. Were he to have died *in flagrante delicto*, and were one to imagine him plummeting to the feet of the monster Minos who would then assign his place in Dante's *Inferno* according to the number of times his tail wound around him, one could expect to meet Raskolnikov – probably and most logically – among the thieves in the seventh ditch of the ten chasms of Fraud²⁵. For although he was a failed thief who never even profited from the money that he stole from the pawnbroker («И ограбить-то не умел, только и сумел, что убить!» [Достоевский, т. 5, с. 117]²⁶), theft was still his primary motive in resorting to such desperate action in the first place. Raskolnikov considers his violence excusable along the same lines as Robin Hood or Pierre-Joseph Proudhon, redistributing the clot of wealth through the veins of the larger suffering body of need.

Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! <...> Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя

²³ "Only then will God send you life again" [Dostoevsky, 2001, p. 330].

²⁴ See I Kings 19 : 9–18 (the experience of Elijah in the wilderness) and Mark 10 : 27.

²⁵ See Dante Alighieri, *The Divine Comedy*, Canto III of *Inferno* (for Minos) and Canto XVIII (for the thieves) [Dante].

²⁶ "He did not know how to rob; he could only murder" [Dostoevsky, 2001, p. 120]. This is Razumihin's opinion of the criminal (see Part II, chapter 5 of *Crime and Punishment*).

на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не заглядится ли одно, крошечное преступленьице тысячами добрых дел?.. – да ведь тут арифметика! [Достоевский, т. 5, с. 54].²⁷

Utilitarian sentiments have long been the prerogative of well-intentioned thieves; indeed, Raskolnikov might have been merely collecting a tax that was overdue from a hoarding scourge. So there were no illusions in his mind about which circle of Hell he would be consigning Alyona Ivanovna: the third circle of incontinence for the hoarders and spendthrifts, of course, since her stinginess he thought spoke for itself. Of course, Dante's Minos would have had to sort out that sin from the piety of the old pawnbroker, whose well-saved money was partially and prudently spent on advance prayers for the repose of her immortal soul.

But Raskolnikov does not fall on his own axe like Saul after all the homicidal mayhem. And so, by staying alive, he saves himself from the terrors of Hell. Certainly he was tempted by suicide, which would have led him directly to the most poignant place of all in Dante's *Inferno*: the forest of bleeding and weeping trees. But Raskolnikov chooses life at every turn, in spite of himself: «Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить – только жить! <...> Экая правда! Господи, какая правда! Подлец человек!» [Там же, с. 123].²⁸ He chooses life in full knowledge of the terrible misery of such a choice, if made in stubborn isolation and cowardice – and yet Raskolnikov is given a chance to redeem himself.

One can imagine Jean Val Jean from *Les Misérables* (1862), another desperate thief but with no blood on his hands, going straight to the Hell of Dante's thieves if Victor Hugo had chosen to kill him off suddenly, perhaps while struggling to survive the galleys as a convict. Many convicts die in the course of their imprisonment, so that the bitterness of their crimes remains forever with them. Indeed, how could it be otherwise? The whole folklore of ghosts around the world turns on this lack of resolution, this want of justice, and (most importantly for Dante and for Dostoevsky alike) the entire disavowal of all blame for their acts. All souls in Dante's *Inferno* feel their situation is unjust because they refuse to recognize their own passionate collusion in their own misery. "Everyone in this prison is falsely accused, and everyone in this prison is innocent."²⁹ As it is in prison, so it is in Hell: no one is sorry and everyone would do the same thing all over again. Through their suffering sinners, Dante and Dostoevsky both show us that there is no grandeur in sin – just sordid stubbornness.

²⁷ "A hundred thousand good deeds could be done and helped, on that old woman's money that will be buried in a monastery! <...> Kill her, take her money, and with the help of it devote oneself to the service of humanity and the good of all. What do you think, would not one tiny crime be wiped out by thousands of good deeds? <...> It's simple arithmetic!" [Dostoevsky, 2001, p. 54]. As proclaimed by some disgruntled students and overheard by Raskolnikov, lending further fuel to his homicidal fire: see Part I, chapter 6 of *Crime and Punishment*.

²⁸ "Only to live, to live and live! Life, whatever it may be! <...> How true it is! Good God, how true! Man is a vile creature!" [Dostoevsky, 2001, p. 127].

²⁹ This is a wry and oft-repeated remark among the prisoners in the 1994 film *The Shawshank Redemption* (dir. Frank Darabont).

Heaven

Raskolnikov is vouchsafed only one glimpse of heaven in the very last pages of the Epilogue, when he begins to see the true folly of his actions (and all of their mixed motivations) in the light of his new relationship to Sonia. Many cynical commentators have broadcast their dissatisfaction with Raskolnikov "caving" in the end, calling such a conversion of his heart "unbelievable" or a piece of "cheap sentimentality" because his whole character has been so resolutely defined and developed in a materialistic direction before (see, for example: [Dostoevsky, 1989]). There is certainly something to be said for such a response to the ending of Dostoevsky's novel: many readers report a sense of being manipulated or betrayed alongside Raskolnikov himself, who (such readers feel) should remain above being taken hostage by religion.

And yet, the truth of reconciliation – when it is profound and life-altering – is indeed experienced as sudden, like a gift, with nothing willed or predictable about it at all. After all of his sufferings, which from an Orthodox Christian point of view are necessary prerequisites to winning any meaningful insights about life, Raskolnikov is opened to the operation of Grace. He has not earned any special dispensation from God as the result of his own efforts – no, quite the contrary. Finally, and only towards the very end, Raskolnikov's ego is worn down – by the hardships of prison and by the forced proximity to inmates hostile to him as an "unbeliever." For a long time his pride has still continued to torture him in prison, thus isolating him even more – until one day he is mercifully and suddenly broken down and taken out of himself at last. It is something out of his control because Grace happens to any of us when we are least expecting it. The descent of Grace is, however, often preceded by a long period of spiritual preparation. Flannery O'Connor in her March 10 letter from 1956 to Eileen Hall said that "It's almost impossible to write about supernatural Grace in fiction. We almost have to approach it negatively. As to natural Grace, we have to take that the way it comes – through nature. In any case, it operates surrounded by evil" [O'Connor, p. 988].

It has been said that "God prunes the ones He loves," in the same way that a gardener prunes a plant, which suffers the loss of branches in order to become stronger and more whole (see: [Spiritual Sayings of the Optina Elders]). Well, Raskolnikov has been pruned, and only after such pruning can he finally hope to bear fruit and rejoin the human community again. "But that is the beginning of a new story," as Dostoevsky sagely tells us. More than that: in his *Notebooks to Crime and Punishment*, Dostoevsky wrote a sentence that sums up the movement and purpose of Raskolnikov's story. If heaven is understood as an ideal experience or attainment of happiness for human beings, then happiness is bestowed on us as an intimation of divine things, beyond the merely human frame of reference. In relation to this question of happiness that heaven touches, Dostoevsky wrote that: «Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием» [Достоевский, т. 7, с. 155].³⁰

³⁰ "Man is not born for happiness; man earns his happiness, and always by suffering" [Dostoevsky, 1989, p. 663].

By Way of Conclusion

The very question mark that hangs in the reader's mind at the end of *Crime and Punishment*: – “Will even Raskolnikov truly be saved?” – surely echoes a question in relation to the reader: – “Will even I be counted among the saved as well?” The acutely and excruciatingly private experience of every human soul *in extremis* (on the threshold of death) is a mystery and a drama swathed in silence. Delivery from death into life is the stubborn hope of every human soul because, as Dostoevsky memorably observed: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле *лишь одна* и именно – идея о бессмертии души человеческой» [Достоевский, т. 24, с. 48].³¹ The story of every human soul's passage on this earth thus (if it acknowledges God at all) must encompass or resemble a pilgrimage, or a homecoming.

In that greatest and most paradigmatic account of the perils and joys of a pilgrimage, namely *The Pilgrim's Progress* (1678–1684) by John Bunyan, the reader cannot help but be struck by the openness of the ending – an openness that recalls Raskolnikov's sudden permeable turn in the Epilogue, and which critics have complained is out of keeping with Raskolnikov's character. “Should it be my lot to go that way again,” Bunyan's narrator says, “I may give those that desire it an account of what I here am silent about.” [Bunyan, p. 328]. Indeed, the suggestive promise of this final line can only be a deliberate echo of the closing lines of the Gospel of John: “And there are also many other things which Jesus did, the which, if they should be written every one, I suppose that even the world itself could not contain the books that should be written” (John 21 : 25).³² The open ending is an eschatological signature because it is a token of more ineffable glories to come. It is as Dag Hammarskjöld said: “For those who have faith, the last miracle shall be greater than the first” [Hammarskjöld, p. 195]. But of all of this one cannot openly or commonly speak. Immediately after confessing his personal credo in a letter from Omsk to N. D. Fonvizina (February 15 – March 2, 1854) Dostoevsky wisely wrote, «но об этом лучше перестать говорить» [Достоевский, т. 28, с. 176].³³ Why? The answer, I believe, was captured best by the poet W. H. Auden when he simply but eloquently said “Orthodoxy is reticence” [Auden, p. 315].

Список литературы

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990. Т. 5. 407 с. Т. 6. 421 с. Т. 24. 518 с. Т. 28. Кн. 1. 552 с.

³¹ “The immortality of the human soul is the *one* sovereign idea that the human being cannot live without” [Dostoevsky, 1993, vol. 1, p. 734]. Emphasis in the original.

³² This conclusion is prefigured by the ending of the immediately preceding chapter: “And many other signs truly did Jesus in the presence of his disciples, which are not written in this book: But these are written, that ye might believe that Jesus is the Christ, the Son of God; and that believing ye might have life through his name” (John 20 : 30–31).

³³ “But it is better to stop talking about this” [Selected Letters, p. 68].

- Auden W. H. *Collected Shorter Poems, 1927–1957* / ed. by E. Mendelson. NY : Random House, 1975. 696 p.
- Bunyan J. *The Pilgrim's Progress*. L. ; Glasgow : Collins' Clear Type Press, [N. d.]. 328 p.
- Calvino I. *If on a Winter's Night a Traveller* / transl. by W. Weaver. Toronto : Key Porter Books, 1995. 254 p.
- Dante. *The Divine Comedy of Dante Alighieri the Florentine: Cantica I: Hell (l'Inferno)* / transl. by D. Sayers. Toronto : Penguin Books Canada, 1949. 347 p.
- Dostoevsky F. M. *Winter Notes on Summer Impressions* / transl. by K. Fitzlyon. L. : Quartet Books, 1985. 96 p.
- Dostoevsky F. M. *Selected Letters* / ed. by J. Frank, D. I. Goldstein, transl. by A. MacAndrew. New Brunswick : Rutgers UP, 1987. 543 p.
- Dostoevsky F. M. *The Norton Critical Edition of Crime and Punishment* / ed. by G. Gibian, transl. by J. Coulson. NY : W. W. Norton, 1989. 670 p.
- Dostoevsky F. M. *A Writer's Diary in Two Volumes* / transl. by K. Lantz. Evanston : Northwestern UP, 1993. 1455 p.
- Dostoevsky F. M. *Crime and Punishment* / transl. by C. Garnett. Mineola : Dover Publ., 2001. 430 p.
- Hammar skjöld D. *Markings* / transl. by L. Sjoberg, W. H. Auden. NY : Alfred A. Knopf, 1965. 221 p.
- O'Connor F. *Collected Works*. NY : Literary Classics of the US, 1988. 1281 p.
- Spiritual Sayings of the Optina Elders* / transl. by Igumen George Schaeffer. Chicago : Holy Trinity Publ., 1997. 242 p.

References

- Auden, W. H. (1975). *Collected Shorter Poems, 1927–1957* / ed. by E. Mendelson. NY, Random House. 696 p.
- Bunyan, J. (N. d.). *The Pilgrim's Progress*. L., Glasgow, Collins' Clear Type Press. 328 p.
- Calvino, I. (1995). *If on a Winter's Night a Traveller* / transl. by W. Weaver. Toronto, Key Porter Books. 254 p.
- Dante (1949). *The Divine Comedy of Dante Alighieri the Florentine: Cantica I: Hell (l'Inferno)* / transl. by D. Sayers. Toronto, Penguin Books Canada. 347 p.
- Dostoevsky, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works. 30 Vols.]. Leningrad, Nauka. Vol. 5. 407 p. Vol. 6. 421 p. Vol. 24. 518 p. Vol. 28. Book 1. 552 p.
- Dostoevsky, F. M. (1985). *Winter Notes on Summer Impressions* / transl. by K. FitzLyon. L., Quartet Books. 96 p.
- Dostoevsky, F. M. (1987). *Selected Letters* / ed. by J. Frank, D. I. Goldstein, transl. by A. MacAndrew. New Brunswick, Rutgers UP. 543 p.
- Dostoevsky, F. M. (1989). *The Norton Critical Edition of Crime and Punishment* / ed. by G. Gibian, transl. by J. Coulson. NY, W. W. Norton. 670 p.
- Dostoevsky, F. M. (1993). *A Writer's Diary in Two Volumes* / transl. by K. Lantz. Evanston, Northwestern UP. Vol. 1. 1455 p.
- Dostoevsky, F. M. (2001). *Crime and Punishment* / transl. by C. Garnett. Mineola, Dover Publ. 430 p.
- Hammar skjöld, D. (1965). *Markings* / transl. by L. Sjoberg, W. H. Auden. NY, Alfred A. Knopf. 221 p.
- O'Connor, F. (1988). *Collected Works*. NY, Literary Classics of the US. 1281 p.
- Spiritual Sayings of the Optina Elders*. (1997) / transl. by Igumen George Schaeffer. Chicago, Holy Trinity Publ. 242 p.

**АНТИЧНОЕ И ИУДЕО-ХРИСТИАНСКОЕ
НАСЛЕДИЕ В КАТЕГОРИЯХ ЗАБВЕНИЯ И ПАМЯТИ
(Ф. ДОСТОЕВСКИЙ, М. БУЛГАКОВ)***

Стефано Мария Капилупи

Римский государственный университет «Ла Сапьенца»,
Рим, Италия;
Русская христианская гуманитарная академия,
Санкт-Петербург, Россия

**THE ANCIENT AND JUDEO-CHRISTIAN
HERITAGE OF OBLIVION AND MEMORY
(F. DOSTOEVSKY, M. BULGAKOV)**

Stefano Maria Capilupi

Rome State University “La Sapienza”,
Rome, Italy;
Russian Christian Academy for the Humanities,
St Petersburg, Russia

This article analyses the role of motifs of memory and oblivion in the ending of *The Master and Margarita* in comparison with, firstly, Ivan Karamazov's idea of 'returning the entry ticket to paradise' and Alyosha's answer about resurrection in the context of similar topics in ancient and medieval literature. According to the author of the article, the novels of Bulgakov and Dostoevsky place antiquity and the present time in a particular dialogue and conflict. It is mostly noticeable in Bulgakov's novel, where the storyline of Jesus and his meetings with Pontius Pilate creates a genuine aesthetic and philosophical tension between the symbolic ancient and medieval thought and the positivist and post-positivist thought of today. Another connection is the striking combination of the romantic idyll with oblivion as the only way to happiness in Bulgakov's novel. If we juxtapose this

---

* *Citation*: Capilupi, S. M. (2019). The Ancient And Judeo-Christian Heritage of Oblivion and Memory (F. Dostoevsky, M. Bulgakov). In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1172–1184. DOI 10.15826/qr.2019.4.431.

Цитирование: Capilupi S. M. The Ancient And Judeo-Christian Heritage of Oblivion and Memory (F. Dostoevsky, M. Bulgakov) // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1172–1184. DOI 10.15826/qr.2019.4.431 / Капилупи С. М. Античное и иудео-христианское наследие в категориях забвения и памяти (Ф. Достоевский, М. Булгаков) // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1172–1184. DOI 10.15826/qr.2019.4.431.

combination with the theme of solidarity with the deceased and with the motif of the main character's descent into Hell, we inevitably notice that, narratively, this brings us back to the origins of European literature. The dichotomy of happiness and compassion which defines the mode of Dostoevsky's characters lies in the way the two notions are combined. This conflict represents the universal profundity of the Russian writer. Ivan Karamazov cannot accept a mere shadow of joy free from suffering, which makes him 'give back his entrance ticket' to Heaven. With the help of love and oblivion, Bulgakov rids his characters of the unbearable burden of memory. But Christ's wounds are still there, and through them, the suffering and the humiliated may acquire strength and dignity while waiting for death to be defeated by His Second Coming. This is a supreme example of an earthly and heavenly catharsis for the suffering human race. Against this background, the author considers the issue and mystery of eschatological antinomianism, where Dostoevsky was the forerunner of the theology of the 20th century.

Keywords: Dostoevsky; Bulgakov; oblivion; memory; antiquity; Christianity; suffering; happiness; eschatological antinomianism.

Анализ роли мотивов памяти и забвения в финале романа «Мастер и Маргарита» в сравнении с темами «возвращения билета в рай» Ивана Карамазова и ответа Алеши о воскресении дан в контексте подобной тематики в античной, средневековой, а также в современной литературе. Античность и современность, по мнению автора статьи, в романах М. Булгакова и Ф. Достоевского находятся в особых отношениях диалога и конфликта. Постоянная сюжетная переключка у Булгакова современной сюжетной линии с историей Иисуса и Его встречей с Понтием Пилатом создает настоящее эстетическое и философское напряжение между символическим мышлением античного и средневекового человека и позитивистским, постпозитивистским мышлением человека современного. Вторая точка соприкосновения обоснована сочетанием в романе Булгакова романтической идиллии и сюжета выхода в забвение как единственной дороги к счастью, что в сопоставлении с темами встречи и единения живых и усопших и с мотивом посещения героем ада возвращает читателей к истокам западноевропейской литературы. Дихотомия счастья и сострадания, определяющая модус сознания героев Достоевского, заключается в том, как сочетать два эти понятия. В этом – общечеловеческая глубина русского автора. С точки зрения христианства, «Бог есть не-страдающий, но Он не есть не-страдающий» (Бернард Клервоский): Бог Отец дает то таинственное Царствие, где чудо любви свершается уже в свободной от любого мучения радости, за пределами и в пределах того невозможного, но необходимого сочетания прощения всего и памяти обо всем, призрак или неприятие которого заставляют Ивана Карамазова «возвращать билет в рай». М. А. Булгаков романтической любовью и забвением избавляет своих героев от невыносимого груза памяти. Но раны Христовы еще живы, и приобщение к ним дает возможность страдающим и обиженным, пока смерть еще не побеждена Вторым Его Пришествием, обрести силы и достоинство.

Это и есть высший пример земного и небесного катарсиса для страдающего человеческого рода. На этом фоне рассматриваются также проблема и тайна эсхатологического антиномизма («Царствие Божие уже есть, и в то же время его еще нет»), в осознании которых Достоевский оказался предшественником богословия XX в.

Ключевые слова: Ф. Достоевский; М. Булгаков; забвение; память; Античность; христианство; страдание; эсхатологический антиномизм.

В поэтике романов М. Булгакова и Ф. Достоевского присутствуют как диалог, так и конфликт Античности/Средневековья и современности. У Булгакова это постоянная сюжетная переключка с историей Иисуса и его встречей с Понтием Пилатом, что создает настоящее эстетическое и философское напряжение между символическим мышлением прошлого и позитивистским, постпозитивистским мышлением современного писателя человека. Последний, как Берлиоз или поэт Бездомный, требует только фактов. Отвечает им, в частности, Борис Пастернак словами из «Охранной грамоты»:

Искусство реалистично как деятельность и символично как факт. Оно реалистично тем, что не само выдумало метафору, а нашло ее в природе и свято воспроизвело [Пастернак, с. 49].

Это значит, что факты не имеют смысла, если сам человек не придаст им хоть какое-то значение, и это задача и работа символического, образного мышления, по которому форма и смысл важнее самого факта, и в качестве пути к осмыслению действительности метафора предпочтительнее факта.

Вторая точка соприкосновения – это сочетание в романе «Мастер и Маргарита» романтической идиллии и выхода в забвение как единственной дороги к счастью. Если сопоставить эту линию с темами встречи и единения живых и усопших и с мотивом посещения героем ада, то она сюжетно возвращает к истокам европейской литературы.

Два противоположных и взаимодополняющих движения духа и сознания конгруэнтны памяти и забвению и, будучи приравнены к трансцендентным или априорным способам познания, имеют форму мышления и восприятия. Только по памяти можно построить знание, но помнить все (как это происходит с Фунесом в одноименной истории Хорхе Луиса Борхеса [Борхес, 2001, с. 76–84]), было бы безумием, и забвение, то есть способность создать предел памяти, рассеяться, отрешиться, также необходимо человеку.

Древние тексты греческой литературы, особенно «Одиссея» Гомера и «Теогония» Гесиода, считающиеся «конечным результатом длинной истории» и воспроизводившиеся в Древнем мире в дни религиозных праздников, свидетельствуют, что концепция памяти и забвения в архаический период имела религиозные истоки [Detienne, p. 4–7].

То же самое относится и к библейскому контексту, где в книгах Ветхого Завета память приравнивается к верности союзу между Богом и человеком, с одной, и забвением – с другой стороны.

В Древней Греции память находилась в ведении богини Мнемозины, принадлежащей к первому поколению дочерей Геи и Урана – Титанидам, обладательницам мудрости на границе с изначальным Хаосом. Гесиод первым упомянул об этом, подчеркнув роль матери муз, рожденных ее союзом с Зевсом:

Семя во чрево приняв от Кронида-отца, в Пиерии
Их родила Мнемосина, царица высот Елевфера,
Чтоб улетали заботы и беды душа забывала [Гесиод, с. 30].

Музы, божественные певицы и танцовщицы – это те, кто вдохновляют поэта на песню, которая раскрывает и прославляет род бессмертных богов и древних людей:

То орошают счастливу язык многосладкой росой.
Речи приятные с уст его льются тогда... [Там же].

Они являются посредницами между Мнемозиной и Зевсом, с одной стороны, и поэтом, творчество которого связывает богов и смертных людей, с другой. Его песня привлекает и придает «олимпийскую» форму изначальной мудрости Мнемозины и вселяет в слушателя память о божественном, которая заставляет его мгновенно забыть о заботах и страданиях смертной жизни [Otto, p. 46].

Речь идет о временном забвении, сравнимом со сном [Гесиод, с. 40] (см. об этом: [Detienne, p. 50–51]). Сон (*греч.* *hipnos*) означает здесь пробуждение к божественному измерению реальности, опосредованной музами, которые «с рвущейся к песням душой, с беззаботным и радостным духом» не только дают людям легкие мгновения забвения, но и «добрые нравы богов голосами прелестными славят», «пеньем радуют разум великий отцу своему на Олимпе» [Гесиод, с. 30]. Божественные сестры «хором, согласно звучащим», «песни поют о законах, которые всем управляют», и при этом сопровождают поэтов и царей [Там же].

В «Одиссее», в отличие от «Теогонии», не упоминается богиня Мнемозина, но возвышается фигура поэта, представленного музами «божественным певцом» Демодокком, которого Одиссей восхваляет при дворе феакийцев «выше всех смертных людей» за то, что пели о Троянской войне:

Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты... [Гомер, с. 39–40].

Слепой Демодок знает прошлое и упоминает фигуру певца Одиссея Гомера, который в призывает музу со словами:

Муза, скажи мне о том многопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел... [Гомер]¹.

В песне, вдохновленный божественной памятью, Демодок рассказывает правду о героях Троянской войны, чтобы побудить Одиссея признать в них себя и предаться слезам. Этот плач, в свою очередь, заставляет его узнать в хозяине дома царя Алкиноя. Память о прошлом раскрывает его смысл Одиссею и его гостям. Таким образом, мнемоническая поэзия связывает воедино память об истории и переживание прошлого.

Такая основополагающая, значимая для богов и людей роль пения-рассказа в общей хоровой или музыкальной памяти объясняет рождение поэтических приемов с древних времен. «Первая фраза, с которой начинается греческая [и, следовательно, европейская] литература, т. е. начальная строка “Илиады”, не случайно является призывом к музе, названной в данном случае богиней: “Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына”» [Otto, p. 32]. Литература рождается как форма, зафиксированная посредством обращения к некой космической памяти.

В «Теогонии» Гесиода забвение изображается как божественное воплощение в Лете. В отличие от Мнемозины, эта богиня имеет все отрицательные характеристики, поскольку она происходит от Ночи и Хаоса и является дочерью Эриды, иначе называемой «жестокосердой» Распрей, или Дискордией:

Также еще Немезиду, грозу для людей земнородных,
Страшная Ночь родила, а за нею – Обман, Сладострастье,
Старость, несущую беды, Эриду с могучей душою.
Грозной Эридою Труд порожден утомительный, также
Голод, Забвенье и Скорби, точащие слезы у смертных... [Гесиод, с. 33].

Богиня Лета насылает особенное забвение, которое являет собой не «сладостное ощущение» («лесмосине»), похожее на сон и вызванное пением муз, но «железное», подобное смерти (Танатос) [Там же, с. 45]. Пение муз действительно отрицает Лету до такой степени, что те претендуют на привилегию петь «истину» [Там же, с. 29], или, по-гречески, Алетейю – имя, этимологическое родство которого с Летой сразу бросается в глаза.

---

¹ Канон девяти муз впервые появляется в песне XXIV, 60 «Одиссеи» и в 60-м стихе «Теогонии», однако слово «муза» продолжает использоваться и в собирательном значении. Ср.: [Оmero, p. 259].

Об Алетее же, как мы знаем, спрашивает Понтий Пилат у Иисуса и в Евангелии, и в романе Булгакова. Лета принадлежит Ночи и Тишине настолько, что после Гесиода она становится не только метафорой подземного мира, но также и одной из пяти рек, которые протекают вместе со Стиксом, Ахероном, Флегетоном и Кокитой (реками забвения). Ее воды способны заставить тени мертвых забыть о земной жизни или, как в «Республике» Платона или в шестой книге «Энеиды» Вергилия, забыть о загробной жизни перед метампсихозой. В отличие от Данте, где в «Божественной комедии» река Лета находится в земном раю и, почти как напоминание об очищающем обряде крещения, она служит душам, окончательно освободившимся от памяти всех грехов, прежде чем эти души смогут подняться в небесный рай и испытать блаженство узреть Господа [Weinrich, p. 39–59].

В религиях мистерий, в частности в орфико-пифагорейской, которая повлияла на теорию души Платона, Лета предстает как адский источник, который души мертвых найдут у входа в Аид и из которого посвященные должны избегать пить, если они не хотят впасть в вечное забвение. Вместо этого им придется утолить свою жажду из другого источника – Памяти, чтобы сохранить жизнь (то есть сознание) в мире мертвых.

Эти откровения были обнаружены на гравированных золотых пластинах, размещенных во рту, на шее или руке тел, найденных в некоторых гробницах эллинистического периода в районе Средиземноморья, и имеют много общего с Книгой Мертвых древних египтян [см. об этом: Edmonds; Ferrari, p. 128; Merkelbach, p. 1–13]. На них даются указания душе покойного по переходу в мир иной, как мы читаем, например, на табличке «Петелия» IV в. до н. э., найденной в Калабрии в 1834 г. и хранящейся в Британском музее в Лондоне: души, которые будут пить воду из источника Мнемозины, сохранят память о своем божественном происхождении и станут бессмертными [Pugliese, p. 68]. Эту же информацию мы находим в работе Павсания, историка и географа II в., в описании оракула Трофония в Лебадии (столице Беотии), где подтверждается наличие двух соседних источников, из которых первый, названный Летой, «заставляет нас забыть всю человеческую жизнь», тогда как второй, Мнемозина, «позволяет душе человека сохранять в памяти все, что он видел и понимал в потустороннем мире» [Moggi, Osanna; Detienne, p. 28–30].

В «Одиссее» нет упоминания о Лете, но тема забвения, понимаемая как *hipnosi*, является центральной во всей истории героя до его возвращения на Итаку. Можно сказать, что лотофаги, Цирцея, Сирены, Калипсо являются ключевыми элементами целого ряда «искушений забвения» [Ferrari, p. 67–71], с которыми герой должен справиться и которым должен противостоять, чтобы иметь возможность вернуться на родину и в свою жизнь смертного человека.

В отличие от песни Демодока или песни Гесиода и поэтов в целом или же царей, вдохновленных музами, состояние *hipnosi*, порожден-

ное пьянством, обильной едой, льстивыми речами и соблазнительными женщинами, не позволяет познать себя, но приводит к забвению широкой панорамы своей смертной жизни с ее обязанностями и заботами, что влечет за собой и риск утраты самой жизни. Она теряет свое сокровенное предназначение, превращаясь в «нарциссическое погружение в собственное прошлое» и «рассеянное отчуждение от всей совокупности человеческих событий» [Ferrari, p. 71]. Такова неоднозначность гипнотического забвения, раньше связывавшегося с дарованной музами и соотносившейся с искусством и законом памятью о божественном, теперь – с беспомытством, вызванным одурманивающими веществами, тщеславием и наслаждениями.

Одиссей, которому помогает богиня Афина, видит путь человека в том, чтобы предаться песне Демодока, вдохновленного музами, которые знают «истину», а не поддаваться искушению сирен [Гесиод, с. 29]. Гипноз должен приблизить человека к божественному, а не низвести его до тщеславия и чистой телесности ради телесности.

Идею приписывать памяти ответственность за жизнь и за поступки находим также в ядре философской системы «Энеиды» Вергилия. В частности, она звучит в наставлении, которое тень Анхиза дает своему сыну Энею во время их встречи на Елисейских полях.

Значение, которое в итоге получает память в библейском контексте, очевидно: это гарантия любого договора между Богом и человеком, синоним ответственности, а Бог, в отличие от человека, никогда не забывает о своих обещаниях. Когда Ной устраивает «жертвенник Господу» и приносит во всеожжение животных и птиц (Быт. 8 : 20), Господь вновь напоминает о своем союзе с мирозданием, в этот раз посылая знамение в виде радуги:

Я полагаю радугою Мою в облаке, чтоб она была знамением (вечно-го) завета между Мною и между землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуго (Моя) в облаке; и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душею живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти» (Быт. 9 : 13–15).

Понятия забвения и памяти в творчестве русских классиков имеют прямое отношение к античному и средневековому наследию. В частности, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» есть два знаменательных эпизода. Воланд в конце великого бала выпивает из чаши забвения – чаши, в которую превратилась еще живая голова Берлиоза, всю свою жизнь верившего в то, что ни Бога, ни Дьявола не существует, даже Иисуса как исторической личности не было, и поэтому получает по своей вере, сам превращаясь в ничто. Это говорит о том, что в литературном хронотопе романа понятия бытия и небытия равны: за первое может поднять бокал даже Сатана, во второе может попасть со своим уже бесполезным сожалением упорный атеист,

доходящий до отрицания не только любой возможности воскресения, но и самого исторического существования Иисуса. Иными словами, речь идет не только о забвении, поскольку оно приобретает тут некое онтологическое достоинство в свете христианского апофатического богословия, по которому Бог совершенно иной по отношению к любому человеческому определению, отрицательному (небытие) или положительному (бытие). Крест распятого Иисуса есть, скорее всего, именно то Ничто, из которого Бог создал все («в Нем Он все сотворил»), он вновь открывает всю свою глубочайшую тайну («тайну тайн», согласно отцам Вселенской Церкви) даже тогда, когда предстает во всей своей конкретности перед глазами удивленного, страдающего или виновного человека. По Булгакову, Иисус, идущий по лунным лучам вместе с Понтием Пилатом в конце романа, отвечая на настойчивый вопрос Пилата («Боги, боги, какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, ведь ее не было!»), произносит следующие слова: «Ну конечно не было... тебе это померещилось» [Булгаков, с. 591]. Говорит ли Он о посмертной вечной казни одиночеством и молчанием, переживаемой Пилатом, или о страдании людей в мировой истории, или о Страстях Христовых? Скорее обо всех этих вариантах наказания и страдания, из чего следует, что спасение осуществляется только в забвении.

Это совершенно противоположно тезису Ивана Карамазова в романе Ф. Достоевского, по которому либо спасение скрывается в полной памяти обо всех и всем и в восстановлении всего и всех, либо от такого спасения просто необходимо отказаться, даже если оно предлагается Богом действительно всем: Иван Карамазов возвращает Богу билет в рай, поскольку Ивана не может удовлетворить ни наказание злых, ни прощение их.

Однако благодаря и дьявольскому тосту Воланда из «Мастера и Маргариты», и ангельским репликам Алеши Карамазова о будущем и всеобщем воскресении, обращенным им в конце романа к старшему брату Ивану и ко всем детям («вспомним и восстанем»), тезис романа Булгакова о возможности некоего небесного забвения или даже отмены исторического прошлого и тезис Ивана Карамазова об абсолютном значении человеческой памяти приходят к синтезу, который находится в рамках апофатического богословия. Только в памяти Бога, Бога мистиков и Бога народов, а не в памяти людей (которая, по Булгакову, хуже забвения), человек может сохранить и преобразить страдание. Здесь просматривается аналогия и с образной системой Данте Алигьери, который описывает в «Божественной комедии» реку Эвной (что означает «добрая память»): забыть о собственных преступлениях можно в реке Лете (реке забвения грехов и причиненного зла), ведь, не прощая себя, человек не может прощать и других. А в Эвное (реке снов и доброй памяти) в сознании человека навеки запечатлеваются его благой образ и привнесенное им в мир добро, что помогает ему сохранить человеческое достоинство.

Так связующей нитью объединяются Античность, Средневековье, Ренессанс и современная литература, Европа и Россия, Запад и Восток. Орфей впервые сострадал усопшим. Сократ отождествил орфического демона с мыслящей душой каждого индивида. Данте открыл возможность примирения с античным наследием, в дальнейшем запечатленным в эпоху Ренессанса Рафаэлем по заказу римского папы («Парнас», «Афинская школа»). Речь идет о таинственном понятии христианского кеносиса, включающем два аспекта – распятие и воскресение. На самом деле и у православных, и у католиков главная сторона этой медали есть воскресение. Распятие и смерть Христовы открывают свой смысл окончательно и исключительно только в воскресении Его. Аналогичным образом каждая ипостась Святой Троицы выражает Себя только *с, для и в* других ипостасях – именно так, как написано в «*Decretum pro Iacobitis*» совместного Флорентийского собора 1442 г.: «*Propter hanc unitatem Pater est totus in Filio, totus in Spiritu Sancto; Filius totus est in Patre, totus in Spiritu Sancto; Spiritus Sancto totus est in Patre, totus in Filio*» («Отец весь в Сыне и весь в Святом Духе»). Подобное сказано про каждую ипостась по отношению к другим. То есть богословие открывает людям истину, что «быть» всегда значит «быть-ради-другого».

Быть-ради-другого – это любить. Любить – это радость. Но на земле радость любви сопровождается страданием, будучи связана с состраданием. В символе Троицы любовь – это уже не сострадание, а радостное сочувствие. Об этой радости как будто сообщает и улыбка дантовской Матильды в земном раю как образ, предшествующий и тоскующему разуму Античности, который не принимал смерть, и вере христианства, еще борющейся с проблемой страдания и смерти, страх которой оказывается всегда главным источником греха для человека. А проблема искупления от греха по своей сути тесно переплетена с проблемой памяти. Не случайно в «Братьях Карамазовых» Достоевский вспоминает первое чудо Христа – брачный пир и претворение воды в вино в Кане Галилейской: именно радость у Богочеловека предшествует любому другому чуду и самому распятию, искупающему грехи всего рода человеческого. Также это говорит об эсхатологическом напряжении (названном мной эсхатологическим антиномизмом), характерном для всего творчества Достоевского: Царствие Божие уже есть, но в то же время его еще нет. Последние времена (*эсхатон*) – это те, в которых человек живет после смерти и воскресения Иисуса: это говорит подлинная христианская традиция, кроме спешных толкований того Откровения Иоанна Богослова, которое на самом деле было написано в свое время ради утешения определенной христианской общины, жаждущей и ждущей Его скорого второго пришествия.

Легенда о Великом Инквизиторе Достоевского в каком-то смысле играет роль некоего последнего комментария к Откровению: современный человек уже привык к тому, что Он вернется еще не скоро, и возникает вопрос, почему же смерть еще не побеждена

(«смерти не будет уже» – Откр. 21 : 4). Новое появление Иисуса перед Инквизитором находит человека, который боится, что Он снова пришел, «лишь» чтобы показать Свою великую свободу, человеку, скорее всего, недоступную, а не чтобы окончательно освободить его от смерти, несправедливости, нищеты и страдания. Тогда Инквизитор предлагает человеку «хлеб и зрелище» как «стоящую» альтернативу новому ожиданию.

В каждом страдающем ребенке отражается лик Христа, и вопрос Ивана Карамазова о страдании детей сохраняет свою актуальность. С одной стороны, христианин, опираясь на свидетельства тех, кто видел Христа воскресшим, это страдание принимает через Его крест и видит свое личное страдание освященным и одаренным высшим достоинством (и поэтому получает даже силу прощать других и себя). С другой стороны, он, опираясь на эти самые свидетельства, ожидает Его второго пришествия и полного освобождения от смерти (которой «не будет уже»), страдания и зла. В первом случае христианин страдание принимает и видит свое достоинство также за пределами земных и исторических обид, во втором – со страданием борется (и в этом видно также некое оправдание человеческого прогресса, социального и научного, когда не нарушаются этические границы), и память о страдании оказывается одновременно сакральной и невыносимой для человеческого разума, нуждающегося в чистой радости. Оба эти модуса мышления оправданы Христом, и оба они служат христианской и даже общечеловеческой надежде. Именно по этой причине множество социалистов, агностиков и атеистов воспринимают Ф. М. Достоевского как своего человека и теоретика. Осознание гносеологической и этической проблемы эсхатологического антиномизма («сейчас» и «еще нет» в смысле присутствия Царствия Божьего) дает верующему понять правоту неверующего, отвечая, таким образом, проповеди отца Зосимы: «Не ненавидите атеистов...» [Достоевский, т. 14, с. 149]. В эпилоге его последнего романа Алеша говорит мальчишкам: «непременно восстанем... непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было» [Там же, т. 15, с. 197]; «восстать» здесь значит именно увидеть веселье и радость, достичь счастья.

«Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» [Там же, т. 8, с. 192], – это мысль князя Мышкина. Главная задача и одновременно основная причина мучений героев Достоевского заключаются в том, как сочетать счастье и сострадание. В этом – общечеловеческая глубина русского автора. С точки зрения христианства, «Бог есть не-страдающий, но Он не есть не-сострадающий» (Бернард Клервоский): Бог Отец дает то таинственное Царствие, где чудо любви (земные страсть и сострадание) совершается уже в свободной от любого мучения радости, за пределами и в пределах того невозможного, но необходимого сочетания прощения всего и памяти обо всем, призрак или неприятие которых заставляют Ивана Карамазова «возвращать билет в рай».

М. А. Булгаков романтической любовью и забвением избавляет своих героев от невыносимого груза памяти. На вопрос Понтия Пилата, была ли казнь, Христос (отвечавший у Достоевского молчаливым поцелуем) дает искупительный ответ, показывая ему не Свое воскресенное тело со стигматами, как делает с Фомой неверующим, а то самое сократическое лицо философа, с которым встретил его впервые при жизни. Однако икона Христа, воскресшего и в то же время вечно истекающего кровью, стоит одинаково как перед Иваном Карамазовым, так и перед Понтием Пилатом.

Эта же идея звучит в рассказе Борхеса «Легенда» (сборник «Хвала тьме»):

Авель и Каин встретились после смерти Авеля. Они шли пустыней и издали узнали друг друга, ибо оба были высокие. Братья сели на землю, разожгли костер и поели. Помолчали как уставшие люди на склоне дня. На небе появилась звезда, которая тогда еще не имела названия. При свете пламени Каин заметил во главе Авеля рубец от камня и уронил кусок хлеба, который собирался поднести ко рту. Начал умолять брата, чтобы тот простил его преступление. Авель ответил:

– Ты убил меня или я тебя? Я уже и забыл, и мы сидим здесь, рядом. Как когда-то.

– Теперь я вижу, что ты действительно простил меня, – сказал Каин, – потому что забыть – и значит простить. Я тоже постараюсь забыть.

Авель тихо сказал:

– Да. Пока продолжают угрызения совести, до тех пор продолжается и вина [Борхес, 1992, с. 380].

Знак на лбу Авеля напоминает будущие раны Христовы, вечно живые. Действительно: для людей прощать – это забыть, и это в равной степени необходимо, чтобы простить и себя. В итоге именно об этом подвиге Бог просит от человека – о прощении самого себя. На этот подвиг вызван, вероятно, и апостол Петр на небесах – забыть ту ночь, когда он три раза отрекся от Иисуса. Но с этим противоречит тот факт, что раны Христовы еще живы, и приобщение к ним дает возможность страдающим и обиженным, пока смерть еще не побеждена Вторым Его Пришествием, обрести силы и достоинство. Приобщение к ранам Христовым – это и есть высший пример земного и небесного катарсиса для страдающего человеческого рода. «С того момента, когда грех становится виной, а нарушение заповедей – преступлением человеческих законов, мы можем потерять что-то необычайно важное, – пишет Ю. Хабермас. – Все потому, что к желанию быть прощенными добавляется желание того, чтобы зло, причиненное ближнему, никогда не случилось бы вовсе. Более всего нас тревожит необратимость свершенного зла... которое неподвластно исправлению нашими силами. Потеря надежды на воскресение оставляет после себя зияющую пустоту» [Habermas, p. 24–25]. Означают ли тогда вечные раны воскресшего

Христа, прощающего и освобождающего нас от памяти, финальное искупление и абсолютную победу над прошлым? Или они тоже должны в итоге исчезнуть при Его Втором пришествии, чтобы окончательно все забыть и каким-то образом «отменить»? Ответ на этот вопрос и Достоевский, и Булгаков вверяют своим читателям на все времена.

Список литературы

- Борхес Х.-Л.* Коллекция. СПб. : Северо-Запад, 1992. 640 с.
Борхес Х.-Л. Фунес памятливы // *Борхес Х.-Л.* Смерть и буссоль. М. : Захаров, 2001. 160 с.
Булгаков М. Избранное. Ташкент : Узбекистан, 1990. 719 с.
Вергилий. Энеида // *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида. М. : Худ. лит., 1979. 552 с.
Гесиод. Теогония // *Эллинские поэты VII–III вв. до н. э.* : Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М. : Ладомир, 1999. 515 с.
Гомер. Одиссея. М. : Правда, 1984. 320 с.
Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990. Т. 8. 511 с. Т. 14. 511 с. Т. 15. 624 с.
Еврипид. Трагедии : в 2 т. М. : Наука, Ладомир, 1999. Т. 1. 644 с.
Пастернак Б. Л. Мой взгляд на искусство. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 282 с.
Detienne M. I maestri di verità nella Grecia arcaica. Roma ; Bari : Laterza, 2008. 127 p.
Edmonds R. G. Myths of the Underworld Journey : Plato, Aristophanes, and the “Orphic” Gold Tablets. [S. l.] : Cambridge Univ. Press, 2004. 276 p.
Ferrari F. La fonte del cipresso bianco. Racconto e sapienza dall’*Odisea* alle lamine misteriche. Torino : UTET, 2007. 197 p.
Habermas J. Glauben und Wissen. Friedenspreis des Deutschen Buchhandels. Frankfurt : Suhrkamp Verlag, 2001. 60 S.
Merkelbach R. Die goldenen Totenpässe: ägyptisch, orphisch, bakchisch // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* Bd. 128. 1999. S. 1–13.
Moggi M., Osanna M. Pausania, Guida della Grecia, Libro IX. La Beozia. Milano : Fondazione Lorenzo Valla : Mondadori, 2010. 671 p.
Omero. *Odisea* / a cura di J. B. Hainsworth, trad. it. di G. A. Privitera. Milano : Fondazione Lorenzo Valla : Mondadori, 1982. 302 p.
Otto W. F. Le Muse e l’origine divina della parola e del canto / a cura di S. Mati. Roma : Fazi Editore, 2005. 122 p.
Pugliese C. G. Le lamine d’oro orfiche. Istruzioni per il viaggio oltremondano degli iniziati greci. Milano : Adelphi, 2001. 128 p.
Weinrich H. Lete. Arte e critica dell’oblio. Bologna : Il Mulino, 1999. 324 p.

References

- Borges, J. L. (1992). *Kolleksiya* [Collection]. St Petersburg, Severo-Zapad. 640 p.
 Borges, J. L. (2001). Funes pamyatlivyi [Funes the Memorious]. In *Smert' i bussol'*. Moscow, Zakharov. 160 p.
 Bulgakov, M. (1990). *Izbrannoe* [Selected Works]. Tashkent, Uzbekistan. 719 p.
 Detienne, M. (2008). *I maestri di verità nella Grecia arcaica*. Roma, Bari, Laterza. 127 p.
 Dostoevsky, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works. 30 Vols.]. Leningrad, Nauka. Vol. 8. 511 p. Vol. 14. 511 p. Vol. 15. 624 p.
 Edmonds, R. G. (2004). *Myths of the Underworld Journey. Plato, Aristophanes, and the “Orphic” Gold Tablets*. S. l., Cambridge Univ. Press. 276 p.
 Euripides. (1999). *Tragedii v 2 t.* [Tragedies. 2 Vols.]. Moscow, Nauka, Ladomir. Vol. 1. 644 p.

- Ferrari, F. (2007). *La fonte del cipresso bianco. Racconto e sapienza dall'Odissea alle lamine misteriche*. Torino, UTET. 197 p.
- Habermas, J. (2001). *Glauben und Wissen. Friedenspreis des Deutschen Buchhandels*. Frankfurt, Suhrkamp Verlag. 60 S.
- Hesiod. (1999). Teogoniya [Theogony]. In Gasparov, M. L. (Ed.). *Ellinskie poety VII–III veka do nashei ery. Epos. Elegiya. Yamby. Melika*. Moscow, Ladimir. 515 p.
- Homer. (1984). *Odisseya* [The Odyssey]. Moscow, Pravda. 320 p.
- Merkelbach, R. (1999). *Die goldenen Totenpässe: ägyptisch, orphisch, bakchisch*. In *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 128, S. 1–13.
- Moggi, M., Osanna, M. (2010). *Pausania, Guida della Grecia, Libro IX. La Beozia*. Milano, Fondazione Lorenzo Valla, Mondadori. 671 p.
- Omero (1982). *Odissea* / a cura di J. B. Hainsworth, trad. it. di G. A. Privitera. Milano, Fondazione Lorenzo Valla, Mondadori. 302 p.
- Otto, W. F. (2005). *Le Muse e l'origine divina della parola e del canto* / a cura di S. Mati. Roma, Fazi Editore. 122 p.
- Pasternak, B. L. (1990). *Moi vzglyad na iskusstvo* [My Take on Art]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 282 p.
- Pugliese, C. G. (2001). *Le lamine d'oro orfiche. Istruzioni per il viaggio oltremontano degli iniziati greci*. Milano, Adelphi. 128 p.
- Virgil. (1979). *Eneida* [Aeneid]. In Virgil. *Bukoliki. Georgiki. Eneida*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 552 p.
- Weinrich, H. (1999). *Lete. Arte e critica dell'oblio*. Bologna, Il Mulino. 324 p.

The article was submitted on 19.08.2019

**ДЕЛО ОБ ОТРАВЛЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДЕВКИ
МАРФЫ ДОЧЬ ПЕТРОВОЙ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ ПОДДАННЫХ***

Алисе Плате

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**STATE INTEREST AND PUBLIC HEALTH:
THE CASE OF THE POISONING OF THE PEASANT
MAIDEN MARFA, DAUGHTER OF PETROV****

Alice Plate

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article uses the case of the “poisoning of the peasant maiden Marfa, the daughter of Petrov”, heard in the courts of Yekaterinburg in 1791, to demonstrate how practices of social disciplining based on Western European ideas of “medical Enlightenment” and “medical policy” might have worked in a Russian province. The prerequisite for the perception of such ideas was a fairly high educational level among the local officials involved into this case. But this is not the sole reason: a no-less-important role was played by a solid and (in many respects) unique communication field built on formal and informal networks that emerged due to the special status Yekaterinburg enjoyed as capital of the Ural mining industry, a regional educational centre and communications junction. Thus,

---

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.8064.2017/8.9 «Коммуникативные поля бытования инновационных процессов в России Нового времени: генезис, функционирование, трансформации» (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Автор выражает благодарность А. В. Келлеру, М. А. Киселеву и Я. А. Лазареву за помощь, ценные советы и критические замечания, которые помогли в работе над текстом.

** Citation: Plate, A. (2019). State Interest and Public Health: The Case of the *Poisoning of the Peasant Maiden Marfa, Daughter of Petrov*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1185–1198. DOI 10.15826/qr.2019.4.432.

Цитирование: Plate A. State Interest and Public Health: The Case of the *Poisoning of the Peasant Maiden Marfa, Daughter of Petrov* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1185–1198. DOI 10.15826/qr.2019.4.432 / Плате А. Дело об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой: государственная забота о здоровье подданных // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1185–1198. DOI 10.15826/qr.2019.4.432.

at the end of the 18th century visiting professional elites and local mining and state officials were not only connected through work, but also through shared leisure activities. It is very likely that with these “agents of Enlightenment” the views and knowledge that existed in Europe and the country’s capitals (including those about the “right” medicine) permeated into the provinces. As a result of this, the judges and the district doctor showed some legal ingenuity: in their struggle against unofficial medical treatment, they decided to achieve maximum disciplinary effect by mitigating the sentence. Therefore, they applied legislation not immediately related to the case. This was done in order to stigmatise illegal healing, since the few representatives of official medicine were incapable of withstanding competition from omnipresent quacks and sorcerers, who offered services to the common people by relying on their experience and intuition.

Keywords: history of medicine; medical police; social disciplining; provincial officialdom; reforms of Catherine II; 18th-century Urals.

На материалах дела «об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой», рассматривавшегося в 1791 г. в суде Екатеринбурга, показано, как в российской провинции работал механизм социального дисциплинирования, основанный на западноевропейских идеях «медицинского просвещения» и «медицинской полиции». Важной предпосылкой для восприятия подобных идей являлся относительно высокий образовательный уровень задействованных в решении данного судебного случая официальных лиц. Но не меньшую роль сыграло наличие стабильного, во многом уникального коммуникативного поля, сформировавшегося благодаря особенному статусу тогдашнего Екатеринбурга – столицы уральской горнозаводской промышленности, регионального образовательного центра и транспортного узла. Здесь в конце XVIII в. представителей приезжих профессиональных элит, с одной стороны, и уральское горное и гражданское чиновничество, с другой, связывали, помимо общей работы, неформальные досуговые практики. Вместе с «агентами просвещения», что весьма вероятно, транслировались в провинцию бытовавшие в ту пору в Европе и столицах страны взгляды и знания (в том числе и о «правильной» медицине). В результате этого судьи, объединившись с уездным врачом для достижения максимального дисциплинарного эффекта в борьбе с неофициальной медициной, проявили юридическую изобретательность для смягчения приговора. Местные чиновники подняли указы, не имевшие прямого отношения к такого рода делам. Все это делалось для стигматизации подобных практик, поскольку малочисленные представители официальной медицины просто физически не могли конкурировать с многочисленными народными целителями – знахарями, ведуньями или, как в рассматриваемом случае, простыми людьми, предлагавшими медицинские услуги, полагаясь на собственный опыт и интуицию.

Ключевые слова: история медицины; «медицинская полиция»; социальное дисциплинирование; провинциальное чиновничество; реформы Екатерины II; Урал в XVIII в.

Излечение человека от «страстей суеверия» воспринималось и врачами, и философами XVIII в. как их общая задача, которая могла быть решена на основе разума. Отталкиваясь от рассуждений И. Канта, немецкий врач Иоганн Карл Остерхаузен в 1798 г. писал: «Медицинское просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия в вопросах, касающихся его физического благополучия» [Osterhausen, S. 8–9]. В связи с этим важной задачей такого просвещения являлось отграничение лицензированной медицины – подлинной «носительницы правды и двигателя прогресса» – от традиционной народной медицины (своеобразного вместилища суеверий). Это подразумевало, наряду с «вытеснением суеверия и предрассудков в медицинских делах», ответственность за «разумное и целенаправленное поучение о настоящих ценностях здоровья и медицинской науки» [Hebenstreit, S. 175–176].

В России XVIII в. идеология медицинского просвещения западно-европейского образца стала официально признанной и транслировалась через соответствующие государственные учреждения. Особенно это касалось правления Екатерины II. Именно при ней вопросы здоровья и болезни стали ключевыми для «медицинской полиции» – специфической области государственного интереса, направленного на выработку и поддержание дисциплинарных практик в сфере оказания медицинских услуг. Вслед за Западной Европой в образованных кругах России утвердилось мнение, что «лучшим врачом по сохранению общественного здоровья является совместное применение государством медицинских и административных усилий». Об этом говорилось, в частности, в речи профессора Московского университета Франца Францевича Керестури «О медицинской полиции и ее использовании в России» в 1795 г. [цит. по: Гринзовский, с. 2–3].

Не случайно наряду с оказанием медицинской помощи врачам (как агентам государства) вменялось в обязанности осуществлять надзор за колодцами, составлять положения по диетологии, гигиене и предотвращению несчастных случаев. Представители официальной медицины учреждали карантинные станции, проводили прививочные кампании и противоэпидемические мероприятия, а также вели строгую отчетность перед Медицинской коллегией [Renner, S. 73, 109–129]. Лицензированные врачи должны были поддерживать монополию государства на изготовление лекарств, препятствовать реализации лекарств, не прошедших сертификацию, а также оказанию медицинских услуг неаттестованными лицами [ПСЗ-1, т. 9, № 6748; т. 10, № 7245; т. 13, № 9717; т. 14, № 10586; т. 15, № 10851; т. 16, № 11728, 11908; т. 21, № 15279; т. 22; № 15915]. Их главными конкурентами были различного рода народные целители (ведуньи, знахари, а также лица, иногда занимавшиеся лечением) [Голикова, с. 93]. Борясь с незаконным лечением и его возможными последствиями, правительство требовало от Медицинской коллегии предотвратить вред, «который от так называемых эмпириков и шарлатанов происходить может»

[ПСЗ-1, т. 22, № 15963]. К концу XVIII в. стараниями правительства в России появилась группа врачей-экспертов, обладавших элитарным комплексом новых знаний о человеке [Renner, S. 214]. Однако о повсеместном распространении медицинской полиции не могло быть и речи. Для этого не было достаточного количества соответствующего персонала. На начало XIX в. на российской военной и гражданской службе состояло 1519 врачей и лекарей. С учетом общей численности населения империи в 41,2 млн чел. (на 1795 г.) на одного врача/лекаря приходилось около 27,1 тыс. потенциальных пациентов [Миранов, с. 12–13]. В связи с этим возникает проблема, каким образом малочисленные агенты государства поддерживали дисциплинарные практики в сфере оказания медицинских услуг и противостояли негосударственным конкурентам, заботясь о здоровье подданных. Дело «об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой» позволяет частично ее прояснить.

Выявленный случай по-своему уникален. Согласно Е. Б. Смилянской, к настоящему времени известны за весь XVIII в. не более 40 случаев нелегального лечения, зафиксированных в официальных документах. Соответственно, у историков в распоряжении не так много информации по данной теме, особенно иллюстрирующей борьбу за здоровье подданных в провинции. Малочисленность зарегистрированных случаев объяснялась тем, что народные целители пользовались серьезным авторитетом. Этому способствовали недоступность по разным причинам официальной медицины и/или недоверие к институтам власти. Обычным делом было дополнительно к посещению врача обращаться за помощью к представителям традиционной медицины. Следовательно, готовность местного населения докладывать государственным органам о нарушении медицинско-полицейских норм была крайне низкой [Голикова, с. 94; Смилянская, с. 72–82; Renner, S. 214–263].

Итак, 20 мая 1791 г. уездный врач Август Фелькнер на освидетельствовании одного случая, закончившегося летальным исходом, удостоверял собравшихся, что «сия скоропостижная смерть... приключалась от действия так называемого лекарства» [ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л. 5]. Фелькнер совершил все необходимые процедуры согласно действующему законодательству, которое предписывало проведение судебно-медицинской экспертизы в случае насильственной смерти. Для выполнения этой рутинной работы уездного врача вызвал земский исправник Екатеринбург [ПСЗ-1, т. 5, № 3006, ст. 154]. Выводы, сделанные Фелькнером, стали частью дела «об отравлении», рассматривавшегося весной 1791 г. в судебных учреждениях Екатеринбург. Поводом для начала уголовного процесса стала трагически закончившаяся попытка оказания неквалифицированных медицинских услуг на дому.

Суть дела заключалась в следующем. Гостившая у родственницы в Сысертском заводе жена отставного мастерового Верх-Исетского завода некая Акулина Зырянова узнала о болезни «крестьянской

девки». Она посоветовала девушке лечиться от лихорадки размоченным в воде табаком, так как это средство, по ее утверждению, было успешно испробовано на других больных. Поскольку болевшая крестьянка колебалась, Акулина Зырянова взяла на себя инициативу – приобрела табак и приготовила лечебное зелье. После употребления этого «лекарства» больная сразу же ощутила симптомы тяжелейшего отравления. Но это не остановило Акулину Зырянову. Она растворила оставшийся в стакане табак и снова подала его больной. Вскоре та пожаловалась на сильный озноб, попросила накинуть на нее шубу. В итоге у нее «пошла из рту пена, и чрез четверть часа она девка померла» [ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л. 6]. О происшествии местные жители доложили в Сысертскую заводскую контору. В свою очередь, сотрудники конторы обратились в компетентные государственные инстанции. Екатеринбургский нижний земский суд (судебно-административный и полицейский орган) квалифицировал случай как «душегубство», а нижняя расправа (сословный суд), которой затем было передано дело, как незаконное и поэтому «непозволенное лечение» [Там же, л. 13]. Кассационные суды Екатеринбурга и Перми (инстанции, по которым дело проходило в последующие месяцы), утвердили приговор нижней расправы [Там же, л. 1–11].

Возникает вопрос, на основании каких аргументов очевидное «душегубство» было перекалифицировано в менее тяжкое преступление, если учесть, что Акулина Зырянова не была местной влиятельной персоной? И не было ли в этом ущерба государственному интересу по защите здоровья подданных? Ответ следует искать в биографиях судебных чиновников и культурно-политической специфике Среднего Урала.

На Среднем Урале, где губернская реформа Екатерины была осуществлена в 1781 г., на протяжении первого года преобразований все 90 медицинских должностей оставались вакантными (данные относятся к Пермскому наместничеству (1791–1797 гг.) [ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 4–15 об.]¹. Перевод на Урал не пользовался популярностью среди врачей, получивших образование за рубежом или в столичных медицинских учреждениях. Потенциальных кандидатов пугали не только суровый климат и отдаленность региона, но и малочисленность пациентов для побочного заработка. Во многом из-за отмеченных особенностей генерал-губернатор Е. П. Кашкин инициировал меры рекрутинга медицинских кадров: желающим перевестись на Урал выплачивался двойной оклад. Кроме того, Кашкин добился разрешения комплектовать амбулатории менее квалифицированными штаб-лекарями [Шестова, с. 76]. Благодаря этому к 1787 г. удалось занять почти 20 медицинских должностей (то есть 1 чел. (врач или

---

¹ О географическом определении понятия Среднего Урала см.: [Соловьева, с. 139, 147–148].

лекарь) на 49,2 тыс. чел. населения) [Селезнева, с. 13–15]². Одним из позитивных следствий кадровой политики Кашкина стало появление на Среднем Урале немецкого врача Августа Фелькнера. Однако, если учесть масштаб вверенной ему территории, сложно понять, каким образом Фелькнер (как агент государства) мог принимать на себя коммуникативные функции в распространении идей медицинского просвещения среди населения³. Насколько стремление «перевоспитывать», возникшее в правящих верхах под влиянием европейского идейного трансфера, определяло взгляды нестоличного чиновничества? В этой связи мы должны обратиться к деталям дела «об отравлении».

В Екатеринбургском нижнем земском суде преступление, обстоятельства которого были описаны выше, квалифицировалось вопреки свидетельским показаниям. Несчастному случаю никакой конфликт не предшествовал. Вызванные на место происшествия заседатели суда приказали провести очные ставки, и всем участникам было велено присягнуть. 22 мая 1791 г. земский исправник прапорщик Григорий Клепинин подписал приговор о совершении «душегубства». Согласно действовавшему законодательству (гл. 22, п. 14 и 23 Соборного уложения 1649 г., а также ст. 162 Воинского артикула и гл. 15, п. 104 Морского устава 1715 и 1720 гг.), за совершение умышленного убийства путем отравления предусматривалась смертная казнь. А с учетом Сенатского указа от 30 сентября 1754 г., фактически отменившего смертную казнь, приговор был смягчен. Нижний земский суд рекомендовал наказать Акулину Зырянову 15 ударами кнутом [ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л. 6–7]. Однако Екатеринбургская нижняя расправа не согласилось с подобным вердиктом. Проступок Акулины Зыряновой был оценен как наказуемый, но по разряду оказания квалифицированных медицинских услуг («в непозволенном ей деле») [Там же, л. 14]. Более того, самой потерпевшей были посмертно предъявлены встречные обвинения. По мнению судьи прапорщика Алексея Токарева, ее вина заключалась в том, что она не воспользовалась услугами государственной («правильной») медицины, а также в признании целебных свойств приготовленного «лекарства», «когда при Сысертском заводе есть вполне свидетельствованный лекарь». С Акулины Зыряновой было снято подозрение в совершении убийства. Вместо этого она была привлечена к ответственности за нелегальную врачебную деятельность. При вынесении приговора нижняя расправа руководствовалась нормами права, содержащимися в именных указах «О запрещении медицинской практики людям, не имеющим

---

² Цифры взяты из статьи И. Г. Балбашевского, ссылавшегося на данные IV ревизии (1781–1787 гг.). Тогда население в Пермском наместничестве составляло 789 тыс. чел. [Балбашевский, с. 32].

³ В конце 1780-х гг. доктор Фелькнер отвечал за медицинское обслуживание как в Екатеринбургском, так и в соседнем Камышловском уезде, население которых (с уездными центрами) составляло, по данным IV ревизии, 60,4 тыс. душ м. п. [Балбашевский, с. 42, 44].

свидетельств в знании Медицины» (1729) и «О свидетельствовании врачей, неимеющих дозволения от Медицинской Коллегии на лечение» (1784). Суд пришел к решению, что «злоумышленность нашлась только в непозволенном ей деле, да чего без медицинского чина», и рекомендовал наказать подсудимую битьем плетьюми [ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л. 13]. Апелляционные суды – Екатеринбургская верхняя расправа и Уголовная палата Перми – признали обоснованным решение нижней расправы. В начале сентября 1791 г. дело Акулины Зыряновой было возвращено в Екатеринбург со следующим примечанием: наказать плетьюми «при собрании народных в страх других... чтобы она впредь такого лечения не производила» [Там же. Л. 1].

Таким образом, для судебных чиновников приоритетным было не просто наказание за преступное деяние, а дисциплинирование («в страх других») и тех, кто планировали продолжать вести незаконную практику, и тех, кто думали и дальше прибегать к услугам негосударственных (нелегальных) врачей. Во многом по этой причине данное дело было переклассифицировано с более тяжелой статьи («душегубство») на более мягкую, а потерпевшей посмертно были выдвинуты обвинения в одобрении нелегальных врачебных практик. На этом основании стоит полагать, что дело «об отравлении крестьянской девки» стало поводом для обсуждений и дискуссий в кругах местных судебных чиновников. Попытаемся очертить их круг.

Как уже упоминалось, свидетельство о смерти «крестьянской девки» подписал доктор Август Фелькнер. Тот являлся не только квалифицированным и опытным врачом, а и всесторонне образованным человеком. Сын штаб-офицера немецкого происхождения родился в 1760 г. в Санкт-Петербурге. Свою медицинскую карьеру Фелькнер начал в 14-летнем возрасте: сначала он поступил волонтером в главную аптеку родного города, потом служил подлекарем в сухопутном госпитале и при Инженерном кадетском корпусе. В 18 лет его за счет казны отправили для продолжения учебы за границу, в центры европейского просвещения. Он посещал лекции в университетах Геттингена, Вены, Парижа и Страсбурга, где ему 27 апреля 1785 г. было присвоено звание доктора медицины. Вернувшись в Россию, он продолжил карьеру на государственной службе. 3 февраля 1786 г. Медицинская коллегия подтвердила полученный им за рубежом титул и отправила его в восточную часть страны – в Иркутскую губернию, а спустя год он был переведен на Урал. Там он стал руководителем екатеринбургского госпиталя, занимал должность уездного врача, и к тому же с 1798 по 1804 г. работал заводским доктором на Екатеринбургских горных заводах. В 1792 г. его избрали членом императорского вольного экономического общества, спустя еще четыре года он получил чин надворного советника и стал потомственным дворянином [Тулисов, с. 189]. Кроме того, Фелькнер принадлежал к социальным верхам екатеринбургского общества – немец по происхождению, хорошо говоривший по-русски, он пользовался полным

доверием своих пациентов, они же приглашали его в лучшие дома города, и здесь высказанное им мнение имело значение [Байдин, с. 117, 119, 121, 124, 135].

Вполне возможно, его заключение, что смерть «приключалась от действия так называемого лекарства», стало поводом переосмыслить суть происшествия и рассмотреть его с другой точки зрения [ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л. 5]. По нашему мнению, заключение Фелькнера позволяет предположить, что умерла больная не потому, что не знала о наличии в заводском поселке лекаря, а из-за того, что не доверила свое лечение представителю официальной медицины, основанной на научных методах. Каким же образом судебские чиновники смогли принять точку зрения немецкого врача?

Идеи, стоящие за нормами медицинско-полицейского законодательства, были им, скорее всего, знакомы, или по меньшей мере они были хотя бы открыты подобным представлениям.

Несмотря на географическую удаленность от столиц, в рассматриваемый период Средний Урал нельзя было назвать отдаленным регионом. С 1720-х гг. Екатеринбург был центром уральского горного управления – местом притяжения горных специалистов, как зарубежных, так и приехавших из старых металлургических районов Тулы, Олонца и Подмосковья. На торговых площадях можно было встретить не только местных купцов, но и иногородних и иностранных. По тогдашним меркам город был региональным образовательным центром, в котором уже к концу первой трети XVIII в. действовало несколько школ разных ведомств и профилей. Экономическому развитию города благоприятствовало принятое в 1763 г. решение о переносе на юг Сибирского тракта. Теперь Екатеринбург находился на главном торговом пути, связывавшем европейскую часть страны с Сибирью. Это выгодное положение еще больше укрепилось в 1781 г. с официальным открытием новой Большой почтовой дороги, соединившей Пермь, Кунгур, Екатеринбург и Камышлов. На рубеже XVIII–XIX вв. в Екатеринбурге числилось около 10 тыс. жителей обоего пола. Таким образом, он занимал второе место среди уральских городов после Оренбурга [История Урала, с. 289–290; Корепанов, с. 9–10, 232–233; Сафронова, с. 16–18].

Среди земских исправников региона государственный обвинитель прапорщик Григорий Клепинин (1756–1823) был незаурядной личностью. Он получил семилетнее школьное образование, обеспечившее ему карьеру в горном ведомстве. В 1771 г. он поступил на службу в ранге маркшейдерского ученика и вскоре был повышен до унтершихтмейстера 1-го класса. Губернская реформа ускорила его карьеру. В 26-летнем возрасте он был назначен землемером города Кунгура, в 1786 г. последовало награждение чином прапорщика, затем в 1794 г. он стал титулярным советником. Должность земского исправника в Екатеринбурге он занимал с 1790 по 1796 г. Удачный брак с Настасьей Андреевной Копыловой укрепил его положение

в обществе. Г. Клепинин был состоятельным человеком, независимым от государственного жалованья. В 1793 г. он купил помещичью землю на юге Екатеринбургского уезда недалеко от Тюбука и основал село Никольское, куда поселил крепостных крестьян из черноземных губерний, купленных на имя жены [Микитюк, с. 66]. В екатеринбургском обществе он был уважаемым человеком, которого звали на ужины и другие домашние развлечения и который, в свою очередь, приглашал на балы в свой дом [Байдин, с. 121, 130, 133].

Чиновники кассационных судов, рассматривавшие дело «об отравлении», были зачастую приезжими людьми из других регионов империи с различными жизненными траекториями, будь то происхождение, образование, прежние места службы, участие в военных кампаниях. Эти чиновники, происходившие из иного социокультурного окружения и контактировавшие с представителями местного населения, могли раздвигать границы их представлений. Председатель Екатеринбургской верхней расправы надворный советник Алексей Михайлов, бывший судья судных и земских дел, был ветераном Семилетней войны [ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 112. Л. 66]. Некоренными уральцами являлись судьи Пермской уголовной палаты. Карьера председателя учреждения статского советника Андрея Ивановича Орлова начиналась в Санкт-Петербурге в Святейшем Синоде [см.: Егошихинское кладбище Перми]. Его прямой подчиненный надворный советник Елисей Чадин, выходец из дворянского рода Костромской губернии, являлся участником военных действий, приведших к первому разделу Польши (1772), и Русско-турецкой войны (1768–1774), побывал в Прибалтике, Молдавии и Крыму. Покинув военную службу в 1778 г. в ранге секунд-майора, Чадин перевелся в Пермскую провинцию на должность смотрителя на Дедюхинских соляных промыслах. Место в Уголовной палате он получил в 1783 г. [Корчагин, с. 90–92]. Помимо собственно судебных чиновников, екатеринбургское высшее общество составляли члены таких влиятельных заводских семей, как поручик Александр Сергеевич Ширяев, помещик и, вероятно, родственник владельца Верхне- и Нижне-Исетских заводов, представители известных купеческих семей Казанцевых, Рязановых и Тарасовых, главный управитель Верх-Исетского завода Григорий Федотович Зотов, а также коллежский советник Иван Кузьмич Савков, член Екатеринбургской монетной экспедиции [Байдин, с. 141; Главы городского самоуправления, с. 52–53, 58–63; Ларионова; Трусов, с. 229–230]. В лучших кругах общества встречались высокопоставленные чиновники, например комендант города и будущий губернатор Вологодской губернии Карл Иванович фон Линеман (1748–1818), генерал-лейтенант Яков Васильевич Боувер, шеф Екатеринбургского мушкетерского полка в 1796–1798 гг. и родной брат губернатора Олонецкого наместничества [Егошихинское кладбище Перми; Подмазо; Словарь русских генералов, с. 485–486]. Входили в общество лица, известные за пределами Урала, занимавшие тогда ключевые пози-

ции в горнозаводской администрации. Лидирует в «списках гостей» Аникита Сергеевич Ярцов (1737–1819), выдающийся деятель горнозаводской промышленности, первый Екатеринбургский выпускник Московского университета, а в рассматриваемый период – глава Канцелярии главных заводов правления [Пензин, 2001, с. 315–328]. Упоминаются член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук Иван Иванович Леман (1756–1804) – минералог, химик и переводчик в Коллегии иностранных дел, а также горный инженер Иван Филиппович Герман, профессор Венской академии наук, в 1784–1796 и 1801–1805 гг. руководитель экспедиции по Уральским и Сибирским горнозаводским округам и с 1801 г. начальник Екатеринбургского горного правления [Пензин, 2000, с. 147; Lehmann Ivan Ivanovič].

Несмотря на сравнительно немногочисленное высшее общество Екатеринбурга, круг общения был довольно широким и выходил за его рамки. Наряду с городской элитой, светские мероприятия посещали гражданские и горные чиновники среднего звена – капитаны, берггешворены, гиттенфервальтеры, титулярные советники, а порой губернские секретари и унтершхтмейстеры – представители духовенства и медицинских профессий [Байдин, с. 114–143]. Таким образом, формировалось новое коммуникативное поле. В гостях – на обедах, ужинах или балах, во время вечерней игры в карты и совместных прогулок на санях – люди общались, обменивались мнениями и, что неизбежно, вольно или невольно оказывали влияние на формирование представлений друг друга. Идеи, взгляды и убеждения, бытовавшие тогда в обществах Западной Европы и российских столиц, проникали в провинцию.

Важным свидетельством для реконструкции подобного рода досуговых практик в Екатеринбурге служит дневник священника Ф. Л. Карпинского (1758–1824) за 1798–1807 гг. – в своем роде уникальный источник, так как других более-менее подробных источников личного происхождения просто не имеется [Байдин]. С 1787 г. Карпинский занимал должность одного из присутствующих Екатеринбургского духовного правления. По своему складу он был исключительно начитанным и коммуникабельным, любил душевные беседы и шумное веселье, поэтому легко находил общий язык со многими людьми. Гостей священник принимал в своем доме почти ежедневно, и в другие дома его приглашали охотно [Там же]. Благодаря его дневнику выстраивается примерная картина того, как неформальные досуговые практики могли объединять уездного врача Фелькнера и представителей местных судов. Доктор медицины немецкого происхождения и уральские чиновники посещали одни и те же светские мероприятия, у них было множество общих знакомых, и, возможно, лично знакомыми являлись и они.

Следовательно, в рамках отмеченного коммуникативного поля, сформированного местными судебскими и городскими верхами, в провинцию проникали и усваивались идеи «медицинской по-

лиции». Вероятно, это позволило чиновникам, рассматривавшим дело «об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой», понять, что первоначальное решение, выдвинутое Г. Клепиным, не привело бы к достижению желаемого дисциплинирующего эффекта. Последнее объяснялось нетипичностью подобного дела для местной (и даже общеимперской) практики, так как еще была сильна вера в силу традиционной медицины. Для легитимизации от имени государства более мягкой статьи за содеянное и публично-го наказания судейские чиновники вместе с врачом А. Фелькнером проявили недюжинную юридическую изобретательность, подняв указы, не имевшие прямого отношения к такого рода делам. Данный факт показывает наличие определенной (неформальной) свободы у агентов государства при выработке норм и решений. Несмотря на такое «нормотворчество», сохранялась видимость справедливого наказания от имени государства, хотя в реальности своеобразный стговор местных чиновников, разделявших идеи «медицинской полиции», позволил переформатировать рассмотренное дело в более действенный инструмент государственного контроля и социального дисциплинирования.

Список литературы

- Байдин В. И. и др.* Дневник священника // Урал. ист. вестн. 1995. № 2. С. 114–143.
- Балбашевский Г. И.* Исторический очерк гражданского устройства Пермского края // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. Пермь : Тип. П. Ф. Каменского, 1892. С. 24–47
- ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47, 112.
- ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11.
- Главы городского самоуправления Екатеринбурга : Исторические очерки. Екатеринбург : У-Фактория, 2003. 264 с.
- Голикова С. В.* Традиционное врачевание в повседневной жизни уральского города XIX – начала XX в. // Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности : сб. ст. / под ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2001. С. 93–107.
- Гринзовский А. М.* Медицинская полиция как междисциплинарная комплексная государственная доктрина сохранения общественного здоровья в XVIII – начале XX века // Актуальні проблеми сучасної медицини : Вісн. україської медичної і стоматологічної академії. Т. 14. 2014. № 2 (46). С. 1–6.
- Егошихинское кладбище Перми // Генеалогический форум ВГД : [сайт]. URL: <http://forum.vgd.ru/345/19439/10.htm> (дата обращения: 17.04.2019).
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. / под ред. А. А. Преображенского. М. : Наука, 1989. 608 с.
- Корепанов Н. С.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). Екатеринбург : Банк культур. информации, 2001. 251 с.
- Корчагин П. А.* Замечательные дома Перми // Пермский дом в истории и культуре края : материалы Шестой науч.-практ. конф. Пермь : Центр. гор. б-ка им. А. С. Пушкина, 2013. С. 89–114.
- Ларионова М. Б.* Село Тюбук Екатеринбургского уезда и его владельцы // Каслинский городской портал : [сайт]. URL: http://дк-родники.рф/fsmf/Almanach_02_18.htm (дата обращения: 17.04.2019).
- Микитюк В. П.* Дворянский род Клепичиных // Помещик. 2005. № 9. С. 66–69.

Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

Пензин Э. А. И. Ф. Герман // Уральская историческая энциклопедия / под ред. В. В. Алексеева. 2-е изд. Екатеринбург : Академкнига, 2000. С. 147.

Пензин Э. А. А. С. Ярцов – горный деятель и ученый // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4. Евразийское пограничье. С. 315–328.

Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825) // Музеи России : [сайт]. URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/shefcom_e.html#Ekaterinburgski_mush_p (дата обращения: 17.04.2019).

ПСЗ. Собр. 1. Т. 5, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 21, 22.

Сафронова А. М. Екатеринбург как центр образования на Урале в XVIII в. // Екатеринбург в прошлом и настоящем : материалы науч. конф., посв. 270-летию города. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1993. С. 16–18.

Селезнева В. Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь : Перм. гос. мед. акад., 1997. 124 с.

Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Рос. архив. Т. 7. М. : Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. 464 с.

Смилянская Е. Б. Магическое целительство, или ведьмы, знахари и клирики как лекари в России XVIII века // Отеч. зап. 2006. № 1. С. 72–82.

Соловьева Т. В. Административно-территориальное деление Свердловской области в исторической ретроспективе // Документ. Архив. История. Современность. 2013. Вып. 13. С. 137–170.

Трусов В. А. Семья Зотовых // Урал индустриальный : Бакунинские чтения : материалы VIII Всерос. науч. конф., 27–28 апреля 2007 г. : в 2 т. Екатеринбург : АМБ, 2007. Т. 1. С. 129–130.

Тулисов Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 1999. 368 с.

Шестова Т. Ю. Становление и развитие здравоохранения Урала в XVIII – начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Пермь : [Б. и.], 2004. 525 с.

Hebenstreit E. B. G. Lehrsätze der medizinischen Polizeywissenschaft. Leipzig : Dyk, 1791. 266 S.

Lehmann Johann Christian / Ivan Ivanovič // Leibniz-Institut für Ost- und Südost- Europaforschung : [website]. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=29848> (mode of access: 17.04.2019).

Osterhausen J. K. Über die medicinische Aufklärung. Zürich : Gessner, 1798. Bd. 1. 74 S.

Renner A. Russische Autokratie und europäische Medizin : Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert // Medizin, Gesellschaft und Geschichte. Vol. 34. Stuttgart : Steiner, 2010. 373 S.

References

Baidin, V. I. et al. (1995). Dnevnik Svyashennika [Diary of a Clergyman]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 2, pp. 114–143.

Balbashevskii, G. I. (1892). Istoricheskii ocherk grazhdanskogo ustroistva Permskogo kraja [Historical Outline of the Civil Structure of Perm Region]. In *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar 'Permskoi gubernii na 1891 god*. Perm, Tipografiya P. F. Kamenskogo, pp. 24–47.

Egoshikhinskoe kladbishche Permi [Yegoshikhinsky Cemetery of Perm]. In *Genealogicheskii forum VGD* [website]. URL: <http://forum.vgd.ru/345/19439/10.htm> (mode of access: 17.04.2019).

GAPK [State Archive of Perm Region]. Stock 316. List 1. Dos. 47, 112.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 591. List 1. Dos. 11.

Glavy gorodskogo samoupravleniya Ekaterinburga. Istoricheskie ocherki [Heads of the Yekaterinburg City Administration. Historical Sketches]. (2003). Yekaterinburg, U-Faktoriya. 264 p.

Golikova, S. V. (2001). Traditsionnoe vrachevanie v povsednevnoi zhizni ural'skogo goroda XIX – nachala XX v. [Traditional Healing in the Daily Life in a Ural City of the 19th – Early 20th Centuries]. In Minenko, N. A. (Ed.). *Ural'skii gorod XVIII – nachala XX v.: istoriya povsednevnosti*. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 93–107.

Grinzovskii, A. M. (2014). Meditsinskaya politsiya kak mezhdistsiplinarnaya kompleksnaya gosudarstvennaya doktrina sokhraneniya obshchestvennogo zdorov'ya v XVIII – nachale XX veka [Medical Police as an Interdisciplinary Comprehensive State Doctrine for Maintaining Public Health in the 18th – Early 20th Centuries]. In *Aktual'ni problemi suchasnoi meditsini*. *Visnik ukra'is'koï medichnoi i stomatologichnoi akademii*. Vol. 14. No. 2 (46), pp. 1–6.

Hebenstreit, E. B. G. (1791). *Lehrsätze der medizinischen Polizeywissenschaft*. Leipzig, Dyk. 266 S.

Korchagin, P. A. (2013). Zamechatel'nye doma Permi [Remarkable Houses of Perm]. In *Permskii dom v istorii i kul'ture kraya. Materialy Shestoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Perm : Tsentral'naya gorodskaya biblioteka imeni A. S. Pushkina, pp. 89–114.

Korepanov, N. S. (2001). *V rannem Ekaterinburge (1723–1781 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723–1781)]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 251 p.

Larionova, M. B. (N. d.). Selo Tyubuk Ekaterinburgskogo uезда i ego vladel'tsy [The Village of Tyubuk in Yekaterinburg District and its Owners]. In *Kaslinskii gorodskoi portal* [website]. URL: http://дк-родники.рф/fsmf/Almanach_02_18.htm (mode of access: 14.04.2019).

Lehmann Johann Christian / Ivan Ivanovič. In *Leibniz-Institut für Ost- und Südost-Europaforschung* [website]. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=29848> (mode of access: 17.04.2019).

Mikityuk, V. P. (2005). Dvoryanskii rod Klepininykh [The Noble Klepinin Family]. In *Pomeshchik*. No. 9, pp. 66–69.

Mironov, B. N. (2017). *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiiskoi imperii* [Administration of the Ethnic Diversity of the Russian Empire]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 640 p.

Osterhausen, J. K. (1798). *Über die medicinische Aufklärung*. Zürich, Gessner. Bd. 1. 74 S.
Penzin, E. A. (2000). I. F. German [I. F. German]. In Alekseev, V. V. (Ed.). *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya*. Yekaterinburg, Akademkniga, p. 147.

Penzin, E. A. (2001). A. S. Yartsov – gornyi deyatel' i uchenyi [A. S. Yartsov – Mining Luminary and Scientist]. In *Problemy istorii Rossii*. Yekaterinburg, Volot. Iss. 4. Evraziiskoe pogranič'e, pp. 315–328.

Podmazo, A. (N. d.). Shefy i komandiry reguljarnykh polkov russkoi armii (1796–1825) [Chiefs and Commanders of the Regular Regiments in the Russian Army (1796–1825)]. In *Muzei Rossii* [website] URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/shefcom_e.html#Ekaterinburgski_mush_p (mode of access: 17.04.2019).

Preobrazhenskii, A. A. (Ed.). (1989). *Istoriya Urala s drevneishikh vremen do 1861 g.* [The History of the Urals from Ancient Times until 1861]. Moscow, Nauka. 608 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. First Collection. Vol. 5, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 21, 22.

Renner, A. (2010). Russische Autokratie und europäische Medizin. Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert. In *Medizin, Gesellschaft und Geschichte*. Vol. 34. Stuttgart, Steiner. 373 S.

Safronova, A. M. (1993). Ekaterinburg kak tsentr obrazovaniya na Urale v XVIII v. [Yekaterinburg as a Centre of Education of the Urals in the 18th Century]. In *Ekaterinburg v proshlom i nastoyashchem. Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 270-letiyu goroda*. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi universitet imeni A. M. Gor'kogo, pp. 16–18.

Selezneva, V. T. (1997). *Ocherki po istorii meditsiny v Permskoi gubernii* [An Outline of the History of Medicine in Perm Province]. Perm, Permskaya gosudarstvennaya meditsinskaya akademiya. 124 p.

Shestova, T. Yu. (2004). *Stanovlenie i razvitie zdavookhraneniya Urala v XVIII – nachale XX vv.* [The Formation and Development of Healthcare in the Urals in the 18th – Early 20th Centuries]. Dis. ... doktora istorich. nauk. Perm, S. n. 525 p.

Slovar' russkikh generalov, uchastnikov boevykh deistvii protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812–1815 gg. [Encyclopaedia of Russian Generals, Participants in the Hostilities against the Army of Napoleon Bonaparte in 1812–1815]. (1996). In *Rossiiskii arkhiv*. Vol. 7. Moscow, Studiya "TRITE" N. Mikhalkova. 464 p.

Smiliyanskaya, E. B. (2006). Magicheskoe tselitel'stvo, ili ved'my, znakhari i kliriki kak lekari v Rossii XVIII veka [Magical Healing, or Witches, Quacks, and Clerics as Healers in 18th-Century Russia]. In *Otechestvennyye zapiski*. No. 1, pp. 72–82.

Solov'eva, T. V. (2013). Administrativno-territorial'noe delenie Sverdlovskoi oblasti v istoricheskoi retrospektive [Administrative Division of Sverdlovsk Region in Historical Retrospective]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Iss. 13, pp. 137–170.

Trusov, V. A. (2007). Sem'ya Zotovykh [The Zotov Family]. In *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Materialy VIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 27–28 aprelya 2007 g. v 2 t.* Yekaterinburg, AMB. Vol. 1, pp. 129–130.

Tulisov, E. S. (1999). *Istoriya upravleniya gornozavodskoi promyshlennost'yu Urala na rubezhe XVIII i XIX vekov* [The History of the Administration of the Mining Industry in the Urals at the Turn of the 19th Century]. Yekaterinburg, Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniya RAN. 368 p.

The article was submitted on 17.05.2019

**НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ:
ПОГРАНИЧНЫЙ УРАЛ
В ТАНАТОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ***

Дмитрий Бугров

Екатерина Бугрова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**BETWEEN LIFE AND DEATH:
THE BORDERLINE URALS
IN THANATOLOGICAL CULTURE**

Dmitry Bugrov

Ekaterina Bugrova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The space of the Urals is analysed through the prism of thanatological studies. The paper emphasises the significance of the phenomenon of death / dying in the understanding of local identity. The authors provide a concept of the Urals as a multi-level frontier, including not only geographical, ethnocultural, and socio-economic dimensions, but also a metaphysical frontier between the world of the living and the world of the dead, the real and the surreal. A specific tradition developed in the region due to the historical peculiarities of adaptation that generations of immigrants had to go through to become accustomed to severe climatic, social, and economic conditions: the gloomy, the anxious, and even the terrible becomes commonplace in the minds of Ural inhabitants; death is regarded as something ordinary and not extraordinary, as a familiar portal for transition into non-being, not as an unfamiliar or frightening state. At the same time, a constant stay

---

* *Citation:* Bugrov, D., Bugrova, E. (2019). Between Life and Death: The Borderline Urals in Thanatological Culture. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1199–1213. DOI 10.15826/qr.2019.4.433.

Цитирование: Бугров Д., Бугрова Е. Between Life and Death: The Borderline Urals in Thanatological Culture // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1199–1213. DOI 10.15826/qr.2019.4.433 / Бугров Д., Бугрова Е. На грани Жизни и Смерти: пограничный Урал в танатологической культуре // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1199–1213. DOI 10.15826/qr.2019.4.433.

at the edge of life and death, on the border of the known and the unknown, forges a unique Ural character that helps overcome real difficulties and hardships, resist the challenges of nature and fate, and, ultimately, defeat unfavourable circumstances again and again in the quest to find light in life. Practical issues receive special attention in the paper as it considers the possibilities of developing so-called dark tourism in the Central Urals as a way of presenting a special local cultural code that includes such important elements as willingness to overcome difficulties, the sense of a frontier, and conscious coexistence with death, which is initially present nearby. Allegorically, such a cultural code may be compared to the worldview of fort guards or people living by the ocean at the far reaches of the Earth. Unusual discourses and the commodification of death are common for the Urals and reflect the potential of dark (and in general – cultural) tourism in the region. It is already a unique product, even though demand for it is still spontaneous and haphazard.

Keywords: Ural identity; mortality; dark tourism; death studies; space conceptualization; frontier.

Пространство Урала рассматривается в рамках танатологических исследований. Показана важность феномена смерти/умирания в понимании локальной идентичности. Предлагается концепция Урала как многоуровневой границы, включающей в себя не только природно-географические, этнокультурные, социально-экономические измерения, но и метафизический рубеж между миром живых и миром мертвых, реальным и ирреальным. Вследствие исторических особенностей адаптации поколений переселенцев к жизни в сложных климатических, социальных, экономических условиях складывается специфическая традиция: мрачное, тревожное и даже ужасное становится обыденным в сознании жителей Урала, смерть воспринимается ими как нечто бытовое, а не экстраординарное, как привычно используемый портал для перехода в инобытие, а не как незнакомое и потому пугающее состояние. В то же время постоянное пребывание на рубеже жизни и смерти, на границе познанного и неизведанного выковывает своеобразный уральский характер, позволяющий преодолевать реальные трудности и лишения, противостоять вызовам природы и судьбы, в конечном счете в своем стремлении к свету вновь и вновь побеждать неблагоприятные обстоятельства. Существенное внимание уделяется практическим вопросам – возможности развития на Среднем Урале так называемого мрачного туризма как способа презентации особого местного культурного кода, включающего в себя такие элементы, как готовность к преодолению, ощущение приграничности, осознанное сосуществование со смертью, которая изначально присутствует где-то неподалеку. Аллегорически такой культурный код можно уподобить мироощущению стражей, несущих дозор на крепостной стене, или жителей побережья океана на краю земли. Необычные дискурс

и практика коммодификации смерти, характерные именно для Урала, отражают сложившийся в регионе потенциал мрачного (а если брать шире, то в целом – культурного) туризма и уже формируют в известной степени уникальный продукт, востребованный пока относительно стихийно и бессистемно.

Ключевые слова: уральская идентичность; смертность; сумрачный туризм; death studies; концептуализация пространства; граница.

Пограничные мифологемы Урала

Тема смерти – одна из самых сложных и неоднозначных, которая вызывает у человека одновременно и страх, и любопытство. Персонификация смерти присутствует во многих мифологиях, и ее образ значим для культуры. Однако вплоть до 1970-х гг. исследования антропологов, связанные со смертью, не содержали в себе каких-либо единых концепций и подходов к изучению этого явления. Основой для развития научного интереса к указанной теме служили работы социологов, психологов и психиатров, занимавшихся ее культурологическими аспектами [Palgi, Abramovitch]. Можно назвать немало ставших классическими работ, касающихся изучения смерти (см., например: [Тайлор; Фрезер; Дюркгейм; Герц; ван Геннеп; Фрейд]), но особый интерес вызывает обращение к восприятию феномена смерти именно в современном мире с такими его актуальными приметами, как глобализация, информатизация, экспансия экономики услуг.

Для общества постмодерна во многом характерно явление *отрицания смерти*, популяризированное Эрнестом Беккером в примечательной одноименной работе (1973) [Becker]. Об этом же говорит в своем знаменитом труде «Человек перед лицом смерти» (1977) и Филипп Арьес, указывая на распространение модели *перевернутой смерти*, запретной, вытесненной из публичного пространства, на триумф медиализации и отказ современного общества принимать смерть как нечто естественное [Арьес]. Ряд ученых задокументировали различные способы, с помощью которых сегодня в социуме пытаются отрицать смерть (например, табу на публичные дискуссии о смерти и умирании, использование эвфемизмов и т. д.). Однако при этом, как отмечает Кит Деркин, можно говорить и об увлеченности смертью и связанными с ней явлениями – подобные темы стали важной и неотъемлемой частью современной массовой культуры. Автор констатирует, что в большом количестве художественных фильмов делается акцент на смерти/умирании (главным образом это касается фильмов ужасов), обращение к теме смерти стало традиционным также для музыки, в том числе и для современных поп- и рок-исполнителей [Durkin].

Для некоторых геопространств смерть становится узнаваемым культурным кодом и даже своеобразным брендом. Ярким примером служит празднование Дня мертвых в Мексике, включенное ЮНЕСКО

в список нематериального культурного наследия человечества (ил. 1 на цв. вклейке)¹. На территории Российской Федерации подобным регионом можно назвать Урал, хотя в широком информационном пространстве говорить о смерти как части уральской идентичности не принято, однако ряд ученых и публицистов в последние годы озвучивают этот тезис в своих работах и выступлениях.

Урал – граница во многих смыслах. В первую очередь вспоминается ставшая его признанным атрибутом граница Европы и Азии – историческая, символическая, ментальная граница, существенная часть которой проходит по Уральским горам. Можно применить к этому региону и термин «фронтир», рассматривая его как границу между освоенным и неосвоенным пространствами во времена покорения Сибири – сравнения с историей Дикого Запада как в профессиональных исследованиях, так и в публицистике встречаются нередко: упоминаются и привлекательность края для авантюристов, и золотая лихорадка... Урал становится границей в истории России [Лученко]. И вместе с тем можно воспринимать Урал как землю, расположенную на границе «своего» и «чужого», где «свое» – освоенное, принадлежащее человеку, а «чужое» – нечеловеческое, «сфера смерти» [Байбурин]. Транслировавшееся в XVIII–XIX вв. восприятие Сибири как «края дикости, безысходности и inferнального ужаса» [Агеев, с. 32], края ссылок и каторги позволяет представить Урал и как земли, соседствующие с миром мертвых, граничащие с территорией мучений и смерти. Образ этой своего рода точки невозврата, границы между двумя мирами – живых и мертвых – передал в своей книге «Сибирь и ссылка» в начале XX в. американский путешественник Джордж Кеннан, описавший пограничный столб между Пермской («европейской») и Тобольской («сибирской») губерниями:

Это был сибирский пограничный камень. Ни с одним пунктом, от С.-Петербурга до Тихого океана, не связано в России столько печальных воспоминаний; ни одна местность в России не имеет для путешественника такого интереса, как эта маленькая лесная поляна и этот каменный столб, освященный печалью и людским несчастьем. Сотни тысяч человеческих существ, мужчин, женщин и детей, князей, дворян и крестьян, сказали здесь отечеству, родине, друзьям и родным последнее прощание [Кеннан, с. 33].

Как и у любой мифологической границы с миром мертвых, перед последним шагом в горе все равны, вне зависимости от социального статуса.

---

¹ Калавера (*исп. calavera* – «череп») – мексиканский символ Дня мертвых. Это слово может означать целый ряд изделий, ассоциированных с праздником, например, сахарные калавера – кондитерские изделия, используемые для украшения алтарей и употребляемые в пищу во время празднования, а также любые художественные изображения черепов.

Урал совсем рядом с миром мертвых – а потому страшен, потому здесь творятся странные вещи. Созданная в сказах Бажова мифология рассказывает о населяющих Урал существах иномирных, в некоторой степени демонических – это Хозяйка Медной горы, Великий Полоз, Синюшка. Литературовед Марк Липовецкий прямо называет царство Хозяйки Медной горы «своего рода уральским языческим Элизиумом», а также отмечает, что нередко переход из земного мира в подземный в сказах происходит незаметно – магический, темный мир оказывается в непосредственной близости от человека, а потому пересечь границу совсем не сложно, равно как и вступить в контакт с «чужими», волшебными персонажами [Липовецкий].

Герои уральского классика Федора Решетникова существуют в пространстве, находящемся в повседневной близости к смерти, которая, в свою очередь, представляет из себя явление сугубо бытовое, такое же, как сон, еда и работа [Кубасов]. Именно страх в ощущении близости смерти становится одним из основных чувств, присущих жителям провинции, в произведениях другого уральца – Дмитрия Мамина-Сибиряка [Созина]. Примечательно, что реальная жизнь под тяготами канцелярщины местами оказывается еще запутаннее и страшнее:

Познакомившись ближе с внутренней жизнью Златоуста, вас прежде всего поражает совершающийся здесь процесс омертвения, как и в Кыштыме – там люди, лежа на золоте, скоро будут умирать с голода, а здесь бегут от голодной смерти.

Контраст между красотой природного ландшафта и мрачностью ландшафта социального удручает писателя:

Да, грустное впечатление производит Златоуст при ближайшем знакомстве с его устоями, и это впечатление только усиливается внешними красотами и «преизбыточествующими сокровищами». С этим грустным чувством я и уехал из Златоуста, точно от постели тяжело больного человека...

Тоска и тревога не покидают автора и в селе Никольском под Щелкуном (на полпути между Челябинском и Екатеринбургом):

...когда-то здесь кипела крепостная работа, а теперь мертвая тишина и разложение, медленное и неотвратимое, как скрытая болезнь [Мамин-Сибиряк, с. 27, 76, 77].

Легко на Урале и пересечь границы дозволенного, человеческого, о чем свидетельствуют, к примеру, легенды о жестокости Демидовых. Красочно описал их Василий Немирович-Данченко в очерке «Кама и Урал» (1890):

С Невьянской наклонною башнею связано много преданий. В ее подземельях и народ топили, в ее закоулках людей замуравливали, в ее черных казематах и застенках держали вредных и опасных супротивников [Немирович-Данченко, с. 657].

В то же время автор подчеркивает, что узнать, правдивы ли эти истории или нет, уже невозможно, тем не менее, все они запечатлены в народной памяти:

На Урале всякий мальчик порасскажет вам о делах того минувшего, несчастного времени... [Там же, с. 658].

Добавим: здесь ветер в вершинах сосен шепчет имена ревнителей древлего благочестия, шагнувших в спасительный огонь из греховного сумрака; здесь могильным холодом веет от выщербленных стен Тобольской пересыльной тюрьмы и хмурятся исподлобья на реке Чусовой знаменитые камни-бойцы – безмолвные свидетели гибели «железных караванов» (ил. 2 на цв. вклейке).

Жестоким был и XX в.: Урал навсегда будет связан с трагической судьбой последних Романовых, безжалостно убитых в Екатеринбург, Перми и Алапаевске летом 1918 г.

В 1930-е гг. мифологизируется смерть уральского пионера Павлика Морозова, занявшего важнейшее место в пантеоне героев того времени [Хеллман]. В 1957 г. произошла Кыштымская катастрофа (взрыв на химкомбинате «Маяк» в Озерске) – первая радиационная техногенная катастрофа в СССР и третья по масштабам (после аварий на Чернобыльской АЭС и Фукусиме-1) в истории мировой ядерной энергетики [Аклеев, Подтесов и др.]. Скульптор Эрнст Неизвестный продолжил эту тему, начав работу над «Масками скорби» – мемориальными монументами, посвященными жертвам политических репрессий 1930–1950-х гг., расположить которые предполагалось в «главных городах ГУЛАГа» – Екатеринбурге (Свердловске), Воркуте и Магадане [см.: Образы России. Монумент «Маска скорби»]. Таким образом, Урал становился гранью задуманного Неизвестным «Треугольника страданий». Сегодня установлены две из трех «Масок» – в Магадане и Екатеринбурге (ил. 3 на цв. вклейке).

Символичным кажется, что именно под Екатеринбургом в 1960 г. был сбит самолет Фрэнсиса Пауэрс – как будто не дано ему было пересечь эту невидимую мистическую границу. Но и тут не обошлось без уральского злого рока – по трагической ошибке одна из ракет попала в советский самолет, летчик Сергей Сафронов погиб [Рундквист].

С Уралом связаны и другие невероятные легенды и события, позволяющие говорить еще и о границе с космическим, – древний исчезнувший Аркаим, кыштымский «инопланетянин» Алешенька, Молёбская аномальная зона и, наконец, метеорит «Челябинск», падение

которого стало самым значительным в этой сфере событием на Земле за последние 100 лет, со времен знаменитого Тунгусского метеорита [Рундквист].

Несомненно, разноплановая «пограничность», «рубежность» Урала делает его зловещей и загадочной территорией. Публицист Дмитрий Быков называет Урал готическим местом, а уральский мир – страшным. И поэтому именно здесь, по мнению Быкова, произошла самая таинственная история советской эпохи – происшествие с тургруппой Игоря Дятлова [Быков], случившееся в окрестностях Холатчахль – «Горы мертвецов».

Вектор «мрачного туризма» на Урале

Как отмечалось выше, отношение к смерти в современном обществе двойственно: с одной стороны, тема табуирована, с другой – является важнейшим элементом массовой культуры, оказывающей влияние на самые разные сферы, в частности, на индустрию туризма, которой необходимо постоянно предлагать новые направления, отвечающие потребительским запросам, быть гибкой и быстро реагировать на изменения ментальности современного человека [Скрипова]. Более того, некоторые исследователи говорят о сходстве функций массовой культуры и туризма, также ставшего массовым начиная со второй половины XX в. – и в новом столетии количество туристов постоянно растет: по данным Всемирной туристской организации, в 2018 г. в мире было совершено 1,4 млрд международных путешествий. Как и для массовой культуры, для туризма в значительной мере характерны следующие функции: социальной интеграции индивидов (восприятие норм и ценностей того или иного общества); познавательная; компенсаторная (рекреационная) функция, связанная с получением индивидами эмоциональной разрядки в условиях стресса.

Активно развивающаяся индустрия туризма как флагман *экономики впечатлений* позволяет путешественникам получить большое количество образов в кратчайшие сроки, отвечая изменениям модели восприятия окружающего мира [Гализдра]. В первую очередь галерея этих образов должна вызывать положительные эмоции у путешественников, однако интерес к феномену смерти не стал исключением и для сферы туризма – и с середины 90-х гг. XX в. исследователи заговорили о *мрачном (темном) туризме*, генерирующем нетипичные впечатления. Этот термин получил распространение после выхода статьи Малкольма Фоули и Джона Дж. Леннона «Кеннеди и мрачный туризм: увлечение убийством» [Foley, Lennon].

Мрачный туризм можно кратко охарактеризовать как вид туризма, цель которого – посещение мест, связанных со смертью и страданием. Максимилиано Корстанье, занимающийся исследованиями в этой области, пишет, что еще Джордж Г. Мид в своем труде «Разум,

я и общество» (1934) задавался вопросом: почему многие люди предпочитают неприятные и плохие истории в новостях и прессе, откуда берется увлечение страданиями других людей [см.: Korstanje]? Предлагаемые в рамках мрачного туризма «продукты» стали своего рода ответом на интерес к *плохим историям*. И хотя данный вид туризма подвергается критике как эксплуатационный, провоцирующий монетизацию горя и коммодификацию смерти, однако его исследователи называют иные причины появления этого направления и роста его популярности. Как бы то ни было, сегодня мрачный туризм – динамично развивающийся сектор туристской индустрии, включающий в себя множество подвидов. Так, например, некропольный туризм подразумевает визиты на кладбища; мистический туризм (или ghost walk) предполагает путешествия туристов в места, эмоционально окрашенные легендами о привидениях, туризм катастроф – в места, где происходили природные катаклизмы или техногенные аварии, цель руинного туризма – изучение заброшенных или разрушенных зданий и т. д. Некоторые места резонансных или множественных самоубийств являются популярными объектами «мрачного туризма» (мост Золотые Ворота в США или лес Аокигахара в Японии)².

Как видно, «мрачный туризм» перекликается с некоторыми другими видами туризма – в частности, с городским [Le Gallou], ностальгическим и паломническим. Кроме того, мрачный туризм можно рассматривать и как часть культурно-познавательного туризма (cultural tourism).

Филип Стоун, руководитель Института исследования «мрачного туризма» в Центральном университете Ланкашира, подчеркивает, что в ряде случаев такой туризм может быть представлен как своего рода паломничество и, что важнее всего, посещение подобных достопримечательностей нужно рассматривать как попытку созерцать «смерть себя» [Stone], пережить возможность смерти через смерть других. И Ф. Стоун, и М. Корстанье с соавторами указывают основные функции мрачного туризма – преодоление трудностей и потрясений, пережитых обществом, а также определение и осознание места смерти в прошлом, настоящем и будущем, формирование и трансляция обществу послания, позволяющего извлечь урок из травмирующего опыта [Stone, Sharpley; Korstanje, Ivanov]. Следовательно, «мрачный туризм» тесно связан с феноменом психологической устойчивости [Korstanje] и представляет собой один из способов восстановления и сохранения единства сообщества, пережившего какую-либо трагедию. Как говорилось ранее, в современном обществе тема смерти в некотором роде избегается, воспринимается как что-то личное, частное, не терпящее стороннего внимания. Смерть как будто бы от-

---

² Неоднозначное и спорное явление, так называемый суицидальный туризм (то есть организация поездок для смертельно больных в государства, где эвтаназия разрешена в том числе и для иностранцев), не относится к разновидностям мрачного туризма.

сутствует в повседневности, но существует в массмедиа и массовой культуре – абстрактная и деперсонализированная [Stone, Sharpley].

Знакомство с объектами мрачного туризма служит источником информации об умирании и смерти, превращая его в важный социально-культурный инструмент для понимания смерти. Бескорыстное сочувствие, которое испытывают посетители этих объектов, подчеркивает универсальную значимость мест, связанных как с индивидуальными переживаниями, так и с укреплением коллективной памяти, что способствует созданию новой культуры поминовения [Sather-Wagstaff].

Нельзя отрицать, что эта формирующаяся культура подразумевает и коммерческую составляющую, чему способствует и мрачный туризм. Его потребители рассчитывают на определенные привычные туристские сценарии – например, приобретение тематических сувениров или развитие необходимой туристам инфраструктуры.

Исходя из вышеизложенного, можно резюмировать, что развитие мрачного туризма на территориях, одним из аспектов локальной идентичности которых являются феномены смерти и ужаса, имеет свой смысл и представляет собой не эксплуатацию трагических страниц истории, а наглядную презентацию культурных особенностей конкретного региона в популярной форме.

Свердловская область (в географическом измерении – Средний и отчасти Северный Урал) обладает заметным потенциалом для развития «мрачного туризма». Определенная работа в этом направлении уже идет: предлагаются тематические туры, среди которых выделяются костюмированная мистическая экскурсия «Городские легенды Екатеринбурга», а также иммерсивный проект Музея истории Екатеринбурга «Дело № 39496», в рамках которого туристы посещают мемориал жертв политических репрессий [Городские легенды Екатеринбурга; Дело № 39496]. Отчасти типологически близким представляется и уральский фрагмент (Тобольск – Екатеринбург – Алапаевск) «Императорского маршрута», посвященного последним Романовым [Паломнические маршруты]. О знаменитой наклонной Невьянской башне Немирович-Данченко в уже упомянутой книге «Кама и Урал» писал практически как об объекте мрачного туризма:

Царство призраков стало уделом сказок; видения уже не являются любопытному туристу с сказаниями о тайнах и ужасах, когда-то совершавшихся под этими мрачными, тяжелыми сводами [Немирович-Данченко, с. 657].

И все же один из наиболее известных и узнаваемых трагических сюжетов, связанных с Уралом, мало реализован как туристский продукт. Речь идет о гибели группы Дятлова на севере Свердловской обл. в 1959 г. Екатерина и Елизавета Агамировы, говоря о важности для привлечения туристов генерирования искусственных мотиваций, в качестве иллюстрации к их формированию (созданию легенды), наряду с лохнесским чудовищем, одним из наиболее знаменитых персо-

нажей городских мифов, приводят и сюжет, касающийся группы Дятлова [Агамирова Е. В., Агамирова Е. В.]. Перевал Дятлова присутствует на официальном сайте Федерального агентства по туризму (Ростуризма) в списке основных достопримечательностей Свердловской обл., а сама трагедия достаточно широко известна в массовой культуре.

Создание в Екатеринбурге интерактивного музея или постоянной экспозиции мрачных и мистических сюжетов было бы хорошим вариантом, сочетающим в себе как решение задач сугубо практических, связанных с развитием туризма, так и культурологических. Эти музеи и выставки, представленные в мировой практике, открывают посетителям не только собственно историю той или иной трагедии, но и сопутствующие мифы и легенды. В Белфасте в 2012 г. на месте бывшей верфи *Harland & Wolff*, где в начале XX в. велось строительство серии трансатлантических лайнеров класса «Олимпик» («Олимпик», «Титаник», «Британник»), открылся интерактивный музей «Титаник Белфаст», рассказывающий о жизни в столице Северной Ирландии в 1909–1911 гг., о создании «Титаника» и его гибели во время первого же рейса. Отдельные залы посвящены последствиям катастрофы, легендам и образам «Титаника» в массовой культуре. Сегодня этот музей стал одной из главных достопримечательностей Северной Ирландии и второй по посещаемости аттракцией (815 тыс. посетителей в 2018 г.), уступая лишь знаменитой Дороге гигантов [см.: Northern Ireland Annual Visitor Attraction Survey 2018].

Такие музеи выполняют главным образом образовательную и познавательную функции. Кроме того, экспозиции позволяют включать событие в более общий контекст и рассказывать о локальной истории в конкретную эпоху. В случае с трагедией на перевале Дятлова в качестве поддерживающих тем можно назвать самодеятельное туристское движение в СССР и студенческую жизнь на Урале в третьей четверти XX в. – эпоху послевоенных десятилетий с их ярко выраженной романтикой научно-технической революции. В таком случае музей сможет стать частью городской экскурсии по Екатеринбургу, в рамках которой туристы также посетят Михайловское кладбище, где находятся мемориал и могилы дятловцев, и Уральский федеральный университет (ранее – УГТУ-УПИ и УрГУ), поскольку группа была приписана к спортклубу Уральского политехнического института и почти все ее участники являлись студентами или выпускниками различных его факультетов (радиотехнического, физико-технического, строительного) (ил. 4 на цв. вклейке). Существует проект передачи Фондом памяти группы Дятлова архива по этому необычному делу в музей «Ельцин Центра».

В России в силу ряда причин маршруты и объекты «мрачного туризма» непосредственно не представлены ни в федеральной, ни в региональной туристской повестке. Этот вид туризма не упоминается ни в одном из официальных документов, определяющих развитие туристской отрасли в России в целом и на Урале в частности. Мрачная

тематика находит пусть и не прямое, а косвенное отражение в турах и экскурсиях, предлагаемых организаторами других видов туризма – культурно-познавательного, военно-мемориального, паломнического, активного, ностальгического, индустриального – и в этом можно усмотреть проявление того самого «рубежного» культурного кода Урала, его укорененности в уральском сознании.

Отмеченный выше запрос генерируется не какой-то особой группой потребителей смыслов, не представителями одной-двух субкультур и не эпатажными акционистами, он объективно является своеобразным социальным запросом носителей различных культурных кодов и поколений. Следовательно, проект, ориентированный на удовлетворение этого запроса, может оказаться востребованным в качестве фактора интеграции интересов клиентских аудиторий нескольких массовых видов туризма. Он нужен мегаполису с динамично трансформирующейся городской средой и, будучи реализован, поможет не только повысить привлекательность города как туристской дестинации, но и разнообразить его культурный ландшафт, подкрепить его претензии на роль аккумулятора и транслятора актуальных трендов в индустрии впечатлений. Располагая хорошо узнаваемым сюжетом из-за его постоянного тиражирования в массовой культуре, как безусловно универсальным, так и столь же безусловно отражающим локальную специфику (историческую, географическую, социально-экономическую и пр.), потенциальные участники проекта получают возможность обеспечить и этически допустимый уровень коммерциализации событий, разыгравшихся на Северном Урале 60 лет назад, и выполнение миссии сохранения памяти о погибших.

* * *

Суровость климата, удаленность от исторического центра России и от государственных границ, специфика экономического уклада, осознание своего статуса переселенцев, пришлых людей, которые обрели новую малую родину – эти и другие факторы усиливали ощущение жизни на рубеже познанного и неизведанного, реального и запредельного, конечного и бесконечного, порождали удивительное состояние постоянного поиска путей преодоления человеческой слабости, социальной несправедливости, всемогущества пространства и природы. Вольно или невольно заселившие Урал этнические русские пребывали в готовности бросить вызов чему-то могущественному – и уцелеть. Претерпеть, преодолеть – и на границе жизни и смерти остаться на стороне живых. Вопреки всей тяжести, всей мрачности бытия на физически и символически существующем многоплановом рубеже (а может быть, и благодаря этой мрачности, которая испытывает на прочность икратно усиливает тягу человека к свету и счастью).

Близость иномирности, чувство соседства с чем-то ирреальным и страшным (не-людьми) становится фактором отрешенности от обыденной граничности, от государственных границ, разделяющих людей и людей. Метафизический фронтир вкупе с физической полубезграничностью, обусловленной удаленностью от существующих рубежей (Импери, Союза Республик, Федерации) превратили Урал в территорию, где в годы мировых войн укрылись от гибели хлынувшие из европейской части страны эвакуированные люди, заводы и технологии, культурные ценности. В очередной раз свершилось преодоление, повлекшее за собой преобразование Урала, ставшего во второй половине XX столетия самой густонаселенной после столичного региона частью России.

Туризм как массовая практика для живых выводит смерть в поле жизни, включает ее в круг бытия, нивелирует страх перед ней и примиряет живущих со смертью. Посредством этой практики происходит коммодификация смерти. Показательно, что организаторы Пятой Уральской индустриальной биеннале современного искусства осенью 2019 г. определили ее повесткой «Бессмертие» – как метафорическое зеркало для мрачной тематики.

Список литературы

Агамирова Е. В., Агамирова Е. В. Создание искусственной мотивации для формирования клиентских потоков в туристские регионы // Вестн. Асс. вузов туризма и сервиса. Т. 9. 2015. № 1. С. 60–68. DOI 10.12737/7944.

Агеев А. Д. Американский «фронтир» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американские исследования в Сибири : материалы междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)», 4–6 октября 1996 г. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1997. Вып. 2. С. 30–36.

Аклеев А. В., Подтесов Г. Н. и др. Челябинская область: ликвидация последствий радиационных аварий. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 2006. 344 с.

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 528 с.

Байбурин А. К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры : сб. науч. тр. Л. : Наука, 1990. С. 3–17.

Быков Д. Сказ о том, как Бажов изобрел Урал : лекция [аудиозапись] // Прямая речь : лекторий : [сайт]. URL: https://www.pryamaya.ru/dmitriy_bykov_kak_bazhov_izobryol_ural (дата обращения: 11.07.2019).

Гализдра А. С. Феномен туризма в пространстве массовой культуры // Туризм и культурное наследие : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 122–128.

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Вост. лит., 1999. 198 с.

Герц Р. Смерть и правая рука. М. : ARS Press, 2019. 264 с.

Городские легенды Екатеринбурга : Страшно интересная экскурсия : [сайт]. URL: <http://glekb.ru/> (дата обращения: 14.08.2019).

Дело № 39496 : Иммерсивный «спектакль» // 12 км. Мемориал жертв политических репрессий : [сайт]. URL: <http://12memorial.ru/spektakl> (дата обращения: 20.07.2019).

Дюркгейм Э. Самоубийство. М. : АСТ, 2018. 446 с.

Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб. : Изд. В. Врублевского, 1906. 458 с.

Кубасов А. В. Художественно-документальная очерковая проза Ф. М. Решетникова. [Б. м.] : Изд. решения, 2017. 116 с.

Иллюстрации к статье:
*Дмитрий Бугров, Екатерина Бугрова. На грани Жизни и Смерти:
пограничный Урал в танатологической культуре*

Illustration for the article:
*Dmitry Bugrov, Ekaterina Bugrova. Between Life and Death:
The Borderline Urals in Thanatological Culture*

1. Калавера. Фото Е. П. Чиловой
Calaveras. Photograph by E. P. Chilova

2. Невьянская башня. Фото Д. В. Бугрова
The Leaning Tower of Nevyansk. Photograph by D. V. Bugrov

3. Эрнст Неизвестный. Маски скорби. Екатеринбург. Фото Е. Д. Бугровой
Ernst Neizvestny. Masks of Sorrow. Yekaterinburg. Photograph by E. D. Bugrova

4. Мемориал погибшим участникам группы Дятлова. Михайловское кладбище,
Екатеринбург. Фото Е. Д. Бугровой
Tomb of the Dyatlov Pass incident group. Mikhailovskoe Cemetery, Yekaterinburg.
Photograph by E. D. Bugrova

- Литовецкий М.* Зловещее в сказах Бажова // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 212–230.
- Лученко К. В.* Россия: взгляд с колокольни. От Калининграда до Якутии : документальная проза. М. : Никея, 2016. 416 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* По Зауралью: путевые заметки // Южный Урал. 1952. № 8–9. С. 17–87.
- Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1890. 755 с.
- Образы России : Монумент «Маска скорби» // *Культура.рф* : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/institutes/33649/monument-mask-a-skorbi> (дата обращения: 12.08.2019).
- Паломнические маршруты // Путеводитель по Свердловской области – туристский интернет-портал Свердловской области : [сайт]. URL: http://gotoural.com/паломнические_маршруты/ (дата обращения: 10.08.2019).
- Рундквист Н. А.* Страшные тайны Урала. Екатеринбург : Квист, 2016. 184 с.
- Скрипова Т. В.* Влияние массовой культуры на появление новых видов туристского сервиса // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 2 (16). С. 128–140.
- Созина Е. К.* Провинция в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова: топология судьбы // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 15–26.
- Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1989. 576 с.
- Фрезер Дж. Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии. М. : Академ. проект, 2017. 799 с.
- Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия : Критически-историческое исследовательское издание. Ижевск : ERGO, 2018. 120 с.
- Хеллман Б.* Сказка и быль : История русской детской литературы. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 560 с.
- Becker E.* The Denial of Death. NY : Free Press, 1975. 315 p.
- Durkin K. F.* Death, Dying, and the Dead in Popular Culture : in 2 vols. // Handbook of Death & Dying. Thousand Oaks : SAGE Publ., 2003. Vol. 1. The Presence of Death. P. 43–49. DOI 10.4135/9781412914291.n5.
- Foley M., Lennon J. J.* JFK and Dark Tourism : A Fascination with Assassination // Intern. J. of Heritage Studies. 1996. № 2 (4). P. 198–211. DOI 10.1080/13527259608722175.
- Korstanje M.* The Anthropology of Dark Tourism : Exploring the Contradictions of Capitalism // Centre for Ethnicity & Racism Studies : [website]. URL: https://cers.leeds.ac.uk/wp-content/uploads/sites/97/2015/02/Korstanje_CERS_15.pdf (mode of access: 09.07.2019).
- Korstanje M. E., Ivanov S.* Tourism as a Form of New Psychological Resilience : The Inception of Dark Tourism // *Cultur: Revista de Cultura e Turismo*. 2012. № 6 (4). P. 56–71. DOI 10.2139/ssrn.2168400.
- Le Gallou A.* From Urban Exploration to Ruin Tourism: A Geographical Analysis of Contemporary Ruins as New Frontiers for Urban Tourism // Intern. J. of Tourism Cities. Vol. 4. 2018. № 2. P. 245–260. DOI 10.1108/IJTC-12-2017-0085.
- Northern Ireland Annual Visitor Attraction Survey 2018 // Northern Ireland Statistics and Research Agency : [official website]. URL: <https://www.nisra.gov.uk/sites/nisra.gov.uk/files/publications/Annual-NI-Visitor-Attraction-Survey-2018.pdf> (mode of access: 10.07.2019).
- Palgi P., Abramovitch H.* Death: A Cross-Cultural Perspective // Annual Review of Anthropology. 1984. Vol. 13. P. 385–417. DOI 10.1146/annurev.an.13.100184.002125.
- Sather-Wagstaff J.* Heritage That Hurts: Tourists in the Memoryscapes of September 11. NY : Routledge, 2011. 243 p.
- Stone P.* Dark Tourism and Significant Other Death : Towards a Model of Mortality Mediation // *Annals of Tourism Research*. Vol. 39. 2012. Iss. 3. P. 1565–1587. DOI 10.1016/j.annals.2012.04.007.
- Stone P., Sharpley R.* Consuming Dark-Tourism a Thanatological Perspective // *Annals of Tourism Research*. Vol. 35. 2008. Iss. 2. P. 574–595. DOI 10.1016/j.annals.2008.02.003.

References

- Agamirova, E. V., Agamirova, E. V. (2015). Sozdanie iskusstvennoi motivatsii dlya formirovaniya klientskikh potokov v turistskie regiony [The Creation of Artificial Motivation for the Formation of Customer Flows to Tourist Regions]. In *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa*. Vol. 9. No. 1, pp. 60–68. DOI 10.12737/7944.
- Ageev, A. D. (1997). Amerikanskii “frontir” i sibirskii “rubezh” kak faktory tsivilizatsionnogo razloma [The American “Frontier” and the Siberian “Boundary” as Factors of Civilizational Rift]. In *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Amerikanskii i sibirskii frontir (faktor granitsy v amerikanskoi i sibirskoi istorii)”*, 4–6 oktyabrya 1996 g. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Iss. 2, pp. 30–36.
- Akleev, A. V., Podtesov, G. N. et al. (Eds.). (2006). *Chelyabinskaya oblast': likvidatsiya posledstviy radiatsionnykh avarii* [Chelyabinsk Region: Liquidation of the Consequences of Radiation Accidents]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 344 p.
- Ariès, Ph. (1992). *Chelovek pered litsom smerti* [Man in the Face of Death]. Moscow, Progress, Progress-Akademiya. 528 p.
- Baiburin, A. K. (1990). Ritual: svoe i chuzhoe [Ritual: Self and Other]. In *Fol'klor i etnografiya. Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoi kul'tury. Sbornik nauchnykh trudov*. Leningrad, Nauka, pp. 3–17.
- Becker, E. (1975). *The Denial of Death*. N. Y., Free Press. 315 p.
- Bykov, D. (2018). Skaz o tom, kak Bazhov izobrel Ural. Lektsiya [A Tale about how Bazhov Invented the Urals. Lecture]. In *Pryamaya rech'. Lektorii* [website]. URL: https://www.pryamaya.ru/dmitriy_bykov_kak_bazhov_izobryol_ural (mode of access: 11.07.2019).
- Delo № 39496. Immersivnyi “spektakl” [Case 39496. An Immersive “Performance”]. In *12 km. Memorial zhertv politicheskikh repressii* [website]. URL: <http://12memorial.ru/spektakl> (mode of access: 20.07.2019).
- Durkheim, E. (2018). *Samoubiistvo* [Suicide]. Moscow, AST. 446 p.
- Durkin, K. F. (2003). Death, Dying, and the Dead in Popular Culture : in 2 Vols. In *Handbook of Death & Dying*. Thousand Oaks, SAGE Publ. Vol. 1. The Presence of Death, pp. 43–49. DOI 10.4135/9781412914291.n5.
- Foley, M., Lennon, J. J. (1996). JFK and Dark Tourism: A Fascination with Assassination. In *Intern. J. of Heritage Studies*. No. 2 (4), pp. 198–211. DOI 10.1080/13527259608722175.
- Frazer, J. G. (2017). *Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii* [The Golden Branch: A Study in Magic and Religion]. Moscow, Akademicheskii proekt. 799 p.
- Freud, S. (2018). *Po tu storonu printsipa udovol'stviya. Kriticheski-istoricheskoe issledovatel'skoe izdanie* [Beyond the Pleasure Principle: Critical and Historical Research Edition]. Izhevsk, ERGO. 120 p.
- Galizdra, A. S. (2004). Fenomen turizma v prostranstve massovoi kul'tury [The Phenomenon of Tourism in the Space of Mass Culture]. In *Turizm i kul'turnoe nasledie. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. № 2, pp. 122–128.
- Gennep, A. van (1999). *Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [The Rites of Passage. Systematic Study of Rites]. Moscow, Vostochnaya literatura. 198 p.
- Gorodskie legendy Ekaterinburga. Strashno interesnaya ekskursiya* [Yekaterinburg Urban Legends. A Terribly Interesting Excursion] [website]. URL: <http://glekb.ru/> (mode of access: 14.08.2019).
- Hellman, B. (2016). *Skazka i byl'. Istoriya russkoi detskoj literatury* [Fairy Tales and True Stories. The History of Russian Literature for Children]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 560 p.
- Hertz, R. (2019). *Smert' i pravaya ruka* [Death and the Right Hand]. Moscow, ARS Press. 264 p.
- Kennan, G. (1906). *Sibir' i ssylka* [Siberia and the Exile System]. St Petersburg, published by V. Vrublevskiy. 458 p.

Korstanje, M. E., Ivanov, S. (2012). Tourism as a Form of New Psychological Resilience: The Inception of Dark Tourism. In *Cultur: Revista de Cultura e Turismo*. No. 6 (4), pp. 56–71. DOI 10.2139/ssrn.2168400.

Korstanje, M. The Anthropology of Dark Tourism. Exploring the Contradictions of Capitalism. In *Centre for Ethnicity & Racism Studies* [website]. URL: https://cers.leeds.ac.uk/wp-content/uploads/sites/97/2015/02/Korstanje_CERS_15.pdf (mode of access: 09.07.2019).

Kubasov, A. V. (2017). *Khudozhestvenno-dokumental'naya ocherkovaya proza F. M. Reshetnikova* [Artistic and Documentary Essay Prose by F. M. Reshetnikov]. Iss. 1., Izdatel'skie resheniya. 116 p.

Le Gallou, A. (2018). From Urban Exploration to Ruin Tourism: A Geographical Analysis of Contemporary Ruins as New Frontiers for Urban Tourism. In *Intern. J. of Tourism Cities*. Vol. 4. No. 2, pp. 245–260. DOI 10.1108/IJTC-12–2017–0085.

Lipovetskii, M. (2014). Zloveshchee v skazakh Bazhova [The Uncanny in Bazhov's Tales]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 212–230.

Luchenko, K. V. (2016). *Rossiya: vzglyad s kolokol'ni. Ot Kaliningrada do Yakutii. Dokumental'naya proza* [Russia: A View from the Bell Tower. From Kaliningrad to Yakutia. Documentary Prose]. Moscow, Nikeya. 416 p.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1952). Po Zaural'yu: putevye zametki [Across the Trans-Urals: Travel Notes]. In *Yuzhnyi Ural*. No. 8–9, pp. 17–87.

Nemirovich-Danchenko, V. I. (1890). *Kama i Ural (ocherki i vpechatleniya)* [The Kama and the Urals (Essays and Impressions)]. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. 755 p.

Northern Ireland Annual Visitor Attraction Survey 2018. In *Northern Ireland Statistics and Research Agency* [official website]. URL: <https://www.nisra.gov.uk/sites/nisra.gov.uk/files/publications/Annual-NI-Visitor-Attraction-Survey-2018.pdf> (mode of access: 10.07.2019).

Obrazy Rossii. Monument “Maska skorbi” [Images of Russia. The Mask of Sorrow Monument]. In *Kul'tura.RF* [website]. URL: <https://www.culture.ru/institutes/33649/monument-mask-skorbi> (mode of access: 12.08.2019).

Palgi, P., Abramovitch, H. (1984). Death: A Cross-Cultural Perspective. In *Annual Review of Anthropology*. Vol. 13, pp. 385–417. DOI 10.1146/annurev.an.13.100184.002125.

Palomnicheskie marshruty [Pilgrimage Routes]. In *Putevoditel' po Sverdlovskoi oblasti – turistskii internet-portal Sverdlovskoi oblasti* [website]. URL: http://gotoural.com/паломнические_маршруты/ (mode of access: 10.08.2019).

Rundkvist, N. A. (2016). *Strashnye тайны Urala* [The Terrible Secrets of the Urals]. Yekaterinburg, Kvist. 184 p.

Sather-Wagstaff, J. (2011). *Heritage that Hurts: Tourists in the Memoryscapes of September 11*. N. Y., Routledge. 243 p.

Skipova, T. V. (2013). Vliyanie massovoi kul'tury na poyavlenie novykh vidov turistskogo servisa [The Influence of Mass Culture on the Emergence of New Types of Tourism Services]. In *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. No. 2 (16), pp. 128–140.

Sozina, E. K. (2010). Provintsiya v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiriyaka i A. P. Chekhova: topologiya sud'by [The Province in the Works of D. N. Mamin-Sibiriyak and A. P. Chekhov: The Topology of Fate]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*. No. 4 (82), pp. 15–26.

Stone, P. (2012). Dark Tourism and Significant Other Death: Towards a Model of Mortality Mediation. In *Annals of Tourism Research*. Vol. 39. Iss. 3, pp. 1565–1587. DOI 10.1016/j.annals.2012.04.007.

Stone, P., Sharpley, R. (2008). Consuming Dark-Tourism a Thanatological Perspective. In *Annals of Tourism Research*. Vol. 35. Iss. 2, pp. 574–595. DOI 10.1016/j.annals.2008.02.003.

Tylor, E. B. (1989). *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 576 p.

TAXES AND THE LAND QUESTION IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN EMPIRE

DOI 10.15826/qr.2019.4.434

УДК 94(470)"16/18"+351.713+929Голицын

АБЕРРАЦИЯ НАЛОГОВОГО БРЕМЕНИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Артур Мустафин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

THE TAX BURDEN IN THE PETRINE ERA: HISTORIOGRAPHICAL DISCUSSIONS

Arthur Mustafin

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

The author demonstrates that the tax burden was first calculated in Russia at the end of 1729 by the Tax Commission (1727–1730) headed by Prince Dmitry Golitsyn. The calculations allowed the Commission to draft a tax reform. Its documents contain unique information about extraordinary payments, i. e. sums for enlisting recruits and the construction of headquarters. These data allow the author to reconsider the results of the Petrine tax reform, which are reflected in the

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

** *Citation*: Mustafin, A. (2019). The Tax Burden in the Petrine Era: Historiographical Discussions. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1214–1228. DOI 10.15826/qr.2019.4.434.

Цитирование: Mustafin A. The Tax Burden in the Petrine Era: Historiographical Discussions // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1214–1228. DOI 10.15826/qr.2019.4.434 / Мустафин А. Аберрация налогового бремени Петровской эпохи в исторических исследованиях // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1214–1228. DOI 10.15826/qr.2019.4.434.

historical literature as an increased tax burden from 16 to 260 percent. According to the author's calculations, with the introduction of capitation tax (and when comparing the sums from 1721–1723, 1724, and 1726–1727) taxes raised increased by 70 percent; taking into account the increase in prices for bread, they grew by 94 to 116 percent. Nevertheless, the article emphasises the fact that some information on the fees for the supply of recruits was obtained by Golitsyn's Commission on the basis of incomplete data. Accordingly, it is only possible to obtain rough estimates of tax burden when using this information. In addition, the review of data indicates errors in the Commission's calculations of taxes due per household in 1724 and in 1726–1727. These errors affected the calculation of the tax burden in Russia in the 1720s. The author comes to the conclusion that these mistakes were intentionally made by the Commission, the head of which, apparently, was interested in drafting a tax reform, not reducing the army's budget. However, it is important to note that Golitsyn's Commission carried out tremendous work in collecting and analysing data on the financial situation of the country. This work expands established ideas about the history of economic and statistical thought in Russia.

Keywords: tax reform, household tax, capitation, emergency payments; tax burden; Commission on taxation; D. M. Golitsyn.

Расчитать налоговое бремя в России 1720-х гг. впервые смогли уже в конце 1729 г. в Комиссии о подати (1727–1730), возглавлявшейся князем Д. М. Голицыным. Эти расчеты позволили комиссии подготовить проект реформирования податной системы. В материалах содержатся уникальные сведения о чрезвычайных платежах на поставку рекрутов и постройку штабных дворов. Анализ этих данных позволил пересмотреть оценки итогов подушной реформы, которые в литературе выражались в расчетах прироста налогового бремени: от 16 до 260 %. Согласно проведенным автором расчетам, с введением подушной подати (при сравнении суммы сборов за 1721–1723 гг. и за 1724, 1726–1727 гг.) налоговое бремя возросло на 70 %, а с учетом изменения хлебных цен оно увеличилось на 94–116 %. В статье акцентируется внимание на том, что ряд сведений о сборах на поставку рекрутов был получен комиссией Д. М. Голицына на основе неполных данных. Соответственно, используя эти сведения, можно получить только приблизительные оценки изменения налогового бремени в России 1720-х гг. В ходе проверки расчетов, проведенных комиссией, был выявлен ряд ошибок при определении суммы платежей с крестьянского двора за 1724 и 1726–1727 гг., повлиявших и на расчеты налогового бремени в 1720-е гг. Автор приходит к выводу, что эти ошибки были намеренно допущены Комиссией о подати, руководитель которой, по всей видимости, был заинтересован предложить проект реформы податной системы, не ограничивающий финансирование армии. Комиссия Д. М. Голицына провела колоссальную работу по сбору и анализу данных о финансовом положении страны, результаты которой расширяют устоявшиеся представления об истории экономической и статистической мысли в России.

Ключевые слова: податная реформа 1720-х гг.; подворное обложение; подушная подать; Комиссия о подати; Д. М. Голицын.

Вопрос о налоговом бремени в России 1720-х гг. – один из самых дискуссионных в историографии Петровских реформ. В то время как одни историки вслед за П. Н. Милюковым рассматривали подушную подать как крайне тяжелую для населения [Милюков, с. 489; Троицкий, с. 125–127; Каменский, с. 186, 206–207; Гершенкрон, с. 407–408], другие убеждали, что ее введение существенно не изменило тяжести налогового бремени [Анисимов, 1982, с. 259–288; Струмилин, с. 318–330]. Так, согласно расчетам Е. В. Анисимова, «подушная подать в целом по стране была на 16 % больше подворной» [Анисимов, 1982, с. 279]. По мнению ряда историков, не следует занимать крайние позиции в этом вопросе: налоговое бремя возросло на 40–75 % [Юхт, с. 128; Покровский, с. 194; История, с. 168; Курукин, с. 119]. Удивительно, что остался не замеченным тот факт, что рассчитать динамику налогового бремени 1720-х гг. впервые смогли уже в конце 1729 г. в Комиссии Д. М. Голицына о подати (1727–1730) [РГВИА. Ф. 23. Д. 825, 843], хотя частично ее материалы использовались в этой дискуссии [Анисимов, 1982]. С какой целью и каким образом Д. М. Голицын оценивал изменения налогового бремени? И можем ли мы доверять материалам и расчетам Комиссии о подати?

Чтобы понять, почему исследователи предлагают столь противоречивые оценки налогового бремени, обратимся к различиям в методиках расчета этого показателя. Так, П. Н. Милюков, рассчитывая сумму прямых сборов до введения подушной подати [Милюков, с. 489], учитывал как постоянные¹, так и чрезвычайные² налоги. Однако он, рассчитывая сумму сборов за 1724 г., учитывал только постоянные³ налоги. В действительности введение «единого подушного налога не привело к ликвидации всех дополнительных платежей... как об этом мечтал законодатель» [Анисимов, 1982, с. 282]. По всей видимости, у П. Н. Милюкова не было сведений об их сборе.

П. Н. Милюков сопоставил суммы налоговых платежей до и после введения подушной подати, но он не рассчитывал, на сколько процентов (или во сколько раз) увеличилось бремя [Милюков, с. 489]. Интерпретацию полученных П. Н. Милюковым результатов предложил специалист по Петровской эпохе Е. В. Анисимов: «В книге

---

¹ Постоянные (табельные, окладные) налоги – те, ставка которых оставалась неизменной на протяжении длительного периода времени. К ним можно отнести группы приказных, со-словных, региональных налогов, а также группу налогов на строительство Санкт-Петербурга.

² Чрезвычайные (запросные) налоги – те, ставка, номенклатура и общий оклад которых изменялись ежегодно в зависимости от государственных потребностей. К ним можно отнести различные сборы провианта и фуража, сборы на поставку рекрутов и лошадей, отработочные повинности и др.

³ В ходе подушной реформы система налогообложения упростилась. К постоянным налогам можно отнести семигривенный (в 1724 г. – 74 коп., позднее – 70 коп.), дополнительный четырехгривенный (40 коп.) с государственных крестьян, а также сорокаалтынный (1 р. 20 коп.) с купечества. К чрезвычайным податям можно отнести сборы на строительство штабных дворов, а также на подготовку и отправку рекрутов.

“Государственное хозяйство...” он (П. Н. Милюков. – А. М.) отмечал, что... оклад прямых налогов увеличился с 1778 533 руб. до 4614 638 руб. (или на 2,8 млн руб.), т. е. в 2,6 раза. Этот вывод о приросте прямых налогов на 259 % (sic!) требует самого пристального рассмотрения» [Анисимов, 1982, с. 275]. Позднее П. Н. Милюкову неоднократно приписывалось то, что прирост составил 260 %⁴ [Покровский, с. 194; История с. 168; Стасcraft, p. 72].

Е. В. Анисимов утверждает, что налоговое бремя увеличилось на 16 %, сравнивая на более надежных данных период 1721–1723 гг. с периодом 1724 и 1726–1727 гг. При этом он, рассчитывая сумму платежей за последний период, не учитывает чрезвычайные налоги, как и П. Н. Милюков, но, в отличие от него, не берет в расчет и постоянные четырехгривенный и сорокаалтынный платежи. Тем не менее, Е. В. Анисимов вносит «небольшую поправку»: с одной стороны, если мы учтем четырехгривенный платеж, это даст прирост подушной подати по сравнению с подворной на 28,6 % [Анисимов, 1982, с. 279]; с другой – если учтем чрезвычайные платежи (без четырехгривенного сбора), то прирост составит 64,3 % [Там же, с. 282].

Собственно, эта поправка и привлекла внимание авторов критических рецензий. Так, А. И. Юхт призывал учитывать все постоянные и чрезвычайные налоги, сопоставляя эти два периода. Используя данные, представленные в рецензируемой монографии, он рассчитал, что бремя увеличилось на 75 % [Юхт, с. 128]. Также Н. Н. Покровский обратил внимание на то, что четырехгривенный платеж «в подсчет государственного налога почему-то не включается» [Покровский, с. 194]. Вместе с тем, он заметил, что «вычисление процента по приведенным абсолютным цифрам не всегда дает величины, полностью совпадающие с указанными» в итоговой таблице Е. В. Анисимова [Там же]. Эти нюансы в методиках показывают, что полученные исследователями показатели, строго говоря, несопоставимы друг с другом. Пожалуй, единственное, что объединяет все способы расчета налогового бремени – то, что этот показатель рассчитывают, исходя из оклада.

Разница в расчетах у П. Н. Милюкова и Е. В. Анисимова объясняется и тем, что они использовали разные источники. Так, Анисимов критиковал своего предшественника за использование, с одной стороны, сведений Ж.-Ж. Кампредона для определения суммы платежей за 1723 г. [Анисимов, 1982, с. 275–276], а с другой – сведений из табели (обнаруженной Милюковым в фонде «Внутреннее управление» нынешнего РГАДА) для определения суммы за 1724 г. [Там же, с. 102]. Бесспорно, критика сведений Ж. Ж. Кампредона справедлива. Но вряд ли стоит безоглядно доверять тому, что

---

⁴ Используя данные П. Н. Милюкова, можно рассчитать, что налоговое бремя увеличилось на 159 %.

упомянутая табель П. Н. Милюкова [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35] содержит неполные данные. Важно заметить, что, оценивая сборы за 1724 г., Анисимов (вероятно, под влиянием сведений Комиссии о подати) исходил из оклада в 70 коп. с мужской души, а Милюков – в 74 коп. Как показывает проверка, расхождение в итоговых данных незначительное, составляет 0,2 %⁵. Иначе говоря, здесь данные, почерпнутые из составленных независимо источников, соотносятся. Остальные сведения, использованные Анисимовым, пожалуй, можно считать уникальными; в большинстве случаев их весьма проблематично перепроверить.

Ключевым источником сведений о подворном и подушном налогообложении для Е. В. Анисимова послужили материалы Комиссии Д. М. Голицына – «Экстракт» подлинной» [РГВИА. Ф. 23. Д. 843], его редакция «Экстракт» краткой» [Там же. Д. 825], а также различные таблицы, которые отражают работу над их составлением [РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 28575]. Несомненная заслуга историка в том, что он ввел эти материалы в научный оборот. Дело в том, что продолжительное время итоговый документ Комиссии Д. М. Голицына считался утерянным [Анисимов, 1973, с. 343]. Отчасти это можно объяснить тем, что «Экстракт» не содержит каких-либо сведений, прямо указывающих на его происхождение. Неясно из монографии Анисимова, как он провел атрибуцию источника, но она абсолютно верна. В частности, в этом может помочь обращение к тексту указа от 17 сентября 1742 г., в котором упоминается Комиссия Д. М. Голицына, а также ряд представленных ею сведений, которые совпадают с данными из «Экстракта» [ПСЗ-1, т. 11, № 8619, с. 658].

Материалы Комиссии Д. М. Голицына занимают центральное положение в концепции Е. В. Анисимова, поэтому важно обратиться к наиболее существенным моментам появления этих источников. Практически сразу после смерти Петра I в правительстве активно обсуждали итоги его финансовых реформ. В связи с этим бывшие сподвижники императора предлагали сбавить подушную подать, частично ее заменить натуральными платежами, обложить налогом только крестьян в возрасте от 10 до 60 лет и др. [Мустафин, 2016]. В частности, Д. М. Голицын предложил учредить специальную комиссию, которая должна была выяснить, насколько больше стали платить крестьяне с введением подушной подати, а «из того видеть можно, что с них ныне сложить довлеет» [РГАДА. Ф. 9. Кн. 33. Л. 198]. В итоге, обсудив проблемы крестьянства, верховники отменили сбор майской трети⁶ (то есть сократили сбор семигривенного платежа на 23 коп.), а созданной Комиссии Д. М. Голицына поручили

⁵ Умножив количество душ, используемое Е. В. Анисимовым (5 391 015), на 74 коп., мы получаем сумму платежей в 3 989 351 руб. По данным П. Н. Милюкова, сумма составляет 3 996 771 руб. [Милюков, с. 480].

⁶ В 1720–1730-е гг. подушная подать собиралась по «третям»: «январская», «майская» и «сентябрьская» трети [Петрухинцев, 2014, с. 287].

решить вопрос о судьбе подушной реформы Петра I до начала сбора сентябрьской трети в 1727 г. Однако решение было оформлено только в конце 1729 г., когда был представлен упомянутый «Экстракт», содержащий проект реформирования налоговой системы. Комиссия Д. М. Голицына выступила за сохранение основных принципов подушной системы налогообложения. В своем проекте она предлагала сократить подать с монастырских крестьян (до 60 коп. с души), а также рассмотреть три варианта снижения подати с дворцовых и помещичьих крестьян – до 50, 45 и 40 коп. Вместе с тем, сокращение налоговых поступлений комиссия рассчитывала компенсировать за счет «остаточных за расходами» различных ведомств денег. Как удалось установить, несмотря на то, что Д. М. Голицын сыграл ключевую роль в «затейке верховников» в начале 1730 г., в марте его предложение сократить подать до 45 коп. для помещичьих и дворцовых крестьян было одобрено Сенатом. Однако оно так и не было реализовано [Мустафин, 2016].

Комиссия предлагала решение проблемы крестьянского разорения за счет сокращения налоговой нагрузки в первую очередь для дворцовых и помещичьих крестьян. Ее расчеты говорят о том, что члены комиссии рассматривали альтернативный вариант реформы, подразумевающий ограничение контингента плательщиков возрастными рамками (от 10 до 60 лет). Эту идею высказал в декабре 1726 г. в своем «мнении» Карл Фридрих, апеллируя к опыту Швеции и иных государств, «где такая контрибуция под именем поголовных денег собирать обычай есть» [РГАДА. Ф. 9. Кн. 33. Л. 172 об.]. Собранные комиссией статистические данные позволили выработать определенное управленческое решение. Это принципиальное отличие созданного ею «Экстракта» от различных материалов ревизского учета (учетной документации). Иначе говоря, мы можем «Экстракт» охарактеризовать как статистический источник [Источниковедение, с. 428].

Этот источник существенен для характеристики развития статистической и экономической мысли в России. Зарождение описательной статистики в России, как правило, связывают с трудами И. К. Кириллова, М. М. Щербатова и И. Ф. Германа [Птуха, с. 285–288; Яцунский, с. 172]. Пожалуй, в этом ряду должен быть и «Экстракт» Комиссии о подати, по упомянутым причинам оставшийся долгое время не известным научному сообществу. На фоне статистических трудов XVIII столетия эта работа отличается тем, что фактически была направлена на реконструкцию и анализ экономической динамики. К этому следует добавить, что сформулированная в записке Д. М. Голицына и других членов правительства идея о недопустимости чрезмерного налогообложения достаточно необычна для экономической мысли раннего Нового времени⁷.

---

⁷ По всей видимости, среди сподвижников Петра I эту идею первым высказал барон А. Х. Люберас [Мустафин, 2018, с. 108].

Дело в том, что европейские меркантилисты, как правило, убеждены были в целесообразности пребывания в бедности большинства населения своей страны, «почти исключительно были заняты “богатством государств”, а еще более – богатством казны» [Кареев, с. 258]. К примеру, даже Уильям Петти, один из первых критиков меркантилизма, заявляя о том, что «одни люди более бедны, чем другие, это всегда было и всегда будет», убеждал, что такое положение весьма выгодно для развития внешней торговли [Петти, с. 156].

Возвратимся к данным из «Экстракта» Д. М. Голицына. Несложно заметить, что Е. В. Анисимов фактически ограничился только теми сведениями комиссии, которые позволили ему вычислить сумму сборов до и после введения подушной подати [Анисимов, 1982]. Удивительно, что в своей монографии историк словно игнорирует тот факт, что комиссия провела собственные расчеты динамики налогового бремени [РГВИА. Ф. 23. Д. 825. Л. 2]. Эта часть «Экстракта» заслуживает обстоятельного и глубокого изучения алгоритма, лежащего в основе этих расчетов. Сложность состоит в том, что «Экстракт» практически полностью оформлен в табличной форме, и выяснить, каким образом были проведены расчеты, можно только путем их перепроверки.

Сначала комиссия приводит сведения о численности мужских душ, о социальной и возрастной структуре податного населения [РГВИА. Ф. 23. Д. 843. Л. 1–2]. Далее обращено внимание на сборы с мужской души, введенные после подушной реформы (табл. 1). Как мы видим, комиссия учитывала как постоянные, так и чрезвычайные налоги, а именно сборы на поставку рекрутов и на постройку штабных дворов, и можно объяснить ряд моментов динамики их сборов. Так, ниже указаны сборы на постройку штабных дворов только за 1726 г. не из-за отсутствия данных за другие года. Причина проста: собирали этот налог только в 1725–1726 гг. В 1727 г. было решено вывести полки из уездов [ПСЗ-1, т. 7, № 5010, с. 734]. Сложнее понять, почему 1725 г. исключен из анализа динамики налогового бремени? Рискнем предположить, что это связано с тем, что в этом году не проводилось сборов рекрутов. Соответственно, полученный показатель налогового бремени за этот год был бы нетипичным. Обратим также внимание на пятый столбец табл. 1, в котором суммируются данные по семигривенному платежу и упомянутым чрезвычайным платежам. Мы видим, что комиссия исходила из того, что семигривенный платеж в 1724 г. составлял 70 коп., а не 74 коп. Столь низкая сумма платежей за 1727 г. объясняется тем, что в этом году, как упоминалось, отменили сборы майской трети.

Таблица 1

Налоговые сборы с мужской души в 1724–1726 и 1727 г. (в коп.⁸)

Год	За рекрутов	На штабные дворы	Сборы сверх семигривенного	Сборы вместе с семигривенным
1	2	3	4	5
1724	34	–	34	104
1726	34	6	40	110
1727	23	–	23	69

Сост. по: РГВИА. Ф. 23. Д. 825. Л. 1 об.

Для сопоставления налогового бремени до и после введения подушной подати комиссия решила рассчитать сведения относительно крестьянского двора. В «Экстракте» отмечается, что по «генералитетскому» свидетельству⁹ «написано дворового числа 870 685 дворов, а по исчислению и по сложности, без исключения убылых, на каждой двор обошлось по $6\frac{1}{8}$ души» [РГВИА. Ф. 23. Д. 825. Л. 2]. Это значит, что комиссия общее количество душ, положенных на полки (5 391 015), разделила на указанное количество дворов (870 685), получив, что на крестьянский двор приходилось немногим более шести мужских душ¹⁰.

Казалось бы, остается умножить это количество мужских душ во дворе на сумму платежей с души. Однако полученные нами данные о сборах со двора заметно расходятся с данными, представленными в «Экстракте». Так, по мнению его составителей, семигривенный платеж со двора составил 4 руб. 7 коп. [РГВИА. Ф. 23. Д. 825. Л. 2]. Но если мы умножим 70 коп. на количество душ во дворе, то получим 4 руб. 29 коп. Сведения о сборах с учетом чрезвычайных налогов также расходятся, доходя до 68 коп. (табл. 2). Весьма маловероятно, что здесь при написании были допущены случайные ошибки, и наличие краткой редакции позволяет перепроверить сведения. Возможно ли, что ошибки были допущены намеренно? Ответить на этот вопрос можно, если удастся выяснить, как эти данные использовались комиссией Д. М. Голицына.

⁸ Платежи округлены до копеек.

⁹ Имеется в виду проверка данных переписи (а по сути – продолжение ее проведения), которой с января 1722 г. руководили уполномоченные генералы и штаб-офицеры [см.: Редин, с. 206].

¹⁰ В литературе нет единой точки зрения на то, сколько душ приходилось на крестьянский двор. Однако оценка комиссии выглядит завышенной [см.: Петрухинцев, 2001, с. 315; Черников, 2014].

Таблица 2

Налоговые сборы со двора в 1724–1726 и 1727 г. (в руб.¹¹)

Год	Расчеты Комиссии Д. М. Голицына	Расчеты автора
1724	5,75	6,37
1726	6,06	6,74
1727	4,76	4,23

Сост. по: РГВИА. Ф. 23. Д. 825. Л. 2.

Следующим шагом комиссии было сопоставление этих данных с данными о сборах за 1720–1723 гг. [см.: Анисимов, 1973]. Как мы видим, с введением подушной подати, по данным «Экстракта», прирост платежей с крестьянского двора был в пределах от 82 коп. до 2 руб. 71 коп. (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление налогового бремени до и после введения подушной подати (в руб. со двора¹²)

Год подворного налогообложения	Сборы до введения подушной подати	Прирост сборов после введения подушной подати	Год подушного налогообложения
1720	3,68	2,07	1724
		2,39	1726
		1,08	1727
1721	3,94	1,81	1724
		2,13	1726
		0,82	1727
1722	3,69	2,06	1724
		2,38	1726
		1,07	1727
1723	3,36	2,39	1724
		2,71	1726
		1,40	1727

Составлено по: РГВИА. Ф. 23. Д. 843. Л. 4 об. . –5.

¹¹ Платежи округлены до второго знака после запятой.

¹² Платежи округлены до второго знака после запятой.

Какова связь между этими вычислениями и упомянутыми выше вариантами понижения подушной подати, предложенными комиссией? В действительности о ее характере остается только догадываться. Рискнем предположить, что внимание комиссии Д. М. Голицына привлекла разница сборов за 1721 и 1724 гг., поскольку, как мы видим, она самая минимальная, если не учитывать налогообложение в 1727 г., когда не собирали платежи за майскую треть. Эта разница (в 1 руб. 81 коп.) сопоставима с самым «щедрым» предложением комиссии о снижении для помещичьих и дворцовых крестьян подушной подати на 30 коп. с души, если мы, естественно, проведем расчеты относительно двора (1 руб. 84 коп. = 30 коп. × 6,125). Итак, вероятно, имела связь между вычислениями комиссии и предложенными ею вариантами снижения подушной подати.

Отсюда вытекает следующий вопрос: есть ли основания полагать, что Д. М. Голицын преследовал какие-либо интересы, подготавливая проект реформирования податной системы? В связи с этим привлекает внимание последующее содержание «Экстракта»: комиссия Д. М. Голицына уделила подчеркнутое внимание расходам на армию, проведя колоссальную работу по поиску «остаточных денег», которые могли компенсировать потери казны. Для этого ей пришлось собрать сведения о таможенных, канцелярских, кабацких деньгах, доходах от продажи казенных товаров, а также и о множестве мелких сборов (свыше 70), именуемых «неокладными доходами», более 30 из которых принесли казне за 1724–1727 гг. менее 100 руб. [РГВИА. Ф. 23. Д. 843. Л. 33 об. –36]. Однако ни в одном указе, посвященном Комиссии о подати, не упоминается, что ей поручалось найти способ компенсировать потери государственной казны [ПСЗ-1, т. 7, № 5010, с. 734; № 5043, с. 768]. Также в своеобразной статистической анкете, рассылавшейся комиссией в различные ведомства, вопросы посвящены были только податной системе налогообложения [Там же, т. 7, № 5099, с. 806–807; РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 28676. Л. 20–22]. Напротив, создание Комиссии об армии, а также содержание большинства мнений и записок [Мустафин, 2016] говорят нам о том, что правительство рассчитывало компенсировать потери казны за счет сокращения расходов на армию, на содержание которой и собиралась подушная подать [Черников, 2015, с. 47]. Так или иначе, комиссия предложила вариант, который не ущемлял интересы армии. Возможно, ее кропотливые усилия в этом направлении можно объяснить тем, что после смещения А. Д. Меншикова президентом Военной коллегии стал родной брат Д. М. Голицына Михаил Михайлович.

Несколько удивляет и форма записи дробной части копеек: члены комиссии не приводили ее к общему знаменателю. Например, в таблице «Экстракта» (аналогичной табл. 3), в которой сопоставляются сборы до и после введения подушной подати, показано, что в 1724 г. по сравнению с 1720 г. со двора собирали больше на 2 руб. 7 коп. ($\frac{1}{16}$ $\frac{1}{32}$ $\frac{1}{64}$ $\frac{1}{128}$ $\frac{1}{256}$). Все числа в упомянутой таблице содержат

дробную часть, которую необходимо привести к общему знаменателю [РГВИА. Ф. 23. Д. 843. Л. 4 об. –5]. Такая форма записи чисел затрудняет проверку данных, на что, возможно, и рассчитывали составители «Экстракта».

Таким образом, некоторые обстоятельства косвенно подтверждают наши сомнения в итоговых расчетах комиссии. Но признание, что создатели «Экстракта» были заинтересованы в получении ожидаемых результатов, не означает, что надо полностью отказаться от сведений, приведенных в этом документе. Заметим, что нет смысла фабриковать сведения и расчеты на каждом шаге при реконструкции динамики налогового бремени. Тот факт, что искажены итоговые расчеты, в некоторой степени увеличивает степень доверия к промежуточным расчетам и сведениям.

Обратившись к «Экстракту» Голицына, можно ли уточнить расчеты Е. В. Анисимова, учитывая при этом как постоянные, так и чрезвычайные сборы? Для того чтобы узнать сумму сборов за 1724 и 1726–1727 гг., необходимо количество мужских душ (5 391 015) умножить на сумму сборов с мужской души за три года (см. табл. 1, колонка 5). Учтем также то, что в 1724 г. подушный сбор составлял 74 коп. с души (по данным «Экстракта», он составлял 70 коп.). Получаем, что за эти три года с мужской души взималось 2 руб. 87 коп. (= 1 руб. 4 коп. + 1 руб. 10 коп. + 69 коп. + 4 коп.). Остается учесть четырехгривенный платеж [Там же. Л. 1], который за три года составил 1281 тыс. руб. (= 40 коп. $\times$ 3 $\times$ 1 067 291). В итоге получаем 16 753 тыс. руб. – сумму сборов за 1724 и 1726–1727 гг. Остается сопоставить ее с суммой сборов за 1721–1723 гг. – 9 828 тыс. руб. [Анисимов, 1982, с. 279]. В результате получаем прирост в 70 %.

Дискуссия о налоговом бремени 1720-х гг. не завершена, что связано с неполнотой данных (в том числе использованных Е. В. Анисимовым) о сборах на поставку рекрутов, полученных комиссией. Не имея сведений из сибирской и астраханской губерний, она рискнула вывести среднее число по имеющимся данным. Таким образом, была получена сумма денег, собиравшаяся с мужской души на поставку рекрутов. Кроме того, податная система Петровской эпохи, особенно до подушной реформы, была достаточно сложной и запутанной, что ставит перед историком комплекс трудноразрешимых задач. По многим моментам наши знания недостаточны.

Завершая рассмотрение вопроса о налоговом бремени в 1720-е гг., учтем, что в этот период заметно изменялась покупательная способность рубля, в связи с чем вызывает интерес исследование М. А. Киселева [Kiselev]. Сопоставляя сборы за 1680 и 1725 гг., с учетом изменения хлебных цен, М. А. Киселев приходит к выводу, что результаты увеличения прямых налогов были существенно меньше из-за инфляции. Однако неясно, как историк оценивал динамику за этот период, используя данные Б. Н. Миронова, в монографии которого цены представлены начиная с 1707 г. [Миронов]. Кроме того, сравнивая от-

дельные реперные точки на достаточно длительном хронологическом отрезке, сложно избежать (бес)сознательной манипуляции периодами сравнения. Дело в том, что в 1722–1725 гг. наблюдались одни из самых высоких хлебных цен за первую половину столетия.

Подтвердится ли вывод М. А. Киселева, если мы оценим динамику налогового бремени в 1720-е гг. с учетом изменения хлебных цен? Проверив надежность сведений [см.: Мустафин, 2017], воспользуемся средней ценой четверти ржи за 1721–1723 гг. (133,3 коп.) и за 1724, 1726–1727 гг. (105,3 коп.) [Миронов, с. 191]. В итоге получаем прирост на 116 %. Если воспользуемся данными о ценах на овес (58 коп. и 51 коп., соответственно [Там же]), то получим прирост на 94 %. Логичен вывод, что в связи с дефляцией во второй половине 1720-х гг. реальная налоговая нагрузка возросла.

Подведем итоги. Материалы Комиссии Д. М. Голицына занимают центральное место в дискуссиях о налоговом бремени в России 1720-х гг. в силу того, что содержат уникальные сведения о чрезвычайных платежах. Но, используя эти сведения, можно получить грубые оценки изменения налогового бремени. Это связано с неполнотой данных о сборах на поставку рекрутов, полученных комиссией. Вместе с тем, в расчетах налогового бремени удалось выявить ряд ошибок, которые, по всей видимости, были допущены намеренно.

Список литературы

- Анисимов Е. В.* Материалы Комиссии Д. М. Голицына о подати (1727–1730) // Ист. зап. 1973. Т. 91. С. 338–352.
- Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I : Введение подушной подати в России, 1719–1728. Л. : Наука, 1982. 296 с.
- Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 536 с.
- История крестьянства СССР с древнейших времен до 1917 г. : в 5 т. М. : Наука, 1993. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.). 664 с.
- Источникведение : Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М. : РГГУ, 1998. 702 с.
- Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М. : РГГУ, 2001. 575 с.
- Кареев Н. И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2009. 463 с.
- Курукин И. В.* Эпоха «дворцовых бурь» : Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань : Частный издатель П. А. Трибунский, 2003. 570 с.
- Миллюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 679 с.
- Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л. : Наука, 1985. 301 с.
- Мустафин А. Р.* «Какое облегчение в подушных деньгах крестьянству учинить?» : финансовые реформы в проектах и мнениях второй половины 1720-х гг. // Рос. ист. 2016. № 2. С. 91–101.

- Мустафин А. Р. «Ведомости одна с другою никакого сходства не имеют»: верификация данных о хлебных ценах в России в XVIII веке // Рос. ист. 2017. № 2. С. 198–209.
- Мустафин А. Роль барона А. Х. Любераса в коллегиальной реформе Петра I // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 1. С. 99–113. DOI 10.15826/qr.2018.1.284.
- Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривнутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 гг. СПб. : Алетейя, 2001. 352 с.
- Петрухинцев Н. «Финансы войны» и офицерский корпус полков «нового строя» в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 263–292.
- Петти В. Экономические и статистические работы. М. : Соцэкгиз, 1940. 324 с.
- Покровский Н. Н. [Рец. на кн.: Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I : Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л. : Наука, 1982. 296 с.] // История СССР. 1985. № 2. С. 192–194.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 7, 11.
- Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М. : Госполитиздат, 1945. 352 с.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Кн. 33; Ф. 16 (Внутреннее управление). Оп. 1. Д. 35; Ф. 273 (Камер-коллегия). Оп. 1. Д. 28575, 28676.
- РГВИА. Ф. 23 (Воинские комиссии). Д. 825, 843.
- Редин Д. Эффективность местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 3. С. 190–215. DOI 10.15826/qr.2016.3.183.
- Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М. : Соцэкиздат, 1960. 548 с.
- Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М. : Наука, 1966. 275 с.
- Черников С. В. Населенность крестьянского двора как фактор доходности имения и тягоспособности крестьян (по материалам переписей 1730-х гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 132–143.
- Черников С. Российский генералитет 1730–1741 гг.: численность, национальный и социальный состав, тенденции развития // Quaestio Rossica. 2015. № 1. С. 39–58. DOI 10.15826/qr.2015.1.078.
- Юхт А. И. [Рец. на кн.: Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л. : Наука, 1982. 296 с.] // Вопр. ист. 1984. № 9. С. 127–130.
- Яцунский В. К. Историческая география : История ее возникновения и развития в XIV–XVIII вв. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 331 с.
- Cracraft J. [Rev. of.: Anisimov E. V. Podatnaia reforma Petra I. Vvedenie podushnoi podati v Rossii 1719–1728 gg. Leningrad: Nauka, 1982. 296 p.] // The Russian Rev. 1986. Vol. 45. No. 1. P. 71–72.
- Kiselev M. State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50 : Paths to State Building in Early Modern Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 16. 2015. No. 1. P. 7–36. DOI 10.1353/kri.2015.0012.

References

- Anisimov, E. V. (1973). Materialy Komissii D. M. Golitsyna o podati (1727–1730) [Documents of D. M. Golitsyn's Commission on Taxation]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 91, pp. 338–352.
- Anisimov, E. V. (1982). *Podatnaya reforma Petra I: Vvedenie podushnoi podati v Rossii, 1719–1728* [Petrine Tax Reform: Introduction of Capitation in Russia, 1719–1728]. Leningrad, Nauka. 296 p.
- Chernikov, S. V. (2014). Naseleennost' krest'yanskogo dvora kak faktor dokhodnosti imeniya i tyaglosposobnosti krest'yan (po materialam perepisei 1730-kh gg.)

[The Population of a Peasant Household as a Factor of Manor Profitability and Tax Payment Capacity of Peasants (with Reference to Censuses of the 1730s)]. In *Ezhedodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. No. 1, pp. 132–143.

Chernikov, S. (2015). Rossiiskii generalitet 1730–1741 gg.: chislennost', natsional'nyi i sotsial'nyi sostav, tendentsii razvitiya [Russian Generals Between 1730 and 1741: Numbers, National and Social Background, Trends]. In *Quaestio Rossica*. No. 1, pp. 39–58. DOI 10.15826/qr.2015.1.078.

Cracraft, J. (1986). [Review of Anisimov E. V. Podatnaia reforma Petra I. Vvedenie podushnoi podati v Rossii 1719–1728 gg. Leningrad, Nauka, 1982. 296 p.]. In *The Russian Rev.* Vol. 45. No. 1, pp. 71–72.

Danilevskii, I. D., Kabanov, V. V., Medushevskaya, O. M., Rumyantseva, M. F. (Eds.). (1998). *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii. Uchebnoe posobie* [Source Study: Theory. Story. Method. Sources of Russian History. Textbook]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 702 p.

Gershenkron, A. (2015). *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoi perspective* [Economic Backwardness in Historical Perspective]. Moscow, Izdatel'skii dom "Delo" Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii. 536 p.

Istoriya krest'yanstva SSSR s drevneishikh vremen do 1917 g. v 5 t. [The History of Peasantry of the USSR from Ancient Times to 1917. 5 Vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 3. Krest'yanstvo perioda pozdnego feodalizma (seredina XVII v. – 1861 g.). 664 p.

Kamenskii, A. B. (2001). *Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka: opyt tselostnogo analiza* [From Peter I to Paul I. Reforms in Russia in the 18th Century: The Experience of Holistic Analysis]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 575 p.

Kareev, N. I. (2009). *Zapadnoevropeiskaya absolyutnaya monarkhiya XVI, XVII i XVIII vekov: obshchaya kharakteristika byurokraticheskogo gosudarstva i soslovnogo obshchestva "starogo poryadka"* [The Western European Absolute Monarchy of the 16th, 17th, and 18th Centuries: General Characteristics of the Bureaucratic State and the Estate Society of the "Old Order"]. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii. 463 p.

Kiselev, M. (2015). State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50: Paths to State Building in Early Modern Russia. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. No. 1, pp. 7–36. DOI 10.1353/kri.2015.0012.

Kurukin, I. V. (2003). *Epokha "dvortsovykh bur'": Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii, 1725–1762 gg.* Ryazan', private publisher P. A. Tribunskii. 570 p.

Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reforms of Peter the Great]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 679 p.

Mironov, B. N. (1985). *Khlebnye tseny v Rossii za dva stoletiya (XVIII–XIX vv.)* [Bread Prices in Russia for Two Centuries (18th–19th Centuries)]. Leningrad, Nauka. 301 p.

Mustafin, A. R. (2016). "Kakoe oblegchenie v podushnykh den'gakh krest'yanstvu uchinit'?: finansovy reformy v proektakh i mneniyakh vtoroi poloviny 1720-kh gg. ["How Can We Relieve the Peasants' Duty of Paying the Poll Tax?"] Financial Reforms in Projects and Opinions of the Second Half of the 1720s]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 91–101.

Mustafin, A. R. (2017). "Vedomosti odna s drugoyu nikakogo skhodstva ne imeyut": verifikatsiya dannykh o khlebnykh tsenakh v Rossii v XVIII veke ["The Lists Bear No Resemblance with Each Other": Verification of Grain Prices in 18th-Century Russia]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 198–209.

Mustafin, A. (2018). Rol' barona A. Kh. Lyuberasa v kollegial'noi reforme Petra I [New Information about Baron A. Ch. Luberas and His Role in the Collegiate Reform of Peter I]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 1, pp. 99–113. DOI 10.15826/qr.2018.1.284.

Petrukhintsev, N. N. (2001). *Tsarstvovanie Anny Ioannovny: formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota 1730–1735g.* [The Reign of Anna Ivanovna:

The Formation of the Domestic Political Course and the Fate of the Army and Navy in 1730–1735]. St Petersburg, Aleteiya. 352 p.

Petrukhintsev, N. (2014). “Finansy voiny” i ofiterskii korpus polkov “novogo stroya” v voennoi reforme Alekseya Mikhailovicha (1663) [“War Finance” and the Officer Corps of the “New Order” Regiments in Tsar Aleksey Mikhailovich’s War Reform (1663)]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 263–292.

Petti, V. (1940). *Ekonomicheskie i statisticheskie raboty* [Economic and Statistical Work]. Moscow, Sotsekgiz. 324 p.

Pokrovskii, N. N. (1985). [Retsenziya na knigu: Anisimov E. V. Podatnaya reforma Petra I. Vvedenie podushnoi podati v Rossii. 1719–1728 gg. Leninigrad, Nauka, 1982. 296 p.]. In *Istoriya SSSR*. No. 2. pp. 192–194.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. First Collection. Vol. 7, 11.

Ptukha, M. V. (1945). *Ocherki po istorii statistiki XVII–XVIII vekov* [Essays on the History of Statistics of the 17th-18th Centuries]. Moscow, Gospolitizdat. 352 p.

Redin, D. (2016). Effektivnost’ mestnogo upravleniya v Petrovskuyu epokhu: paradoksy tsentralizatsii [Reforms of Local Administration in the Petrine Epoch: The Paradoxes of Centralisation]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 3, pp. 190–215. DOI 10.15826/qr.2016.3.183

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9 (Kabinet Petra I). Book 33; Stock 16 (Vnutrennee upravlenie). List 1. Dos. 35; Stock 273 (Kamer-kollegiya). List 1. Dos. 28575, 28676.

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. Stock 23 (Voinskie Komissii). Dos. 825, 843.

Strumilin, S. G. (1960). *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii* [Essays on the Economic History of Russia]. Moscow, Sotsekizdat. 548 p.

Troitskii, S. M. (1966). *Finansovaya politika russkogo absolyutizma v XVIII v.* [The Financial Policy of Russian Absolutism in the 18th Century]. Moscow, Nauka. 275 p.

Yatsunskii, V. K. (1955). *Istoricheskaya geografiya. Istoriya ee vznikeniya i razvitiya v XIV–XVIII vv.* [Historical Geography. The History of Its Origin and Development in the 14th-18th Centuries]. Moscow, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. 331 p.

Yukht, A. I. (1984). [Retsenziya na knigu: Anisimov E. V. Podatnaya reforma Petra I. Vvedenie podushnoi podati v Rossii. 1719–1728 gg. Leninigrad, Nauka, 1982. 296 p.]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 127–130.

The article was submitted on 12.12.2018

**КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ:
ВВЕДЕНИЕ ПОДОХОДНОГО НАЛОГА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ***

Елена Кравцова

Курский государственный медицинский университет,
Курск, Россия

**THE CORNERSTONE OF THE TAX SYSTEM:
THE INTRODUCTION OF AN INCOME TAX
IN THE RUSSIAN EMPIRE**

Elena Kravtsova

Kursk State Medical University,
Kursk, Russia

In the early twentieth century, the Russian Empire was one of the few European countries where there was no income tax; at the same time, during periods of acute deficit, the government considered the possibility of transition to income taxation and even developed various bills. However, as they were reluctant to deprive the nobility of their privileges and thus strengthen the position of the commercial and industrial strata of society, the idea remained unfulfilled. The article focuses on the main projects for the imposition of an income tax in Russia from 1892 (the most well-developed project in the nineteenth century) to 1916 (the one adopted for implementation). The article analyses the historical conditions behind the drafting of the bills, viewpoints on the innovations expressed in the government, the economic efficiency of the innovations, and the results of the discussions. Of special interest are the discussions which took place in the State Council at special meetings devoted to the implementation of the tax, because it transpires that the Ministry of Finance was one of the few liberal agencies consistently advocating for the

---

* *Citation:* Kravtsova, E. (2019). The Cornerstone of the Tax System: The Introduction of an Income Tax in the Russian Empire. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1229–1242. DOI 10.15826/qr.2019.4.435.

Цитирование: Kravtsova E. The Cornerstone of the Tax System: The Introduction of an Income Tax in the Russian Empire // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1229–1242. DOI 10.15826/qr.2019.4.435 / Кравцова Е. Краеугольный камень налоговой системы: введение подоходного налога в Российской империи // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1229–1242. DOI 10.15826/qr.2019.4.435.

transition to progressive income taxation. The same views were held by the legal departments of the Ministry of Finance, i. e. the treasury chamber and tax inspectorates. Other agencies emphasised the irrelevance, complexity, and deficiency of income tax. An income tax was introduced not as the main tax in the fiscal system but as an additional one to existing direct and indirect taxes, which caused various controversies. From the point of view of economic efficiency, the expected income from the introduction of the tax was so insignificant that it devalued the idea of its implementation. 'The law on the introduction of an income tax' adopted in 1916 was perceived by society as a great achievement, but it is scarcely possible to talk about its impact on the state budget because of the events of 1917.

Keywords: Russian Empire; income tax; taxation; financial reforms.

Российская империя в начале XX столетия оставалась одной из немногих европейских стран, где не было подоходного налога, при этом в периоды острого дефицита казны правительство рассматривало возможность перехода к подоходному обложению и даже разрабатывало различные законопроекты. Но из-за нежелания лишить дворянство привилегий и усилить положение торгово-промышленных слоев общества идея оставалась нереализованной. Рассматриваются основные проекты введения подоходного налога в России, начиная с 1892 г. (наиболее разработанный в XIX в.) и по 1916 г. (принятый к реализации). Проанализированы исторические условия создания законопроектов; мнения о новации, которые высказывались во властных структурах, специалистами, общественностью; экономическая эффективность нововведения; результаты обсуждений. Вызывают интерес дискуссии, возникавшие в Государственном совете, на специальных совещаниях по вопросу принятия налога, поскольку выявлена следующая особенность: Министерство финансов было одним из немногих либеральных ведомств, последовательно выступавших за переход к подоходному прогрессивному налогообложению. Таких же взглядов придерживались низовые структуры Минфина – казенные палаты и податные инспекции. Остальные ведомства отмечали несвоевременность, сложность, ущербность подоходного налога. Рассматриваемый налог всегда предлагалось вводить не как основной в фискальной системе, а как дополнительный к уже имеющимся прямым и косвенным налогам, что было весьма спорно. С точки зрения экономической эффективности, планируемые поступления от намечавшегося сбора были незначительны, что окончательно обесценивало идею его введения. Принятый в 1916 г. «Закон о введении подоходного налога» воспринимался обществом как огромное достижение, но говорить о его результативности для государственного бюджета не приходится из-за событий 1917 г.

Ключевые слова: Российская империя; подоходный налог; налогообложение; финансовые реформы.

Изучение налоговой политики Российской империи в конце XIX – начале XX в. находилось в постоянном спектре научных интересов историков как в советский [Ананьич, с. 159–173; Погребинский; Шепелев], так и в постсоветский периоды [Степанов; Марискин]. Некоторые исследования напрямую выходили на изучение истории введения подоходного налога в России [Боханов, с. 276–302; Захаров, Петров, Шацилло; Кравцова, 2008а, с. 89–93; Кириллов]. Для исследователей экономической истории характерна объективная оценка экономической политики правительства империи в рассматриваемый период.

Налоговая система любого государства определяет его социальную направленность и эффективность экономической системы. В Российском государстве XIX – начала XX в. она отличалась архаичными принципами: преобладание косвенного обложения над прямым, в котором все еще существовали реальные сборы по сословному принципу, отсутствие подоходного принципа обложения, который в мировой фискальной практике вводился в результате противостояния между элитой, с одной стороны, рабочими и крестьянством, с другой; множество законопроектов, поправок к ним и др. Великобритания стала страной, где впервые (в 1798 г.) был введен подоходный прогрессивный налог со ставкой обложения от 1/120 до 1/10 долей от дохода с минимальной ставки в 60 фунтов по седулярной системе, которая предполагала взимание налога с реальной прибыли от всей собственности, принадлежащей плательщику (то есть налог учитывался учреждениями, в которых налогоплательщик получал средства). Практически через сто лет (в 1893 г.) в Пруссии было принято решение повторить английский опыт, и был установлен классифицированный подоходно-прогрессивный налог с минимальных 900 марок через подачу специальной декларации, при этом шкала возрастала от 0,62 до 4 % с распределением налогоплательщиков по классам в зависимости от размера оклада. В начале XX в. подоходный налог был включен в фискальную систему большинства европейских стран, кроме Франции, России и стран Балканского полуострова.

Интерес к подоходному налогу возник в 1892 г. при крайне сложных для России экономических и социальных обстоятельствах (голод 1891 г., охвативший центральные аграрные губернии). «Везде и всюду заговорили о голоде как грозном *temento*; на Западе собирали пожертвования для русских голодающих...» [Боголепов, с. 167]. Казна оказалась в очень стесненных обстоятельствах, так как населению пострадавших районов оказывалась внушительная материальная помощь. Открылось слабое место в российской податной системе: она, при приоритетности высокого косвенного обложения, была лишена необходимой маневренности и эластичности. Бедственное положение дел в стране подтвердила «Роспись доходов и расходов России на 1892 г.», в которой бюджет сводился с дефицитом в 74,3 млн руб. В Минфине понимали, что налоговоспособность населения находилась в удручающем состоянии, что препятствова-

до принятой практике повышения налогов и заставляло обращаться для покрытия финансового дефицита к новым займам. Самым верным вариантом, по мнению одного из его сторонников С. Ю. Витте, было введение подоходного налога, который отвечал «принципу общности, т. к. к платежу его привлекаются все граждане, получающие определенный доход, независимо от вида имуществ, занятия или промысла их» [Князев, с. 33].

Проект введения подоходного налога с прогрессивной шкалой был разработан в 1892 г. Он, как и последующие, предполагал введение этого налога как дополнительного, с постепенной заменой основных налогов на подоходный из-за опасения роста дефицита бюджета. В объяснительной записке отмечалось, что данный сбор должен привлечь те лица,

...которые или вовсе не облагались донныне прямыми налогами, располагая сравнительно большим достатком, или могут без ущерба для их имущественного положения и хозяйственной силы вынести несколько высшее обложение, нежели теперь [Историческая справка, с. 24].

Предполагалось, что порог обложения будет определен с 1 тыс. руб. Субъектом обложения признавался глава семейства. Объект налогообложения – совокупность доходов плательщика и членов семьи за вычетом расходов на ведение хозяйства или предприятия плательщика и на страхование его имущества и др.

Проект 1892 г. был разослан «на заключение» представителей министерств. Резкой критике его подвергали практически все – от министра юстиции до командующего императорской главной квартирой по следующим причинам: не все источники доходов «были привлечены к обложению»; введение его было «в высшей степени нежелательно»; принцип прогрессии не соответствовал основным положениям законодательства и экономическому строю; налог мог оказаться на практике «самым несправедливым, даже ненавистным для населения и в то же время весьма ничтожным по доставляемым им средствам». В качестве альтернативы предлагались повышение косвенных налогов и обложение капиталов, недвижимости, торговли и промышленности (например, земля в Сибири и Закавказье) [см.: Историческая справка, с. 28–32, 39–40]. Практические органы финансового ведомства поддерживали проект подоходного обложения, в котором предлагалась развитая и взаимодействующая система фискальных органов и местного самоуправления, положения которого были ясны и точны, а сбор должен был сделать равномерным распределение податного бремени и т. д. Но они не были услышаны. В качестве альтернативы (с бюджетной точки зрения – весьма условной) был введен квартирный налог [Кравцова, 2012, с. 139–141], снижен поземельный налог (для восстановления крестьянского хозяйства), повышены имеющиеся налоги.

Подобная ситуация повторилась в 1905 г. Снова были повышены прямые и косвенные налоги, предполагалось обложить папиросные гильзы, бумагу всякого рода, газ, электричество, соль, наследство, и все это предлагалось дополнить подоходным налогом, который был бы дополнительным к существующим, поскольку прежде всего и больше всего правительству нужны были деньги [Журнал комиссии, с. 15].

Механизм обложения обсуждался на заседаниях межведомственной комиссии, которая выбрала его прусский вариант. Объектом обложения признавались российские и иностранные физические и юридические лица, за исключением императорской семьи и представителей дипмиссий [РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 300. Л. 44 об.]. Предметом обложения являлись денежные средства или поступления от имущества, капитала, предпринимательской и иной деятельности и т. д. Налог имел прогрессивную шкалу и начинался с 900 руб.: с доходом по первому разряду (900–950 руб.) процент взноса составлял 0,9 % (сумма налога – 8 руб.); с годовой прибыли 95–100 тыс. руб. отчислялось 5 % (налог – 4700 руб.), то есть процент отчислений вырос более чем в пять раз, а сумма причитающегося налога увеличилась в 588 раз [Там же. Л. 57 об.]. Взиманием его должны были заниматься те же финансовые институты, что и другими прямыми налогами – от Министерства финансов до податных инспекторов с созданием специальных податных присутствий по подобию существовавших [Кравцова, 2007, с. 98–104; Кравцова, 2010, с. 57–58].

При обсуждении законопроекта жаркие споры возникли по нижнему порогу обложения – 900 руб. Звучало мнение, что «при высоком минимуме громадная масса населения империи будет освобождена от обложения, и введенный налог в финансовом отношении не даст удовлетворительных результатов», и предлагалось *Existenz minimume* снизить до 600 руб. Высказывались предложения о градации размера налога от категории местности, поскольку «при одной и той же сумме доходов в одной местности люди могут считать себя более зажиточными, чем в других», поэтому рекомендовалось определить несколько *minimume* – в 600, 800 и 1000 руб. Оппоненты отмечали, что введение подоходного налога планировалось дополнением к комплексу существующих сборов, поэтому внесение поправок следует производить позднее [РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 300. Л. 21–27 об.].

Законопроект кочевал в государственных учреждениях и комиссиях Государственной думы в 1905 г. Особое совещание его рассмотрело, одобрило и даже выработало ряд основных положений. Департамент окладных сборов занимался собиранием данных о финансовых результатах введения налога. Затем после многократных переделок закон поступил в Межведомственный совет. В 1907 г. законопроект был внесен в Государственную думу второго созыва, а затем остался в наследство Третьей Государственной думе [Кутлер, с. 3], но принят не был. Такой длительный процесс рассмотрения закона, безусловно, вызывает удивление, поскольку введение подоходного налога было

одним из программных установок всех политических партий России, кроме монархической, и на заседаниях Госдумы постоянно обсуждался вопрос о справедливом налогообложении. К примеру, при рассмотрении росписи бюджета за 1907 г. сотрудник Минфина депутат Н. Н. Кутлер указывал, что главным источником поступления средств в казну являлись косвенные налоги, подтверждал их вредное влияние на народное благосостояние, но отмечал, что сразу изменить налоговую систему нельзя, косвенные налоги придется сохранить и постепенно переходить к справедливому прямому налогообложению. Делая подсчеты налоговых поступлений, оратор пришел к выводу, что только 350 млн руб. из них попадают на имущие классы, остальные 1,150 млн руб. – на неимущие [Торгово-промышленная газета, с. 4]. Социал-демократ Г. А. Алексинский, отвечая на пример, приведенный министром финансов В. Н. Коковцевым о бельгийском налоговом законодательстве, заявил:

Ст. 3 бельгийской конституции гласит, что «не может быть установлено никаких привилегий, никакого освобождения от налогов или уменьшения его иначе, как по закону». В противовес этой статье у нас в России очень много привилегий: для дворян, нефтяных королей, сахарозаводчиков и прочих паразитов; привилегии эти далеко не основаны на законе [Новое время, с. 3].

В 1909 г. в Думе рассматривали очередной проект закона о подоходном налоге, по которому обложению подлежал доход, превышавший 1000 руб. в год, который планировалось взимать с юридических и физических лиц – с земли и других недвижимых имуществ в городах и уездах, от торговых и промышленных предприятий, от капиталов, от личного труда в самом широком смысле этого слова [Основные задачи, с. 173]. Сбор данных на местах (число плательщиков, их доходы) проводился казенными палатами и податными инспекторами в 1909–1910 гг. Предполагавшиеся финансовые результаты сложно было назвать многообещающими: по империи планировалось собрать 64,6 млн руб. [Подоходный налог, с. 65]. При этом в 1906 г. по Государственной росписи доходов и расходов сумма прямых и косвенных налогов (без пошлин и других поступлений) составляла 721,6 млн руб., из которых на долю прямых налогов приходилось 148,3 млн руб., а косвенных – 425,0 млн руб. [Общая государственная роспись доходов и расходов на 1906 г., с. 1–2], то есть доля подоходного налога в общей сумме налоговых поступлений могла составлять не более 10 %. Другими словами, общество получало еще один налог, который ложился на более состоятельную часть населения, но налоговая политика в целом не подвергалась значимым изменениям. Налог считался уже практически введенным, даже проходили съезды податных инспекторов, посвященные этому вопросу [Журнал съезда], однако законопроект не был принят.

Финансовая ситуация ухудшилась с вступлением России в Первую мировую войну. Вопрос о введении новых налогов, несмотря на наличие чрезвычайного бюджета, актуализировался (день войны обошелся правительству в 3 млн руб. [Совет министров, с. 41]):

Связанные с войной огромные расходы государственного казначейства, а также вызванные обстоятельствами военного времени сопротивления большей части доходных поступлений влекут за собой незамедлительность подкрепления средств казны путем повышения существующих и установления новых налогов [РГИА. Ф. 23. Оп.1. Д. 273. Л. 6].

Идея введения подоходного налогообложения стала активно обсуждаться на разных уровнях. В докладе Н. М. Бакунина указывалось, что введение всеобщего подоходного налога необходимо было без установления минимума, так как крестьяне и рабочие могли заплатить от 2 руб. до 2 руб. 50 коп., беднейшие плательщики (80–90 млн чел.) дали бы государственной казне от 150 до 300 млн руб. в год, а при относительном обложении

...остальных 50–70 млн зажиточного и богатейшего населения империи говорить не приходится, ибо Министерством финансов давно уже выработаны нормы этого обложения, и если бы не прискорбное противодействие введению в России прогрессивного подоходного налога со стороны богатейших людей, то наш бюджет основывался бы на более здоровых, чем продажа напитков, основаниях [Бакунин, с. 26].

Похожее мнение высказывал и экономист М. Соболев:

Из всех проектов, какие были сделаны за последние месяцы, намечены три решенных вопроса о перестройке русского бюджета: 1. Замена винной монополии рядом других фискальных монополий... 2. Механическая надбавка ко всем существующим налогам и пошлинам... 3. Коренные преобразования всей финансовой системы с введением новых, отсутствующих доселе звеньев обложения: именно подоходного, поимущественного налогов, налога на прирост ценностей, с усилением обложения наследств [Соболев, с. 2].

Но он скептически относился к эффективности нововведений: новые табачная, сахарная, нефтяная, спичечная монополии каждая могли дать казне от 30 до 50 млн руб. в лучшем случае. Надбавки к существовавшим налогам вообще не стоило вводить, так как они могли нарушить равномерность обложения. В качестве метода спасения казны признавался только подоходный налог.

Правительство не решилось на введение новации и учредило малоодоходный военный налог [Кравцова, 2008б, с. 64]; также были увеличены ставки всех налогов. Споры о подоходном налоге про-

должались и на заседаниях Государственной думы и Государственного совета [см.: Беляев, с. 187–192]. В ходе дискуссий отмечалось, что в новый налог необходимо было включить государственный квартирный налог и налог на личные промысловые занятия, при этом примерный финансовый результат мог составлять 70–75 млн руб. [К вопросу о преобразовании, с. 24–25], и его нельзя было назвать решающим для бюджета: по проекту росписи доходов и расходов Российской империи на 1915 г. сумма, предполагавшаяся к получению, от прямых налогов составляла 342,5 млн руб., от косвенных – 694,2 млн руб. [Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 г., с. 34].

При обсуждении законопроекта спорным был вопрос, касавшийся принципа обложения, поскольку в финансовой практике использовалось два подхода – прусская система обложения дохода целиком и английская (шестидесятилетняя) форма обложения доходов по одним источникам.

В качестве характеристик английской системы можно отметить следующие: доход облагался налогом у источника; ставки делились на фундированные и нефундированные доходы; установленные общинные надбавки к частям государственного подоходного налога распределялись на недвижимость или предприятия даже тех собственников, которые не жили на конкретной территории; деятельность налоговых органов значительно упрощалась, так как отсутствовали декларации и лишние бюрократические проволочки. В качестве ее недостатков можно отметить «обложение по необходимости для оставления пропорциональности; большее отягощение менее состоятельных плательщиков; препятствие в увеличении ставок обложения; облегчение переложения и амортизации налога» [Гензель, Соколов, с. 5]. Однако многие экономисты отмечали следующее:

...Для России более выгодна прусская система, т. к. возможное проведение последовательной прогрессии, взимаемой у источника, не предоставляет значительных выгод в России со слабо развитым кредитом, а дифференцированные ставки могут быть только при этой системе: в декларации доходы показаны по источникам, и возможно обложить весь доход целиком [Твердохлебов, с. 53].

При этом ставки налога должны соответствовать общественно-политическим и экономическим условиям страны, поскольку «владелец состояния в России стоит в социально-экономическом отношении неизменно выше, чем владелец такого же состояния в Англии» [Гензель, Соколов, с. 4]. Также большие споры вызывала прогрессивная шкала обложения, поскольку часть членов Государственного совета считали наличие прогрессивного подхода началом ликвидации крупной собственности в стране [Беляев, с. 193–194].

В этих условиях 6 апреля 1916 г. был высочайше утвержден и одобрен Закон о подоходном налоге. «Введением подоходного налога царское правительство признало то, что отрицало многократно: война не препятствует финансовым... реформам. Наоборот, в период национального подъема преодолевается рутинная и преодолевается сопротивление консервативной части общества...» [Буланже, с. 147]. В России эта реформа была принята слишком поздно, хотя в Минфине писали так:

Исходя из стремления осуществить предложения (о повышении государственных доходов) и признавая справедливым и необходимым возложить новое вызванное военными обстоятельствами податное бремя по возможности на все платежеспособное население, Министерство финансов вскоре после возникновения военных событий стало на путь увеличения целого ряда существовавших налогов и введения некоторых новых видов обложения [РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 73 об.].

Современник налога Б. Имшеницкий иронизировал по этому поводу:

Сколько шуму, сколько надежды кружилось вокруг этой реформы, и наконец в заседаниях Государственной думы она вытаскилась из-под спуда архива Таврического дворца, предстала во всем своем жалком ошипанном одеянии. Но беднее всего то, что, обрадованные новшеством, никто из депутатов и не подметил ее ничтожества: с левой стороны законопроект приветствовали с глубоким поклоном как спасительницу нашего бюджета, а с другой стороны – отстраняясь, как от чумы, и всячески поносили. Разгорелись партийные страсти, как около чего-то важного, большого. Представляя законопроект этой реформы своим товарищам-депутатам, один из докладчиков Постников, смакуя его, как хорошее вино, поведал присутствующим членам Государственной думы, что законопроект уже 8 лет кис в подвалах думских комиссий, и извлекли его оттуда лишь исключительно по бюджетным соображениям. Другой докладчик – Кринский – похваливая его, торжественно заявил, что в эту налоговую реформу «внесено все лучшее, что дала финансовая наука, и опыт государств, где он уже действует многие годы». Вслед за этим неслыханная шумиха поднялась около этого лежачего законопроекта, одобрили его большинством голосов, отправили на смотрины в Государственный совет и успокоились, уверенные, что совершили великое дело и спасли Россию. Но для спасения России нужно было 12 млрд руб. в год, а весь законопроект, по заявлениям министерства финансов, мог дать всего 50–60 млн руб., и в лучшем случае 70 млн руб. [Имшеницкий, с. 23–24].

Министр финансов П. Барк, который был последовательным сторонником введения подоходного налога [Кравцова, 2017, с. 38–47], в докладе Николаю II отмечал:

Установление общеподоходного налога, положенного ныне в основу налоговой системы большинства государств, в некоторых из которых оно является приобретением лишь недавнего времени, составляет одно из знаменательных событий царствования Вашего Императорского Величества в области устройства российского государственного хозяйства с прочной и надежной основой дальнейшего преобразования нашего податного дела [РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 119 об.].

Основные принципы подоходного налогообложения в России состояли в следующем. Предметом обложения служил доход в течение года, предшествующего окладному, в какой бы форме он ни получался, от всякого рода источников. Минимальная ставка подоходного налога определялась в размере 850 руб. в год. Налогообложение было дифференцированным и прогрессивным. В 1916 г. его потолок был установлен в 12,5 %. Взимание налога должно было начинаться с 1917 г., считая доходы налогоплательщиков, соответственно, за 1916 г. Основанием для определения получаемого дохода являлось заявление, подававшееся плательщиком до 1 марта ежегодно, начиная с 1917 г. В заявлениях о доходах, заполнявшихся налогоплательщиками, содержался перечень источников, подлежащих обложению (от денежных капиталов; от недвижимой собственности; от всякого рода торговых, промышленных и иных приносящих выгоду предприятий; от вознаграждений за службу; содержание, пенсии, пособия; от профессиональных, личных, промысловых и иных занятий и др.). Из указанных доходов подлежали вычеты по следующим статьям: обязательные повременные уплаты; обязательные для плательщика взносы (например, в больничные, похоронные кассы); пожертвования; добровольно производимые взносы по страхованию капиталов и доходов; оклады налогов, сборов, податей. В оклад подоходного налога подлежали зачету оклады основного промыслового налога на личные промысловые занятия и государственного квартирного налога [ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 118. Л. 2–3 об.].

Министерство финансов оценивало эффективность налога в размере 130 млн руб. [РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 119 об.], правительством же на 1917 г. определялось поступление прямых налогов (без подоходного) в размере 566,1 млн руб., косвенных налогов – 1099,1 млн руб. [Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 г., с. 33], но события 1917 г. не дали реализоваться этому начинанию.

Закон о введении подоходного налога в России со всем основанием можно назвать злосчастным. Вокруг него на протяжении века велись споры, он имел массу сторонников и столько же противников, идея его введения стала одним из лозунгов всех политических сил государства в начале XX в., но при всех спорных моментах он имел один главный недостаток – был слишком поздно принят. Причины этого кроются в архаичном видении властью экономико-социального потенциала государства, в нежелании кардинально менять фискальную систему,

в боязни перекаладывать налоговое бремя на обеспеченные слои общества из-за взаимоисключающего страха вызвать их недовольство и их желания влиять на политическую систему страны; кроме того, «владельцы многомиллионных состояний не желали поступиться даже небольшой частью своих доходов» [Беляев, с. 197]. Оценить экономическую эффективность подоходного налога не представляется возможным: даже запланированная сумма не была собрана, основные взносы, по мнению Департамента окладных сборов, планировалось получить с середины первого окладного года, но к этому времени у власти было новое правительство, которое было сметено революционной волной 1917 г.

Список литературы

Ананьич Н. И. К истории податных реформ 1880-х годов : (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. 1979. № 1. С. 159–173.

Бакунин Н. М. Доклад // Известия общества финансовых реформ. 1915. № 10. С. 24–27.

Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. 620 с.

Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб. : Тип. О. Н. Попова, 1907. 334 с.

Боханов А. Н. Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия (конец XIX – начало XX в.) // Ист. зап. Т. 114. 1986. С. 276–302.

Буланже М. Из истории подоходного налога и налога на прибыль // Налоговый вестн. 1998. № 6. С. 147.

ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 118.

Гензель П., Соколов А. Финансовая реформа в России. М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. 49 с.

Журнал комиссии по вопросу введения подоходного обложения. СПб. : Тип. М-ва финансов, 1905. 49 с.

Журнал съезда податных инспекторов Курской губернии : 25–27 сентября 1909. Курск : Тип. П. З. Либермана, 1910. 155 с.

Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацлло М. К. История налогов в России : IX – начало XX. М. : РОСПЭН, 2006. 296 с.

Имиеницкий Б. Несостоятельность дореволюционной налоговой системы : Одна из причин угнетенного состояния трудящихся классов. Киев : Тип. П. И. Бонадурер, 1917. 32 с.

Историческая справка по вопросу о введении подоходного налога в России (материалы к проекту Положения о государственном подоходном налоге). СПб. : [Б. и.], [Б. г.]. 57 с.

К вопросу о преобразовании действующей налоговой системы. СПб. : Тип. М-ва финансов, 1915. 28 с.

Кириллов А. К. От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : Параллель, 2017. 178 с.

Князев В. Г. С. Ю. Витте и налоговая политика России // Финансы. 1999. № 10. С. 30–33.

Кравцова Е. С. История сбора налогов в российской провинции на рубеже XIX–XX столетий. Курск : КГМУ, 2007. 164 с.

Кравцова Е. С. Подоходный налог в Российской империи на рубеже XIX–XX столетий: от идеи до воплощения в жизнь // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2008а. № 5. С. 89–93.

- Кравцова Е. С.* Освобожденные от призыва облагались прямым налогом // Воен.-ист. журн. 2008б. № 2. С. 64–66.
- Кравцова Е. С.* Опыт организации налогового дела в России в конце XIX – начале XX столетия. Курс : Изд-во КГМУ, 2010. 303 с.
- Кравцова Е. С.* Дискуссия о принятии квартирного налога в России в конце XIX века // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. 2012. № 4. С. 139–141.
- Кравцова Е. С.* Проблемы реформирования налоговой системы Российской империи в годы Первой мировой войны (по воспоминаниям П. Л. Барка) // Экон. ист. Т. 13. 2017. № 4. С. 38–47. DOI 10.15507/2409–630X.039.013.201704.038–047.
- Кутлер Н. Н.* К вопросу о введении в России подоходного налога // Изв. о-ва фин. реформы. 1911. № 2. С. 3–14.
- Марискин О. И.* Государево тягло : Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. 240 с.
- Новое время. 1907. 23 марта.
- Общая государственная роспись доходов и расходов на 1906 год. СПб. : Изд-во М-ва финансов, 1906. 180 с.
- Основные задачи податного и оценочного дела (руководство для податных инспекторов, земских и городских управ по разным вопросам податного и оценочного дела) / сост. П. Г. Гавриков. Киев : Изд-во книж. маг. Н. Я. Оглобина, 1912. 180 с.
- Позребинский А. П.* Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М. : Финансы, 1968. 275 с.
- Подоходный налог : Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованиям, проведенным податными инспекторами и Казенными палатами в 1909–1910 гг. СПб. : Тип. эл.-лит. Н. Я. Стойковой, 1910. 84 с.
- Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 г. с объяснением министра финансов. Пг. : Тип. В. Киришаума, 1914. 770 с.
- Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 г. с объяснением министра финансов. Пг. : Тип. В. Киришаума, 1916. 298 с.
- РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 273; Ф. 560. Оп. 38. Д. 193; Ф. 573. Оп. 34. Д. 300.
- Соболев М.* Перестройка финансовой системы России в связи с введением подоходного налога и поимущественных налогов // Вопросы финансовой реформы в России / под ред. В. Я. Железнова : в 3 т. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1915. Т. 1. Вып. 1. С. 1–12.
- Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны : Бумаги А. Н. Яхонтова (записки заседаний и переписка). СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 560 с.
- Стеланов В. Л.* Н. Х. Бунге : Судьба реформатора. М. : РОССПЭН, 1998. 398 с.
- Твердохлебов В.* О реформе прямых налогов в России // Вопросы финансовой реформы в России / под ред. В. Я. Железнова : в 3 т. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. Т. 1. Вып. 2. С. 50–75.
- Торгово-промышленная газета. 1907. 22 марта.
- Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века : Проблемы торгово-промышленной политики. Л. : Наука, 1981. 275 с.

References

- Anan'ich, N. I. (1979). K istorii podatnykh reform 1880-kh godov. Vvedenie dopolnitel'nykh sborov k promyslovomu nalogu: 3-protsentnogo i raskladochnogo [On the History of Tax Reforms of the 1880s. Introduction of Additional Fees to the Tax on Trade: 3 Percent Tax and Split Direct Tax]. In *Istoriya SSSR*. No. 1, pp. 159–173.
- Bakunin, N. M. (1915). Doklad [Report]. In *Izvestiya obshchestva finansovykh reform*. No. 10, pp. 24–27.
- Belyaev, S. G. (2002). *P. L. Bark i finansovaya politika Rossii 1914–1917 gg.* [P. L. Bark and the Financial Policy of Russia, 1914–1917]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 620 p.

Bogolepov, M. I. (1907). *Finansy, pravitel'stvo i obshchestvennye interesy* [Finance, Government, and Public Interest]. St Petersburg, Tipografiya O. N. Popova. 334 p.

Bokhanov, A. N. (1986). Vopros o podokhodnom naloge v Rossii i krupnaya burzhuaziya (konets XIX – nachalo XX v.) [The Question of Income Tax in Russia and the Upper Middle Class (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 114, pp. 276–302.

Bulanzhe, M. (1998). Iz istorii podokhodnogo naloga i naloga na pribyl' [From the History of Income Tax and Profit Tax]. In *Nalogovyi vestnik*. No. 6, pp. 147–149.

GAKO [State Archives of Kursk Region]. Stock 144. List 1. Dos. 118.

Gavrikov, P. G. (Ed.). (1912). *Osnovnye zadachi podatnogo i otsenochnogo dela (rukovodstvo dlya podatnykh inspektorov, zemskikh i gorodskikh uprav po raznym voprosam podatnogo i otsenochnogo dela)* [The Main Tasks of the Tax and Valuation Case (a Guide for Tax Inspectors, Zemsky and City Administrations on Various Issues of Tax and Valuation)]. Kiev, Izdatel'stvo knizhnogo magazina N. Ya. Oglobina. 180 p.

Genzel', P., Sokolov, A. (1916). *Finansovaya reforma v Rossii* [The Financial Reform in Russia]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. 49 p.

Imshenitskii, B. (1917). *Nesostoyatel'nost' dorevolutsionnoi nalogovoi sistemy. Odna iz prichin ugnennogo sostoyaniya trudyashchikhsya klassov* [The Failure of the Pre-Revolutionary Tax System. One of the Reasons for the Depressed State of the Working Classes]. Kiev, Tipografiya P. I. Bonadurer. 32 p.

Istoricheskaya spravka po voprosu o vvedenii podokhodnogo naloga v Rossii (materialy k projektu Polozheniya o gosudarstvennom podokhodnom naloge) [The Historical Background on the Introduction of Income Tax in Russia (Materials for the Draft Regulation on the State Income Tax)]. (N. d.). St Petersburg, S. n. 57 p.

K voprosu o preobrazovanii deistvuyushchei nalogovoi sistemy [On the Transformation of the Existing Tax System]. (1915). Petrograd, Tipografiya Ministerstva finansov. 28 p.

Kirillov, A. K. (2017). *Ot podushnoi podati k podokhodnomu nalogu: podatnye reformy kapitalisticheskoi Rossii i ikh voploshchenie v Zapadnoi Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [From Per Capita Tax to Income Tax: Tax Reforms of Capitalist Russia and Their Implementation in Western Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. Novosibirsk, Parallel'. 178 p.

Knyazev, V. G. (1999). S. Yu. Vitte i nalogovaya politika Rossii [S. Yu. Witte and the Tax Policy of Russia]. In *Finansy*. No. 10, pp. 30–33.

Kravtsova, E. S. (2007). *Istoriya sbora nalogov v rossiiskoi provintsii na rubezhe XIX–XX stoletii* [The History of Tax Collection in the Russian Province at the Turn of the 20th Century]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. 164 p.

Kravtsova, E. S. (2008a). Podokhodnyi nalog v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX stoletii: ot idei do voploshcheniya v zhizn' [Income Tax in the Russian Empire at the Turn of the 20th Century: From Idea to Implementation]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. No. 5, pp. 89–93.

Kravtsova, E. S. (2008b). Osvobozhdennye ot prizyva oblagalis' pryamym nalogom [The Ones Exempted from Conscription Taxed Directly]. In *Voенно-istoricheskii zhurnal*. No. 2, pp. 64–66.

Kravtsova, E. S. (2010). *Opyt organizatsii nalogovogo dela v Rossii v kontse XIX – nachale XX stoletiya* [The Experience of Organising Tax Affairs in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. 303 p.

Kravtsova, E. S. (2012). Diskussiya o prinyatii kvartirного naloga v Rossii v kontse XIX veka [Discussion on the Adoption of a Residential Tax in Russia in the Late 19th Century]. In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4, pp. 139–141.

Kravtsova, E. S. (2017). Problemy reformirovaniya nalogovoi sistemy Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny (po vospominaniyam P. L. Barka) [Problems of Reforming the Tax System of the Russian Empire during the First World War (according to the Memoirs of P. L. Bark)]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. Vol. 13. No. 4, pp. 38–47. DOI 10.15507/2409–630X.039.013.201704.038–047.

Kutler, N. N. (1911). K voprosu o vvedenii v Rossii podokhodnogo naloga [On the Introduction of an Income Tax in Russia]. In *Izvestiya obshchestva finansovykh reform*. No. 2, pp. 3–14.

Mariskin, O. I. (2004). *Gosudarevo tyaglo. Nalogooblozhenie krest'yanstva Rossii vo vtoroi polovine XIX–pervoi treti XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya)* [The Sovereign Tax. Taxation of the Peasantry of Russia in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries (Based on the Materials of the Middle Volga)]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta. 240 p.

Novoe vremya [Novoe vremya]. (1907). 23 March.

Obshchaya gosudarstvennaya rospis' dokhodov i raskhodov na 1906 god [General State Inventory of Income and Expenses for 1906]. (1906). St Petersburg, Tipografiya Ministerstva finansov. 180 p.

Podokhodnyi nalog. Ozhidaemoe chislo platel'shchikov, ikh dokhod i summa naloga po issledovaniyam, provedennym podatnymi inspektorami i Kazennymi palatami v 1909–1910 gg. [Income Tax. The Expected Number of Payers, Their Income and the Amount of Tax on Research Conducted by the Tax Inspectors and the Treasury in 1909–1910]. (1910). St Petersburg, Tipografiya N. Ya. Stoikovi. 84 p.

Pogrebinskii, A. P. (1968). *Gosudarstvennye finansy tsarskoi Rossii v epokhu imperializma* [State Finances of Tsarist Russia in the Era of Imperialism]. Moscow, Finansy. 275 p.

Proekt gosudarstvennoi rospisi dokhodov i raskhodov na 1915 g. s ob'yasneniem ministra finansov [The Draft State Inventory of Income and Expenses for 1915 with the Explanation of the Minister of Finance]. (1914). Petrograd, Tipografiya V. Kirshbauma. 770 p.

Proekt gosudarstvennoi rospisi dokhodov i raskhodov na 1917 g. s ob'yasneniem ministra finansov [The Draft State Inventory of Income and Expenses for 1917 with the Explanation of the Minister of Finance]. (1916). Petrograd, Tipografiya V. Kirshbauma. 298 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 23. List 1. Dos. 273; Stock 560. List 38. Dos. 193; Stock 573. List 34. Dos. 300.

Shepelev, L. E. (1981). *Tsarizm i burzhuaziya vo vtoroi polovine XIX veka. Problemy torgovo-promyshlennoi politiki* [Tsarism and the Upper Middle Class in the Second Half of the 19th Century. Problems of Trade and Industrial Policy]. Leningrad, Nauka. 275 p.

Sobolev, M. (1915). Perestroika finansovoi sistemy Rossii v svyazi s vvedeniem podokhodnogo naloga i poimushchestvennykh nalogov [The Restructuring of the Russian Financial System in Connection with the Introduction of an Income Tax and Property Taxes]. In Zheleznov, V. Ya. (Ed.). *Voprosy finansovoi reformy v Rossii v 3 t.* Moscow, Tovarishchestvo "Pechatnya S. P. Yakovleva". Vol. 1. Iss. 1, pp. 1–12.

Sovet Ministrov Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny. Bumagi A. N. Yakhontova (zapiski zasedanii i perepiska) [The Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War. Papers by A. N. Yakhontov (Notes of Meetings and Correspondence)]. (1999). St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 560 p.

Stepanov, V. L. (1998). *N. Kh. Bunge. Sud'ba reformatora* [N. Ch. Bunge. The Fate of the Reformer]. Moscow, ROSSPEN. 398 p.

Torgovo-promyshlennaya gazeta [Torgovo-promyshlennaya gazeta]. (1907). 22 March.

Tverdokhlebov, V. (1916). O reforme pryamykh nalogov v Rossii [On Direct Tax Reform in Russia]. In Zheleznov, V. Ya. (Ed.). *Voprosy finansovoi reformy v Rossii v 3 t.* Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. Vol. 1. Iss. 2, pp. 50–75.

Zakharov, V. N., Petrov, Yu. A., Shatsillo, M. K. (2006). *Istoriya nalogov v Rossii. IX–nachalo XX* [The History of Taxes in Russia between the 9th and Early 20th Centuries]. Moscow, ROSSPEN. 296 p.

Zhurnal komissii po voprosu vvedeniya podokhodnogo oblozheniya [Journal of the Commission on the Issue of Income Tax Introduction]. (1905). St Petersburg, Tipografiya Ministerstva finansov. 49 p.

Zhurnal s'ezda podatnykh inspektorov Kurskoi gubernii: 25–27 sentyabrya 1909 [Journal of the Congress of Tax Inspectors of Kursk Province: September 25–27, 1909]. (1910). Kursk, Tipografiya P. Z. Libermana. 155 p.

The article was submitted on 14.05.2019

DOI 10.15826/qr.2019.4.436

УДК 94(470)"1917"+279.99+391:63+323.325

**ЗЕМЛЯ ТРУДЯЩЕМУСЯ НАРОДУ:
АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРОГРАММЕ СТАРООБРЯДЦЕВ***

Валерий Керов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия;
Томский государственный университет,
Томск, Россия

**LAND TO THE WORKING PEOPLE:
THE AGRARIAN QUESTION IN THE POLITICAL
PROGRAMME OF OLD BELIEVERS**

Valery Kerov

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia;
Tomsk State University,
Tomsk, Russia

This article considers a number of provisions by some Old Believer concords regarding the agrarian question. The analysis is based on documents and acts from Old Believer organisations, congresses, and meetings, journalistic materials, and epistolary documents. The Old Believers suggested a solution to the land question that involved elements of the liberal (*Kadet*) programme. However, unlike the *Kadets* (who suggested in 1917 that the land be given to peasants in perpetuity), Old Believers (including peasants) insisted that the land given to peasants be treated as private property. A small number of Old Believer peasants acted according to the principles established by the Socialist Revolutionaries. However, the Old Believer solution to the agrarian question was characterised by a unique combination of features. To a large extent, this

---

* *Citation*: Kerov, V. (2019). *Land to the Working People: The Agrarian Question in the Political Programme of Old Believers*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1243–1258. DOI 10.15826/qr.2019.4.436.

Цитирование: Kerov V. *Land to the Working People: The Agrarian Question in the Political Programme of Old Believers* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1243–1258. DOI 10.15826/qr.2019.4.436 / Керов В. *Земля трудящемуся народу: аграрный вопрос в политической программе старообрядцев* // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1243–1258. DOI 10.15826/qr.2019.4.436.

resulted from the peculiarities of the democratic and polemic structure of the Old Believer community. Old Believer peasants (who mostly had solid, functioning households) always trusted the representative bodies and forums in which they actively participated. Thus, formulated at their congresses and meetings, the peasants' points of view were actively taken into account by Old Believer authorities and had a considerable influence on the resolutions of the congresses. However, the principle of *unpredeterminedness* (Rus. *непредрешенчество*), zealously followed in the political documents of the adherents of old rite, was a major point of disagreement. The position of the Old Believers on the most important political and economic issues was characterised by the pronounced Christian (even chiliastic) tone of their political projects, with its 'demand for truth, justice, brotherhood, and love'.

Keywords: Revolution of 1917; Old Belief; peasantry; agrarian question; land question.

Статья содержит анализ положений старообрядцев различных согласий по аграрному вопросу с использованием историко-генетического, историко-сопоставительного и историко-типологического методов исторического исследования. Привлечены программные и актовые документы старообрядческих организаций, съездов и совещаний, публицистические материалы, а также их эпистолярное наследие. Старообрядчество в целом предлагало решить земельный вопрос в рамках концепции с элементами либеральной (кадетской) программы. Однако, в отличие от кадетов, предлагавших в 1917 г. передачу земли фонда в бессрочное пользование, старообрядцы (в том числе крестьяне) настаивали на частнособственническом характере крестьянских хозяйств, получивших землю. Небольшая часть крестьян-старообрядцев в отдельных регионах восприняли лозунги эсеров. Но в целом старообрядческая версия решения земельной проблемы имела уникальное сочетание черт. Это во многом объяснялось спецификой демократического и полемического устройства старообрядческого сообщества. Крестьяне-старообрядцы (в массе своей – крепкие хозяева) никогда не отказывали в доверии своим представительным организациям и форумам, в которых принимали активное участие. Сформулированные на съездах и собраниях самими крестьянами точки зрения на земельную проблему действительно учитывались политической верхушкой староверчества и оказывали значительное влияние на резолюции этих съездов. Важнейшие разногласия при этом вызывал принцип непредрешенчества, строго воспроизводившийся в политических документах ревнителей древнего благочестия различных согласий. Позиция старообрядцев по важнейшим политическим и экономическим вопросам революционного времени отличалась тем, что большое значение они придавали христианской и даже хилиастической окраске своих политических проектов, основывавшихся на христианстве с его требованиями правды и справедливости, братства и любви.

Ключевые слова: революция 1917 г.; старообрядчество; крестьянство; аграрный вопрос; земельный вопрос.

Проблема политической ориентации различных конфессиональных сообществ в периоды смут и революций сохраняет свою актуальность. Позиция конфессиональных институтов во многом определяет позицию широких масс верующих. В полной мере это относится к периоду Великой русской революции. Современная историческая наука в последнее время большое внимание уделяет вопросу политических воззрений и политической деятельности старообрядцев в годы революции и Гражданской войны, особенно в 1917 г.

Политическая история ревнителей древнего благочестия начала XX в. активно обсуждается в отечественной историографии. Часть авторов придерживаются мифологизированной концепции, согласно которой староверы сочувствовали революции задолго до свержения самодержавия [Пыжиков; Таранец; Шахназаров, 2007; Шахназаров, 2004; Шахназаров, 2002]. Однако большинство специалистов указывают на низкий уровень оппозиционности старообрядцев [Латыпов; Редькина, 2012; Резолюция...; Селезнев, 2005 и др.] и утверждают, что наиболее крупные согласия и их руководители «по своим взглядам были близки правым и отчасти центристским партиям» и «полевели» лишь после февраля 1917 г. [Боровик; Монакова; Редькина, 2012 и др.]. Однако сохраняется и точка зрения [см., например: Протасов, с. 119, 139], основанная на мнении В. И. Ленина, что при выборах в Учредительное собрание блоки с участием старообрядцев относились к разряду «помещичьих и буржуазных партий» [Ленин, с. 2].

Политическая направленность сообщества в марте-октябре 1917 г. исследована недостаточно. В немногочисленных статьях и диссертациях используется исключительно материал отдельных губерний и регионов. При этом многие положения политической программы старообрядцев, за редкими исключениями, просто перечисляются и имеют вид инвентарного списка¹. Представляется, что именно анализ конкретных тезисов программы староверов позволит во многом решить задачу более четкого определения политической платформы сообщества. Одним из наиболее важных для старообрядцев был аграрный вопрос, который лишь упоминается в отдельных статьях². Для выявления положений старообрядцев различных согласий по аграрному вопросу и определения их характера нами были использованы традиционные методы исторического исследования: историко-генетический, историко-сопоставительный и историко-типологический. Источниковой базой стали программные и актовые документы старообрядческих организаций, съездов и совещаний, публицистические материалы, в основном опубликованные в органах печати староверческих согласий, а также их эпистолярное наследие.

¹ В наименьшей степени это относится к работам О. Ю. Редькиной.

² Земельный вопрос был третьим по числу упоминаний в старообрядческих источниках политического характера в 1917 г. после проблемы государственного устройства и отношения к войне.

Значение для старообрядчества земельного вопроса обуславливалось не только его местом в списке наиболее острых нерешенных проблем между февралем и октябрём 1917 г. Еще более существенным фактором стало то, что подавляющее большинство старообрядцев различных согласий всегда составляли крестьяне. По данным известного деятеля староверия И. А. Кириллова, в конце XIX в. вне городов проживали до 90 % старообрядцев [Кириллов, с. 16]³.

Важность земельного вопроса руководители старообрядчества осознавали с самого начала революционных процессов. Председатель дореволюционных всероссийских старообрядческих съездов, политический лидер сообщества П. П. Рябушинский в марте 1917 г. заявил, что необходимо «сделать все, чтобы русское крестьянство с его материальными нуждами стояло высоко. В вопросе земельном, который его наиболее волнует, мы против его интересов идти не будем... все справедливые крестьянские требования... должны быть проведены в жизнь» [ОР РГБ. Ф. 260. К. 2. Д. 20. Л. 19]. Ему вторил Д. В. Сироткин: «Вся тяжесть истории ложится на главенствующий наш класс – крестьянство, и оно спокойно и стойко готовится к своей великой миссии – быть главой нового строя» [Сироткин, с. 448].

Старообрядчество не было социально однородным. Соответственно, и по важнейшим вопросам политического и экономического развития имелись иногда существенные различия. Однако в ходе вполне демократических дискуссий и прямого голосования на съездах и собраниях принимались решения в рамках рабочего консенсуса. По земельному вопросу можно обозначить два основных центра. Во-первых, это руководство внецерковных старообрядческих организаций, состоявшее в основном из представителей крупных предпринимателей (Л. А. Малехонов, П. П. Рябушинский, Д. В. Сироткин) и начетчиков⁴ (М. И. Бриллиантов, Н. Д. Зенин, Ф. Е. Мельников). Другая нормативная социальная группа – многомиллионное крестьянство, представители которого участвовали в староверческих съездах, составляли там иногда большинство и оказывали большое воздействие на резолюции этих форумов.

Старообрядческое крестьянство имело существенные специфические черты по сравнению с паствой официальной церкви. По результатам анкетирования 1908–1909 гг., «старообрядцы в общем являют-

---

³ Здесь надо учитывать, что к категории «вне городов» относились многочисленные фабричные поселения, в том числе Орехово-Зуево, Юзовка (ныне – Донецк), Ижевск и др.

⁴ Начетчики (букв. «начитанные люди») – в старообрядчестве – знатоки Священного Писания и Предания, вообще церковной письменности, прежде всего старопечатной (дониконовской), богословы, религиозные писатели, профессиональные полемисты, активно дискутировавшие с миссионерами – представителями официальной церкви, а также с адептами других старообрядческих согласий, «знатоки старой веры», защищавшие «истину и правоту старообрядчества» [см.: Мельников, с. 479–492].

ся экономически более обеспеченным элементом деревни»⁵. Землей старообрядческие хозяйства пользовались (включая сенокосы и выгоны) в среднем по 21,7 дес. (у всех крестьян Европейской России – по 11,1 дес.). При этом выделенные общиной наделы были у всех одинаковые, у старообрядцев – даже на 10 % меньше, но они владели землями, купленными или находившимися в длительной (предпринимательской) аренде. Такой земли у староверов было в пять раз больше, чем у паствы синодальной церкви. Лошадей на душу (мужскую) староверы имели в 1,6 раза больше. Урожайность ржи на десятину у них была всего на 2 % выше в среднем по Европейской России, но по наиболее «промышленным» продуктам сельского хозяйства – овсу, картофелю и огородным культурам – на 15 % выше. Кроме того, 12,1 % крестьян-старообрядцев региона имели «почти все усовершенствованные орудия» (косилки, сеялки, жнейки, молотилки, конные или паровые веялки, механические сортировки и др.), а еще 29,3 % пользовались лишь «некоторыми из сельскохозяйственных машин». В то же время в самом обеспеченном аграрными орудиями регионе – Черноземье⁶ – в 1912–1913 гг. среди всех крестьян по разным губерниям лишь 2–6 % обладали теми или иными сельскохозяйственными машинами (подсчитано по: [Анфимов, с. 208–209]), то есть в 5–14 раз меньше. Составители отчета об анкетировании сделали вывод, что «среди старообрядцев замечается особая склонность к нововведениям и в с/х и что в этом отношении они часто являются передовым элементом нашей деревни». Хозяйства староверов-крестьян отличались и по своей структуре. Даже у бедных старообрядцев затраты на хозяйственные нужды составляли свыше 30 % (у зажиточных – 43 %), что намного выше аналогичных показателей у крестьян – паствы синодальной церкви [Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев, с. XVIII, 97, 110–111, 123, 153, 202, 204, 210, 213, 214, 217–220, 230–232]. Таким образом, хотя в старообрядчестве имелись и «маломощные» хозяйства (по анкете – 6,5 %), вполне закономерны были слова Н. К. Крупской, написавшей в 1929 г., что для советской власти «борьба с кулачеством есть одновременно борьба со старообрядчеством», и «необходимо как можно полнее разоблачать перед массами их [старообрядцев] классовую сущность, выводить на чистую воду их эксплуататорские устремления» [Крупская, с. 113–114].

После февраля 1917 г. старообрядцы активнейшим образом развернули не только религиозную, но и общественно-политическую деятельность. 1917 г. был для старообрядчества годом съездов,

---

⁵ По решению Всероссийского старообрядческого съезда 1906 г. было проведено анкетирование 367 основных и 819 окрестных (1186) старообрядческих селений – около 100 тыс. дворов в сравнении с данными ГУЗИЗ и земской статистикой по всему крестьянству Европейской России.

⁶ Здесь на крестьянское хозяйство приходилось в семь раз больше сельскохозяйственных машин и металлических плугов, чем в Северном Черноземье, и в 21 раз больше, чем в Нечерноземье.

собраний и совещаний как совместных, так и отдельных согласий, религиозных организаций, территориальных объединений, отдельных общин [см.: Керов, с. 143–160]. Это было общее для страны явление, но у сторонников старой веры количество форумов превышало средние показатели, в том числе потому, что, по словам самих староверов, старообрядчество тогда являлось «наиболее соорганизованной силой в стране и наиболее сплоченной группой» [Слово Церкви, № 10–11, с. 197]. На мероприятиях обсуждались все значительные вопросы того времени – от будущего государственного устройства до проблем школьного образования, стала развиваться тенденция к объединению старообрядцев всех согласий для выработки общей политической программы.

Объединительные тенденции приводили к формированию различных общественно-религиозных и общественно-политических организаций. Сначала с этой целью был организован Совет уполномоченных от приходов, общин и других старообрядческих учреждений г. Москвы и Московской губернии разных согласий, а позже всероссийский Старообрядческий политический союз. Совет избрал из своего состава исполнительный комитет для проведения в жизнь своих постановлений [Слово Церкви, № 23, с. 417]. Апофеозом объединительного процесса стала «Политическая программа старообрядцев всех согласий». Исполнительный комитет Московского совета от приходов, общин и старообрядческих учреждений взял на себя ее разработку. В начале июня программа была опубликована (полный текст см.: [Политическая программа, с. 417–419]). В ней были зафиксированы все животрепещущие вопросы революционного времени, важные для староверов. Программа была сразу принята всероссийскими съездами белокриницких и поморцев. Позже она получила одобрение на десятках региональных и местных форумов старообрядцев различных согласий.

В процессе разработки основных положений программы были учтены решения множества совещаний и съездов сторонников старой веры. В некоторых вопросах царило абсолютное единодушие, но ситуация с земельным вопросом (8-й пункт) была значительно сложнее. Сами староверы ясно осознавали, что «ни один из вопросов, подлежащих в настоящее время разрешению, не имеет такой остроты, как вопрос земельный» [Давыдов, с. 7], и он для крестьян, в том числе старообрядцев, самый важный [Малехонов, с. 3]. Среди лозунгов всех старообрядческих объединений и периодических изданий обязательно содержалось требование: «Земля трудящемуся народу» [см., например: Голос старообрядческого Поволжья, № 1, с. 1].

Программа формулировала свое видение будущей аграрной реформы, на котором должны были настаивать старообрядцы, избранные в Учредительное собрание. Главное ее содержание должно было заключаться в том, чтобы «предоставить всю обрабатываемую землю трудящемуся населению... обрабатывающему землю своим

трудом», то есть крестьянам. До этого следовало определить нормы «достаточного хозяйственного обеспечения», то есть оптимальную верхнюю границу размера наделов. Передача земли должна была производиться «государственным земельным фондом», аккумулировавшим государственные, удельные, кабинетские и монастырские земли. Очень важно, что старообрядцы настаивали также на использовании фондом «земель крупных честных владельцев», то есть помещиков, владевших землей больше зафиксированного «достаточного хозяйственного обеспечения». «Частновладельческие земли отчуждаются по справедливой (не рыночной) цене» [Политическая программа, с. 419]. Сами разработчики программы хорошо понимали, что надо не просто представить свой вариант решения земельного вопроса, но утвердить это решение в ходе обсуждения с крестьянством, для чего предлагалось создать старообрядческий крестьянский съезд [Сироткин, с. 449].

В ходе широкого обсуждения многие местные и региональные старообрядческие форумы полностью поддержали программу, в том числе аграрный пункт [см., например: Областной съезд, с. 415]. Так, собрание старообрядцев всех согласий в Уфе постановило все государственные, удельные, монастырские и т. п. земли передать «бесплатно в государственный народный фонд», а «купеческие земли помещичьи, частновладельческие и крестьянские, за исключением душевого или подворного владения», выкупать по «справедливой, установленной Учредительным Собранием оценке» и отдавать также в государственный фонд. Затем все земли фонда должны были распределяться между крестьянами [Политическое объединение, с. 575].

Поморцы на своем всероссийском съезде уточнили и дополнили ряд тезисов программы. В резолюции, воспроизволившей ее основные положения, предлагались организация расширенного сельскохозяйственного кредита, государственная поддержка переселения в «многоземельные» регионы, урегулирование поземельных арендных отношений «в интересах мелких сьемщиков», поддержка «переселения и расселения из губерний малоземельных в многоземельные», а также создание специальных земельных комитетов для учета используемой и необходимой площади «на душу и подворно», разработка норм «достаточного хозяйственного обеспечения», не дожидаясь решения Учредительного собрания [Памятная запись, с. 5–6]. Позже на Политическом совещании старообрядцев 24–25 августа эти положения воспроизводились с уточнениями. Земля государственного фонда должна была включать государственную, а также всю частновладельческую землю (кроме усадебной, хуторской и наделной), выкупленную по справедливой оценке. Земли фонда должны были распределяться между крестьянами «равномерно между мужчинами и женщинами». Прозвучало предложение, чтобы они передавались не в собственность, а в пользование [Политическое совещание, с. 641].

В целом предложение по аграрному вопросу поддерживалось широкими слоями старообрядцев, включая крестьянство, но были и разногласия. По мнению самих старообрядцев, «очень острым и болезненным» был вопрос о «вознаграждении частных владельцев за землю, имеющую быть выкупленной». Его острота определялась тем, что многие крестьяне «привыкли считать Божьей, народной и потому скажут, что выкупать ее не следует». В то же время городские староверы настаивали на том, что выкуп необходим, поскольку иначе «не по-христиански будет это». Компромисс предлагался в той форме, что размер выкупа должен определяться местными старообрядческими комитетами. Такой выкуп, впрочем, особенно на местах, не мог быть высоким: «Бог с ними, много мы терпели от них, много переплатили аренды, а немного заплатим, – сказал на старообрядческом съезде пожилой крестьянин, – только чтобы по справедливости» [Впечатление, с. 385].

Последний тезис и вызывал наибольшие споры. На Всероссийском поморском съезде 30 апреля – 2 мая, также принявшем принцип «достаточного хозяйственного обеспечения», развернулась острая дискуссия. Большинство поддержало отчуждение помещичьей земли «по справедливой оценке» [Памятная запись, с. 6]. Уфимский съезд всех согласий, Новгородский съезд поморцев приняли совершенно такие же заключения, как и собрания и совещания в других регионах, но не везде [Политическое объединение, с. 575; Областной съезд старообрядцев. Н. Новгород, с. 11].

Несмотря на некоторые вариации, к сентябрю 1917 г. практически все всероссийские и региональные старообрядческие съезды, состоявшие в том числе из крестьянских представителей, высказывались за отчуждение помещичьей земли за выкуп «по справедливой» оценке (то есть ниже рыночной) [Слово Церкви, № 43, с. 712].

Однако уже на уровне регионов единодушия не было. Так, Политический комитет саратовских поморцев постановил требовать «отчуждения частновладельческих земель без выкупа в пользу крестьян» [Резолюция собрания, с. 398]. Общее собрание представителей различных согласий в одном из населенных пунктов Пермской губернии, где проживали в основном крестьяне, поддерживая в целом решение всероссийского съезда, настаивало, «чтобы земля перешла к трудящемуся люду безо всякого выкупа» [Слово Церкви, № 32-33, с. 576]. Встречались и другие примеры, особенно на собраниях отдельных общин. Некоторые сельские сходы староверов высказывались за «отчуждение нечастновладельческих земель без выкупа в пользу крестьян», а частных земель – «с выкупом по справедливой оценке». Другие достаточно многочисленные местные крестьянские старообрядческие общины, одобряя решения съездов, требовали в своих резолюциях, «чтобы земля перешла к трудящемуся люду без всякого выкупа» [см., например: Слово Церкви, № 32-33, с. 576]. Некоторые согласия выступили за компромисс. Так, беглопоповцы предложили производить выкуп «по совести...

за счет государства из фонда, собранного подоходным налогом» [Малеханов, с. 4].

Были некоторые разногласия и по вопросу о землевладении и землепользовании. Старообрядческие крестьяне выступали против социализации земли и вообще «резких форм решения земельного вопроса», «за» были не «хозяйственные мужички», а только «горланы... мутная пена на гребнях волн взбаламученного крестьянского мира... своего рода деревенские большевики», которых раньше именовали «конокрадами, амбарниками» и т. п., – считали староверы. Крестьяне-старообрядцы прозорливо выступали против ликвидации частной собственности, опасаясь за свою землю [Впечатление, с. 385]. Руководители старообрядцев считали, что «никакой национализации и социализации у нас быть не может по той простой причине, что у нашего крестьянина развито чувство собственности, желание именно присвоить в свое личное пользование» [И. К., с. 795]. Однако реже звучали и другие мнения. На Политическом совещании старообрядцев 24–25 августа прозвучало предложение, чтобы земля из государственного фонда передавалась не в собственность, а в пользование [Политическое совещание, с. 641]. Некоторое число староверов-крестьян, прежде всего на Урале, поддерживали партию русских социалистов-революционеров, что исследователи объясняют гибкой тактикой эсеров по отношению к крестьянству в регионе [Клюкина, с. 339].

Обсуждался также вопрос о том, кто может получить землю. Предлагалось делить землю государственного фонда только между крестьянами, а не между всеми желающими, «иначе ее не хватит». Надо было в этой связи улучшить положение фабричных рабочих, чтобы они не «побросали работы» и не устремились в деревню, – считал крестьянин-старовер [Малеханов, с. 4]. А Всероссийский съезд поморцев, собрав резолюции региональных организаций, пришел к выводу, что «преобладает формула: вся земля – всему народу, имеющему возможность ее обрабатывать: распределение наделов через всесословные волости; частновладельческие земли отчуждаются по оценке» [Знакомый, с. 3].

Отмечались и проблемы аграрных технологий и сельскохозяйственного кредита. Староверы считали: «Крестьянам живется тяжело, земли у них мало...», поэтому они требуют «увеличения земельного надела за счет всех тех земель, какие сейчас не находятся в пользовании крестьянина». На самом же деле, – подчеркивал мыслящий старовер-крестьянин, – проблема не в том, чтобы поделить землю поровну (все равно не хватит), а в низкой производительности сельского труда – «у нас малоземелье, не только в том, что мало земли, а в том, что земля мало дает, а это от плохого хозяйства». Поэтому необходимо «крестьянам помочь улучшить свое земледелие», прежде всего обеспечить появление в деревне «волостных агрономов» «для руководства хлеборобов, привыкших вести свое хозяйство «по-дедовски и прадедовски» [Малеханов, с. 4]. Староверы на местах также настаивали на государственных кредитах «на сельскохозяйственные нужды»

и на создании губернских и уездных земельных комитетов [Политическое объединение, с. 576].

В то же время публично провозглашенный консенсус старообрядцев по земельному вопросу находился под угрозой со стороны очень важного деструктивного фактора.

В политической программе, как и на многочисленных съездах и собраниях, подчеркивалось, что окончательно решить земельный вопрос может только Учредительное собрание. Соответственно, «самовольное разрешение этого вопроса... недопустимо и может привести к братоубийственной войне» [Политическая программа, с. 418]. Всероссийский поморский съезд также осудил захваты, несущие «взаимное озлобление и хозяйственное расстройство» [Всероссийский съезд христиан старообрядцев поморского согласия, с. 5]. Калужский епархиальный съезд предостерегал от посягательств «на чужую собственность» и зывал: «...не желайте ничего ближнего» [Слово Церкви, № 22, с. 412]. Выпускавшиеся с апреля обращения «К старообрядцам-крестьянам» призывали «не допустить беспорядков по земельному вопросу», удержаться «от насилия и безрассудных действий». Аналогичным был призыв Освященного Собора Русской древлеправославной церкви Христовой (ныне - Русская православная старообрядческая церковь) [К крестьянам-старообрядцам, с. 310; см. также: Освященный Собор, с. 459]. В Егорьевске народное собрание старообрядцев просило крестьян «потерпеть в своих домогательствах о наделении землей до... решения этого вопроса законным путем» и предупреждало, что захваты земли «ухудшат продовольственное дело и внесут в жизнь государства конечную смуту...» [Постановление, с. 22].

Эти призывы, впрочем, не действовали. Непредрешенчество отвергалось частью старообрядческих крестьянских масс. Крестьяне, в том числе и старообрядцы, в массовом порядке захватывали помещичьи земли и рубили помещичий лес. Это началось еще весной. Балахнинский священник И. Немцов писал, что «водворилась всякая неправда... в людях», и это вызвало уже «на первых порах нового правления стихийное бурное крестьянское волнение». [ОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Д. 35. Л. 33-34 об.]. В конце мая С. Г. Фомичев отмечал, что продолжают «незаконные захваты крестьянами чужой собственности», хотя «это противозаконно и противно Богу» [Фомичев, с. 410].

В борьбе с непредрешенчеством по земельному вопросу некоторые крестьяне-староверы на местах связывали свои надежды с Советами крестьянских депутатов. При резко негативном отношении к Советам вообще⁷ в ряде регионов и населенных пунктов старообрядцы участвовали в работе Советов крестьянских депутатов, неко-

---

⁷ «Дай только Бог, чтобы этот Совет не оправдал наших опасений, что судьба России будет доведена им до печальных результатов», - прозорливо отмечалось в переписке старообрядческого издания «Слово Церкви» [Слово Церкви, № 23, с. 439].

торые местные старообрядческие исполнительные комитеты сотрудничали с ними [Слово Церкви, № 17, с. 319]. При этом старообрядцы понимали, что крестьянство – «это совсем не “Совет крестьянских депутатов” и не “Крестьянский союз”» [Слово Церкви, № 38, с. 653]. Деятельность Советов крестьянских депутатов староверы считали потенциально полезной при условии, что они отмежуются от рабочих Советов. Кроме того, они «должны избираться самими крестьянами непосредственно, а не такими господами, как Ленин и его присные, тогда эти Советы будут иметь огромную силу» [Знакомый, с. 2].

Таким образом, старообрядчество в целом предлагало решить земельный вопрос в рамках концепции с элементами либеральной (кадетской) программы. Речь идет о признании необходимости передачи земли «трудовому земледельческому населению», о формировании государственного земельного фонда из государственных, удельных, монастырских и принудительно отчуждаемых частновладельческих земель (в случае превышения трудовой нормы путем выкупа). Ведать распределением земли должно было само население, «хозяйствующее на этой земле». Но, в отличие от кадетов, предлагавших в 1917 г. передачу земли фонда в бессрочное пользование, старообрядцы (в том числе крестьяне) настаивали в большинстве своем на частнособственническом характере крестьянских хозяйств, получивших землю [см.: Шелохаев, с. 522–525].

Небольшая часть крестьян-старообрядцев в отдельных регионах восприняла лозунги эсеров, но в целом старообрядческая версия решения земельной проблемы имела уникальное сочетание черт. Это во многом объяснялось спецификой демократического и полемического устройства старообрядческого сообщества.

Уже летом 1917 г. политические партии и организации, в том числе кадеты, эсеры и Крестьянский союз, оказались не в состоянии исполнять роль «социального посредника». Их влияние резко снизилось, в то время как «аграрное насилие постепенно принимало откровенно погромные формы» [Булдаков, с. 195–197].

Крестьяне-старообрядцы (в массе своей крепкие хозяйственники) никогда не отказывали в доверии своим представительным организациям и форумам, в которых принимали активное участие. Сформулированные на них самими крестьянами точки зрения на земельную проблему действительно учитывались политической верхушкой староверия и оказывали значительное влияние на резолюции этих съездов. Важнейшие разногласия при этом с лета 1917 г. вызывал принцип непредрешенчества, строго воспроизводившийся в политических документах ревнителей древнего благочестия различных согласий. Кроме того, позиция старообрядцев по важнейшим политическим и экономическим вопросам революционного времени отличалась от позиций других политических сил тем, что они большое значение придавали христианской и даже хилиастической окраске своих политических проектов, основывавшихся на хри-

стианстве «с его требованиями правды и справедливости, братства и любви» [Христианство и социализм, с. 526]. «Старообрядцы желают, чтобы для русского народа в его целом началась... новая эпоха его жизни... чтобы все области жизни просветились светом Христовым», – настаивали они, провозглашая лозунг: «Да царствует в нашей стране правда, милость и любовь» [Слово Церкви, № 10–11, с. 181, 197]. В старообрядческой концепции решения земельного вопроса также содержался существенный религиозный оттенок. «...Мы, крестьяне-старообрядцы, последователи Христа, и свою политическую программу должны проводить в жизнь при свете Христова учения, и уповаем, что с Божией помощью все жизненные вопросы... решим мирно, справедливо, безобидно», – утверждали ревнители древнего благочестия [Малехонов, с. 3].

Список литературы

- Анфимов В. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М. : Соцэкгиз, 1962. 383 с.
- Боровик Ю. В.* Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2003. 26 с.
- Булдаков В. П.* Крестьянство и аграрное движение // Российская революция 1917 г. : власть, общество, культура : в 2 т. / под ред. Ю. А. Петрова. М. : РОССПЭН, 2017. Т. 2. С. 183–210.
- Волгарь.* Областной съезд старообрядцев поморского согласия в Нижнем Новгороде, 7-го мая с. г. // Слово Церкви. 1917. № 22. С. 415.
- Впечатления на всероссийском съезде поморцев // Слово Церкви. 1917. № 21. С. 385.*
- Всероссийский съезд христиан-старообрядцев поморского согласия в г. Москве 30 апреля, 1 и 2 мая 1917 г. // Вестн. Всерос. союза христиан помор. согласия. 1917. № 1. С. 3–8.*
- Голос старообрядческого Поволжья. 1917. № 1.*
- Давыдов М. [П.]* Земельные очерки // Вестн. Всерос. союза христиан помор. согласия. 1917. № 4. С. 7–9.
- Знакомый.* Советы рабочих, солдатских депутатов и их интересы // Вестн. Всерос. союза христиан помор. согласия. 1917. № 2. С. 2–4.
- И[ван]. К[ириллов].* Суд Божий // Слово Церкви. 1917. № 50. С. 793–795.
- К крестьянам-старообрядцам // Слово Церкви. 1917. № 17. С. 309–310.*
- Керов В. В.* Старообрядчество в 1917 г. // Рос. ист. 2018. № 1. С. 143–160.
- Кириллов И. А.* Статистика старообрядчества. М. : Изд. журн. «Старообрядческая мысль», 1913. 28 с.
- Клюкина Ю. В.* Старообрядцы и политические партии в 1905–1917 гг. // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2003. Вып. 5. С. 327–349.
- Крупская Н. К.* Вопросы атеистического воспитания : сб. ст. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 176 с.
- Латышов И. Р.* «Десятилетие свободы» (1905–1917 гг.) для старообрядцев Казанской губернии // Вестн. Екатеринбург. духов. семинарии. 2011. Вып. 2. С. 222–229.
- Ленин В. И.* Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. : в 55 т. М. : Политиздат, 1974. Т. 40. С. 1–24.
- Малехонов Л. [А.]* О земле // Братство : Церковно-общественный журнал, издаваемый периодически советом Всероссийского старообрядческого во имя Св. Николы братства. 1917. № 1. С. 3–5.

Мельников Ф. Е. Краткая История древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1999. 557 с.

Монякова О. А. Политические предпочтения ковровских старообрядцев в думский период (1905–1917) // Старообрядчество : история, культура, современность : материалы : в 2 т. М. : [Б. и.], 2007. Т. 1. С. 54–58.

Областной съезд старообрядцев поморского согласия в Нижнем-Новгороде, 7-го мая с. г. // Слово Церкви. 1917. № 22. С. 415.

Областной съезд старообрядцев. Н. Новгород // Вестн. Всерос. союза христиан помор. согласия. 1917. № 1. С. 11.

ОР РГБ. Ф. 164 (Мельниковы. 1856–1917). Оп. 2; Ф. 246 (Рогожское кладбище). Оп. 2; Ф. 260 (П. П. Рябушинский).

Освященный Собор : День 2-й // Слово Церкви. 1917. № 25. С. 457–459.

Памятная запись о заседаниях Всероссийского съезда // Вестн. Всерос. союза христиан помор. согласия. 1917. № 1. С. 4–8.

Политическая программа старообрядцев всех согласий // Слово Церкви. 1917. № 23. С. 417–419.

Политическое объединение старообрядцев [Уфимской губернии] // Слово Церкви. 1917. № 32–33. С. 575–576.

Политическое совещание старообрядцев. Продолжение. По земельному вопросу // Слово Церкви. 1917. № 38. С. 641–642.

Постановление народного собрания старообрядцев г. Егорьевска и его окрестностей, 30 апреля 1917 г. // Слово Церкви. 1917. № 22. С. 414–415.

Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание : История рождения и гибели. М. : РОССПЭН, 1997. 380 с.

Пыжиков А. В. Грани русского раскола : заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М. : Древлехранилище, 2013. 646 с.

Редькина О. Ю. Старообрядцы Нижней Волги в 1917 г. // Русская православная церковь и межконфессиональные отношения в Нижнем Поволжье. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. С. 38–47.

Редькина О. Ю. Староверы Нижней Волги и Дона в конце XIX – XX веке // Отеч. ист. 2012. № 4. С. 15–27.

Резолюция собрания саратовского политического комитета старообрядцев поморцев // Слово Церкви. 1917. № 21. С. 398.

Селезнев Ф. А. Д. В. Сироткин и Всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века // Отеч. ист. 2005. № 5. С. 78–90.

Селезнев Ф. А. Старообрядчество как контрэлита? // Рос. ист. 2014. № 6. С. 188–192.

Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 года). М. : Изд. Совета всерос. съездов старообрядцев, 1910. XX + 290 с.

Сироткин Д. В. Речь на Всероссийском съезде старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 24. С. 448–450.

Слово Церкви. № 10–11, 17, 22, 23, 32–33, 38, 43.

Таранец П. В. Старообрядчество и российское революционное движение (конец XIX – начало XX в.) // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI в.: история и современность. Киев ; Винница : Изд-во Ин-та укр. археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского, 2010. Вып. 4. С. 81–115.

Фомичев С. [Г.] К народу // Слово Церкви. 1917. № 22. С. 410.

Христианство и социализм // Слово Церкви. 1917. № 29. С. 524–526.

Шахназаров О. Л. Старообрядчество и большевизм // Вопр. ист. 2002. № 4. С. 72–97.

Шахназаров О. Л. Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 года) // Вопр. ист. 2004. № 4. С. 53–70.

Шахназаров О. Л. Корни русского социализма // Вопр. философии. 2007. № 6. С. 24–37.

Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М. : РОССПЭН, 2015. 863 с.

References

- Anfimov, V. M. (1962). *Rossiiskaya derevnya v gody pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 g.)* [The Russian Village in the Years of World War I (1914 – February 1917)]. Moscow, Sotsekgiz. 383 p.
- Borovik, Yu. V. (2003). *Staroobryadchestvo Urala i Zaural'ya na perelome epokh (1905–1927)* [The Old Belief of the Urals and Trans-Urals at the Turn of the Era (1905–1927)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, S. n. 26 p.
- Buldakov, V. P. (2017). Krest'yanstvo i agrarnoe dvizhenie [The Peasantry and the Agrarian Movement]. In Petrov, A. V. (Ed.). *Rossiiskaya revolyutsiya 1917 g. Vlast', obshchestvo, kul'tura v 2 t.* Moscow, ROSSPEN. Vol. 2, pp. 183–210.
- Davydov, M. [P.] (1917). Zemel'nye ocherki [Land Sketches]. In *Vestnik Vserossiiskogo soyuza khristian pomorskogo soglasiya*. No. 4, pp. 7–9.
- Fomichev, S. [G]. (1917). K narodu [To the People]. In *Slovo Tserkvi*. No. 22, p. 410.
- Golos Staroobryadcheskogo Povolzh'ya* [The Voice of the Old Believer Volga Region]. (1917). No. 1.
- I[van]. K[irillov]. (1917). Sud Bozhii [God's Judgement]. In *Slovo Tserkvi*. No. 50, pp. 793–795.
- K krest'yanam-staroobryadtsam [To Old Believer Peasants]. (1917). In *Slovo Tserkvi*. No. 17, pp. 309–310.
- Kerov, V. V. (2018). Staroobryadchestvo v 1917 g. [Old Belief in 1917]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 1, pp. 143–160.
- Khristianstvo i sotsializm [Christianity and Socialism]. (1917). In *Slovo Tserkvi*. No. 29, pp. 524–526.
- Kirillov, I. A. (1913). *Statistika staroobryadchestva* [Old Believer Statistics]. Moscow, published by “Staroobryadcheskaya mysl”. 28 p.
- Klyukina, Yu. V. (2003). Staroobryadtsy i politicheskie partii v 1905–1917 gg. [Old Believers and Political Parties between 1905 and 1917]. In *Problemy istorii Rossii*. Yekaterinburg, Volot. Iss. 5, pp. 327–349.
- Krupskaya, N. K. (1961). *Voprosy ateisticheskogo vospitaniya. Sbornik statei* [Issues of Atheistic Education. A Collection of Articles]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. 176 p.
- Latypov, I. R. (2011). “Desyatiletie svobody” (1905–1917 gg.) dlya staroobryadtsev Kazanskoi gubernii [“The Decade of Freedom” (1905–1917) for Old Believers of Kazan Province]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. Iss. 2, pp. 222–229.
- Lenin, V. I. (1974). Vybory v Uchreditel'noe Sobranie i diktatura proletariata [Elections to the Constituent Assembly and Dictatorship of the Proletariat]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*. 5th Ed. 55 Vols. Moscow, Politizdat. Vol. 40, pp. 1–2.
- Malekhonov, L. [A.] (1917). O zemle [On Land]. In *Bratstvo. Tserkovno-obshchestvennyi zhurnal, izdavaemyi periodicheski sovetom Vserossiiskogo staroobryadcheskogo vo imya Svyatogo Nikolay bratstva*. No. 1, pp. 3–5.
- Mel'nikov, F. E. (1999). *Kratkaya Istoriya drevlepravoslavnoi (staroobryadcheskoi) Tserkvi* [A Short History of Old Belief]. Barnaul, Izdatel'stvo Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 557 p.
- Monyakova, O. A. (2007). Politicheskie predpochteniya kovrovskikh staroobryadtsev v dumskii period (1905–1917) [Political Preferences of the Kovrov Old Believers during the Duma Period (1905–1917)]. In *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'.* *Materialy v 2 t.* Moscow, S. n., pp. 54–58.
- Oblastnoi s'ezd staroobryadtsev pomorskogo soglasiya v Nizhnem Novgorode, 7-go maya s. g. [The Regional Congress of Pomortsy Old Believers in Nizhny Novgorod, on 7 May of this Year]. (1917). In *Slovo Tserkvi*. No. 22, p. 415.
- Oblastnoi s'ezd staroobryadtsev. N. Novgorod [Regional Congress of Old Believers. Nizhny Novgorod]. (1917). In *Vestnik Vserossiiskogo soyuza khristian pomorskogo soglasiya*. No. 1, p. 11.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 164 (Mel'nikovy. 1856–1917). List 2; Stock 246 (Rogozhskoe kladbishche). List 2; Stock 260 (P. P. Ryabushinskii).

Osvyashchennyi Sobor. Den' 2-i [The Consecrated Cathedral. Day 2]. (1917). In *Slovo Tserkvi*. No. 25, pp. 457–459.

Pamyatnaya zapis' o zasedaniyakh Vserossiiskogo s''ezda [A Memorandum about the Meetings of the All-Russian Congress]. (1917). In *Vestnik Vserossiiskogo soyuza khristian pomorskogo soglasiya*. No. 1, pp. 4–8.

Politicheskaya programma staroobryadtsev vsekh soglasiy [Political Programme of Old Believers of all Concords]. (1917). In *Slovo Tserkvi*. No. 23, pp. 417–419.

Politicheskoe ob''edinenie staroobryadtsev [Ufimskoi gubernii] [Political Association of Old Believers of [Ufa Province]]. (1917). In *Slovo Tserkvi*. No. 32–33, pp. 575–576.

Politicheskoe soveshchanie staroobryadtsev. Prodolzhenie. Po zemel'nomu voprosu [Political Meeting of Old Believers. Continuation. On the Land Question]. (1917). In *Slovo Tserkvi*. No. 38, pp. 641–642.

Postanovlenie narodnogo sobraniya staroobryadtsev g. Egor'evska i ego okrestnostei, 30 aprelya 1917 g. [The Resolution of the People's Assembly of Old Believers of Yegoryevsk and Its Vicinities, on 30 April 1917]. (1917). In *Slovo Tserkvi*. No. 22, pp. 414–415.

Protasov, L. G. (1997). *Vserossiiskoe uchreditel'noe sobranie. Istoriya rozhdeniya i gibeli* [All-Russian Constituent Assembly. The History of Its Establishment and Collapse]. Moscow, ROSSPEN. 380 p.

Pyzhikov, A. V. (2013). *Grani russkogo raskola. Zametki o nashei istorii ot XVII veka do 1917 goda* [The Facets of the Russian Schism. Notes about Our History from the 17th Century to 1917]. Moscow, Drevlekhranilishche. 646 p.

Red'kina, O. Yu. (2003). Staroobryadtsy Nizhnei Volgi v 1917 g. [Old Believers of the Lower Volga in 1917]. In *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i mezkhkonnatsional'nye otnosheniya v Nizhnem Povolzh'e*. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 38–47.

Red'kina, O. Yu. (2012). Starovery Nizhnei Volgi i Dona v kontse XIX – XX veke [The Old Believers of the Lower Volga and Don Regions in the Late 19th – 20th Centuries]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 15–27.

Rezolyutsiya sobraniya saratovskogo politicheskogo komiteta staroobryadtsev pomortsev [The Resolution of a Meeting of the Saratov Political Committee of Pomortsy Old Believers]. (1917). In *Slovo Tserkvi*. No. 21, p. 398.

Seleznev, F. A. (2005). D. V. Sirotkin i Vserossiiskie s''ezdy staroobryadtsev v nachale XX veka [D. V. Sirotkin and the All-Russian Congresses of Old Believers in the Early 20th Century]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 5, pp. 78–90.

Seleznev, F. A. (2014). Staroobryadchestvo kak kontrolita? [Old Belief as Counter-Elite?]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 6, pp. 188–192.

Sel'skokhozyaistvennyi i ekonomicheskii byt staroobryadtsev (po dannym ankety 1909 goda) [The Agricultural and Economic Life of Old Believers (According to the Poll of 1909)]. (1910). Moscow, Izdanie Soveta vserossiiskikh s''ezdov staroobryadtsev. XX + 290 p.

Shakhnazarov, O. L. (2002). Staroobryadchestvo i bol'shevizm [Old Belief and Bolshevism]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 72–97.

Shakhnazarov, O. L. (2004). Otnoshenie k sobstvennosti u staroobryadtsev (do 1917 goda) [Old Believers' Attitude to Property (until 1917)]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 53–70.

Shakhnazarov, O. L. (2007). Kornii russkogo sotsializma [The Origins of Russian Socialism]. In *Voprosy filosofii*. No. 6, pp. 24–37.

Shelokhaev, V. V. (2015). *Konstitutsionno-demokraticheskaya partiya v Rossii i emigratsii* [The Constitutional Democratic Party in Russia and in Emigration]. Moscow, ROSSPEN. 863 p.

Sirotkin, D. V. (1917). Rech' na Vserossiiskom s''ezde staroobryadtsev [A Speech at the All-Russian Congress of Old Believers]. In *Slovo Tserkvi*. No. 24, pp. 448–450.

Slovo Tserkvi [Slovo Tserkvi]. (1917). No. 10–11, 17, 22, 23, 32–33, 38, 43.

Taranets, P. V. (2010). Staroobryadchestvo i rossiiskoe revolyutsionnoe dvizhenie (konets XIX – nachalo XX vv.) [Old Belief and the Russian Revolutionary Movement (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Sud'ba staroobryadchestva v XX – nachale XXI v. Istoriya i sovremennost'*. Kiev, Vinnitsa, Izdatel'stvo Instituta ukrainskoi arkeografii i istochnikovedeniya imeni M. S. Grushevskogo. Iss. 4, pp. 81–115.

Volgar`. (1917). Oblastnoi s'ezd staroobryadtsev pomorskogo soglasiya v Nizhnem Novgorode, 7-go maya s. g. [A Regional Congress of Pomortsy Old Believers in Nizhny Novgorod, on 7 May of this Year]. In *Slovo Tserkvi*. No. 22, p. 415.

Vpechatleniya na vserossiiskom s'ezde pomortsev [Impressions of the All-Russian Congress of Pomortsy]. (1917). In *Slovo Tserkvi*. No. 21, p. 385.

Vserossiiskii s'ezd khristian staroobryadtsev pomorskogo soglasiya v g. Moskve 30 aprelya. 1 i 2 maya 1917 g. [The All-Russian Congress of Old Believer Pomortsy Christians in Moscow on 30 April 30 and 1–2 May 1917]. (1917). In *Vestnik Vserossiiskogo soyuza khristian pomorskogo soglasiya*. No. 1, pp. 3–8.

Znakomyi. (1917). Sovety rabochikh, soldatskikh deputatov i ikh interesy [Councils of Workers, Soldier Deputies and Their Interests]. In *Vestnik Vserossiiskogo soyuza khristian pomorskogo soglasiya*. No. 2, pp. 2–4.

The article was submitted on 26.11.2018

DOI 10.15826/qr.2019.4.437

УДК 94(470)"19"+94(575.4)"19"+316.343.4+351.713

ИМПЕРСКИЙ ПРОЕКТ ЗАСЕЛЕНИЯ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ*

Андрей Мамаев

Институт экономики РАН,
Москва, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

AN IMPERIAL PROJECT FOR THE COLONISATION OF MIRZACHO'L

Andrey Mamaev

Institute of Economics of RAS,
Moscow, Russia;
St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article studies the development and passage of the bill concerning the colonisation of land irrigated by the state in Mirzacho'l (Rus. Голодная степь, lit. Hungry Steppe), a large area of Central Asia, in the early twentieth century. The new principles of organised colonisation supported by the state have not been studied previously. On the eve of the revolution, there was a process of "nationalisation" of the empire which involved the transformation of relations between the centre and the periphery. During the discussions, the government formulated the purpose of agrarian colonisation of Turkestan in the interests of the empire, which was followed by active measures taken for the geopolitical and economic consolidation of the periphery. For the first time in history, the centre determined the image of settlers and their economy, setting the ambitious goal of creating a "Russian Turkestan". The leading role was played

---

* Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)» (This research was supported by the Russian Science Foundation, project 18-18-00142 "The Centre and the Regions: State Economic Policy on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917)").

** *Citation*: Mamaev, A. (2019). An Imperial Project for the Colonisation of Mirzacho'l. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1259–1274. DOI 10.15826/qr.2019.4.437.

Цитирование: Мамаев А. An Imperial Project for the Colonisation of Mirzacho'l // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1259–1274. DOI 10.15826/qr.2019.4.437 / Мамаев А. Имперский проект заселения Голодной степи // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1259–1274. DOI 10.15826/qr.2019.4.437.

by A. V. Krivoshein, head of land management and agriculture. The study refers to published and archival legislative and administrative documents, works of officials and statesmen, and materials from the State Duma. It is concluded that through legislation, the authorities organised the selection of wealthy settlers-to-be who had experience in agriculture and set a number of restrictions for them. The government intended to create a stratum of petty Russian farmers in Turkestan who would lead a profitable economy on irrigated lands without using hired labour: they would grow the cotton necessary for the state while ensuring the strengthening of economic ties with the imperial centre and serving as a role model for the indigenous population in economic and cultural terms. The bill also testified to the strengthening of Russian nationalism among the authorities. The study demonstrates that the government's initiative as a whole received support in the Duma, which established the basis for the equality of all estates and reflected the debatable character of the need for national and cultural restrictions. However, the implementation of the law and the establishment of "Russian Turkestan" were interrupted by the war and the revolution.

Keywords: early 20th-century Russia; Turkestan; Mirzacho'l; irrigation; colonisation; bills.

Исследуются разработка и принятие в начале XX в. законопроекта о заселении орошенных государством земель в крупном районе Средней Азии – Голодной степи. Происходившее в тот период становление новых принципов «организованной» колонизации региона при государственной поддержке, изучение которых является целью статьи, до сих пор не получало должного внимания специалистов. Накануне революции происходил процесс «национализации» империи и трансформации отношений между центром и окраинами. В правительстве в ходе дискуссий была четко сформулирована цель аграрной колонизации Туркестана в интересах империи, и начался переход от проекта к активным действиям для геополитического и экономического закрепления окраины. Центр, поставивший амбициозную цель создания «русского Туркестана», впервые определял желаемый образ переселенца и его хозяйства и организовывал соответствующий отбор. Ведущую роль в формулировании этого курса правительства сыграл главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин. Исследование опирается на опубликованные и архивные законодательные и делопроизводственные документы, работы чиновников и государственных деятелей, материалы Госдумы. Делается вывод, что власти законодательным путем вводили отбор зажиточных и опытных в сельском хозяйстве переселенцев и устанавливали для них ряд ограничений. Правительство намеревалось создать в Туркестане слой мелких русских земледельцев-колонистов, которые бы вели доходное хозяйство на орошенных землях без использования наемного труда, выращивая необходимый для государства хлопчатник, при этом укрепляли хозяйственные связи с имперским центром и являлись примером для коренного населения в экономическом и культурном отношении. Законопроект также свидетельство-

вал об укреплении во властных кругах идеологии русского национализма. Инициатива правительства получила поддержку в Думе, которая установила начало всесословности и продемонстрировала разногласия о необходимости национальных и культурных ограничений. Однако реализацию закона, создание «русского Туркестана» прервали война и революция.

Ключевые слова: Россия в начале XX в.; Туркестан; Голодная степь; орошение земель; колонизация; законопроекты.

Туркестан в начале XX в., имея важное военно-политическое значение для России, нуждался в хозяйственном освоении в интересах метрополии и значительных вложениях в развитие. Россия к тому времени, наряду с успехами модернизации, столкнулась с аграрным перенаселением и малоземельем в европейской части страны, в то время как Средняя Азия, казалось, обладала огромным запасом свободных земель. Пригодными для земледелия, как выяснили ученые, были почвы к юго-западу от Ташкента площадью более 1 млн га на левобережье реки Сырдарья после ее выхода из Ферганской долины. В вольном переводе с узбекского русские географы называли эту часть Голодной степью. Но для их сельскохозяйственного использования требовались искусственный полив и мелиорация.

Несмотря на закрытие края, Туркестан наполняли самовольные переселенцы, вынужденные обходить или нарушать закон, вступать в неформальные соглашения и зависимость, как подчеркивали власти, от чуждого в религиозном и культурном отношении населения. К началу 1912 г. число безземельных русских крестьян в крае доходило до 50 тыс. [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 37 об.]. Все более национализирующаяся империя парадоксально, в интересах сохранения социального порядка, была вынуждена противостоять этому самовольному движению из метрополии на окраину.

В начале XX в. в ситуации соперничества великих держав и зарождающегося окраинного и великорусского национализма в имперском центре была сформулирована задача экономического освоения, эксплуатации ресурсов и геополитического закрепления Средней Азии – ее колонизации путем планомерного и регулируемого законами заселения переселенцами из центра России, которые бы стали движущей силой экономического развития региона. Это становилось особенно важным, так как лояльности местного населения быстро добиться не удалось.

Сторонником расширения сельскохозяйственной колонизации являлся занявший в 1908 г. пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, а до этого возглавлявший Переселенческое управление А. В. Кривошеин, которого современники называли «министром Азиатской России». «Политическое преобладание в Туркестане русской народности должно быть закреплено и хозяйственной ее силой», – отмечал он в 1912 г. в записке по итогам поездки в Турке-

стан, указывая, что «будущее края – в сельском хозяйстве, и притом хозяйстве особом: промышленном, сложном» [Записка А. В. Кривошеина, с. 55, 76]. Идеи колонизации принципиально поддерживали военные министры А. Ф. Редигер (1905–1909) и В. А. Сухомлинов (1909–1915) [РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 28 об., 30].

Существенной помехой при организации переселения было то, что удобные для земледелия земли были заняты коренным населением. Российское государство действовало двояко: теснило кочевников, вызывая их недовольство, и намеревалось ввести в сельхозоборот новые земли путем их орошения. Второй вариант власти признавали наилучшим и «самым правильным», но, как отмечал туркестанский губернатор Д. Суботич (1905–1906), «путь этот медленный и дорогой» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3412. Л. 31–33, 36 об.].

Идея ускоренной русской колонизации Туркестана, продвигавшаяся Кривошеиным, встречала сопротивление как части туркестанских чиновников, так и имперской бюрократии. Скептически был министр финансов В. Н. Коковцов, который в 1908 г. заявлял премьеру П. А. Столыпину, что проблему переселения в Туркестан и ирригации следует считать второстепенной и соответственно распределять средства [РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428а. Л. 22 об., 37–37 об., 98 об. –99]. Принципиальное несогласие с форсированным государственным вмешательством в колонизацию Туркестана выразил сенатор К. К. Пален, ревизовавший край в 1908–1909 гг. Он пришел к выводу о нежелательности изъятия земель у коренных жителей и предупредил, что это ведет к розни и вражде. По мнению сенатора, цель обрусения и закрепления края через переселение была недостижима. Пален выступил за развитие Туркестана путем частной предприимчивости, введения земель в гражданский оборот, создания благоприятных условий для «сильных представителей русской народности» [Отчет по ревизии Туркестанского края, с. 417–418]. С приходом Кривошеина в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) укрепилась тенденция активного государственного вмешательства в переселение в Среднюю Азию.

Первым крупным орошенным за счет казны районом в Туркестане стала северо-восточная часть Голодной степи в Самаркандской области – порядка 45 тыс. десятин. Составленные к началу войны проекты орошения предполагали охват 940 тыс. десятин. Как отмечал глава ГУЗиЗ А. В. Кривошеин, «цель правительственной работы в Туркестане» – оросить не менее 3 млн десятин земли, что могло дать «еще около 20 млн пудов хлопка и 300 тысяч крепких русских хозяйств, т. е. свыше 1,5 млн русского населения», создав «второй Туркестан», «и новое население его будет русским». Цена преобразования Туркестана составила бы до 700 млн руб. от казны, полагал Кривошеин. Он был уверен, что затраты с избытком окупятся «в несколько лет», также было очевидно, что расходы будут постепенными [Записка А. В. Кривошеина, с. 30, 53, 67, 72, 80].

Появление к 1913 г. в районе Голодной степи значительного объема свободных орошенных земель привело к подготовке законодательного акта, который должен был определить, кому и на каких основаниях раздать земли, а также обеспечить возможность «направленного» развития земледелия и его приспособления к местным условиям. Проект опирался на аналогичный – о заселении орошенных участков Муганской степи на Кавказе. Значение проекта заселения орошенных земель Голодной степи подчеркнул в ходе обсуждения в Госдуме докладчик переселенческой комиссии Д. П. Капнист. Он отметил, что этот проект не чисто переселенческий: «это... первый законопроект, который говорит о колонизации Туркестанского края» [Госдума. Четвертый созыв. Сессия первая. Ч. 3. Стб. 2305]. Впервые на практике должна была начать реализовываться идея планомерного заселения Туркестана русскими. Кривошеин надеялся, что «в центре Туркестана, в бесплодной степи, возникнет новый оазис: целый русский уезд с десятками тысяч жителей и с производством хлопка в сотнях тысяч пудов» [Записка А. В. Кривошеина, с. 37].

В историографии традиционно основное внимание обращалось на господствующий способ – изъятие «излишней» земли у кочевников, так как именно это усиливало напряженность, а успехи государства в орошении региона характеризовались как незначительные, как и масштабы переселения на вновь орошенные земли, однако глубокой проработки и анализа законодательства не проводилось [Аминов; Верещагин; Котюкова; Покорение Голодной степи].

Вопрос орошения Голодной степи начал разрабатываться уже в первые годы после присоединения края к России. Сначала проекты были неудачными или требовали значительного финансирования, которое не выделялось. В частном порядке князь Николай Константинович Романов к 1896 г. возвел технически несовершенный канал «Николай I», оросивший более 5 тыс. десятин. Сооружение было выкуплено казной. Великий князь на практике показал возможность осваивать земли и развивать земледелие путем ирригации [Покорение Голодной степи, с. 21–27].

В 1901 г. началось строительство Романовского канала, призванного оросить порядка 45 тыс. десятин северо-восточной части Голодной степи. Оно затянулось на 12 лет из-за технических недоработок, плохой организации процесса и слабого финансирования государством. В июне 1911 г. был утвержден законопроект об ассигновании на опытные работы почти 5 млн руб., что резко ускорило ход строительства, и 5 октября 1913 г. Романовский канал, ставший крупнейшим каналом в России и одним из крупнейших в Азии, был открыт [Аминов, с. 231–232; Покорение Голодной степи, с. 28–33]. Первый практический опыт казенного орошения в Туркестане показал невысокую эффективность с учетом затраченного на него времени и упущенных возможностей развития ирригации частным капиталом. Однако он имел символическое значение. Туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов

в приглашениях высшим чиновникам и военным подчеркивал, что «предприятие это знаменует собой в наших среднеазиатских владениях, искони бедных орошением, начало грандиозных оросительных работ», «является крупнейшим залогом наиболее прочного водворения здесь русской гражданственности и русской культуры» [РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 841. Л. 132–133; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4256. Л. 12–12 об., 21].

В 1906 г. в ведение переселенческой организации была передана первая тысяча орошенных десятин казенной земли в Голодной степи, нарезано 100 участков по 10 десятин и водворено 65 семей, основавших поселок Спасский. На следующий год ведомству отошли еще 2 тыс. десятин, и к 1912 г. на участках жили 260 семейств – 1350 чел., в поселке появились школа, приемный покой с фельдшером и акушеркой и молитвенный дом. Почти треть посевной площади переселенцев была занята хлопком, пшеницей – почти 17 % [Скрыплев, с. 207–211, 215]. По данным Переселенческого управления, в 1913 г. в Голодной степи проживало уже 5 тыс. переселенцев, в том числе более 1 тыс. чел. в том году было водворено на землях, орошенных из Романовского канала. Также землю арендовали 800 самовольных переселенцев [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 125].

Искусственно привлекать на орошенные земли переселенцев не приходилось: несмотря на закрытие Туркестана, в регион шел постоянный приток русских крестьян. Однако их состав, от которого зависел успех колонизации, вызывал у властей большие вопросы. А. В. Самсонов в отчете за 1909 г. отмечал:

...контингент переселенцев является в значительной части не вполне удовлетворительным для целей русской колонизации края, потому что многие из них представляют собой крестьян, отвыкших уже от труда, непрерывно переходящих по Сибири и среднеазиатским владениям с целью получения пособия на устройство... и покидающих край тотчас по получении этого пособия.

Для решения этой проблемы генерал-губернатор предлагал дать право отбора «действительно нуждающихся в земле крестьян» земствам тех губерний, откуда шел наибольший поток, при этом не передавать переселенческие участки в собственность, а оставлять в ведении ГУЗиЗ [Всеподданнейший доклад А. В. Самсонова, с. 31–32].

На особые качества, требовавшиеся переселенцам, обращал внимание чиновник Переселенческого управления, правовед и публицист Г. К. Гинс:

Колонисту необходимо обладать разнообразными познаниями: он должен быть не только земледельцем, но и ремесленником... Колонисту необходимо... обладать денежными средствами на первое оборудование. Наконец, колонист должен проявить сознательность: ему должны быть известны условия жизни и хозяйства той колонии, куда он направляется.

Он подчеркивал желательность заимствования европейского опыта поддержки переселения состоятельных людей: «пособия выдаются людям, которые обладают некоторыми средствами и обещают поэтому стать прочными засельщиками» [Гинс, с. 43, 45–48].

Прямую связь зажиточности крестьянина с успешностью колонизации проводили участники собиравшегося в мае 1911 г. Совещания для выработки преобразования управления Туркестанским краем. По их мнению, бесплатная раздача искусственно орошенной земли «приблизжалась бы к нехозяйственной растрате государственного достояния». Совещание признало необходимость заселения Туркестана «крепким крестьянством», сославшись на слова К. К. Палена по итогам ревизии, что «слабые элементы» при переселении приносили «пониженную нравственность, не способствовали поднятию производительности» [Отчет по ревизии Туркестанского края, с. 418–419]. Подчеркивалась важность культурного влияния, которое не могли обеспечить бедняки: из-за своего «беспорядочного уклада жизни» они, по мнению членов совещания, не пользовались уважением и «отвращали» местное население от возможности принятия в будущем русских обычаев и русской культуры [РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 20–20 об.].

Кривошеин, посетивший Туркестан в 1912 г. для изучения возможностей его развития, в своей записке сформулировал связь государственной поддержки переселенцев с возможностью их качественного отбора и предъявлением к ним дополнительных требований. Главноуправляющий землеустройством и земледелием подчеркивал необходимость нацелить русских переселенцев на развитие ценного для страны хлопководства, а не на выращивание пшеницы, которую можно было бы привезти из других регионов. Как отмечал Кривошеин, дорогие орошенные земли не могли даваться русским переселенцам на обычных «сибирских» условиях: земли следовало давать переселенцам временно под обязательство «закультивировать определенную площадь под хлопок» (не менее трети), и лишь после получения такого «стажа» – в собственность, еще одним обязательным условием должен был стать отвод наделов в единоличную собственность – отрубам и хуторами, сохранение передельной общины было недопустимо [Записка А. В. Кривошеина, с. 61–63].

Размер участков для переселенцев на поливных землях, по мнению главы ГУЗиЗ, не мог быть значительным – его должны были обрабатывать отдельные семьи своими силами, средним размером отвода он считал 8–10 десятин орошенной земли на семью. При этом земля должна была передаваться переселенцам не даром, а за плату, покрывающую действительную стоимость земли и расходы казны на орошение. По мнению Кривошеина, это было необходимо и в связи с денежными интересами казны, и по «психологическим» соображениям – «купленное всегда милее дареного». Однако платежи должны были иметь льготный характер: допускались рассрочка и право рассчитываться не деньгами, а частью урожая [Там же, с. 65–66].

Госдума в 1910 г. при обсуждении сметы отдела земельных улучшений ГУЗиЗ тоже признала необходимым возмещение переселенцами расходов казны на орошение в зависимости от получаемых выгод и цены сооружений [Государственная дума. Третий созыв, стб. 754–761].

Кривошеин считал возможным в первое время не мешать передаче части наделов переселенцев в субаренду коренным жителям для скорейшего получения хлопка и «выучки» переселенцев. По его мнению, следовало разрешить продажу наделов одними переселенцами другим, более хозяйственным, но ввести запрет на сосредоточение наделов выше определенной нормы в одних руках, их перепродажу «туземцам» и иностранцам. Переселенцы должны были получать агрономическую помощь, нужно было удовлетворить их потребность в мелком кредите [Записка А. В. Кривошеина, с. 65].

Изложенные в записке главы ГУЗиЗ тезисы легли в основу составленного ведомством законопроекта об отводе русским переселенцам участков казенной орошенной земли в Голодной степи. При разработке проекта был использован утвержденный императором 28 июня 1912 г. закон об отводе казенных орошенных участков в Муганской степи на юго-востоке Бакинской губернии на Кавказе. Тот, в свою очередь, основывался на общих правилах 1906 г. о переселении на казенные земли, накладывая на переселенцев в Муганскую степь ряд дополнительных ограничений. Они освобождались от казенных платежей и земских денежных сборов полностью лишь на первый год после заселения (а не на пять лет, как по общему закону), на два последующих года – в половинном размере (а не на пять лет, как по общему закону). Устанавливались пятилетний срок перехода на единоличное пользование, предельная норма надела в девять десятин на двор, также вводился особый сбор на содержание и ремонт водных сооружений и заведование ими, запрещались посадка риса и сдача земли в аренду тем, кто не имели права получать переселенческие участки на Кавказе [Об отводе казенных орошенных участков, с. 291–292].

Совет туркестанского генерал-губернатора, рассматривавший проект по Муганской степи в декабре 1912 г., оценил его как вполне применимый к Туркестану с добавлениями и изменениями. Сроки предоставления льгот туркестанские чиновники сочли вполне достаточными. Изначально для переселенцев предлагалось установить имущественный ценз в 2 тыс. руб. капитала, но совет туркестанского генерал-губернатора не согласился с этой идеей, указав, что таких переселенцев «не так легко подыскать», а простое предъявление суммы не могло гарантировать ее принадлежность переселенцу. В законе предлагалось лишь указать, что зачисление и водворение переселенцев производятся «без всякого воспособления от казны». Предельную норму надела предлагалось ограничить восемью, а не девятью десятинами, так как земля Голодной степи была более плодородной при должном поливе. Также совет посчитал возможным допустить в Голодной степи рисовые посевы. Была рассчитана сумма особого

сбора с переселенцев на погашение расходов казны: при стоимости орошения в 7 млн 356,5 тыс. руб. выходил ежегодный платеж в 6,5 руб. с каждой десятины земли [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 33–36]. Генерал-губернатор А. В. Самсонов, согласившись с проектом в целом, предложил смягчить требования к переселенцам, чтобы ускорить заселение, в том числе выдавать им возвратные ссуды на домообзаводство, увеличить льготный срок и понизить ежегодную выкупную плату, что размывало идеи ГУЗиЗ, положенные в основу проекта [Там же. Л. 32–32 об.].

После обсуждения тезисов в Туркестане и их одобрения Азиатской частью Главного штаба в конце марта 1913 г. подготовленный переселенческим управлением ГУЗиЗ проект был представлен в Совет министров. В нем отмечались успехи русских крестьян в выращивании хлопчатника, усовершенствования в обработке почвы, использование технических новшеств. Это подводило к выводу, что русские переселенцы могут успешно развивать хлопководство. Ставилась задача создать из переселенцев в Туркестане столь же зажиточных хозяев, как и «окрестные туземцы». Начальник Главного штаба Н. П. Михневич отмечал:

Необходимо предотвратить поступление ценных земель в руки таких переселенцев, которые без опыта в культуре ценных растений и без достаточных денежных средств не в состоянии сделаться экономически сильным оплотом русского влияния в крае [Там же. Л. 50–50 об.].

Согласно проекту ГУЗиЗ, на орошенные земли Голодной степи приглашались безземельные переселенцы-арендаторы и рабочие, уже жившие в Туркестане и «свыкшиеся с особенностями туркестанского сельского хозяйства» [Там же]. Проект смягчал изложенные первоначально требования к переселенцам из Европейской России. В Туркестан допускались состоятельные русские крестьяне, которые имели в месте выхода имущество не менее чем в 1 тыс. руб., а не 2 тыс., как планировалось ранее. Оценка должны были проводить должностные лица, выдававшие ходаческие и проходные свидетельства. В проекте предлагалось сократить устанавливаемые общим законом льготные сроки по казенным и земским сборам, но сделать мягче, чем в законе по Муганской степи, так как, согласно имевшимся данным, нормальной доходности хозяйство в Туркестане могло достичь только на второй год после водворения. Поэтому предлагалось освободить новоселов от платежей в течение двух лет по водворении, а в следующие два года взимать их в половинном размере, чтобы хозяйство могло окрепнуть.

Срок для заселения зачисленных переселенцам участков устанавливался в один год (а не в шесть месяцев, как в Муганской степи), чтобы дать выходцам из Европейской России достаточный срок для ликвидации хозяйственных дел на родине. Земли предлагалось предоставлять

в подворно-наследственное пользование и отбирать у тех, кто в течение трех лет не приступил к их обработке, как и предполагали общие правила о переселении в отношении орошенных земель. Сохранялось ограничение размеров надела – наименьшей и стандартной нормой устанавливались восемь орошенных десятин земли на двор, а не 15, как в других заселяемых районах Азиатской России, чтобы не допустить имущественного расслоения и избежать найма поселенцами рабочих для обработки земли, как это происходило в туркестанских поселках, где норма была установлена в десять десятин на двор. Норма в восемь десятин, согласно статистико-экономическим обследованиям, оставляла в распоряжении семьи переселенцев свыше 500 руб. чистого дохода в год, или 65 руб. на десятину. Предельная норма в десять десятин все же допускалась «для особых случаев... по условиям почвы и орошения» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 40 об.].

Общая оценка затрат на орошение к тому времени повысилась до 8 млн 851 тыс. руб., в итоге расходы на орошение одной десятины земли были оценены в 155 руб., в то время как в Муганской степи – 40 руб. Указывалось, что ежегодная плата переселенцев не должна была значительно превышать земельные налоги, уплачиваемые «туземцами» (3–4 руб. с десятины), и она должна была носить характер платы не за землю, а за орошение.

Срок возмещения затрат казны на орошение не должен был быть слишком значительным – его установили в 20 лет по водворении поселенцев, чтобы в первые годы платежи были ниже, чем в последующие: в первые шесть лет – по 5 руб. с орошенной десятины, следующие пять лет – по 10 руб., и в последние пять лет – по 15 руб. Помимо этого, переселенцы, согласно проекту, должны были с первого же года после заселения платить сбор в 3 руб. с десятины в возмещение расходов по содержанию и ремонту оросительных систем и гидротехнических сооружений, а также оброчную подать в 30 коп. с десятины. По расчетам ведомства, при доходности с десятины в 65 руб. спустя четыре года казенные сборы в 8,3 руб. не могли считаться чрезмерными. ГУЗиЗ предлагало разрешить переуступать участки тем, кто имели право на устройство на этих землях, но уже без льгот, сдачу следовало запретить. Также запрещались посевы риса, которые вели к заболачиванию местности, вредно влияли на здоровье населения и требовали много воды [Там же. Л. 37–46]. Эти основания заселения Голодной степи предлагалось применить и к участкам тех, кто переселились ранее, но с сохранением их льгот.

Госконтроль, согласившись с проектом, предложил не устанавливать предельного размера сбора на содержание и ремонт водных сооружений, так как с развитием оросительной сети сумма могла повыситься, и не было оснований возлагать эту переплату на казну. В итоге в Думу проект поступил с указанием от председателя Совета министров В. Н. Коковцова, что сбор должен быть повышен с 3 до 5 руб. на десятину орошенной земли в год [РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 440. Л. 48–49].

Внесенный ГУЗиЗ проект обсуждался в Госдуме в июне 1913 г. Переселенческая комиссия Думы благосклонно отнеслась к законопроекту, предложив давать участки переселенцам всех сословий, а не только крестьянам, а для их прочного закрепления предпринять дополнительные меры: обеспечить агрономической помощью и мелким кредитом, немного увеличить размер наделов. В предлагаемом комиссией проекте не акцентировалось внимание на национальной и религиозной принадлежности переселенцев. Финансовая комиссия Госдумы внесла в проект редакционные изменения, прописав, что к заселению допускаются лица «коренного русского происхождения православного исповедания» и старообрядцы или сектанты по соглашению с МВД и военным министром [Приложения к стенографическим отчетам Госдумы, с. 7–11], эта норма была взята из общих правил по переселению 1906 г. в отношении переселенцев в Туркестан.

Вопрос о национальных и религиозных ограничениях спровоцировал в Думе дискуссию. Докладчик переселенческой комиссии октябрист Д. П. Капнист предложил разрешить заселение на орошенных землях не только православным, а лицам всех христианских вероисповеданий. Предложение прошло большинством в 108 голосов против 94. Капнист не согласился с утверждением об угнетении мусульман этим законопроектом: по его мнению, это была мера защиты «горсти русских переселенцев», которым не досталось бы земли без этих ограничений. Он обосновал ограничения и финансовым аргументом – за орошение платило государство, а сам Туркестан не давал дохода. С ним согласился другой октябрист И. И. Капнист, утверждавший, что иначе орошенные «на русские средства» земли, «затерянные в мусульманском мире», уйдут «туземцам», которые окажутся в более благоприятном положении, чем русские [Госдума. Четвертый созыв, ч. 3, стб. 2287–2288, 2294–2295, 2305–2307]. Если октябристы выступали с позиций равенства национальностей, обосновывая ограничения нарушенными правами русского населения в регионе, то правые объясняли их националистическими мотивами. Н. Е. Марков назвал другие народы «вторым сортом», нуждающимся в обрусении, и заявил, что русский народ в государстве должен иметь привилегированное положение [Там же, стб. 2295–2298].

Кадеты предложили отменить в проекте все национальные и религиозные ограничения и не поддержали введение принципа всесословности, отметив необходимость первоочередного устройства малоземельных крестьян. Критиковались наличие в проекте «доли увлечения колонизацией этого края чисто русскими элементами» и тенденция к ущемлению прав киргизов: если при проведении первого из каналов в Голодной степи (имени Николая II) участки раздавались не только русским, но и киргизам, то в новом проекте туземцы устранялись и ставились в «тяжкое положение» «будущих работников переселенцев» [Там же, стб. 2289–2293]. Н. Н. Щепкин усомнился в связи между критерием обладания имуществом в 1 тыс. руб.

и подготовленностью переселенца к условиям Туркестанского края. Трудовик В. И. Дзюбинский отметил, что владелец имущества в 1 тыс. руб. мог заложить его и иметь долг в несколько тысяч рублей. Он полагал, что с экономической точки зрения целесообразнее дать землю местному населению, лучше знакомому с особенностями сельского хозяйства в климатических и культурных условиях Туркестана. Раскритиковали изложенные в проекте ограничения и думские мусульмане – прогрессист М. М. Далгат и представитель мусульманской группы Г. Х. Еникеев [Там же, стб. 2294–2295, 2300–2302, 2304–2305]. Завершил дискуссию начальник переселенческого управления Г. В. Глинка, отметивший, что национальные и религиозные ограничения на переселение в Туркестан уже законодательно действовали, так как были изложены в правилах о переселенцах 1906 г. Что касается имущественного ценза, то он, по мнению Глинки, был незначителен и необходим из-за жестких требований по оплате и срокам начала обработки земли [Там же, стб. 2309–2311].

Дума приняла законопроект, допустив к получению участков не только крестьян и мещан-земледельцев, а лиц всех сословий. Это было новшеством, так как общие правила исходили из сословного принципа, а внесенный переселенческим управлением проект, закреплявший равенство всех сословий в праве на переселение, был одобрен Думой только в мае 1916 г. Если проект ГУЗиЗ лишь указывал на прописанную в общих правилах норму, что правом на переселение в Туркестан обладают только лица «коренного русского происхождения», то в одобренном Думой проекте такое право давалось всем русским подданным, независимо от происхождения. Если правила 1906 г. допускали в Туркестан переселенцев только православного исповедания и ряда «старообрядческих согласий и сектантских толков», то думский вариант – всех христиан. Дума согласилась с принципом, что переселенцы должны были либо проживать в пределах Туркестанского генерал-губернаторства в качестве рабочих или арендаторов земельных участков, либо соответствовать цензу в 1 тыс. руб.

Размер участка должен был составлять от восьми до десяти десятин удобной земли на двор, причем Дума также прописала в проекте нормы участков под церкви (33 десятины) и школы (две десятины). Думцы согласились с правилом, что водворившиеся на два года полностью освобождаются от казенных платежей и земских денежных сборов, а в следующие два года облагаются в половинном размере, уточнив, что срок считается со следующего за водворением полугодия [Проекты законов, одобренные Госдумой, с. 64–66]. Были одобрены установленные ГУЗиЗ особый ежегодный сбор в казну на погашение капитальной стоимости оросительных сооружений и временная оброчная подать, но с четким указанием, что они платятся в течение 16 лет после завершения льготного четырехлетнего срока. В проекте фиксировался внесенный ГУЗиЗ пункт, что сумма сбора на содержание и ремонт водных сооружений составляет до 5 руб. в год с десяти-

ны с первого же года по водворении, но уточнялось, что основания для определения размера и раскладки сбора должны установить особые правила, которые следовало издать ГУЗиЗ по соглашению с заинтересованными ведомствами.

Дума согласилась с принципом, что при переуступке земли вновь водворившиеся не пользуются льготами по казенным платежам и земским денежным сборам. Наказание за рисовые посевы было ужесточено: если проект ГУЗиЗ содержал ссылку на статью Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, которая предполагала денежное взыскание не свыше 50 руб. [Устав о наказаниях, с. 106], то Дума установила твердую сумму денежного взыскания в 50 руб., причем с каждой засеянной рисом десятины [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 69–71].

Одобренный Думой проект был отправлен в Госсовет, где его рассматривала особая комиссия под председательством П. Ф. Унтерберге-ра, ее зампредом был В. И. Тимирязев [Там же. Л. 50]. Госсовет 28 февраля 1914 г. отказался утверждать проект, была создана согласительная комиссия для рассмотрения «разномыслий» [Госдума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. Стб. 1682–1683]. По итогам ее работы Госдума приняла проект в измененном виде. Уточнялось, что участок могут получить не просто рабочие в Туркестане, а только те, кто были заняты на земле, переселенцы из Европейской части России должны были заранее получить удостоверения, что они имеют имущество ценностью не менее чем в 1 тыс. руб. Не допускались к заселению орошенных казенных участков «последователи таких вероучений, которые отрицательно относятся к исполнению воинской повинности». Также Госсовет дополнил норму о переуступке, указав, что землю могли получить только те, кто еще не пользовался участками казенных орошенных земель Голодной степи. Было введено жесткое ограничение на сдачу земли внаем: в общей совокупности один двор не мог арендовать больше десяти десятин – максимального размера переселенческого участка, а меру наказания за посев риса было решено не прописывать в законе, а ввести в качестве статьи в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [Проекты законов, одобренные Госдумой, с. 732–735]. С такими поправками закон 21 июня 1914 г. утвердил Николай II – спустя полтора года с начала обсуждения проекта [Госдума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть 5, стб. 1399–3].

ГУЗиЗ не только заботилось непосредственно о подборе переселенцев и процессе переселения в Голодную степь, но и стремилось развивать инфраструктуру. В 1914 г. в Голодной степи близ Среднеазиатской железной дороги был основан первый торгово-промышленный поселок Самсонов (ныне в черте города Сырдарья в Узбекистане), которому предназначалась роль экономического и административного центра «хлопкового оазиса». ГУЗиЗ ожидало его разрастания в «большой город» с развитой торговлей хлопком и хлопковой промышленностью. В поселке имелось свыше 2 тыс. усадебных мест, к концу 1915 г. было

сдано в аренду 316 участков, обзавелись или обзаводились постройками около 80 чел., в нем создали больницу, школу, библиотеку, оросительную сеть. Переселенческое управление признавало условиями успешного развития поселка его благоустройство и продолжение заселения Голодной степи [Переселение и землеустройство, с. 89–91, 100–101].

В 1914–1915 гг. разрабатывался новый проект орошения Голодной степи на площади более 500 тыс. га. В конце 1914 г. технический комитет отдела земельных улучшений ГУЗиЗ внес в Госдуму предложение выделить за пять лет 8 млн руб. для работ по проекту, которых в связи с войной не нашлось. Освоение земель отставало от их ирригационной подготовленности. Так, в 1914 г. из 43,4 тыс. га орошенных земель было засеяно всего 14 тыс. га, а в 1917 г. из 68,9 тыс. га фактически посеяны заняли 34,5 тыс. га [Покорение Голодной степи, с. 45, 47]. При этом государственные траты на каждую орошенную десятину оказались больше планируемых и должны были составить в 1916 г. порядка 11 руб. в год, в итоге разница с выплачиваемыми переселенцами 5 руб. покрывалась из казны [Аминов, с. 234]. К 1917 г. в Голодной степи, по данным А. П. Фомченко, было водворено 1250 семей, создано восемь переселенческих поселков и свыше 60 хуторов. Если в 1914 г. хлопчатником здесь было занято почти 5 тыс. га, то к 1917 г. – 19 тыс. га, то есть русские переселенцы оказались в силах отойти от чисто зернового хозяйства [Фомченко, с. 68, 81].

Закон, охарактеризованный в Думе как первый, касающийся колонизации Туркестанского края, создавал альтернативу занятию переселенцами отобранных у коренного населения земель и вводил в организованное русло переселение из Центральной России. Это могло способствовать устранению противоречий между пришлыми и коренными жителями. Предполагалось, что закон стимулирует развитие хлопководства в русских хозяйствах, улучшит положение скопившихся в регионе безземельных переселенцев, создаст в Туркестане слой зажиточных мелких русских земледельцев, использующих передовые приемы обработки земли, защитит от концентрации участков в одних руках. «Крепкие» переселенцы могли бы обеспечить рывок в аграрно-капиталистическом развитии региона, стать примером для коренного населения, приобщить его к русской культуре. В то же время процесс подготовки и обсуждения проекта свидетельствовал об усилении во властных кругах идеологии русского национализма: государство демонстрировало заботу прежде всего о русских переселенцах и делало капиталовложения в их интересах, пренебрегая нуждами коренных жителей.

Площадь первых орошенных казной земель в Туркестане и число переселенцев для размещения на этой территории были слишком незначительными в сравнении с общим притоком крестьян из Европейской России и количеством коренного населения. Переселенцы спустя несколько лет в условиях войны и революции лишились государственного покровительства и помощи. Идее создания «русского Туркестана» не суждено было сбыться.

Список литературы

Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии. Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. 298 с.

Верецагин Н. Д. Переселенческая политика царизма в Сырдарьинской области Туркестанского края в годы столыпинской реакции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 1951. 15 с.

Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова о положении Туркестанского края в 1909 г. Ташкент : [Б. и.], 1910. 58 с.

Гинс Г. К. Переселение и колонизация. СПб. : [Б. и.], 1913. 48 с.

Государственная дума. Третий созыв : Стенографические отчеты. Сессия третья. 1910 г. : в 4 ч. СПб. : Гос. тип., 1910. Ч. 3. 3246 стб.

Государственная дума. Четвертый созыв : Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая : в 3 ч. СПб. : Гос. тип., 1913. Ч. 3. 2698 стб.

Государственная дума. Четвертый созыв : Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая : в 5 ч. СПб. : Гос. тип., 1914. Ч. 2. 1994 стб. Ч. 5. 1396 стб.

Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб. : Гос. тип., 1912. 88 с.

Котюкова Т. В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М. : Науч.-полит. кн., 2016. 391 с.

Об отводе казенных орошенных участков в Муганской степи // Столыпин П. А. Программа реформ : документы и материалы : в 2 т. М. : РОССПЭН, 2011. Т. 2. С. 291–292.

Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной сенатором К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. СПб. : Сенат. тип., 1909–1911. 419 с.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Пг. : Переселенческое упр., 1916. 398 с.

Покорение Голодной степи. Ташкент : Узбекистан, 1980. 323 с.

Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. 4. СПб. : Гос. тип., 1913. Разд. паг.

Проекты законов, одобренные Госдумой. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. 1. Пг. : Гос. тип., 1914. 915 с.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3412, 4218, 4256.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428А; Оп. 8. Д. 22; Оп. 9. Д. 440; Оп. 9. Д. 841.

Скрыплев П. Хлопководство и русские переселенцы // Вопр. колонизации. 1913. № 12. С. 203–224.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями / изд. Н. С. Таганцевым. Пг. : Гос. тип., 1914. 92 с.

Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент : ФАН, 1983. 128 с.

References

Aminov, A. M. (1959). *Ekonomicheskoe razvitie Srednei Azii* [Economic Development of Central Asia]. Tashkent, Gosizdat UzSSR. 298 p.

Fomchenko, A. P. (1983). *Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v kontse XIX – nachale XX v. (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt)* [Russian Settlements in Turkestan in the Late 19th – Early 20th Centuries (Socio-Economic Aspect)]. Tashkent, FAN. 128 p.

Gins, G. K. (1913). *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and Colonisation]. St Petersburg, S. n. 48 p.

Gosudarstvennaya дума. Chetvertyi sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya pervaya v 3 ch. [State Duma. Fourth Convocation. Verbatim Record. Session 1. 3 Parts]. (1913). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 3. 2698 columns.

Gosudarstvennaya дума. Chetvertyi sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya vtoraya v 5 ch. [State Duma. Fourth Convocation. Verbatim Record. Session 2. 5 Parts]. (1914). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 2. 1994 columns. Part 5. 1396 columns.

Gosudarstvennaya дума. Tretii sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya tret'ya v 4 ch. [State Duma. Third Convocation. Verbatim Record. Session 3. 4 Parts]. (1910). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 3. 3246 columns.

Kotyukova, T. V. (2016). *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [Periphery on a Special Ruling... Turkestan on the Eve of Drama]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga. 391 p.

Ob otvode kazennykh oroshennykh uchastkov v Muganskoj stepi [On the Withdrawal of State-Irrigated Plots in the Mugan Steppe]. (2011). In Stolypin, P. A. *Programma reform. Dokumenty i materialy v 2 t.* Moscow, ROSSPEN. Vol. 2, pp. 291–292.

Otchet po revizii Turkestarskogo kraja, proizvedennoj senatorom K. K. Palenom. Pereselencheskoe delo v Turkestante [Report on the Audit of Turkestan Region, Made by Senator K. K. Palen. Resettlement in Turkestan]. (1909–1911). St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 419 p.

Pereselenie i zemleustroistvo za Uralom v 1915 g. (otchet o rabotakh Pereselencheskogo upravleniya za 1915 g.) [Resettlement and Land Management beyond the Urals in 1915 (Report on the Work of the Resettlement Department for 1915)]. (1916). Petrograd, Pereselencheskoe upravlenie. 398 p.

Pokorenie Golodnoj stepi [The Conquest of Mirzacho'i]. (1980). Tashkent, Uzbekistan. 323 p.

Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoj dumy. Chetvertyi sozyv. Sessiya pervaya, 1912–1913 gg. [Appendices to the Verbatim Records of the State Duma. Fourth Convocation. Session 1, 1912–1913]. (1913). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Iss. 4. Razdel'naya paginatsiya.

Proekty zakonov, odobrennye Gosdumoi. Chetvertyi sozyv. Sessiya vtoraya, 1913–1914 gg. [Draft Laws Approved by the State Duma. Fourth Convocation. Session 2, 1913–1914]. (1914). Petrograd, Gosudarstvennaya tipografiya. Iss. 1. 915 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1276. List 4. Dos. 428A; List 8. Dos. 22; List 9. Dos. 440; List 9. Dos. 841.

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. Stock 400. List 1. Dos. 3412, 4218, 4256.

Skryplev, P. (1913). Khlopkovodstvo i russkie pereselentsy [Cotton Farming and Russian Settlers]. In *Voprosy kolonizatsii*. No. 12, pp. 203–224.

Tagantsev, N. S. (Ed.). (1914). *Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami* [Statute of Penalties Imposed by Magistracy]. Petrograd, Gosudarstvennaya tipografiya. 92 p.

Vereshchagin, N. D. (1951). *Pereselencheskaya politika tsarizma v Syr-Dar'inskoj oblasti Turkestarskogo kraja v gody stolypinskoj reaktsii* [Resettlement Policy of Tsarism in the Syr-Darya Region of Turkestan Region in the Years of the Stolypin Reaction]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 15 p.

Vspoddanneishii doklad Turkestarskogo general-gubernatora A. V. Samsonova o polozhenii Turkestarskogo kraja v 1909 godu [The Most Loyal Report of Turkestan Governor-General A. V. Samsonov about Turkestan Region in 1909]. (1910). Tashkent, S. n. 58 p.

Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustroistvom i zemledeliem A. V. Krivosheina o poezdke v Turkestarskii kraj v 1912 g. [The Note of the Chief of Land Management and Agriculture A. V. Krivoshein about his Trip to Turkestan Region in 1912]. (1912). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 88 p.

The article was submitted on 13.04.2019

Origines

Origines

DOI 10.15826/qr.2019.4.438

УДК 929.733Мусины-Пушкины+94(470.23-25)+930.2

**БОЯРИН И ГРАФ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ
МУСИН-ПУШКИН: ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ
И НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ***

Андрей Захаров

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**IVAN MUSIN-PUSHKIN, BOYAR AND COUNT:
HIS NOTEBOOK AND NEW SOURCES**

Andrey Zakharov

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The name of Ivan Alekseevich Musin-Pushkin, the only senator who outlived Peter I, is very well known: it is most frequently mentioned in connection with his management of the Monastery Prikaz and publishing in the country's two capitals. Additionally, there is an unusual myth that he was an illegitimate son of Tsar Aleksey Mikhailovich. The existing historiography focuses on his kinship with Patriarch Joachim. Because of this, the reasons why a stolnik born into a family with no noble rank climbed the career ladder until he became a boyar, count, and senator were perceived one-sidedly. Attention to Musin-Pushkin's tenure as governor of Astrakhan makes the author question the priority of kinship and blood relationships when climbing the social ladder. The author refutes the legend about the count's kinship with the tsar, which was created by 19th-century journalists. Musin-Pushkin's marriage to Joachim's niece was concluded a month before the death of the patriarch and could not considerably influence the promotion of Musin-Pushkin. The article

---

* *Citation:* Zakharov, A. (2019). Ivan Musin-Pushkin, Boyar and Count: His *Notebook* and New Sources. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1277–1301. DOI 10.15826/qr.2019.4.438.

Цитирование: Zakharov A. Ivan Musin-Pushkin, Boyar and Count: His *Notebook* and New Sources // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1277–1296. DOI 10.15826/qr.2019.4.438/ Захаров А. Боярин и граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин: *Записная тетрадь* и новые документы // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1277–1296. DOI 10.15826/qr.2019.4.438.

is supplemented by archival documents and the count's letters, which help understand the communication channels of the St Petersburg dignitary and his circle of relations. The author also provides five previously unpublished documents from the Russian State Archive of Ancient Acts and the count's testament. The article also contains a highly unique source, Musin-Pushkin's *Notebook of Correspondence* for the first half of 1715, which mentions the journeys undertaken by the tsar and the count between May and June 1715.

Keywords: Musin-Pushkin family; I. A. Musin-Pushkin; Peter the Great; Moscow Court; F. P. Polikarpov; Senate; Aleksandrova sloboda.

Имя единственного пережившего Петра I бессменного сенатора первого состава Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина хорошо известно и чаще упоминается по поводу его заведования Монастырским приказом и издательским делом в столицах. Необычен миф о его происхождении как незаконнорожденного сына царя Алексея Михайловича. В историографии делается акцент на его родственную связь с патриархом Иоакимом. Поэтому ранее односторонне воспринимались причины, по которым рядовой стольник из незнатной фамилии поднялся по чиновной лестнице до боярства, получил титул графа и должность сенатора. Внимание к деятельности Мусина-Пушкина во время пребывания на посту воеводы в Астрахани ставит под вопрос представления о приоритете свойства и родства для повышения социального статуса. В статье аргументируется опровержение легенды о «царском родстве» будущего графа, созданной публицистами XIX в. Брак Мусина-Пушкина с племянницей патриарха Иоакима состоялся за месяц до смерти святейшего и не мог значительно повлиять на продвижение к высшим служебным и чиновным ступеням. Публикуемые в приложении архивные документы и письма графа помогают понять каналы коммуникации видного петровского сподвижника, круг его родственников. Впервые публикуются пять документов из коллекции РГАДА и завещание (духовная) графа. Один из самых уникальных источников – «Записная тетрадь переписки» И. А. Мусина-Пушкина за первую половину 1715 г., в которой упомянуты перемещения царя и графа за май-июнь 1715 г.

Ключевые слова: Мусины-Пушкины; И. А. Мусин-Пушкин; Петр I; Московский двор; Ф. П. Поликарпов; Сенат; Александрова слобода.

Биографическая литература о «птенцах гнезда Петрова» обширна и продолжает интенсивно пополняться новыми трудами. Личность сподвижника Петра I графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина не удостоилась эпитета «выдающаяся», не претендует на искусственное прозвание «персоной второго плана», но его биография заслуживает внимания [Серов, 2008, с. 238–239; Захаров, 2015]. В историографии Мусин-Пушкин известен как образованный и доверенный сановник, судья Монастырского приказа. Он удостоился

первого места в собственноручном царском списке Сената из девяти «принципалов» 1711 г.

Россыпь вопросов к его биографии с каждой документальной публикацией, уменьшаясь, не исчезает. Точно не известен год его рождения, долгое время бытовали различные трактовки года смерти, безосновательно экстраполировались сведения об опале его сына Платона со ссылкой в Соловецкий монастырь. Некоторые авторы поддерживают версию о его царском происхождении.

Полулегендарные страницы биографии Мусина-Пушкина складывались постепенно. Известия сочинителя XVIII в. И. И. Голикова об обязанностях Мусина-Пушкина перемежались с вольными пересказами анекдотов о его характере как льстивого царедворца [Голиков, с. 103]. Легенду о происхождении Мусина-Пушкина как внебрачного сына царя Алексея Михайловича растиражировал кн. П. В. Долгоруков в скандально известных «Записках», вышедших на французском языке в 1867 г. [Записки князя Петра Долгорукова]. По всей видимости, Долгоруков почерпнул эту легенду от известного собирателя древностей и родословий П. Ф. Карабанова (1767–1851). Карабановские «Исторические рассказы и анекдоты» вышли спустя 20 лет после смерти автора, но с подачи Долгорукова оказались удивительно живучи. Выборочные письма царя к графу и необычные по фразеологии анекдоты подпитывали широкую фантазию публицистов. В плену легенды оказались в свое время даже современные историки [Серов, 1996, с. 241; Седов, с. 113].

В 1836 г. в первом издании известного «Словаря достопамятных людей» Д. Н. Бантыш-Каменского было впервые процитировано шутовое, в несколько строк, письмо Петра I, запустившее вереницу домыслов. Царь обращался к послу кн. Б. И. Куракину, рекомендуя к дипломатическим делам сына И. А. Мусина-Пушкина Платона, которого назвал своим «племянником» [Бантыш-Каменский, ч. 3, с. 385–389]¹. Сохранилась копия царского письма [РГАДА. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 232]. Словарь биографий Бантыш-Каменского добавил вес легенде о царской крови старшего графа Мусина-Пушкина и его потомства. Спустя некоторое время в печать вышла часть переписки графа [Черты из истории].

Публикация неизвестных писем и личных бумаг Мусина-Пушкина открывает новые сведения о частной жизни и повседневной службе петровского вельможи, о его личных качествах и семье. Как любой документ личного происхождения, каждое известие в переписке требует осторожности при истолковании и обобщениях и должно восприниматься в контексте параллельной документации, исторических событий и биографий.

Вершиной старомосковской карьеры было пожалование в 1698 г. И. А. Мусину-Пушкину чина боярина. В 1701 г. он был выбран на крайне ответственный и деликатный в политическом плане пост судьи Монастырского приказа. Выполнить задачи перераспределения

и управления церковными доходами, четкого взаимодействия с другими приказами мог только опытный администратор. Известно, что за 1701–1711 гг. казна получила не менее 1 млн руб. дохода с управляемых приказом монастырских вотчин. Незадолго до сенаторства царь удостоил Мусина-Пушкина звания «геемрата» (тайного советника) и 18 июня 1710 г. объявил ему графство – третье в российской истории. Громкие титулы становились символом публичного выражения монаршего расположения и доверия.

Женой будущего боярина в 1690 г. стала Мавра Тимофеевна Савелова – родная племянница патриарха Иоакима (в миру – Ивана Петровича Савелова). Поэтому стремительная карьера Мусина-Пушкина ранее в историографии объяснялась или реальным свойством с патриархом, или мифическим родством с царской фамилией.

Сторонники мифа о царском единокровном родстве графа «обнаружили» основной довод в переписке Петра I. Действительно, И. А. Мусин-Пушкин многократно назывался царем «братцем», а его сын Платон – царским «племянником». Хотя примеры из нескольких писем Петра I с теплым именованием Мусина-Пушкина «братцем» и «bruder» давно объяснены историками, рецидивы мифотворчества оказываются неизбежны. Аналогично царь обращался даже не к «молочным братьям», а к близким по духу людям, например, к своему любимцу А. Д. Меншикову [Богословский, с. 202]. Другой фаворит, на три года старше «брудера Алексашки», А. В. Кикин, величался царем «дедом» и «Grotvader», Т. Н. Стрешнев – «отцом». Именование «брат Мусин» иронично переключается со стилем повседневного общения компании «всешутейших всепьянейших соборян». По петровской традиции, дети участников «собора» наследовали прозвания отцов. Так в одночасье младший граф Платон Иванович превратился в «царского племянника». Очевидно, что версия публицистов о «первой боковой внебрачной» линии Романовых в лице Мусиных-Пушкиных не выдерживает научной критики. Безосновательность легенды о царском происхождении графа кратко отмечалась в литературе [Бушкович, с. 275].

Согласиться с легендарной версией о рождении Ивана Алексеевича от якобы внебрачной связи царя Алексея Михайловича с Ириной Михайловной Мусиной-Пушкиной решительно невозможно не только в связи с ее ссылкой при царе Федоре, но и с умолчанием источников. Аргументы, опровергающие легенду, носят косвенный характер, но в совокупности обнажают очевидность вымысла о царском родстве будущего графа. Например, предлагалось считать рождение Мусина-Пушкина как бастарда в 1671 г. [Седов, с. 113]. Попытки выяснить год его рождения построены вне логики, известных источников и историографии. Историками раскрыт внутренний мир царя Алексея Михайловича, который «жил и дышал верой» [Андреев, с. 381–491]. Складывается непротиворечивый образ царя, лично читавшего церковные предписания семейно-брачной жизни, воспитанного

в непоказной вере православного человека. Допуская «оправданные» инстинкты монарха в поисках внебрачной связи при жизни царицы Марии Милославской или в состоянии вдовства, тем самым отрицаются и императивы поведения богобоязненного человека XVII в. Образ царя Алексея по дошедшим до нас личным письмам и сочинениям не вписывается в череду досужих отрицаний и допущений, уподобляющих его человеку другой эпохи и иного духовного склада.

С другой стороны, предположив гипотетически рождение И. А. Мусина-Пушкина около 1671 г., невозможно представить сочетание обстоятельств неведомой силы, выдвинувших в судьи Сибирского приказа в 1684 г. 13-летнего юнца [Богоявленский, с. 161]. Как известно, правительство царевны Софьи полагалось на опытных дельцов. В 1721 г. граф Мусин-Пушкин описывался как «старик высокого роста, но уже очень согнувшийся» [Берхгольц, с. 160]. Если следовать публицистической логике «синтеза фактов», то возникнет соблазн приписать графу болезнь Бехтерева или туберкулез позвоночника, заявив о его раннем старении, о чем даже намеков в документах и обширной переписке не обнаружено.

Первый заметный виток в жизни и придворном служении Мусина-Пушкина начался, как обычно для незнатного и нетитулованного отпрыска, на третьем десятке лет. По случаю праздника Рождества Христова 25 декабря 1676 г. царь Федор Алексеевич указал ему быть в чине стольника среди 12 таких же незнатных стряпчих [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 14. Л. 268]^{II}. Награждение стольничеством необычно тем, что Мусин-Пушкин находился в ссылке со своей матерью в селе Угодичи, а чин открывал новый путь служения. Продвижению к думным чинам способствовало участие Мусина-Пушкина на стороне правительства во время первого «Троицкого похода». И 1 сентября 1682 г. он вырос до окольного [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 22. Л. 7]. Политическое чутье будущего графа проявлялось и позже, редко изменяя ему. Только будучи лояльным к царевне Софье, он мог быть назначен вторым судьей Сибирского приказа и «большим» воеводой в Смоленск. Пребывание вне Москвы во время правительственного переворота августа 1689 г., отстранившего царевну Софью, вероятно, спасло окольного от необдуманных шагов и роковых случайностей.

Вскоре после переворота Иван Алексеевич был вызван ноябрьским указом с краткосрочного смоленского воеводства в Москву. С мая 1690 г. его столичная служба сосредоточилась в Думе и в Расправной палате – своеобразной думской комиссии для решения спорных приказных дел. В это же время Мусин-Пушкин состоял в свите царей-соправителей и постепенно продвигался к заветному боярству. Объявление указа о боярской чести спальнику кн. А. П. Меньшому Прозоровскому (29 августа 1690 г.), участие в «провождении икон» в крестные ходы во время церковных праздников подчеркивали его высокий статус окольного [Дворцовые разряды, т. 4, стб. 504–505, 557, 601–602, 619, 672, 701, 711, 806, 832, 1085]^{III}. В числе думных людей окольный со-

проводил царей «на Иордань» в январе 1691 г.: «А за великими государи шли бояря... и думные дворяня. А за ними шел околничей Иван Алексеевич Мусин Пушкин для одержания от утеснения нижних чинов людей» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 25. Л. 1].

На праздник Покрова Пресвятой Богородицы 1 октября 1692 г. должны были прибыть цари Иван и Петр Алексеевичи в Александрову слободу. Ожидание новых придворных церемоний запечатлело письмо матери Мусина-Пушкина к «свету невестушке» Мавре Тимофеевне. Ирина Михайловна писала о своей болезни, обострившейся в селе Слотино, на пути в слободу. Особенно она сокрушалась о маленьких внуках. Окольничий сделал собственноручную приписку в письме, вопрошая о здоровье своих дочерей Авдотьи и Анастасии [Захаров, 2015, с. 234]^{IV}.

В 1694 г. И. А. Мусин-Пушкин стал астраханским воеводой. Вдалеке от столицы окольничий быстро наладил дела с помощью опытного дьяка Андрея Молчанова, присланного из Оружейной палаты, и Матвея-Алмаза Чистого, дьячившего до этого на Соловках и в Сибири. За первые три месяца 7203 г. «воеводе с товарищи» удалось собрать 7382 руб., чем Мусин-Пушкин не замедлил отчитаться. Воплощая пространный воеводский наказ [ПСЗ-1, т. 4, № 1792, с. 26–42]^V, «воеводы»^{VI} заслужили несколько царских грамот «с похвалою» за «тое вашу радетьельную службу, и что вы нашей великих государей службы в Астрахани живете бескорысно» (№ 1). Эта грамота бережно хранилась среди бумаг графа. Согласно наказу, воевода доставлял к дворцовому обиходу многочисленные подводы сочных фруктов. Одну из первых царских грамот «с похвалою» он получил 16 декабря 1694 г. за присланные в ноябре 1500 астраханских арбузов и сопроводительное письмо [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 110–111]. Астраханское «тщание» в сочетании с личной работоспособностью приблизило Мусина-Пушкина к заветному боярскому чину. Согласно «Описанию служб», составленному графом в 1715 г., пожалование «чести боярства»^{VII} состоялось за астраханскую службу, прежде всего за «учиненную прибыль казне» 9 сентября 1698 г. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 43. Л. 3]. Награжденный похвалялся, что «моим радением учинен немалый збор казне великого государя без всякие народные тягости... и ныне никто в равенство не привел, на что свидетельствует Казанской приказ» [РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 103. Л. 16–17; Серов, 2008, с. 238–239]. Выявленная архивная выписка Казанского приказа от января 1701 г. подтверждает, что с 1694 по 1701 г. в государеву казну было «прислано из Астрахани прибыли из денежных доходов и по цене золотых и товаров» 209 124 руб. [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 144–145]. Выписка готовилась незадолго до назначения Мусина-Пушкина судьей Монастырского приказа и датируется по биографии подписавших его дьяков А. Волкова и Д. Неупокоева. По всей видимости, царь, расположившийся в это время в селе Преображенском, знакомился с реальными достижениями претендентов перед назначением на одну из ключевых приказных должностей.

По версии П. Бушковича, возвышение окольного Мусина-Пушкина «объяснялось связями с патриархом Иоакимом, а не его мифическим рождением» от царской любовницы, которой никогда не было [Бушкович, с. 275]. Историк несколько преувеличивает ценность родовых связей. В свете новых источников и интерпретаций нити скрепления элит и власти оказываются переплетены более замысловато, чем принято считать. Породнившись с патриархом Иоакимом, Мусин-Пушкин смог лишь ненадолго закрепиться вблизи царского двора благодаря назначению в Расправную палату. Около дюжины думцев собирались на ее заседания до 17 марта 1694 г. У окольного появился новый свояк И. И. Меньшой Бутурлин^{VIII}, позже ставший генерал-майором. Но влияние Бутурлина как гвардейского командира Семеновского полка тогда было недостаточным или недоступным для Мусина-Пушкина, чтобы повлиять на воеводское назначение в Астрахань.

Отправление на далекую южную окраину напоминало почетную высылку свойственника патриарха Иоакима, умершего 17 марта 1690 г. – ровно через месяц после женитьбы Мусина-Пушкина на патриаршей племяннице. Прежний опыт смоленского воеводства должен был показать Мусину-Пушкину, не принадлежавшему к боярской фамилии, бесплодность ожидания наградений без «радетельной службы», без умения вовремя и выгодно представить себя, без способности налаживать новые связи.

Коммуникацию сановника помогает реконструировать переписка. Интенсивность переписки обычно невозможно выяснить за малой сохранностью писем. На темп служебной переписки И. А. Мусина-Пушкина проливает свет обнаруженная в бумагах «Кабинета Петра I» необычная «Тетрадь записная о посланных и полученных письмах и куриерах» за январь-июнь 1715 г. (№ 2). «Тетрадь» заполнял в новой столице секретарь или служитель графа, отметивший за полгода 58 писем и 21 адресата. Около десятка сообщений говорят о перемещениях этих адресатов и самого графа^{IX}. Два известия от 29 мая и 25 июня согласуются с записью царских «Юрналив» и детализируют путь Петра I. Наиболее полно в «Тетради» учитывались исходящие письма. Сохранились отпуски писем, учтенных в «Записной тетради», дяку И. М. Гаментову (№ 3) и управителю дворцовыми вотчинами А. Чеботаеву [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 183]. Поступившее письмо от Ф. Поликарпова от 25 апреля 1715 г., в котором он просит жалование за составление «Истории» и перевод «Лексикона», не попало в «Тетрадь», но дошло до Санкт-Петербурга 2 мая. Переводчик и справщик московского Печатного двора Поликарпов просил графа «о взыскании за труд мой во Истории и Лексиконах: ибо велми мне бедному бедно, что господину Вениусу за един Лексикон пожаловано 50 дворов, а мне ни 5 оболов, но еще и своих изнурих болше 200 рублей. Лексикон мой, государь, латинославенский моей руки прикажи ко мне прислать, потому что без него ни сей книжки ни иной возможно мне переводить...»

[РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 7а. Л. 422 об.]. Другой постоянный адресат – дьяк И. М. Гаментов (Гамелтон), поставленный под начало графа для ведения в Москве вотчинных дел царицы Екатерины Алексеевны. Из всех адресатов в «Тетради» особо выделен статус нового царского фаворита кн. В. В. Долгорукова, заступившего в 1715 г. на роль следователя о злоупотреблениях кн. А. Д. Меншикова. Граф Мусин-Пушкин лично отвозил генералу Долгорукову свое письмо.

Хотя «Тетрадь записная» посвящена служебной переписке, нельзя назвать исключениями и письма родственникам. Грани служебного и личного пространства бесконечно пересекались в Петровскую эпоху. Графа беспокоила судьба сына Платона, которого царь намеревался второй раз отправить за границу. Сенатор не стеснялся писать по этому поводу своему свойственнику, вышеупомянутому генерал-майору И. И. Меньшому Бутурлину, женатому на Марфе Тимофеевне – родной сестре жены графа (№ 4). Общая доля двух семей, переехавших в новую столицу, связывала сенатора и генерала, к которому Мусин-Пушкин относился с пиететом. Благодарность за содержание своих детей в Москве граф адресовал «сестрице» – видимо, близкой к графской семье княгине Анне Ивановне N (№ 5), находившейся в начале 1710-х гг. в Москве. Письмо датируется 1710–1716 гг. по времени заграничных поездок Платона Ивановича в университет Галле в 1710 г. или в Париж в 1716 г. Оно поможет прояснить, насколько заслуживает доверия известие о дочери кн. М. П. Гагарина, которая якобы в 1714 г. предпочла монастырь замужеству за Платоном Мусиным-Пушкиным.

Удачнее сложился брак дочери Мусина-Пушкина Клеопатры^X, вышедшей за кн. Ю. Н. Репнина^{XI}. Новоявленный родственник получил 22 декабря 1722 г. по расписке «у тестя своего действительного тайного советника графа Ивана Алексеевича Мусина Пушкина по рядной за ево дочьрью, а за своею женою княгинею Клеопатрою за ево собственною рукою приданные десять тысяч рублев» [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 1. Л. 255]. Зять приходился внуком кн. И. Б. Репнину, который в свое время был первым судьей Сибирского приказа, а будущий граф Мусин-Пушкин – вторым судьей.

Сохранившийся эпистолярный материал и бумаги графа имеют множество механических утрат. В подлиннике духовного завещания графа И. А. Мусина-Пушкина (№ 6) утрата скорописного текста составляет шестую часть, но восстановима из контекста завещания и других сведений. Документ позволяет лучше понять биографию сенатора. Он интересен и как редкий подлинник, отличный от материала записей копий духовных.

Мусин-Пушкин принялся за составление своей духовной после погребения жены Мавры Тимофеевны 1 августа 1717 г. [Труды и дни, с. 148–149]. Зимой 17 ноября последовали пышные похороны царевны Натальи Алексеевны, 6 декабря – «князь-папы» Н. М. Зотова [Походный журнал, с. 36]. Граф не пожелал оставить даже намека

на светские погребальные «украшения», что мог сделать человек, чтивший старинный церковный обряд. Завещание проникнуто твердым духом сохранения православной веры. Уже первая заповедь раскрывает почитание «закона восточных церкви» в заботе о погребении тела и помине души. Даты памяти усопших и перечисление имений вынесены в отдельные «рописи», которые, к сожалению, не сохранились в архивном деле. Впервые устанавливается примерный возраст И. А. Мусина-Пушкина, рожденного не ранее 1655 г. В завещании отражено глубокое почтение к отцу, стольнику Алексею Богдановичу, умершему в 1654–1655 г. [Белоусов, с. 251].

Посвящение духовной «оставшимся детям моим» емко передает горечь нескольких семейных трагедий. Известны гибель сыновей Ивана в 1709 г. и Аполлоса в 1716 г. Графиня Мавра Тимофеевна скончалась 31 июля 1717 г. Похоронив супругу, граф приболел и уже не надеялся переехать в Москву. Такая возможность неожиданно возникла в 1718 г. Мечта старого графа выдавалась просьбами оставить рядом с собой сына Платона, исполнявшего царские поручения за границей в 1716–1720 гг. Видимо, после возвращения на родину молодой граф и составил обещание о соблюдении отцовской воли в распределении наследства [Захаров, 2015, с. 234]. Время крутых перемен не помешало Мусину-Пушкину добиться воссоединения с сыном, ставшим ненадолго помощником в московской Сенатской конторе, куда отправили графа-сенатора на место А. А. Матвеева. Из Москвы И. А. Мусин-Пушкин просил А. В. Макарова о ходатайстве перед заправлявшим делами светлейшим князем [Соловьев, с. 557] и подал на имя Екатерины I прошение об отставке [Захаров, 2015, с. 235], но шансов ее получить не имел. Скончался граф в Москве 21 июля 1730 г. [Холмогоров, с. 74].

Критическое прочтение публикуемой ниже документации И. А. Мусина-Пушкина позволяет уточнить и его биографию, и подробности малоизвестных служебных забот, и круг общения сенатора. В целом необходимо освободить образ петровского сподвижника от наслоения легенд, молвы и неточных данных. Известный по научно-популярной литературе образ графа как угодливого до непомерной лъстивости вельможи, воплощавшего лишь замыслы монарха, односторонен и не соответствует новым данным. На переломе карьеры отдаленное астраханское воеводство исключало для Мусина-Пушкина близость к придворным и приказным делам, но, успешно наладив коммуникацию с московскими приказами и организовав свою администрацию, он использовал все шансы, чтобы сделать новый виток на столичном поприще. Биография графа и другие известные примеры возвышения фаворитов Петра I еще раз подтверждают, что вхождение в круг влиятельных лиц не зависело исключительно от родственной близости и клановых связей. Становлению высших сановников на заре империи способствовали личные качества, верная «радетельная» служба, ответственность за порученные дела, находчивость, умение выгодно подать свои заслуги. Легенда о царском происхождении графа и пре-

увеличение роли его свойственных связей с патриархом Иоакимом долгое время «логично» объясняли стремительную карьеру человека, данные о котором были скудны, а известия о явных талантах деятеля государственного масштаба не столь очевидны.

Все представленные ниже документы – подлинники. Документы выявлены из коллекции личных бумаг графа И. А. Мусина-Пушкина и издаются впервые, за исключением духовной (№ 6), которая публиковалась, но вновь воспроизводится как уникальный документ из малодоступного издания [Захаров, 2015]. Публикации подлинных духовных петровского времени достаточно редки, в отличие от копий из записных книг. Утраченные и нечитаемые фрагменты текста обозначены отточиями и заключены в угловые скобки. В квадратные скобки заключены фрагменты, восстановленные по контексту писем. Знаком вопроса в круглых скобках отмечены неуверенно прочитанные литеры и слова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

1695 г., января 20

Грамота царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича к астраханскому воеводе И. А. Мусину-Пушкину с похвалой и жалованием за службу

(Л. 127) От великих государей цареи и великих князеи Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев в нашу отчину в Астарахань околичему нашему и воеводам Ивану Алексеевичю Мусину Пушкину с товарищи. Писали вы к нам великим государем, что вы службою своею и усердным радетелным смотрением в нынешнем в 203-м году сентября с 1-го числа в 3-х месяцах в зборе нашии великих государей казны в таможне и на кружечном дворе и в припене вина, и в покупке на бусное и на струговое дело всяких припасов учинили прибыли семь тысяч триста восемьдесят два рубли, а с теми, что в оддаче на откуп оброчных статей учинили прибыли восемь тысяч триста пятнатцать рублей.

И мы великие государи за тое вашу службу и усердное радение тебя околичего нашего и воевод Ивана Алексеевича с товарищи жалуем милостиво похваляем. И указали мы великие государи за тое вашу радетелную службу, и что вы нашей великих государей службы в Астарахани живете бескорысно дать вам нашего великих государей жалованья из астраханских доходов тебе околичему нашему и воеводе Ивану Алексеевичю денег тысячу рублей, // (Л. 128) хлебных всяких запасов тысячу четвертей, вина с кружечного двора пятьсот ведр, товарищу твоему Никите Андреяновичю Мусину Пушкину^{xii} денег триста рублей, хлебных запасов четьреста четвертей, вина двести ведр, диаком Алмазу Чистому^{xiii}, Андрею Молчанову^{xiv} денег по сту

по пятидесят рублев, хлебных запасов по двести четвертеи, вина по сту ведр. И как к вам ся наша великих государей грамота придет и ты б околничей наш и воевода Иван Алексевиич наше великих государей жалованье денги и хлеб и вино вышеписанное число из наше великих государей казны взял, а товарищу своему и дьяком велел // (Л. 129) выдать по сему нашему великих государей указу. И видя к себе такую нашу великих государей отменную милость и впредь нам великим государем служили со всяким тщанием и усердным радением и во всем искали нам великим государем прибыли. Писан на Москве лета 7203-го генваря в 20 день. // (Л. 129 об.) Справил Алешка Сахаров^{xv}.

Адресная надпись на л. 127 об.: В нашу отчину в Астарахань околничему нашему и воеводе Ивану Алексевиичю Мусину Пушкину с товарищи.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 127–129 об.
Подлинник. Красносургучная печать на л. 127 об.

№ 2

1715 г., январь-июнь

Записная тетрадь И. А. Мусина-Пушкина входящей и исходящей переписки с кратким содержанием писем, с записью приездов и отъездов адресатов корреспонденции, царя и «министров»

(Л. 353) Тетрадь записная о посланных и полученных письмах и куриерах. Из Москвы и из других мест сего 715-го году. // (Л. 353 об.) Генварь. В 1 день. Посланы письма к Москве. К Федору Поликарпову. Велено ему быть в Санкт Петербурх с Лексиконом и Историєю и з другими книгами и ведомостями. К Ивану Гаментову. О присылке в Санкт Петербурх по росписи скарба. И о бытии ему в Санкт Петербурх с приходными и расходными книгами и з денгами. [К] Афонасью Чеботаеву. О присылке <...>а в генваре и в феврале месяцах <...>л ко 5, в апреле водою, и приходных [и росхо]дных книг. // (Л. 354) Те письма отданы дьяку Семену Иванову того ж числа.

В 3 день. Получены письма от Федора Поликарпова, от Ивана Гаментова и доношение от Че[ботаева].

В 4 день. От Ивана Гаментова.

В 7 день. К Федору Поликарпову об отпуске от всех гражданских книг по одной книге господину генералу и ковалеру князю Репнину. И за них взяты по цене денги. Таково письмо отослано в дом ему князю Аниките Иванович з денщиком Стариловым. // (Л. 354 об.) В 14 день. К архимандриту Феофилакту Лапатинскому. О переводе книжки латинской и что переведено о Борониуше, чтоб прислал, а достальное переводил с поспешением. К Федору Поликарпову о печатании на Москве 4-х тысяч книжек о бродобритии и о присылке их в Питербурх. И о поезде ево с Москвы в Питербурх ожидать указу. К Чеботаеву о покупке свинеи [р]ублев на сто. <...> в письма посланы чрез почту [к М]оскве с куриером Герасимом <...>иным. // (Л. 355) В 15 день. Получено письмо от Федора Поликарпова. Отдал Кобинета его царского величества подьячей Колошин.

В 20 день. От Гаментова. Принес подьячей Афонасеи Борисов.

В 22 день. К светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову. О отводе на Вышнем Волочке анбара где б полегит овес 1 тысяча четей, которой велено по указу из вотчин ея величества прислать в Петербурх на конюшенной двор. К Ивану Васильевичу Кикину^{xvi} о беглом о крестьянине¹. Ис подмосковной ево вотчины графской бежал с службы из салдат. // (Л. 355 об.) В 24 день. Приехал в Санкт Петербурх Федор Поликарпов с Историею и Лексиконом.

В 26 день. Прислано² письмо от дохтура Арескина о учениках шти чело-веках синтаксисных.

В феврале в 1 день. [К] архимандриту Лапатинскому [о пр]иссылке 6 ч. школьников [синт]аксистов в Петербурх. // (Л. 356) Князю Петру Ивановичу Прозоровскому^{xvii} о отправлении из Монастырского приказу 6 ч. школьников синтаксистов дав им ямские подводы и прогонные денги. К Ивану Гаментову о тех же школьниках. К Чеботаеву на доношение и в ответствовани-е. Те письма посланы к Москве чрез почту канцелярии Московской губернии с подьячим Сергеем Кудреватым февраля тог[о ж] числа. // (Л. 356 об.) В 4 день приехал в Питербурх Иван Гаментов и привез с собою приходные и роскошные книги и денги.

В³ 17 день. Приехал Афонасеи Чеботаев и привез с собою вина Серак бочек сороковых на наемных подводах.

В 22 день. Получено письмо от архимандрита [Ло]патинского, ответству-ет о учениках синтаксисных и о других делех. (Л. 357) В марте. В⁴ 3 день. По-ехал к Москве Иван Гаментов.

В 9 день. Поехал к Москве Афонасеи Чеботаев, а с ним Федот Уша-ков да денщик Старилов. С ними посланы письма к Ивану Гаментову об отдаче Чеботаеву негодных лошадеи в пашню. И людеи, которых он будет требовать з женами (?) взят[ь] для посылки с<...> И о други[x] де-лех. А село и же веси (?) вел[еть] ведать ему Гаментову, и...⁵ до взятии к Москве прикащи[ков]. // (Л. 357 об.) К ростовскому епископу проше-ние⁶ о Ушакове отдано ему, Ушакову. Письмо Чеботаеву^{xviii} по челобитью ноусацких и сабакинских крестьян о сложении за пустые дворы оброку и о жалованье ему велено брать и с тех вотчин, которые под ево ведением по пятидесят рублей денег да хлеба по 50 чети. Того ж числа отправлено два писма х князь Василью Влодимировичю Долгорукову по требованию ево: 1 ответствование // (Л. 358) о селе Обращове: 2 о тритцати тысячах хлеба, которые отданы в Казанской губернии купчине Ивану Гарташеву. Для отпуску в ответ тот хлеб велено собрать с патриарших архиереиских и монастырских вотчин.

¹ После слова «крестьянине» зачеркнуто «в салдацком побе[ге]».

² После слова «прислано» зачеркнуто «получено».

³ После предлога «В» зачеркнуто «22».

⁴ После предлога «В» зачеркнуто «4».

⁵ Слово затерто.

⁶ После слова «прошение» зачеркнуто «с Гаментове, отдано ему».

В 10 день. К нему ж к князю Василью Владимировичю отправлено⁷ ответство⁸ по ево ж требованию о Благовещенской слободе и селе Работках с деревнями почему владеет оными светлейшии князь и х ко отд[ава]л и по какому указу. Те три письма посл[аны] князь Василью Влодимеровичю [с подья]чим с Федором Есаулов[ым]. // (Л. 358 об.) 22 дня к Петру Самоиловичю Салтыкову о высылке по прежнему посланному из Сената указу работников да двести⁹ пятьдесят пуд железа связаного отдано к маеору Пилюгину.

В 23 день к Ивану Гаментову послушное письмо Данилу Чевкину, которой послан с двора ея в. г. ц. Е. А. для розыску. Отослано к нему с Костерским того ж числа. Того ж числа к доктору Быдлу^{xix} о учениках о которых писал он к господину графу. Отдано дьяку Познякову того ж числа. // (Л. 359) В 27 день. Против присланных пунктов от князь Василья Володимеровича Долгокурова о роздаче монастырских вотчин и мест на Москве по имянным в. г. указом и по приказом графа И. А. М. П. ответствование отправли, отвозил то ответ сам господин граф в 28 день марта.

Апреля в 1 день поехал к Москве из Санкт Питербурха Федор Поликарпов. Того ж числа получен [ответ] от Ивана Гаментова в [котором] пишет, что отвес <...>. // (Л. 359 об.) на Вышней Волочек с Петром Аршеневским; с куриером сенацким князем Енгальчевым.

В 2 день. Получено¹⁰ доношение от Чеботаева, в котором пишет, что принял у Гаментова 13 лошадей разными ...¹¹.

В 5 день. Получено письмо от кексгольмского каменданта о доимочном хлебе на прошлой 713-и с Сакульского погосту. Того ж числа послано к нему [письм]о о вышеписанном же хлебе <...>о комендант отписал сколь[ко] <...>ту надобно взять // (Л. 360) на прошлой 713 год хлеба.

В 9 день. Получено письмо от господина Маэора Ушакова от о драгунском наборе, которые набираны с монастыреи в Монастырском приказе и отпущено¹² в дома за денги, где оные денги в росходе при сем леиб гвардии сержант.

В 11 день послано письмо к нему маэору против оного ответствовано те драгуны набираны сверх окладу и набраны целой полк, а которые отпущаны за денги и за негодностию, те были в <...> от того полку, а те денги в вм<...>¹³ приказе. Относил Иван Ар<...>. // (Л. 360 об.) В 18 день получено письмо от Гаментова, что крестьяня подмосковные ...¹⁴ овса 600 чети покинули на дороге.

Маия в 6 день послано писмо к Федору Поликарпову Поехал Алексеи денщик чрез почту, отпущен домой. Того ж числа получено письмо от Петра Самоиловича Салтыкова.

В 8 день получено письмо от Ивана Гаментова, при том отписка и челобитная от Поддубенского. Того ж числа послано письмо к Петру Самоиловичю С. о высылке 100 ч. работников. Отдано Пилюгину.

⁷ После слова «отправлено» зачеркнуто «письмо».

⁸ Так в тексте.

⁹ После слова «двести» зачеркнуто «пуд железа».

¹⁰ После слова «получено» зачеркнуто «письмо».

¹¹ Слово частично затерто, не поддается прочтению.

¹² После слова «отпущено» зачеркнуто «рпу».

¹³ Два слова затерты.

¹⁴ Одно слово не поддается прочтению.

В 9 день послано письмо к Федору Поликарпову о [пе]чатании книги, которую взять у Резанского и о других чрез почту [с] денщиком Шереметева.

[В] 7 день получено письмо от графа Гаврила Ивановича [Головкина... к] ниг с Печатного двора десять Служб[ников <...> [в монасты]ри и церкви. <...> против оногo письма послано к Федору об<...>их книг в Посольской приказ безденежно.

<...> какие¹⁵ Ивановне о зделании.

¹⁶Того ж числа к Ивану Гаментову о посылке на приказ Степана Коптева в коломенские села. Те писма отданы дьяку Семену Иванову^{xx} для посылки чрез почту к Москве. Того ж числа послано письмо к Михаилу Кореитову. Отдано дворянину Салтану (?), которой приезжал с Аюкиным писмом к <...>.

В 23 день получено письмо от Федора Поликарпова. Отдал государев денщик Алексеи Юров.

В 29 день царское величество изволил потти из Санкт Петербурха¹⁷ ослушев¹⁸ литоргию у Троицы в Катеринъ Гоф и там откушев пошел на Котлин остров.

Июня в 1 день господин граф поехал на Котлин остров «+»¹⁹.

В 2 день с Котлина острова послано ...²⁰ о посылке в Ревель хлеба на карбасах и о Барсукове и приговор по доношению его ж Барсукова. Отдано Барсукову.

И 6-го дня получено на Котлине острову письмо от Федора Поликарпова о разных делех.

12-го дня получено от него ж Федора Поликарпова о разных же делех²¹. Да от Ивана Гаментова, в котором пишет, что Коптева отпустить немедленно и о других делех.

В 21 день от Федора Поликарпова о разных делех.

В 25 день царское величество изволил потти в [Санкт Питер]бурх.

В 26 день²² господин г[раф] приехал в Петербурх с Котлина острова и все министры.

В 28 день посланы письма Поликарпову против ево письма писанн[ого] маяя.

К Ивану Гаментову^{xxi} о зборе дене[г и о] продаже аммуниции. Чрез почту отдано Тележину²³.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 7а. Л. 353–360 об.

Подлинник

¹⁵ *Перед словом какие зачеркнуто посланы.*

¹⁶ Текст до окончания документа вписан мелкой скорописью на л. 353 и в верхней части л. 353 об. Необходимо читать как продолжение текста после л. 360 об.

¹⁷ После слова «Петербургха» зачеркнуто от «Троицы».

¹⁸ После слова «ослушев» зачеркнуто «обедню».

¹⁹ От знака вставки в виде «+» в рукописи шесть следующих предложений вписаны мелкой скорописью над строками основного текста л. 353 об. и описывают события июня 1715 г. (до строки «В 25 день...») и описывают события июня 1715 г.

²⁰ Часть верхнего поля листа срезана, не читаются три слова.

²¹ После слова «делех» зачеркнуто «21-го дня от него ж Федора о разных же делех».

²² После слова «день» зачеркнуто «за ним».

²³

**Письмо И. А. Мусина-Пушкина к дьяку И. М. Гаментову
о сборе денег и продаже амуниции**

(Л. 6) Иван Гаментов, писал ты ко мне, что у тебя денег в зборе никаких нет. Вели збирать ныне неоплошно. Вино Афонасеи Чеботаев на стругах послал ли, с кем и сколько. О сем ко мне отпиши. Петр Аршеневской с овсом сюды не приехал. Амуницию, епанчи, вотлоки и другую мелочь оценя, продавай настоящею ценою, что станут давать, а ружья отдаи полковнику Вадбольскому. Приписано тако Г. И. М. П.

Послано чрез почту к Москве²⁴ от князь Петра Ивановича Прозоровского. Июня 28-го дня 715-го году²⁵. А послано июля 2-го дня 715-го. Таково ж другое письмо послано с [Ан]тоном Ивановичем.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
Подлинник. Черновой отпуск

**Письмо И. А. Мусина-Пушкина к И. И. Меньшому Бутурлину
о семейных делах**

(Л. 255) Государь мой Иван Ивановичь, здравие ваше да сохранит десница Вышняго. При сем прошу вас, государя моего, прикажи меня уведомить где вы ныне обретаетесь и с которыми полками, и куды имеете намерение итти. Також де прошу, сын мой Платон был ли у вас²⁶ (?) [Доношу милости твоеи в доме вашем Марфа Тимофеевна и дети за помощью Божию в добром здорovie]²⁷ Сие дерзнул написать²⁸ в надежде вашей государя моего²⁹ и прошу о уведомлении.

Другим почерком внизу л. 255 приписка: Таково письмо послано марта 15 дня 1716-го году. Отдано Марфе Тимофеевне того ж числа. Отнес Иван (?) Григорьев.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. Ч. 1. Л. 255.
Подлинник. Черновой отпуск

²⁴ После слова «Москве» зачеркнуто «сенацким куриером Савельем Артиновым».

²⁵ Предложение обведено в рамку.

²⁶ После слов «был ли у вас» зачеркнута фраза «и письма отдали, и какое ему, и есть ли определение от царского величества».

²⁷ Предложение взято в квадратные скобки автором письма.

²⁸ После слова «написать» зачеркнуто «и прошу о уведомлении».

²⁹ После слов «государя моего» зачеркнута фраза «ведая, что вы сего оставить не изволите».

**Письмо графа И. А. Мусина-Пушкина к Анне Ивановне N
о назначении сына Платона в заграничную поездку,
с просьбой поговорить с кн. М. П. Гагариным;
письмо-приписка Ф. П. Поликарпову
о починке на Печатном дворе**

(Л. 159) Сестрица государыня моя, Анна Ивановна, здравствие твое да сохранит десница Вышняго. По прежнему благодарствую за милость твою и за неоставление детей моих³⁰ в бытность их на Москве³¹. И впредь да не оставиши мя. Желая же вас видеть персонально³², понеже не приспе еще время. При том же во известие вам доношу, Платон указом царского величеств[а] определен ехать за море на два года. Того ради, государыня моя, изволь поговорить князю Матвею Петровичю³³ обещание свое изволил исправить ныне прип<...>. Платон уедет то уже и отдать будет некому.

После прочерка в нижней половине л. 159 приписка: Федор Поликарпович, здравствуи, писал ты ко мне о починке на Печатном дворе сенеи каменных и стены [бол]шыя. И³⁴ ежели вам возможно пробывать <...>сав (?) непочиня, то <...>³⁵ ежели неможно то лутче почиваи <...>³⁶.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 1. Л. 159.
Подлинник. Черновик

Духовная грамота И. А. Мусина-Пушкина

(Л. 307) Лета тысяча семсот седмаго на десять году декабря в четверть на десять день во имя отца и сына и святого духа аз раб Божии граф Иоанн Мусин Пушкин умыслих написать сеи тестамент или ду[ховную] оставшимся детям м[оим гра]фом Платону [и Е]пофрод[иту, гра]финям Елисавети и К[леопатрии].

Первое заповедью вам [детем] моим, егда благоволит [Бог разлучит ду]шу мою от тела тогда погре[бите, а не дома буд]е умру в той стране при церкв и <...>³⁷ <...> [бес в]сякой церемонии свецкой и н<...> <...>ъ никокова укра-

³⁰ После слова «моих» зачеркнуто «на Москве».

³¹ После слова «Москве» зачеркнуто «Желая».

³² После слова «персонально» зачеркнуто «не у вре».

³³ После имени «Матвею Петровичю» затерто одно слово и зачеркнуто «не позабыл».

³⁴ Перед союзом «и» зачеркнуто «Того ради».

³⁵ Механическое повреждение листа. Утрачено не менее одного слова.

³⁶ Далее механическое повреждение нижнего края листа. Утрачено не менее двух строк текста.

³⁷ В данной статье объем утрат не указывается, но отмечен в первой публикации документа, см.: [Захаров, 2015, с. 233–236].

шения не[чините, могилу] равно з землю учините и помян[ите меня по з]акону святые нашея восточныя церкви [и од]нож со мною да поминаете отца моево Алексея Богдановича и мать мою Ирину Михайловну, и сожителницу мою, а свою мать графиню Мавру Тимофеевну також ис протчах родителей моих [ко]гда по ком [т]ворить память и т[ому ос]тавляю [рее]стр писан моею рукою.

[В]торое [заве]щаю вам веру православную твердо [сохран]ити якоже церковь святая восточная [по]велевает никаким ухищренным [б]асням против церкви нашеи неимитя [в]еры, но твердо держите якоже научении православней веры.

Третье завещаю ж вам, да любите друг друга, якоже повеле Христос Бог, аще ли не будет между вами любви то и Бог не будет с вами. Писано бо есть, идеже любовь, тамо и Бог. Но вы крепко памятуитя // (Л. 307 об.) и держите между собою любовь.

Четвертое всем недвижимым и движимым имением моим да будет наследник сын мой граф Платон, а что довать ему Платону за движи[мое] имени брату своему графу Епифродиту [и что дов]ать сестрам своим графиням [Елисавет]ии и Клеопатрии тому остаютца [писма п]исанные моею рукою, а ежели т[ому он не п]охоchet по тои росписи до[вать младш]ему и сестрам отдать и вт[ом суди] ж тебя праведны и нелице[мерный] Бог яко приказания моего не[ыполня]ти и отбещания своего содерж[ать] <...> не буди благословение мое на<...> в писме том не тьяшко писано <...> есть наличное имени моего.

А ежели повеление мое по тем писмам исполниш, то буди с т[обои] милость Божия и мое благословение во век[и, а] ежели у тебя не будет дети то р[одителс]кия вотчины села уго[дья] з деревням[и м]ожаиских сел и под Мос[квою] вотчин ни[ка]кими мерами жене своей д[а не] укрепишь, но оставь в род брату своему бе<...> сестрам, а ежели у тебя дети будут[ъ] то все вотчины да будут тебе и дет[ям] твоим, а долги мои кобалные и бескобалн[ые] платить тебе сыну моему Платону, а что останеца бескобалных долгов и тому роспис[ь] оставлена моею рукою писана, а хо<...>цвое конечно отдать Алексею Андрееву [сы]ну Му // (Л. 308) сыну Пушкину. К сей духовной граф Иван Мусин Пушкин руку прило[жил]³⁸. У сей духовной подполковник Ти[мо]феи Тимофеев сын Савелов^{xxii} свидетлем был и руку приложил³⁹. У сей духовной полковник Петр Тимофеев сын С[авелов]^{xxiii} свидетлем был и руку приложил.

Санкт Питер бурхской гу[б]ернской канцелярии подьячей Иван Черемин.

Декабря в 14 день по указу великог[о государя] тестамент то есть духовная в [Санкт] Питер бурской губернской канцелярии [кре]постных дел перечнем в книгу записана от писма и от записки. И за ишлишние две страницы писма восемь алтын[ъ бе]с третьи денга взяты и в приходную книгу д[екабря] 14-го числа записаны. А о свидетелстве о совершенной записке бить челом и пошлины платить, где по указу надлежит в указные числа, а буде она в указные числа [о]свидетелствона и зап[исан]а не будет и она не в крепость.

Подписал [надсм]отрщик Иван Трунилов^{xxiv}.

Внизу л. 307 справа помета: от письма и о[т записки].

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 307–308.

Подлинник. Гербовая бумага

³⁸ Так в тексте.

³⁹ Данное предложение и три последующих – автографы.

Список литературы

- Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М. : Молодая гвардия, 2006. 637 с.
- Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли : в 5 ч. М. : Изд. Александра Ширяева, 1836. Ч. 3. 389 с.
- Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : в 2 т. Казань : Казан. гос. ун-т, 2009. Т. 2. 463 с.
- Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха Берхгольца: 1721–1725 // Неистовый реформатор / коммент., послесл. В. Наумова. М. : Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 105–502.
- Богословский М. М. Петр Великий по его письмам // Богословский М. М. Российский XVIII век : в 2 кн. М. : Интелвак, 2008. Кн. 1. 530 с.
- Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 315 с.
- Бушкович П. Петр Великий : Борьба за власть (1671–1725) / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 541 с.
- Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : в 15 т. М. : Тип. Н. Степанова, 1841. Т. 15. 793 с.
- Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные : в 4 т. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1855. Т. 4. 1158 стб.
- Записки князя Петра Долгорукова / пер. с фр. А. Ю. Серебрянниковой. М. : Гуманитар. акад., 2007. 639 с.
- Захаров А. В. Боярские списки XVIII века : информ.-поисковая полнотекст. система. Челябин. гос. ун-т, 2005–2015 : [электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 11.02.2019).
- Захаров А. В. Боярин и первый сенатор Иван Алексеевич Мусин-Пушкин на службе и в кругу семьи // Тр. Гос. Эрмитажа : Петровское время в лицах – 2015 : материалы науч. конф. Т. 78. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 229–236.
- Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой. М. : Студия «ТРИТЭ» : Рос. архив, 2000. 646 с.
- Походный журнал 1717 г. СПб. : [Б. и.], 1913. 36 с.
- ПСЗ. Собр. 1. 1830. Т. 4.
- РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 7а; Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1; Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 9; Ф. 154. Оп. 2. Д. 103; Ф. 210. Оп. 2. Д. 14, 22, 43; Оп. 6а. Д. 25.
- Седов П. В. Закат Московского царства : Царский двор конца XVII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 603 с.
- Серов Д. О. Строители Империи : Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1996. 262 с.
- Серов Д. О. Администрация Петра I. М. : ОГИ, 2008. 293 с.
- Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII столетий : в 11 вып. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1888. Вып. 6. 169 с.
- Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом : Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с начальником Монастырского приказа гр. И. А. Мусиным-Пушкиным (1715–1717) // Рус. архив. 1868. № 7–8. Стб. 1041–1057.

References

- Andreev, I. L. (2006). *Aleksei Mikhailovich* [Aleksey Mikhaylovich]. Moscow, Molodaya gvardiya. 637 p.
- Bantysh-Kamenskii, D. N. (1836) *Slovar' dostopamyatnykh lyudei russkoi zemli v 5 ch.* [Dictionary of the Memorable People of Russia. 5 Parts]. Moscow, Izdanie Aleksandra Shiryaeva. Part 3. 389 p.
- Belousov, M. R. (2009). *Boyarskie spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskii istochnik v 2 t.* [Boyar Lists for 1645–1667 as a Historical Source]. Kazan, Kazanskii gosudarstvennyi universitet. Vol. 2. 463 p.
- Berkhgoľts, F.-V. (2000). *Dnevnik kamer-yunkera Fridrikha Berkhgoľtsa: 1721–1725* [The Diary of the Groom of the Chamber Junker Friedrich Bergholt: 1721–1725] In Naumov, V. (Ed.). *Neistovyi reformator*. Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 105–502.

Bogoslovskii, M. M. (2008). *Petr Velikii po ego pis'mam* [Peter the Great According to His Letters]. In Bogoslovskii, M. M. *Rossiiskii XVIII vek v 2 kn.* Moscow, Intelvak. Book 1. 530 p.

Bogoyavlenskii, S. K. (1946). *Prikaznye sud'i XVII veka* [Heads of the Prikazes of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 315 p.

Bushkovitch, P. (2008). *Petr Velikii. Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great. Struggle for Power (1671–1725)] / transl. by N. L. Luzhetskaya. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 541 p.

Cherty iz istorii knizhnogo prosveshcheniya pri Petre Velikom. Perepiska direktora Moskovskoi Sinodal'noi tipografii Fedora Polikarpova s nachal'nikom Monastyr'skogo prikaza gr. I. A. Musinym-Pushkinym (1715–1717) [Features from the History of Enlightenment under Peter the Great. Correspondence of the Director of the Moscow Synodal Printing House Fyodor Polikarpov with the Head of the Monastery Prikaz Count I. A. Musin-Pushkin (1715–1717)]. (1868). In *Russkii arkhiv*. No. 7–8, columns 1041–1057.

Dolgova, S. R., Lapteva, T. A. (Eds.). (2000). *Povsednevnye zapiski delam knyazya A. D. Menshikova 1716–1720, 1726–1727 gg.* [Daily Notes on the Affairs of Prince A. D. Menshikov 1716–1720, 1726–1727]. Moscow, Studiya "TRITE", Rossiiskii arkhiv. 646 p.

Dvortsovye razryady, po vysochaisheму poveleniyu izdannye v 4 t. [Court Ranks Issued at Supreme Command. 4 Vols.]. (1855). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 4. 1158 columns.

Golikov, I. I. (1841). *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii, sobrannye iz dostovernykh istochnikov i raspolozhennye po godam v 15 t.* [Acts of Peter the Great, the Wise Reformer of Russia, Collected from Reliable Sources and Arranged by Year. 15 Vols.]. Moscow, Tipografiya N. Stepanova. Vol. 15. 793 p.

Kholmogorov, V. I., Kholmogorov, G. I. (1888). *Istoricheskie materialy o tserkvyakh i selakh XVI–XVIII stoletii v 11 vyp.* [Historical Materials about the Churches and Villages of the 16th–18th Centuries. 11 Iss.]. Moscow, Tipografiya L. F. Snegireva. Iss. 6. 169 p.

Pokhodnyi zhurnal 1717 g. [Camp Journal 1717]. (1913). St Petersburg, S. n. 36 p.

PSZ [A Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. First Collection. Vol. 4.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9. List 5. Dos. 1. Part 7a; Stock 11. List 1. Dos. 1. Part 1; Stock 141. List 2. Ed. Stock. 9; Stock 154. List 2. Dos. 103; Stock 210. List 2. Dos. 14, 22, 43; List 6a. Dos. 25.

Sedov, P. V. (2006). *Zakat Moskovskogo tsarstva. Tsarskii dvor kontsa XVII veka* [The Sunset of the Muscovite Tsardom. Royal Court of the Late 17th Century]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 603 p.

Serov, D. O. (1996). *Stroiteli Imperii. Ocherki gosudarstvennoi i kriminal'noi deyatel'nosti spodvizhnikov Petra I* [The Empire Builders. Essays on the State and Criminal Activities of the Associates of Peter I]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. 262 p.

Serov, D. O. (2008). *Administratsiya Petra I* [The Administration of Peter I]. Moscow, OGI. 293 p.

Zakharov, A. V. (2005–2015). *Boyarskie spiski XVIII veka. Informatsionno-poiskovaya polnotekstovaya sistema. Chelyabinskii gosudartvennyi universitet* [Boyar Lists of the 18th Century. Searchable Information Full-Text System. Chelyabinsk State University] [Electronic Resource]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (mode of access: 11.02.2019).

Zakharov, A. V. (2015). Boyarin i pervyi senator Ivan Alekseevich Musin-Pushkin na sluzhbe i v krugu sem'i [Boyar and First Senator Ivan Alekseevich Musin-Pushkin, His Service and His Family]. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Petrovskoe vremya v litsakh – 2015. Materialy nauchnoi konferentsii*. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. 78, pp. 229–236.

Zapiski knyazya Petra Dolgorukova [Notes of Prince Peter Dolgorukov] / transl. by A. Yu. Serebryannikova. Moscow, Gumanitarnaya akademiya. 639 p.

Примечания

¹ Автор словаря обошелся без вольной трактовки царского письма за январь 1716 г.: «Господин подполковник! Пошляем мы к вам для обучения политических дел племянника нашего Платона, котораго вам, яко свойственнику, свойственника рекомендую. Петр».

² В данном боярском списке 1676–1677 г. напротив его имени поставлена помета о дворовладении: «436 за матерью и за ним».

^{III} После ноября 1693 г. имя Мусина-Пушкина исчезает из записных разрядных книг до сентября 1698 г. в записи о пожаловании боярства.

^{IV} Письмо датируется 1692 г. по известным «походам» царей накануне аналогичных праздников в 1691 и 1693 гг.

^V Наказ, данный 30 мая 1694 г. И. А. Мусину-Пушкину, опубликован под 1700 г.

^{VI} Так иногда именовались воевода с «товарищем» и дьяками.

^{VII} Во второй половине 1690-х гг. боярство жаловалось второй раз и оказалось последним пожалованием высшего чина в XVII в., но было возобновлено через 12 лет.

^{VIII} При Петре I жили двое (по версии П. Бушковича – трое) полных тезок Бутурлиных: Иван Иванович Меньшой (1661–1738), бывший в шведском плену в 1700–1710 гг. (свояк И. А. Мусина-Пушкина), и Иван Иванович Большой, нелепо погибший 4 августа 1710 г. (его «в доме князя Якова Кольцова Мосальского задавило полатою»). Оба Бутурлиных были комнатными стольниками. Третьим спальником из Бутурлиных был Иван Самсонович, умерший в ноябре 1712 г. Президентом Коммерц-коллегии в 1722–1725 гг. был Иван Федорович Бутурлин (1686–1726), никогда не имевший московских чинов [Бушкович, с. 275–276; Захаров, 2005–2015].

^{IX} Статистика отправки/получения Мусиным-Пушкиным в «Тетради записной» за январь-июнь 1715 г. (указано число писем): Ф. П. Поликарпов 7/6, И. М. Гаментов 6/7, А. Чеботаев 4/2, кн. В. В. Долгоруков 3/1, П. С. Салтыков 2/1, Ф. Лопатинский 2/1, А. И. Ушаков 1/1, кексгольмский комендант А. Ю. Инглис 1/1. По одному письму граф отправил кн. А. Д. Меншикову, И. В. Кикину, кн. П. И. Прозоровскому, ростовскому епископу Досифею, «Ивановне», М. Корейтову, Поддубенскому, в Вышний Волочек, на Котлин-остров. Написали графу по одному письму Г. И. Головкин, Р. Арескин, Н. Бидлоо. Известий о перемещении в столицу: Чеботаева – 3, Поликарпова – 2, царя – 2, графа – 2, Гаментова – 1.

^X Графиня Клеопатра Ивановна умерла в 1734 г. По всей видимости, она не могла быть значительно старше 20-летнего мужа на момент свадьбы в 1722 г.

^{XI} Репнин Юрий Никитич (1701–1744) – князь, сын кн. Н. И. Репнина и кн. П. Д. Репниной (в девичестве Голицыной, в первом браке Нарышкиной), сержант гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка.

^{XII} Мусин-Пушкин Никита Андреевич – троюродный дядя И. А. Мусина-Пушкина.

^{XIII} Чистой Матвей Алмаз Иванович – дьяк с 1655 г. в Астрахани с 1694 до смерти в 1706 г.

^{XIV} Молчанов Андрей Яковлевич – дьяк с 29 апреля 1694 г., пожалован из подьячих Оружейной палаты, 25 августа 1694 г. послан дьяком в Астрахань, 13 марта 1695 – на Терки, в 1709 г. постригся в монахи.

^{XV} Сахаров Алексей Епифанович – подьячий Поместного приказа, дьяк с 12 марта 1697 г., умер после 1713 г.

^{XVI} Кикин Иван Васильевич (1660–1723) – в 1715 г. генерал-аудитор, брат казенного в 1718 г. А. В. Кикина.

^{XVII} Повторное написание в ркп. Прозоровский Петр Иванович (1644–1720) – князь, боярин, в 1715 г. начальник Денежного двора и Монастырского приказа.

^{XVIII} Отпуск письма с пометой на полях И. А. Мусина-Пушкина сохранился. См.: [РГАДА. Ф. 11. оп. 1. Д. 1. Л. 183].

^{XIX} Бидлоо Николай (ок. 1670 – 1735) – голландец, придворный царский врач.

^{XX} Иванов Семен Иванович – дьяк Монастырского приказа с 12 марта 1711 г.

^{XXI} Отпуск (черновик) письма И. Гаментову сохранился. См. № 3.

^{XXII} Савелов Тимофей Тимофеевич (1668–1741) – подполковник с 1709 г., родной брат Мавры Мусиной-Пушкиной, около 1711 г. Был определен в канцелярии Шереметева «для доношения по письмам» в Сенат.

^{XXIII} Савелов Петр Тимофеевич (1672–1737) – полковник с 1708 г., родной брат Мавры Мусиной-Пушкиной, в 1714–1726 гг. командир Владимирского драгунского полка.

^{XXIV} Трунилов Иван Петрович – надсмотрщик Санкт-Петербургской губернской канцелярии крепостных дел.

Hereditas:
nomina
et scholae

N. M. Nikolsky. Photograph. 1930s

Hereditas:
nomina et scholae

**A TEXTBOOK AND ITS AUTHOR:
THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN TRADITION
AND SOVIET INNOVATIONS
IN NIKOLAY M. NIKOLSKY'S WORK***

Sergey Krikh

Omsk State University,
Omsk, Russia

In this paper, the author analyses Professor N. M. Nikolsky's 1933 school textbook on ancient history. Nikolsky introduced a number of interesting innovations in his work uncharacteristic of scholarship of the time. He was able to combine the pre-revolutionary school tradition and elements of Marxism. Equally, the textbook matched the level of historical scholarship of the first third of the twentieth century. Nikolsky's innovations were almost completely rejected in the 1930s because of the replacement of the pre-revolutionary Marxist tradition with Soviet Marxism. As a result, his contribution to the renewal of the national system of teaching ancient history has been underestimated. Many of his ideas were not unpromising, but simply unfinished. This essay discusses the rivalry between N. M. Nikolsky and V. V. Struve, which the former lost.

Keywords: Soviet historiography; Marxism; N. M. Nikolsky; Soviet school; Soviet teaching, history of the ancient world.

Автор останавливается на сюжете появления первого советского школьного учебника по древней истории, написанного в 1933 г. историком религии и востоковедом Н. М. Никольским (1877–1959). Основная идея статьи заключается в сопоставлении этого издания с дореволюционной традицией гимназических учебников; этот анализ дополнен разбором особенностей личной и научной биографии автора учебника. Показано, что Никольский совершил ряд решительных инноваций как с точки зрения структуры, так и с точки зрения содержания исследования, которые гораздо больше соот-

---

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), as part of the research project (No. 19-09-00125) *Unification of Narrative in Soviet Historiography of World History: Transformation of Views and Scientific Creativity*.

** *Citation:* Krikh, S. (2019). A Textbook and Its Author: The Pre-Revolutionary Russian Tradition and Soviet Innovations in Nikolay M. Nikolsky's Work. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1299–1308. DOI 10.15826/qr.2019.4.439.

Цитирование: Krikh S. A Textbook and Its Author: The Pre-Revolutionary Russian Tradition and Soviet Innovations in Nikolay M. Nikolsky's Work // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1299–1308. DOI 10.15826/qr.2019.4.439.

ветствовали уровню развития мировой науки о древности в первой трети XX в., чем последующие версии того же учебника, созданные коллективом авторов под руководством А. В. Мишулина. Эти инновации были по большей части отвергнуты точно так же, как к середине 1930-х гг. оказалась почти полностью отвергнута и дореволюционная марксистская традиция, замененная советским марксизмом. Соответственно, и самого Никольского нужно оценивать как русского марксиста, раскрывшего свой талант в начале советского периода, но вынужденного постепенно трансформировать свои взгляды на протяжении 1930-х гг.

Ключевые слова: советская историография; марксизм; Н. М. Никольский; советская школа; история Древнего мира.

In 1933, in a hurry to fulfill an order from the State Publishing House, the historian Nikolay M. Nikolsky (1877–1959) wrote the first Soviet school textbook on ancient history [Никольский, 1933б]. The fate of this work was unenviable – although the textbook appeared in the general schools of the Soviet Union, the print run was limited, and children were only taught by this textbook for a few years; it also received extremely negative reviews from other historians [Ковалёв, Струве, Толстов]. The book did indeed have many shortcomings, both in the content and the style. However, it has been mainly evaluated from the point of view of the subsequent Soviet tradition. After 1933, the text was given to a group of authors to be rewritten: as a result, it was changed beyond recognition [Ковалёв, Мишулин, Никольский, Сванидзе]. Neither on the cover of the updated edition nor within it is it possible to find a single mention of the original author [Мишулин]. As a result, the first version of the textbook looks like an abortive early experiment with little relevance to the future teaching of antiquity in Russia. But if consider the textbook from the standpoint of the pre-revolutionary Russian tradition in which Nikolsky's ideas were formed, then we will have the opportunity of gaining a more objective picture.

First, it is necessary to give some basic information about the author. Nikolay M. Nikolsky was born in Moscow in the family of Mikhail V. Nikolsky (1848–1917), who was at the forefront of Russian Assyriology and a lecturer at Moscow University. The son inherited an interest in biblical studies from his father. While the elder Nikolsky was distinguished by liberal views (hence his conflicts with university authorities), then his son was interested in Marxism from an early age and collaborated with the Bolsheviks from 1905; as such, he had no chance of receiving a post at any university in Tsarist Russia. Therefore, Nikolsky worked as a teacher in a gymnasium, although he continued to conduct biblical studies and published translations of foreign biblical scholars.

With the fall of the tsarist regime, the previous restrictions vanished. However, Nikolsky had to leave Moscow during the hungry years of the Civil War: he initially worked in Smolensk before taking a job at a newly formed university in Minsk, the capital of the new Byelorussian Soviet So-

cialist Republic. Now he could attain a university career: he received the title of academician of the Byelorussian Academy of Sciences and became a famous scholar after publishing a book about the history of the Russian Church, a classic work of Soviet historiography [Никольский, 1930].

So, by the early 1930s Nikolsky had not taught in schools for a long time: he admitted quite frankly that “I had to solve the problem (of writing the textbook. – S. K.) without being familiar with the pupils of the modern Soviet school. I worked for 19 years in an old pre-revolutionary school and I knew the consistency of its pupils, the level of their mental development and their interests, I knew how to handle them. I know the children of today not at school but at home; the present pupil is entirely unfamiliar to me” [Никольский, 1933а, с. 114]. It is still unknown whether any historians in Moscow or Leningrad tried to participate in the competition for the creation of the textbook. It is possible that all other potential authors were embarrassed by the “rush in which I had to write a textbook” [Там же, с. 116]. Realizing the impossibility of doing a good job in only a few months, they preferred the more convenient role of being harsh critics. This only emphasizes how interesting it is that Nikolsky, permanently living in Minsk, took up the matter when there were practically no precedents of this kind of work.

I must emphasize that this was almost the central point that determined the creation of the book. In the early 1930s, the authorities suddenly set historians the task of creating “stable” textbooks. Constant experimentation was undertaken in Soviet high schools throughout the 1920s. At this time, the history of antiquity was either not taught at all or was mentioned from time to time in small brochures from which textbooks were compiled (“unstable” textbooks). Only in 1927 did the publication of “workbooks” on social studies begin [Бущик, с. 219]. By “stable” textbooks, the state meant fully-fledged books for teaching in one subject: in this sense, the policy was a return to pre-revolutionary textbooks (which teachers and students continued to use not only in the 1920s, but also most of the 30s) [АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 36. Л. 23].

So, although the Soviet Union had existed for a decade and a half by 1933, a *Soviet* experience of teaching ancient history in schools was virtually non-existent. A result of this state of affairs was a low level of interest in the history of traditional societies, which was triggered by the sense of renewal characteristic of revolutionary culture. Antiquity and the Middle Ages looked like deeply irrelevant periods that at best deserved a brief overview of their development from a Marxist perspective. Equally, early Soviet (pre-Stalinist) scholarship is generally difficult to characterize as *Soviet*: in essence, it continued pre-revolutionary trends, but with changing political poles. Although Marxism had changed from a peripheral to a dominant position, the very configuration of academic work did not change until 1929. In education, the situation was quite chaotic, with a large number of random experiments being held to find new methods: this indicates the absence of a Soviet teaching tradition at this stage. Obviously, Nikol-

sky did not have a Soviet background when he was writing his textbook. In the 1920s, textbooks on ancient history were oriented to older readers [Ковалев; Сергеев], but it is uncertain whether Nikolsky read them: there is no sign that they affected his attitudes when creating the textbook. In other words, the pre-revolutionary tradition was Nikolsky's main starting point. If we place his textbook in such a context, then we see several fundamental innovations.

First of all, Nikolsky introduced a whole section on primitive history and drastically increased the size of the section on the history of the East. The attitude to primitiveness (*pervobytnost'*) as pre-history still prevailed among scholars at that time. However, for Marxist sociology, the consideration of primitiveness as a *normal* historical era was an important component of the general claim to a holistic knowledge of the history of mankind. Pre-revolutionary publications had different positions: "The subject of history is [applicable to] only those peoples who have discovered the ability of development, [i. e.] *cultural* peoples" [ИВАНОВ, с. 7]. While Nikolsky was not the first to include a section on primitive society (such was available in Vipper's textbook, although it concerned only primitive Europe [Виппер, с. 1–17]), he made it comparable with other sections: this was an innovation that the subsequent Soviet tradition rejected.

No less important was the section on the history of the Ancient East. Pre-history, the East, Greece, and Rome received approximately equal shares in Nikolsky's book. This was a step against eurocentrism, long recognized as a problem in the scholarship of that time. Although inadequate by modern standards (where it is acknowledged that the history of the so-called 'eastern civilizations' is much longer than the Greco-Roman and no less eventful), Nikolsky's efforts to highlight this history with the limited knowledge available at the time were comparatively novel. While in Vinogradov's textbook the history of the East occupied about 8 % of the volume [Виноградов], in Nikolsky's it accounted for almost 25 %.

Pre-revolutionary textbooks adhered to a scheme of the description of the East which reflected the level of knowledge at the end of the nineteenth century: Egypt – Babylonia and Assyria – Israel and Phoenicia – Persia. Of course, this was no longer a story built on a purely biblical vision of the Middle Eastern ancient world, but it retained an orientation towards the Mediterranean: "About Chinese and Indian cultures, enough information has been related in Geography [a textbook]" [Виноградов, с. 3].

Although Nikolsky did not include India in his narrative, he wrote a section on China (albeit a very imperfect one). Guided by progress in Assyriology, he also changed the order of the story about ancient countries: Mesopotamia – Egypt – China. It is noteworthy that he did not name the first section either "Babylonia and Assyria" (probably due to biblical associations) or "Mesopotamia", but instead preferred the Russian loan translation *Dvurechie* (land of two rivers). In order to see how Nikolsky's textbook was more "progressive" or, more correctly, was better at taking into account achievements in scholarship (such as the five-volume book by E. Meyer,

which was reprinted at the beginning of the twentieth century [Meyer]), it should be compared with a textbook published in exile by M. I. Rostovtzeff [Ростовцев]. Both works were written by Russian intellectuals educated before the revolution and both were created when the tsar's censorship no longer existed. But Rostovtzeff's book contains only a few mentions of the Ancient East: what little is there is focused entirely on the Middle East. Rostovtzeff's decision to limit himself to only a most general overview of the ancient history of the Middle East arose from the fact that his main object of interests was always Greco-Roman society. Thus, if we consider the entire Russian post-revolutionary textbook tradition of textbooks, we see that it was Nikolsky who made the most decisive innovations in the narrative about the Ancient East.

In terms of content, Nikolsky did not create a rude economocentric narrative. Nonetheless, it should be recognized that his narrative is structured around the scheme "(sources) – natural conditions – technology – economy – political system – main events". Only after this (and based on previous content) do paragraphs about ideology and culture follow. Although Nikolsky represented religious life as very primitive, he gave a detailed account of it in two key cases – the ancient Greek religion and early Christianity [Никольский, 1933б, с. 129–131, 190–191].

The main characteristic of the 1933 textbook is its attempt to plot ancient history as not as a series of tales, but rather as a coherent narrative that unfolds according to a single plan. This is why Nikolsky does not include many of those golden historical anecdotes normally present in such textbooks. On the contrary, Nikolsky focused only on what seemed to him the most important things for forming the reader's understanding of the dynamics of Greek and Roman societies. Since most cultural baggage was present regarding the history of the classical world, it is in the sections on Greece and Rome that we can see how radical Nikolsky's decision was. For example, there is no description of the Battle of Thermopylae, and therefore the entire mythology of the "three hundred Spartans" is omitted.

In general, Nikolsky's contribution to updating the Russian system of teaching ancient history is underestimated, although he achieved less than might have been desired. Soon, many of his ideas were judged unsuccessful, although they were unfinished rather than futile. These ideas had no chance of being recognized outside the Soviet Union: traveling to Germany in the 1920s [Никольская 2013, с. 287], Nikolsky was known only as the author of a small number of publications on biblical studies in German. His activity at home might have led to an increase in fame abroad¹ were it not for the fact that the Soviet scholarly world became closed in the 1930s: stable correspondence with foreign scholars became suspicious and

---

¹ This assumption can be argued by the following fact. Even Nikolsky's small book on the psalms [Nikolsky, 1927] was consistently cited and is still mentioned in the bibliography on the religion of ancient Israel, for example: [Franken, p. 28, 38; Frey-Anthes, s. 6–7, 70, 90–92; Krapf, s. 159; Locke, p. 60–73; Tromp, p. 163, 164]. If Nikolsky's more solid works had been published in translation, they would have become part of international historiography.

extremely difficult. Therefore, the fate of his ideas depended solely on intra-Soviet trends, and they were not at all favorable for him.

During various Soviet discussions of the 1930s, Nikolsky had to emphasize that his understanding of eastern feudalism was different from Meyer's [НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1933. Д. 28. Л. 48], although this influence was present both in the textbook and in a generalizing encyclopedic article [Никольский, 1927]. To reproach a historian for "bowing down" to Meyer (as the historian Alexander Mishulin put it [Там же. С. 47]) was a political, not a scholarly, attack: as such, Nikolsky could not admit that he was creatively transforming the ideas of the German historian, whose conception was characterized in the Soviet Union as "vivid evidence of the decay of bourgeois scholarship in the era of imperialism" [Пригожин, с. 7]. However, one might argue that a marxized Meyer seen through the prism of Nikolsky's work promised more for the progress of scholarship and education than a marxized Ilovaisky. Ilovaisky was the author of rather primitive gymnasium textbooks which had been the objects of irony in pre-revolutionary Russia [Иловайский]. The textbook edited by Mishulin looks exactly like such a book: it contains more mythology, historical anecdotes, and enumeration of the names of Roman emperors than any effort to provide a general vision.

So, why were many of innovations of the 1933 textbook later rejected? I have already written about one of the reasons: Nikolsky lost to Vasilii Struve in a dispute about the nature of ancient eastern societies [Крих]. After defeat in scholarship, the defeat in teaching shortly followed. However, we must go further: if new ideas were successful, they often remained in the Soviet narrative despite the tragic fates of their authors. Thus, the scheme of five socio-economic formations was developed by A. G. Prigogine, M. M. Zvibak, and S. N. Bykovsky, all of whom were subsequently branded as Trotskyists and vermin (*vrediteli*) [О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий]: nonetheless, the scheme itself was soon legitimized in the *History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks)* (the "Short Course") (1938). Although Nikolsky lost the scholarly discussion, he was not repressed: so why were his ideas abandoned?

I suggest that the answer lies precisely in the specificity of Nikolsky's views and life. The 1933 textbook was created by a Russian intellectual whose views had been had formed before the revolution. He was a representative of the materialist movement in the Russian intelligentsia which acclaimed the revolution and (here Nikolsky's biographers are absolutely right [Никольская, 1970]) received much from the victory of Marxism. He became a university professor and a famous scholar; he was able to publish his studies on religion without regard to the tsar's censorship, an important fact given that he was extremely critical of religion. In the mid-1920s, Nikolsky was 45 years old: he was a mature researcher who was able to benefit from the favorable external circumstances. One may wonder whether the working conditions of the biblical historian in Minsk were comparable

with those in Moscow. However, Nikolsky clearly was one of the first and foremost scholars of Belarus (see, for example: [Фядосік]). I think that all of the above can be used as a psychological justification for the rather self-confident attempt to write a school textbook in a few months.

However, this impulse was exhausted, partially because it became irrelevant in the Stalinist era, with its peculiar restoration of the elements of tsarism and particular interpretation of Marxism. The paradox was that pre-revolutionary Russian Marxism [Леонтьева] was not Soviet Marxism or even a forerunner of it: there was no place for it in the new regime, where leftist ideology (world revolution, free labor, popular democracy) served as a cover for the set of conservative decisions which established the notorious socialism in a single country (centralization of management in scientific institutions, the revival of Russian nationalism, “purging”, and the formation of a new party bureaucracy) [Дубровский].

During the transitional period, many contemporaries could ignore these trends and seek creative approaches when implementing Marxist theory. Nikolsky's textbook was a belated consequence of these approaches. The historian (apparently quite sincerely) characterized Stalin in his textbook as “the best successor of Marx, Engels, and Lenin”, under whose leadership “the proletariat is building a classless communist society in our Union” [Никольский 1933б, p. 5]. Some indications in the memoirs of Nikolsky's second wife make it clear that his faith in the progressiveness of the Soviet system was soon subjected to serious tests, primarily related to the “purges” in the university and academic environment of Minsk [Никольская, 2013]. Nikolsky not only had to recreate the textbook but also his own selfhood. From the second half of the 1930s, he was a completely different scholar, a Soviet Marxist who knew how to confirm his every thought with a quote from the classics of Marxism-Leninism (see, for example: [АРАН. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 104]). The pre-revolutionary Marxist tradition which produced the textbook of 1933 was completely rejected by the new Stalinist Marxism and its representatives. Those who wanted to stay in scholarship had to accept the new rules of the game.

Список литературы

- АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 36; Ф. 1619. Оп. 1. Д. 104.
Буцник Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 540 с.
Виноградов П. Г. Учебник всеобщей истории : в 3 ч. 12-е изд. М. : Изд. А. А. Карцева, 1914. Ч. 1. Древний мир. 198 с.
Виттер Р. Ю. Учебник древней истории. М. : Тип. И. Н. Кушнерева и Ко, 1907. 212 с.
Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск : Изд-во Брянск. гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005. 800 с.
Иванов К. А. История древнего мира. 5-е изд. СПб. : Петерб. учеб. магазин, 1907. 258 с.
Иловайский Д. И. Древняя история. Средние века. Новая история. М. : Современник, 1997. 526 с.

Ковалев С. И. Всеобщая история в популярном изложении : Для самообразования : в 2 ч. Л. : Прибой, 1925. Ч. 1. Древний мир. 144 с.

Ковалев С. И., Мишулин А. В., Никольский Н. М., Сванидзе А. С. История древнего мира : учебник для 5-го класса неполной средней и средней школы : в 2 ч. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1935. Ч. 1. Древний Восток и Греция. 192 с.

Ковалев С. И., Струве В. В., Толстов С. П. [Рец. на кн.: Никольский Н. М. История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир : учебник для средней школы. 5-й год обучения. М., 1933] // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 2. С. 106–115.

Крих С. Б. История поражения: Н. М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 1. С. 13–22. DOI 10.7868/S0869190818010028.

Леонтьева О. Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков : Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара : Самар. ун-т, 2004. 224 с.

Мишулин А. В. История древнего мира : учебник для 5–6 классов средней школы. М. : Учпедгиз, 1940. 240 с.

НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1933. Д. 28.

Никольская Р. А. Н. М. Никольский – основоположник научной критики Ветхого Завета в русской и советской историографии // Вопросы истории древнего мира и средних веков. 1970. Вып. 1. С. 18–48.

Никольская Р. А. Воспоминания. Харьков : Права людини, 2013. 304 с.

Никольский Н. М. Вавилония // Большая Советская энциклопедия : в 66 т. / под ред. О. Ю. Шмидта. М. : Совет. энцикл., 1927. Т. 8. Стб. 508–517.

Никольский Н. М. История русской церкви. М. : Атеист, 1930. 248 с.

Никольский Н. М. Как я работал над стабильным учебником древней истории // Народный учитель. 1933а. № 4. С. 114–116.

Никольский Н. М. История : Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир : учебник для сред. школы, 5-й год обучения. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1933б. 200 с.

О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий // Сов. археология. 1937. Вып. 3. С. V–X.

Пригожин А. Г. Проблема социально-экономических формаций обществ древнего Востока // Изв. ГАИМК. 1934. Вып. 77. С. 4–31.

Ростовцев М. И. Очерк истории древнего мира : Восток. Греция. Рим. Берлин : Слово, 1924. 396 с.

Сергеев В. С. История древнего Рима. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. 403 с.

Фядосік В. А. Навукова школа М. М. Нікольскага і перспектывы яе развіцця // Веснік Беларус. дзярж. ўн-та. Сер. 3. 2011. № 3. С. 7–12.

Franken H. J. The Mystical Communion with Jhwh in the Book of Psalms. Leiden : E. J. Brill, 1954. 97 p.

Frey-Anthes H. Unheilmächte und Schutzgenien, Antiwesen und Grenzgänger. Vorstellungen von “Dämonen” im alten Israel. Fribourg ; Göttingen : Academic Press ; Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 370 S.

Krapf T. M. Die Priesterschrift und die vorexilische Zeit. Yehezkel Kaufmanns vernachlässigter Beitrag zur Geschichte der biblischen Religion. Freiburg ; Schweiz : Universitäts-Verlag ; Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 360 S.

Locke W. R. The Lamentation Experience : A Study of the Reactions of an Individual in Distress, as shown in the Literatures of Babylonia and of Israel : Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Boston : [S. n.], 1938. X + 185 p.

Meyer E. Geschichte des Altertums. Stuttgart : J. G. Cotta, 1884–1902. Bd. 1–5. 990 + 894 + 691 + 666 + 584 S.

Nicolisky N. Spuren magischer Formeln in den Psalmen. Giessen : Alfred Töpelmann, 1927. 97 S.

Tromp N. J. Primitive Conceptions of Death and the Nether World in the Old Testament. Rome : Pontifical Biblical Inst., 1969. XXIV + 241 p.

References

ARAN [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Stock 1577. List 5. Dos. 36; Stock 1619. List 1. Dos. 104.

Bushchik, L. P. (1961). *Ocherk razvitiya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v SSSR* [An Essay on the Development of Historical School Education in the USSR]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. 540 p.

Dubrovskii, A. M. (2005). *Istoriik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)* [The Historian and Power: Historical Scholarship in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930–1950s)]. Bryansk, Izdatel'stvo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika I. G. Petrovskogo. 800 p.

Franken, H. J. (1954). *The Mystical Communion with Jhwh in the Book of Psalms*. Leiden, E. J. Brill. 97 p.

Frey-Anthes, H. (2007). *Unheilmächte und Schutzgenien, Antiwesen und Grenzgänger. Vorstellungen von "Dämonen" im alten Israel*. Fribourg, Göttingen, Academic Press, Vandenhoeck & Ruprecht. 370 S.

Fyadosik, V. A. (2011). Navukovaya shkola M. M. Nikol'skaga i perspektyvy yae razvitsiya [The Scholarly School of N. M. Nikolsky and Prospects for Its Development]. In *Vesnik Belaruskaga dzyarzhaynaga yuniversiteta*. Series 3. No. 3, pp. 7–12.

Ilovaiskii, D. I. (1997). *Drevnyaya istoriya. Srednie veka. Novaya istoriya* [Ancient History. Middle Ages. New History]. Moscow, Sovremennik. 526 p.

Ivanov, K. A. (1907). *Istoriya drevnego mira* [History of the Ancient World]. 5th Ed. St Petersburg, Peterburgskii uchebnyi magazin. 258 p.

Kovalev, S. I. (1925). *Vseobshchaya istoriya v populyarnom izlozhenii. Dlya samoobrazovaniya v 2 ch.* [A Universal Story in a Popular Exposition. For Self-Education. 2 Parts]. Leningrad, Priboi. Part 1. Drevnii mir. 144 p.

Kovalev, S. I., Mishulin, A. V., Nikol'skii, N. M., Svanidze, A. S. (1935). *Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5-go klassa nepolnoi srednei i srednei shkoly* [History of the Ancient World. Textbook for 5th Grade Junior High and High School]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo. Part 1. Drevnii Vostok i Gretsia. 192 p.

Kovalev, S. I., Struve, V. V., Tolstov, S. P. (1934). [Retsenziya na knigu: Nikol'skii N. M. Istoriya. Doklassovoe obshchestvo. Drevnii Vostok. Antichnyi mir: uchebnik dlya srednei shkoly. 5-i god obucheniya. M., 1933] [Rev of: Nikolsky N. M. History. Pre-Class Society. Ancient East. Antiquity. Textbook for Primary School. 5th Year of Study. Moscow, 1933]. In *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. No. 2, pp. 106–115.

Krapf, T. M. (1992). *Die Priesterschrift und die vorexilische Zeit. Yehezkel Kaufmanns vernachlässigter Beitrag zur Geschichte der biblischen Religion*. Freiburg, Schweiz, Universitäts Verlag, Vandenhoeck & Ruprecht. 360 S.

Krikh, S. B. (2018). Istoriya porazheniya: N. M. Nikol'skii v bor'be za ponimanie obshchestvennogo stroya drevnevostochnykh obshchestv [Defeat History: Academician N. M. Nikolsky and the Struggle to Understand the Social System of Ancient Near Eastern Societies]. In *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. No. 1, pp. 13–22. DOI 10.7868/S0869190818010028.

Leont'eva, O. B. (2004). *Marksizm v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov. Problemy metodologii istorii i teorii istoricheskogo protsessa* [Marxism in Russia at the Turn of the 20th Century. Problems of the Methodology of History and the Theory of Historical Process]. Samara, Samarskii universitet. 224 p.

Locke, W. R. (1938). *The Lamentation Experience: A Study of the Reactions of an Individual in Distress, as Shown in the Literatures of Babylonia and of Israel*. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Boston, S. n. X +185 p.

Meyer, E. (1884–1902). *Geschichte des Altertums*. Stuttgart, J. G. Cotta. Bd. 1–5. 990 + 894 + 691 + 666 + 584 S.

Mishulin, A. V. (1940). *Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5–6 klassov srednei shkoly* [The History of the Ancient World: Textbook for 5–6 Grades of High School]. Moscow, Uchpedgiz. 240 p.

NA IIMK RAN [Scholar Archive of Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. Stock 2. List 1933. Dos. 28.

Nicol'sky, N. (1927). *Spuren magischer Formeln in den Psalmen*. Giessen, Alfred Töpelmann. 97 S.

Nikol'skaya, R. A. (1970). N. M. Nikol'skii – osnovopolozhnik nauchnoi kritiki Vetkhogo Zaveta v russkoi i sovetskoi istoriografii [N. M. Nikolsky – the Founder of Scholarly Criticism of the Old Testament in Russian and Soviet Historiography]. In *Voprosy istorii drevnego mira i srednikh vekov*. Iss. 1, pp. 18–48.

Nikol'skaya, R. A. (2013). *Vospominaniya* [Memoirs]. Kharkov, Prava lyudini. 304 p.

Nikolsky, N. M. (1927). Vaviloniya [Babylonia]. In Schmidt, O. Yu. (Ed.). *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya v 66 t.* Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 8, columns 508–517.

Nikolsky, N. M. (1930). *Istoriya russkoi tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, Ateist. 248 p.

Nikolsky, N. M. (1933). *Istoriya. Doklassovoe obshchestvo. Drevnii Vostok. Antichnyi mir. Uchebnik dlya srednei shkoly, 5-i god obucheniya* [Pre-Class Society. Ancient East. Antiquity. Textbook for Primary School. 5th Year of Study]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo. 200 p.

Nikolsky, N. M. (1933a). Kak ya rabotal nad stabil'nym uchebnikom drevnei istorii [How I Worked on a Stable Textbook of Ancient History]. In *Narodnyi uchitel'*. No. 4, pp. 114–116.

O vreditel'stve v oblasti arkhologii i o likvidatsii ego posledstviia [On Sabotage in the Field of Archaeology and the Elimination of Its Consequences]. (1937). In *Sovetskaya arkhologiya*. Iss. 3, pp. V–X.

Prigozhin, A. G. (1934). Problema sotsial'no-ekonomicheskikh formatsii obshchestv drevnego Vostoka [The Problem of Socio-Economic Formations of Societies of the Ancient East]. In *Izvestiya Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*. Iss. 77, pp. 4–31.

Rostovtsev, M. I. (1924). *Ocherk istorii drevnego mira. Vostok. Gretsiya. Rim* [Essay on the History of the Ancient World. East. Greece. Rome]. Berlin, Slovo. 396 p.

Sergeev, V. S. (1925). *Istoriya drevnego Rima* [History of Ancient Rome]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 403 p.

Tromp, N. J. (1969). *Primitive Conceptions of Death and the Nether World in the Old Testament*. Rome, Pontifical Biblical Inst. XXIV + 241 p.

Vinogradov, P. G. (1914). *Uchebnik vseobshchei istorii v 3 ch.* [Textbook on World History. 3 Parts]. 12th Ed. Moscow, published by A. A. Kartsev. Part 1. Drevnii mir. 198 p.

Vipper, R. Yu. (1907). *Uchebnik drevnei istorii* [A Textbook on Ancient History]. Moscow, Tipografiya I. N. Kushnereva i Ko. 212 p.

The article was submitted on 06.09.2019

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2019.4.440

УДК 94(470.54-25)+279.99+27-788

БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ ЕКАТЕРИНБУРГА В НАЧАЛЕ XX В.*

Александр Палкин

Юлия Боровик

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

MARRIAGE STRATEGIES OF THE YEKATERINBURG EDINOVERIE COMMUNITY IN THE EARLY 20th CENTURY**

Alexander Palkin

Iulia Borovik

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Explaining the main quantitative characteristics of a particular socio-confessional group is necessary for understanding its place and role in society. Edinoverie joined converts from Old Belief to the official Orthodox Church by maintaining the pre-reform liturgical books and rituals whilst also being subordinated to Synodal bishops. The rules of edinoverie were formulated by the joint effort of Old Believers and Platon (Levshin), the metropolitan of Moscow: these were later approved by Emperor Paul I in a decree from 27 October 1880. In practice, however, contradictions appeared rather quickly as a result of the fact that edinoverie was a compromise between two sides that found it difficult to reconcile their differences. The Synodal Church regarded edinoverie as a missionary instrument for converting “schismatics”, while Old Believer organisations strove

---

* Работа выполнена при поддержке РФФ, проект 16–18–10105 «Этнорелигиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX – начале XX в. на примере Урала и Скандинавии».

** *Citation:* Palkin, A., Borovik, I. (2019). Marriage Strategies of the Yekaterinburg Edinoverie Community in the Early 20th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1311–1323. DOI 10.15826/qr.2019.4.440.

Цитирование: Palkin A., Borovik I. Marriage Strategies of the Yekaterinburg Edinoverie Community in the Early 20th Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1311–1323. DOI 10.15826/qr.2019.4.440 / Палкин А., Боровик Ю. Брачные стратегии в единоверческой общине Екатеринбурга в начале XX в. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1311–1323. DOI 10.15826/qr.2019.4.440.

to receive legalisation and their own independent episcopal hierarchy. The evolution of the composition of parishioners in edinoverie churches took an unexpected turn: at the beginning of the twentieth century, going to edinoverie parishes for the sacraments became attractive to flocks officially counted within the 'predominant Orthodox confession'. This became possible due to the support edinoverie received from the authorities and the state church: it was gradually becoming recognised as an independent variant of Russian Orthodoxy. In this article, the authors present the results of an analysis of nominative data from marriage registries created between 1901 and 1918 in the Holy Trinity Church of Yekaterinburg, the largest urban edinoverie centre in the Urals. Materials analysed in the paper demonstrate that confessional boundaries between edinoverie and official Orthodoxy in everyday life were becoming blurred, and not only for religious reasons.

Keywords: Edinoverie; Orthodoxy; Old Belief; marriage strategies; religious communities; identity; Urals; confessional relations.

Выявление принципиальных качественных характеристик отдельной социоконфессиональной группы необходимо для понимания ее места и роли в обществе. Единоверие являлось формой присоединения старообрядцев к государственной православной церкви с сохранением богослужения по книгам и обрядам дореформенного образца, но с подчинением епископам синодальной церкви. Правила единоверия были сформулированы соединенными усилиями старообрядцев и митрополита Московского Платона (Левшина), утверждены императором Павлом I указом 27 октября 1800 г. На практике довольно быстро проявились противоречия, изначально присутствовавшие в единоверии как компромиссе между труднопримиримыми сторонами – синодальной церковью, видевшей в нем миссионерский инструмент для обращения «раскольников», и старообрядческими организациями, стремившимися получить легальный статус с самостоятельной иерархией. Изменение состава прихожан в единоверческих общинах происходило неожиданным образом – в начале XX в. обращение за исполнением таинств в единоверческий приход стало привлекательным для паствы, причисленной к «господствующему православному исповеданию». Этому способствовала эволюция в отношении единоверия со стороны властей, государственной церкви и ее прихожан: направление получало все больше признания в качестве самостоятельного варианта российского православия. Увеличивавшееся присутствие православных среди венчавшихся в единоверческой церкви кардинальным образом меняло состав и облик прихода. В статье представлены результаты анализа метрических записей о браках в 1901–1918 гг. в Свято-Троицкой церкви Екатеринбургa – крупнейшем единоверческом городском центре на Урале. Приведенные материалы свидетельствуют о постепенном размывании конфессиональных границ между официальным православием и единоверием в повседневной жизни, обусловленном комплексом причин не всегда церковно-религиозного свойства.

Ключевые слова: единоверие; православие; старообрядчество; брачные стратегии; религиозная идентичность; Урал; конфессиональные отношения.

История единоверия, находившаяся в сфере маргинальных тем, обрела актуальность в начале 2000-х гг., когда внимание исследователей сосредоточилось на проблемах толерантности, компромиссов в межконфессиональных отношениях, региональных вариантов религиозных движений и идей [Кауркин, Павлова; Майоров; Палкин, 2014]. От изучения отдельных аспектов и периодов истории перешли к разработке новых целостных концепций истории единоверия [White, 2016; Палкин, 2016]. Однако до сих пор почти не обращалось внимания на изменения, происходившие внутри самого единоверческого прихода. К началу XX в. почти утратилась значимость единоверия для легализации старообрядцев, чему способствовало расширение прав староверов в последней четверти XIX – начале XX в. [ПСЗ-2, т. 49, № 53886 (1874 г.); ПСЗ-3, т. 3, № 1545 (1883 г.), т. 25, № 26125, 26126, 26803 (1905 г.), т. 26, № 28425, 28426 (1906 г.)].

Одна из лапун в исследованиях – вопрос о границах единоверческих сообществ, способах социального воспроизводства, эволюции идентичности. Есть основание считать, что большинство единоверческих приходов до середины XIX в. были вариантом старообрядческих общин и в дальнейшем часто отказывались от навязанного единоверческого статуса с подчинением синодальной церкви [Лебедев]. Потенциал интеграции единоверия и официального православия¹ исследователи оценивают довольно скептически: даже практика совместных молений в благоприятных условиях была не очень длительной и не вполне успешной [Уайт]. Паства православных священников до 1881 г. могла обращаться к единоверческим духовным лицам в особых случаях – для покаяния и причащения перед смертью; поддерживался приоритет государственной православной церкви и при заключении смешанных браков [Амбарцумов]. При этом в отдельных сибирских единоверческих приходах в начале XX в. обнаруживается значительное число венчавшихся православных [Иванов, с. 119].

Несмотря на то, что единоверие к началу XX в. имело 100-летнюю историю, основная масса приходов этого направления создавалась в конце 1830–1850-х гг., когда под давлением властей часть старообрядцев была вынуждена провозгласить себя единоверцами, чтобы избежать преследований [Чельцов; Шлеев; Покровский, Зольникова, с. 142–182]. При всем многообразии региональных вариантов распространения «старообрядческой унии» после ослабления репрессий с середины XIX в. значительная часть таких общин потеряла прихожан, уклонившихся обратно в староверие, располагала скудными ресурсами для развития, была объектом критики со стороны как священников Русской православной церкви (далее – РПЦ), так и старообрядческих деятелей [см., например: ОР РНБ. ОСРК. Q. I. 1094. Л. 43; Тит. 288. Л. 7–7 об.]. Реально действующих общин с «истинными» единоверцами было не-

---

¹ Здесь и далее определения «православие», «православные» будет использоваться для обозначения прихожан прогосударственной православной церкви.

много, и одна из самых крупных провинциальных находилась в Екатеринбурге. Поскольку положение этой общины было особенным, необходимо остановиться на основных этапах ее истории.

Екатеринбург стал одним из крупных уральских единоверческих центров на рубеже 1830–1840 гг., хотя уже в начале XIX в. несколькими перешедшими из староверия семействами здесь была образована небольшая Спасская община, находившаяся в полном подчинении и согласии с епархиальным начальством [Палкин, 2016, с. 104–110]. Более многочисленная, самостоятельная и влиятельная Троицкая община появилась после того, как екатеринбургским старшинам старообрядцев-беглопоповцев в 1830-х гг. было поставлено условие – присоединение к православной церкви на правах единоверия и продолжение предпринимательства (в том числе золотодобычи) или пребывание в «старой вере» с лишением не только возможности вести дела, но и участвовать в органах местного самоуправления. Почти все руководство беглопоповцев предпочло первый вариант, создав общину при Троицкой церкви, перестроенной из возводившейся тогда старообрядческой часовни [Байдин, с. 119; Свято-Троицкий собор].

Для первого поколения присоединившихся к единоверию была ценной возможность вести свои торговые и промысловые дела, сохраняя прежний социальный статус и автономию, не отступая при этом от религиозных и организационных норм, принятых у старообрядцев-беглопоповцев. Мнение старшин и попечителей имело здесь вес, вплоть до того, что купеческое руководство могло судить дела причта [Палкин, 2014, с. 140–143].

До 1870–1880-х гг. бывшие староверы старались сохранять в Троицкой общине элементы имевшегося у них прежде самоуправления, воплотив на деле вариант компромисса с государственной церковью хоть и «поневоле», но на «особых условиях» и продолжая историю «гнезда раскола» под «личиной единоверия» (образы из характеристики, данной местному единоверию екатеринбургским епископом Ионой (Капустиным) в середине XIX в.) [Палкин, 2014, с. 102]. Попечители храма, вопреки мнению консистории, указывали своим первым священникам место их деятельности, оспаривали компетенции благочинного и даже прилагали усилия для учреждения единоверческого епископата, которые, правда, не привели к положительному результату [Палкин, 2016, с. 140–145, 243–247, 258]. «Особое положение» этих екатеринбургских единоверцев сохранялось до начала XX в. Судя по биографии последнего священника Троицкой церкви Андрея Прохоровича Новикова, происходившего из семьи бывших пермских старообрядцев и прослужившего в Екатеринбурге почти 30 лет, здесь не было проблем с кадрами для причта, свойственных многим провинциальным единоверческим общинам [Юбилейная памятная книга, с. 206, 211; Труды]. В составе общины было немало прихожан, принимавших активное участие в обсуждении нужд единоверия. На Первом Всероссийском единоверческом съезде 1912 г.

от Екатеринбурга присутствовало девять человек в сопровождении делегации местных старообрядцев, желавших участвовать в обсуждении вопроса о единоверческом епископе [Труды; Кузнецов, с. 85].

Развитие «независимых» тенденций фиксировалось и в других регионах. В 1870–1880-х гг. единоверцы Нижнего Новгорода и Москвы предпринимали попытки упрочить положение: в 1881 г. в правила были внесены небольшие изменения, которые разрешали прихожанам государственной церкви в особых случаях (а ранее – только при смерти) обращаться за исполнением таинств к единоверческому священнику, включать в единоверческий приход тех, кто в течение пяти лет не обращался в православную церковь, и давали возможность смешанным православно-единоверческим семьям выбирать приход для воцерковления детей по своему усмотрению (ранее их потомство обязано было посещать только православную церковь). Дальнейшее развитие единоверия многие его активные деятели видели в получении статуса, сопоставимого с «господствующим православным исповеданием», и направляли к этому свои усилия, апеллируя к идущему параллельно процессу расширения прав старообрядцев. Результаты стали заметны к началу XX в., когда в обществе единоверцы стали восприниматься как особая часть официальной православной церкви, а не переходный вариант от староверия к РПЦ. Известны постановления 1885 и 1894 гг. об учете единоверцев в числе православных [Белоликов, с. 7–8]. В 1860 г. местные власти располагали сведениями о численности единоверцев отдельно от православных официальной церкви, и в таком виде данные вошли в описание Екатеринбурга (872 чел., 4,4 % всего населения города) [Мозель, с. 690, 727]. Того же варианта сбора сведений придерживались при проведении однодневных городских переписей в 1873 (1471 чел., 4,9 %) и 1887 г. (1216 чел., 3,3 %) [Город Екатеринбург, с. 60–61, 79]. В результатах однодневной переписи г. Перми в 1890 г. единоверцы уже включены в православное население [Однодневная перепись, с. 92]. Центральный статистический комитет при проведении I Всероссийской переписи 1897 г. включил единоверцев в категорию православных [Первая Всеобщая перепись, с. 72–73].

Если в правительственном дискурсе единоверие считалось частью официального православия, в старообрядческом оно представляло собой нелепый исторический казус. Православные иерархи и миссионеры не отказывались от прежнего взгляда на единоверие как на инструмент ослабления старообрядчества, а сами единоверцы (в особенности элиты) были заняты поисками идентичности, отличавшей их и от православной церкви, и от староверия. Ни одна из перечисленных сторон не рассматривала в качестве возможной и желательной перспективу роста единоверческого прихода за счет православной паствы. Парадокс развития событий после провозглашения свободы вероисповедания заключался в том, что неожиданно для всех без особых усилий со стороны лидеров единоверческих общин их церкви стали местом заключения браков православных прихожан.

Внутриконфессиональные и смешанные браки

Данные раздела о браках в метрических книгах Троицкого прихода показывают, что в начале XX в. обращение прихожан РПЦ за исполнением обрядов к причту единоверческой церкви действительно стало обыденностью. Большую часть союзов здесь стали составлять внутриконфессиональные браки между прихожанами государственной церкви, причем их доля существенно возросла после 1905–1906 гг. – с 21 до 43 %, в то время как уменьшилась доля единоверческих пар – с 19 до 13 % и «смешанных» бракосочетаний (между единоверцами и православными) – с 59 до 42 %.

Взаимодействие со староверами на «брачном рынке» не претерпело существенных положительных изменений после 1905 г., поскольку от последних отныне не требовалось перед вступлением в супружество присоединиться к единоверию. Прежде, если их избранник относился к единоверческому приходу, это было обязательным условием, как и в случае брака с православными. Таких браков и в начале XX в. заключалось уже совсем немного – 8,4 %, а после провозглашения веротерпимости стало почти вдвое меньше. Это произошло в условиях, когда в 1906 г. старообрядческие общества получили права юридического лица и возможность вести собственные метрики. Если во второй половине XIX в. ради венчания в единоверческой церкви, метрическая запись о котором бесспорно признавалась властями, один из будущих супругов соглашался отказаться от принадлежности к староверию (пусть и формально), то после 1905–1906 гг., когда записанный в старообрядческие метрики брак также стал считаться вполне законным², стимулов для этого совсем не осталось. По той же причине возможность заключения единоверческо-старообрядческого брака без перехода оказалась почти не востребованной – на уровне погрешности в 1,2 % (в абсолютных цифрах – два случая). В метрических записях самих старообрядцев нет ни одного брака с единоверцами.

Дополнительной характеристикой матримониальных стратегий единоверцев Екатеринбурга являются результаты анализа городского брачного рынка в начале XX в. Паства «господствующего исповедания» и старообрядцы большее число союзов заключали со «своими» (94–95 %) [Glavatskaya, Borovik, p. 126–128], в то время как у единоверцев (в том числе внесенных в метрики приходов РПЦ, а не только Троицкого единоверческого) доля «внутренних» браков составляла около 15 % [Glavatskaya, Thorvaldsen, Borovik et. al.]. Чаще всего они вступали в брак с православными, иногда с католиками и лютеранами. По соотношению внутри- и межконфессиональных сочетаний единоверцы были, как это ни покажется странным, ближе к меньшинствам мигрантов, не имеющих своего прихода (армяно-григорианам,

² До этого подтверждением супружества и законнорожденности для старообрядцев были записи в посемейных списках и специальных старообрядческих метриках, ведшихся полицией.

представителям некоторых протестантских течений), для которых смешанный брак был шагом в адаптации на новом месте.

На основании сделанных наблюдений можно сделать два вывода. Во-первых, единоверческие семьи в Свято-Троицком приходе не видели препятствий для поиска своим детям, достигшим брачного возраста, спутника жизни среди православных. Во-вторых, екатеринбургский единоверческий Троицкий приход, в своем «особом» варианте изначально ориентированный на сохранение старообрядческих традиций и еще 50 лет назад бывший, по определению православного иерарха, «личиною», прикрывающей «гнездо раскола» [Палкин, 2016, с. 145], в начале XX в. изменился и стал более открыт для православных пар, чье присутствие в единоверческом храме еще в 1870-х гг. было трудно представить: их не пустили бы туда ни предписания закона, ни сами прихожане храма.

Увеличение числа православных в единоверческом приходе могло быть еще и следствием действовавшего до 1881 г. предписания об обязательном воспитании детей в смешанных семьях «в духе православия», то есть с исповедью и причастием только у священника государственной церкви. Подобные требования духовных властей на востоке империи во второй половине XIX в. были не редкостью [Ильин, с. 89–90]. Лишь после 1881 г. решение вопроса о том, в какую церковь следует ходить детям, оставалось на усмотрение родителей [Циркулярные указы, с. 176–179]. Путь этого разрешения от издания до реализации мог растянуться на годы, в которые подрастающее поколение по инерции причислялось к приходам официальной православной церкви. Предположительно, увеличение в начале XX в. не свойственной прежде единоверческому обществу доли православных новобрачных произошло как раз за счет достигших совершеннолетия детей от смешанных браков, формально православных (что требует дополнительного изучения семейных историй).

Дополнительный анализ сословной принадлежности и места приписки венчавшихся в Свято-Троицкой единоверческой церкви указывает, что, помимо этого обстоятельства, следует учитывать влияние миграционного фактора. Как уже упоминалось, единоверческие священники с того же 1881 г. получили разрешение исполнять таинства в отношении православных в «особых случаях». Само понятие «особый» при этом не объяснялось и могло трактоваться по-разному, в том числе и как отъезд из родного прихода и/или значительная стесненность в материальных средствах.

Миграция и брак в единоверческом приходе

Православные пары составляли более трети всех венчавшихся в Свято-Троицкой единоверческой церкви с 1901 по 1918 г. – 89 из 247 (36 %). Варианты их сословной принадлежности не отличались большим разнообразием. Преобладали недавно пришедшие

в город жители сельских местностей Пермской губернии (60 %), по большей части находившихся за пределами Екатеринбургского уезда. Еще 33 % имели местное мещанское происхождение, 5 % относились к семьям духовенства, половина которых была приписана в Екатеринбург и имела прямое отношение к руководству приходом; еще у 2 % женихов и невест не указана сословная принадлежность или приписка.

Крестьяне-мигранты отдавали предпочтение союзу с представителями своего сословия или с мещанами и гражданскими служащими. Православные горожане (мещане, почетные граждане, чиновники нижних рангов) встречались в единоверческом храме реже и имели преимущественно екатеринбургскую приписку. По сравнению с рассмотренными православными парами, в единоверческих браках Троицкого прихода доля мигрантов из дальних местностей была заметно ниже как среди мещан, так и среди крестьян (табл.).

Таблица 4

**Происхождение моноконфессиональных пар Свято-Троицкого прихода
Екатеринбурга, 1901–1918 гг., % [ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 22, 65, 165]**

Сословная принадлежность и приписка		Семьи духовенства, псаломщиков		Почетные граждане, купцы		Мещане, служащие		Крестьяне		Нет данных, иностранцы	Итого
		а	б	а	б	а	б	в	г		
Деноминация	Единоверцы, 60 чел. (30 пар)	0	0	1,7	1,7	43,3	1,7	35	16,7	0	100
	Православные, 178 чел. (89 пар)	2,8	2,8	0	1,1	26,4	5,6	20,2	39,3	1,7	100

Примечание: а – Екатеринбург, б – другие города и населенные пункты, в – Екатеринбургский уезд, г – другие уезды.

На выбор единоверческой церкви в качестве места венчания могла влиять возможность договориться о плате за обряд (известно, что отнюдь не всегда в единоверческих обществах взимание денег за требы являлось нормой [ГАКО. Ф. 237. Оп. 139. Д. 1816, Л. 265 об.]). Это было очень актуально для мигрантов, особенно из отдаленных мест. Вновь прибывшие в город располагали скромными ресурсами и возможностью накопить средства для начала семейной жизни. Минимумом, который жених должен был заплатить православному священнику, была сумма в 5 руб. [Кильчевский, с. 8]. Меньшая плата полагалась дьякону и псаломщику, но она хотя бы могла быть дана в виде продуктов. При этом, по свидетельствам современников, никаких записей для учета поступлений за исполнение треб духовенство вести не было обязано, предоставляя епархиальному начальству только итоговые показатели

доходов за год [Рубакин, с. 87–88]. Возможно, если в единоверческой общине Екатеринбурга сохранились элементы прежнего старообрядческого порядка, при котором духовное лицо содержалось за счет почителей, плата за венчание была существенно ниже или варьировалась в зависимости от достатка брачующихся. Для молодых, равно как и для их небогатых семей, траты на другие статьи традиционного свадебного действия также были существенными, поэтому возможность снизить расходы являлась весьма актуальной³.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. В составе единоверческого городского прихода в начале XX в. появилась значительная доля православных семей. Большинство их происходило из крестьян Пермской губернии, приписанных к достаточно отдаленным от Екатеринбурга местностям. Причинами их присутствия в единоверческой церкви могли быть не только приверженность старому обряду, семейная история, но и соответствие условий исполнения венчания их материальному положению. Единоверческий приход стал открыт не только для старообрядцев, но и для православных официальной церкви после внесения изменений в правила о единоверии в 1881 г. Новую редакцию правил, при всей ее ограниченности, следует считать фактором, оказавшим заметное влияние на состав прихожан единоверческих церквей; обращение православных к единоверческому священнику в дальнейшем встречало все меньше препятствий.

В начале XX в. наблюдались два разнонаправленных процесса. С одной стороны, единоверческие лидеры и сочувствовавшие им православные деятели стремились обособить единоверие, сохранив в значительной степени его старообрядческую составляющую, часть из них видела в единоверии основу для выхода синодальной церкви из кризиса, в который та погружалась в начале XX в. С другой стороны, приведенные материалы свидетельствуют о постепенном размывании конфессиональных границ между официальным православием и единоверием в повседневной жизни, обусловленном комплексом причин, в том числе не всегда церковно-религиозного свойства, отчасти спровоцированных изменением правового статуса единоверцев в конце XIX в.

Список литературы

Амбарцумов И. В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 39–113.

Байдин В. И. У власти : Купцы-старообрядцы и Общество старообрядцев Сибирского края // Родина. 2003. № 8. С. 117–120.

Белолоков В. З. К вопросу о единоверии. Киев: Тип. акц. о-ва «Петр Барский в Киве», 1917. 26 с.

---

³ Для сравнения можно привести данные о стоимости земли и некоторых зарплатах в Екатеринбурге: в 1904 г. стоимость не особо выгодно расположенного участка, на котором можно было поставить дом (9,5 кв. сажени – около 43 м²) определялась городской думой в 28 руб., жалование учительницы городского училища составляло 38 руб. в месяц, а ее помощницы – 20 руб. [Журнал Екатеринбургской городской думы].

ГАКО. Ф. 237. Оп. 139. Д. 1816.

ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 22, 65, 165.

Город Екатеринбург : сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду / сост. И. И. Симанов. Екатеринбург : Тип. газ. «Екатеринбург. неделя», 1889. 1258 с.

Журнал Екатеринбургской городской думы за 1904 г. Екатеринбург : Тип. В. Н. Алексеева, П. Н. Галина и Ко, 1905. С. 80–81.

Иванов К. Ю. Специфика существования единоверческого прихода в условиях свободы вероисповедания (на примере села Усть-Горского Еланской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии) // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2018. № 5 (194). С. 117–122. DOI 10.23951/1609–624X-2018–5–117–122.

Ильин В. Н. Единоверие в XIX в. на территории Томской губернии // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2012. № 4–2 (76). С. 85–91.

Кауркин Р. В., Павлова О. А. Единоверие в России (от зарождения идеи до начала XX века). СПб. : Алетейя, 2011. 199 с.

Кильчевский В. А. Богатство и доходы духовенства. М. : Тип. Ф. Я. Бурче, 1907. 46 с.

Кузнецов А. Т. Мои впечатления // Старая Русь. 1912. № 5. С. 85.

Лебедев Е. Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу : Очерк по истории и статистике единоверия с обзором существующих о нем мнений и приложениями. Новгород : Паров. тип. М. О. Селиванова, 1904. 82 с.

Майоров Р. А. Священник Иоанн Тимофеевич Верховский (1818–1891) // Иоанн Верховский, прот. Труды. СПб. : Квадривиум, 2014. С. 656–689.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба : в 39 т. СПб. : Тип. Ф. Петерсона, 1864. Т. 39. Пермская губерния. Ч. 2. 457 с.

Однодневная перепись жителей губернского города Перми, произведенная 7-го апреля 1890 года. Пермь : Тип. наследников П. Ф. Каменского, 1892. 107 с.

ОР РНБ. ОСПК. Q. I. 1094; Тит. 288.

Палкин А. С. Единоверие в конце 1820-х – 1850-е гг.: механизмы государственного принуждения и противостояние староверов // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 176–193.

Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 338 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Тип. «Слово», 1904. Т. 31. Пермская губерния. 301 с.

Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России. М. : Памятники ист. мысли, 2002. 471 с.

ПСЗ. Собр. 2. Т. 49.

ПСЗ. Собр. 3. Т. 3, 25, 26.

Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы : Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (на основании официальных и научных исследований). СПб. : Изд-во «Вестника знания» (В. В. Битнера), 1912. 216 с.

Свято-Троицкий кафедральный собор / авт.-сост. О. И. Катаев. Екатеринбург : ОМТА, 2004. 163 с.

Труды Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев) [22–29 января 1912]. М. : ПСТГУ, 2012. 607 с.

Уайт Дж. М. Единоверие и официальное православие: неудавшийся опыт объединения в практике публичных церемоний (1900–1913) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 201–223. DOI 10.15826/qr.2015.2.104.

Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода (1867–1900 гг.) / сост. А. Завьялов. 2-е изд. СПб. : Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1901. 444 с.

Чельцов М. П. Единоверие за время столетнего существования его в русской церкви. 27 октября 1800 г. – 27 октября 1900 г. : (Очерки из истории единоверия). СПб. : Типолит. В. В. Комарова, 1900. 94 с.

Шлеев С., свящ. Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев). СПб. : Синод. тип., 1910. 362 с.

Юбилейная памятная книга для духовенства, изданная по случаю 100-летия (1799–16 октября – 1899 года) с приложением адресов духовенства Пермской и Екатеринбургской епархий. Пермь : Типолит. Губерн. правления, 1899. 490 с.

Glavatskaya E., Thorvaldsen G., Borovik Iu. et al. Intermarriage in the Late 19th to Early 20th Century Towards a Comparison of Russian and Norwegian Mixed Marriages : [Presentation for European Social Science History Conference, 4–7 April 2018 in Belfast, Northern Ireland, UK] // Население Урала (конец XIX – начало XX в.) : [website]. URL: https://urapp-urgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15181/presentations/2018_04_Belfast.ppsx (mode of access: 10.10.2018).

Glavatskaya E., Borovik Iu. (2019). The Old Believers and Their Marriage in the Early Twentieth Century Urals, Russia: A Microdata Analysis // *Transylvanian Rev.* Vol. 28, no. 1. P. 112–130.

White J. M. Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918 // *Russian History.* Vol. 43. 2016. Iss. 2. P. 181–208. DOI 10.1163/18763316-04302004.

White J. M. Missionary, Reformer, and Old Believer in Revolutionary Russia : Bishop Andrei (Ukhtomskii) (1872–1937) // *J. of Religious History.* Vol. 42. 2018. Iss. 3. P. 359–389. DOI 10.1111/1467-9809.12491.

References

Ambartsumov, I. V. (2013). Problemy i kollizii brachnogo prava Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX veka) [Problems and Collisions of Marriage Law in the Russian Empire (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Khristianskoe chtenie.* No. 1, pp. 39–113.

Baidin, V. I. (2003). U vlasti. Kupty-staroobryadtsy i Obshchestvo staroobryadtsev Sibirskogo kraia [In Power. Merchant Old Believers and the Society of Old Believers in the Siberian Region]. In *Rodina.* No. 8, pp. 117–120.

Belolikov, V. Z. (1917). *K voprosu o edinoverii* [On the Question of Edinoverie]. Kiev, Tipografiya aktsionernogo obshchestva “Petr Barskii v Kieve”. 26 p.

Chel'tsov, M. P. (1900). *Edinoverie za vremya stoletnego sushchestvovaniya ego v russkoi tserkvi. 27 oktyabrya 1800 g. – 27 oktyabrya 1900 g. (Ocherki iz istorii edinoveriya)* [The Centenary of Edinoverie's Existence in the Russian Church (27 October 1800–27 October 1900) (Notes on the History of Edinoverie)]. St Petersburg, Tipografiya V. V. Komarova. 94 p.

GAKO [State Archive of Kirov Region]. Stock 237. List 139. Dos. 1816.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 6. List 13. Dos. 22, 65, 165.

Glavatskaya, E., Borovik, Iu. (2019). The Old Believers and Their Marriage in the Early Twentieth Century Urals, Russia: A Microdata Analysis. In *Transylvanian Rev.* Vol. 28. No. 1, pp. 112–130.

Glavatskaya, E., Thorvaldsen, G., Borovik, Iu., Zabolotnykh, E., Bakharev, D., Bobitskii, A. (2018). Intermarriage in the Late 19th to Early 20th Century Towards a Comparison of Russian and Norwegian Mixed Marriages [Presentation for European Social Science History Conference, 4–7 April 2018 in Belfast, Northern Ireland, UK]. In *Naselenie Urala (konets XIX – nachalo XX v.)* [website of project]. URL: https://urapp-urgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15181/presentations/2018_04_Belfast.ppsx (mode of access: 10.10.2018).

Il'in, V. N. (2012). Edinoverie v XIX v. na territorii Tomskoi gubernii [Edinoverie in Tomsk Province in the 19th Century]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 4–2 (76), pp. 85–91.

Ivanov, K. Yu. (2018). Spetsifika sushchestvovaniya edinovercheskogo prikhoda v usloviyakh svobody veroispovedaniya (na primere sela Ust'-Gorskogo Elanskoi volosti Tyukalinskogo uезда Tobol'skoi gubernii) [Specifics of Edinoverie Parishes in the Conditions of Religious Freedom (with Reference to Ust'-Gorskoe Settlement of Elansk

Volost, Tyukalinskiy Uyezd, Tobolsk Province]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 5 (194), pp. 117–122. DOI 10.23951/1609–624X-2018–5–117–122.

Kataev, O. I. (Ed.). (2004). *Svyato-Troitskii kafedral'nyi sobor* [St Trinity Cathedral]. Yekaterinburg, OMTA. 163 p.

Kaurkin, R. V., Pavlova, O. A. (2011). *Edinoverie v Rossii (ot zarozhdeniya idei do nachala XX veka)* [Edinoverie in Russia from the Origins of the Idea to the Beginning of the 20th Century]. St Petersburg, Aleteiya. 199 p.

Kil'chevskii, V. A. (1907). *Bogatstvo i dokhody dukhovenstva* [Wealth and Income of Priesthood]. Moscow, Tipografiya F. Ya. Burche. 46 p.

Kuznetsov, A. T. (1912). *Moi vpechatleniya* [My Impressions]. In *Staraya Rus'*. No. 5, p. 85.

Lebedev, E. E. (1904). *Edinoverie v protivodeistvii russkomu obryadovomu raskolu. Ocherk po istorii i statistike edinoveriya s obzorom sushchestvuyushchikh o nem mnenii i prilozheniyami* [Edinoverie in Counteracting the Russian Schism. Notes on the History and Statistics of Edinoverie with a Review of Opinions and Appendices]. Novgorod, Parovaya tipografiya M. O. Selivanova. 82 p.

Maiorov, R. A. (2014). *Svyashchennik Ioann Timofeevich Verkhovskii (1818–1891)* [Priest Ioann Timofeevich Verhovskiy, 1818–1891]. In Ioann Verkhovskii, archp. *Trudy*. St Petersburg, Kvadrivium, pp. 656–689.

Mozel', Kh. (1864). *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba v 39 t.* [Materials for the Geography and Statistics of Russia, Collected by the General Staff Officers. 39 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya F. Peterson. Vol. 39. Permskaya guberniya. Part 2. 457 p.

Odnodnevnyaya perepis' zhitel'ei gubernskogo goroda Permi, proizvedennaya 7-go aprelya 1890 goda [One-Day Census of Perm Provincial City as of 7 April 1890]. (1892). Perm', Tipografiya naslednikov P. F. Kamenskogo. 107 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. OSRK. Q. I. 1094; Tit. 288.

Palkin, A. S. (2014). *Edinoverie v kontse 1820-kh – 1850-e gg.: mekhanizmy gosudarstvennogo prinuzhdeniya i protivostoyanie staroverov* [Edinoverie in the 1820s–1850s: Mechanisms of State Oppression and Old-Believer Opposition]. In *Quaestio Rossica*. No. 3, pp. 176–193.

Palkin, A. S. (2016). *Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshcherossiiskii kontekst i regional'naya spetsifika* [Edinoverie in the Mid-18th – Early 20th Centuries: National Context and Regional Specifics]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 338 p.

Pokrovskii, N. N., Zol'nikova, N. D. (2002). *Starovery-chasovennye na vostoke Rossii* [Chasovennye Old Believers in the East of Russia]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 471 p.

PSZ [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 49.

PSZ [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 3, 25, 26.

Rubakin, N. A. (1912). *Rossiya v tsifrakh. Strana. Narod. Sosloviya. Klassy. Opyt statisticheskoi kharakteristiki soslovno-klassovogo sostava naseleniya russkogo gosudarstva (na osnovanii ofitsial'nykh i nauchnykh issledovaniy)* [Russia in Numbers. Country. Population. Estates. Classes. Experience of Statistical Characteristics of the Estate and Class Composition of Russian State Population (with Reference to Official and Scholarly Research)]. St Petersburg, Izdatel'stvo "Vestnika znaniya" (V. V. Bitnera). 216 p.

Shleev, S., priest. (1910). *Edinoverie v svoem vnutrennem razvitiy (v raz'yasnenie ego malorasprostranennosti sredi staroobryadtsev)* [Edinoverie in Its Internal Development (An Explanation of its Limited Spread among Old Believers)]. St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 362 p.

Simanov, I. I. (Ed.). (1889). *Gorod Ekaterinburg. Sbornik istoriko-statisticheskikh i spravochnykh svedenii po gorodu s adresnym ukazatelem i s prisoedineniem nekotorykh*

svedenii po Ekaterinburgskomu uezdu [Yekaterinburg. A Collection of Historical and Statistical Data on the City, with Addresses and Some Additional Data on Yekaterinburg Uyezd]. Yekaterinburg, Tipografiya gazety "Ekaterinburgskaya nedelya". 1258 p.

Troinitskii, N. A. (Ed.). (1904). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. v 89 t.* [The First National Census of the Russian Empire, 1897. 89 Vols.] St Petersburg, Tipografiya "Slovo". Vol. 31. Permskaya guberniya. 301 p.

Trudy Pervogo Vserossiiskogo s'ezda pravoslavnykh staroobryaditsev (edinoveritsev) [22–29 yanvarya 1912] [Materials of the First National Edinoverie Congress [22–29 January 1912]]. (2012). Moscow, Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet. 607 p.

White, J. M. (2015). Edinoverie i ofitsial'noe pravoslavie: neudavshiisya opyt ob'edineniya v praktike publichnykh tseremonii (1900–1913) [Edinoverie and Official Orthodoxy: The Failure of Unity in Ceremonial Practice (1900–1913)]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 201–223. DOI 10.15826/qr.2015.2.104.

White, J. M. (2016). Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918. In *Russian History*. Vol. 43. Iss. 2, pp. 181–208. DOI 10.1163/18763316–04302004.

White, J. M. (2018). Missionary, Reformer, and Old Believer in Revolutionary Russia: Bishop Andrei (Ukhtomskii) (1872–1937). In *J. of Religious History*. Vol. 42. Iss. 3, pp. 359–389. DOI 10.1111/1467–9809.12491.

Yubileinaya pamyatnaya kniga dlya dukhovenstva, izdannaya po sluchayu 100-letiya (1799–16 oktyabrya – 1899 goda) s prilozheniem adresov dukhovenstva Permskoi i Ekaterinburgskoi eparkhii [Anniversary Book for Priesthood, Published for the Centenary (1799–1899) with an Appendix of Addresses of the Clergy of Perm and Yekaterinburg Dioceses]. (1899). Perm', Tipolitografiya Gubernskogo pravleniya. 490 p.

Zav'yalov, A. (Ed.). (1901). *Tsirkulyarnye ukazy Svyateishego Pravitel'stvuyushchego Sinoda (1867–1900 gg.)* [Circular Edicts of the Holy Synod (1867–1900)]. 2nd Ed. St Petersburg, publ. by I. L. Tuzov. 444 p.

Zhurnal Ekaterinburgskoi gorodskoi dumy za 1904 g. [Journal of Yekaterinburg City Council, 1904]. (1905). Yekaterinburg, Tipografiya V. N. Alekseeva, P. N. Galina i Ko, pp. 80–81.

The article was submitted on 30.10.2018

DOI 10.15826/qr.2019.4.441

УДК 94(519)"1950/1953"+94(470)"1950/1953"+355.53(73)+327.54+341.9

РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЕ ПО ОЦЕНКАМ РАЗВЕДКИ США*

Валерий Юнгблюд

Денис Садаков

Вятский государственный университет,
Киров, Россия

THE ROLE OF THE USSR IN THE KOREAN WAR AS ESTIMATED BY US INTELLIGENCE**

Valery Yungblud

Denis Sadakov

Vyatka State University,
Kirov, Russia

This article considers the role of the USSR in the Korean War of 1950–1953. Although Russian and foreign historians have published several works based on a comparison of Soviet, Korean, Chinese, and American documents describing the involvement of the USSR and Stalin personally in the preparation of the DPRK army's invasion of the south, several issues require further clarification. This article is devoted to the perception of the American intelligence agencies of the USSR's role in the war and to determining the degree of effectiveness of the information support in the conflict provided by the analysts of the US intelligence community. Special attention is paid to cases when analysts made correct conclusions and forecasts based on open sources which were not adequately assessed at the higher levels of intelligence and political hierarchy. The authors employ comparative analysis, historical imagology, and the new history of the Cold War. The war in Korea is seen as an internationalised internal conflict involving additional actors on both sides, usually with goals other than those officially declared. The analysis refers

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00501).

** *Citation:* Yungblud, V., Sadakov, D. (2019). The Role of the USSR in the Korean War as Estimated by US Intelligence. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1324–1338. DOI 10.15826/qr.2019.4.441.

Цитирование: Yungblud V., Sadakov D. The Role of the USSR in the Korean War as Estimated by US Intelligence // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1324–1338. DOI 10.15826/qr.2019.4.441 / Юнгблюд В., Садаков Д. Роль Советского Союза в Корейской войне по оценкам разведки США // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1324–1338. DOI 10.15826/qr.2019.4.441.

to FBIS electronic archive collections, documents of the State Department, the CIA, the US National Security Council, various narrative materials, and the Soviet press. The article considers the causes of the war, the circumstances behind the failures of US intelligence in 1950, and the conditions in which the negotiations for a truce on the Korean peninsula were conducted. The authors conclude that Stalin considered the conflict in Korea to be a local one. US intelligence recorded this detail, but the political leaders of the US regarded the war in Korea as the beginning of a global communist offensive initiated by Moscow.

Keywords: Korean War; USSR; USA; CIA; internationalisation of internal conflict; PRC; DPRK.

Статья посвящена важной историографической проблеме – роли СССР в Корейской войне 1950–1953 гг. Хотя российскими и зарубежными историками опубликовано несколько работ, основанных на сопоставлении советских, корейских, китайских и американских документов, доказывающих причастность СССР и лично Сталина к подготовке вторжения армии КНДР на юг полуострова, ряд вопросов требует дополнительного прояснения. Данная статья посвящена восприятию американскими разведывательными органами роли СССР в этой войне и определению степени эффективности информационного сопровождения этого конфликта аналитиками разведывательного сообщества США. Особое внимание уделено случаям, когда аналитики этой службы на основании открытых источников делали верные заключения и прогнозы, которые не получали адекватной оценки на более высоких уровнях разведывательной и политической иерархии. Исследование выполнено с использованием методов компаративного анализа, исторической имагологии и новой истории холодной войны. Война в Корее рассматривается как интернационализированный внутренний конфликт, в который с обеих сторон были вовлечены дополнительные участники, как правило, преследовавшие, кроме официально объявленных, собственные цели. Основными источниками послужили фонды электронного архива FBIS, документы Государственного департамента, ЦРУ, Службы национальной безопасности США, разнообразные нарративные материалы и советская пресса. В рамках статьи рассмотрены причины войны, обстоятельства провалов разведки США в 1950 г., условия, в которых велись переговоры о перемирии на Корейском полуострове. Делается вывод о том, что Сталин рассматривал конфликт в Корее как локальный. Американская разведка этот нюанс зафиксировала, однако в политическом руководстве США с самого начала возобладаало мнение, что война в Корее – это начало глобального наступления коммунизма, инициированного Москвой.

Ключевые слова: Корейская война; СССР; США; ЦРУ; интернационализация внутреннего конфликта; КНР; КНДР.

Корейский полуостров – один из эпицентров напряженности международных отношений, он находится в центре внимания мировых СМИ. Истоки конфликта в этом регионе коренятся в решениях, принятых после Второй мировой войны и Корейской войны 1950–1953 гг., оформивших появление двух Корей. Одной из важных историографических проблем является выявление роли Советского Союза. За последние три десятилетия в научный оборот введено немало документов и исследований, доказывающих причастность СССР и лично Сталина к подготовке вторжения армии КНДР на юг полуострова. Однако ряд вопросов требует дополнительного прояснения. Данная статья посвящена выявлению американскими разведывательными органами роли СССР в Корейской войне и определению степени эффективности информационного сопровождения этого конфликта аналитиками разведывательного сообщества США. Данная проблема затрагивалась в работах отечественных и зарубежных историков, но не становилась предметом самостоятельного исследования [см., например: Торкунов; Стьюк; Cumings; Hastings; Lowe; Millett; Weathersby, 1993; Weathersby, 1995; Weathersby, 2002].

Во второй половине 1940-х гг. Корейский полуостров не был объектом серьезного внимания разведки США. Это было связано с наследием военных лет: генерал Д. Макартур без пиетета относился к Управлению стратегических служб и не поощрял активность этого неподконтрольного ему ведомства на вверенном ему тихоокеанском театре военных действий. В 1947 г. Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) принял решение, что у США нет стратегических интересов в Корею [Nitze, p. 99], со всеми вытекающими последствиями для разведки. Известие о начале войны на Корейском полуострове поступило в США по каналам сеульского офиса *United Press* субботним вечером 24 июня 1950 г., и в 20.49 по вашингтонскому времени эта информация была передана по радио. Ни Белый дом, ни Государственный департамент, ни председатель ОКНШ О. Брэдли эту новость прокомментировать не смогли ввиду отсутствия какой-либо информации [Condit, p. 12–13]. Первые дешифрованные северокорейские материалы и составленные на их основе обзоры были предоставлены в распоряжение политического руководства и военного командования в начале июля 1950 г. В последующие месяцы они поступали нерегулярно и не всегда могли служить надежной основой для принятия политических и военных решений [Aid, ch. 2].

Хотя приоритетом развития разведывательной системы США после 1947 г. было создание единой организации, в конечном счете новая структура «была не перестроена, а скорее надстроена на старом ведомственном фундаменте» [Дундуков, с. 76, 80]. ЦРУ сразу после возникновения не имело ресурсов для сбора информации в Северной Корее и вообще на Дальнем Востоке. Свой первый офис с этой целью оно открыло в мае 1950 г., да и то лишь на территории Японии. Первая операция по заброске агентов в Северную Ко-

рею состоялась через три месяца после начала войны [Corke, p. 113; Rozitzke, p. 16, 50–53].

В ходе войны ситуация менялась: на Тайване был создан центр управления разведывательными операциями на территории Кореи. В общей сложности в КНДР было заброшено около двух тысяч агентов, выполнявших диверсионные задания и занимавшихся сбором информации. Однако контрразведка коммунистов оказалась на высоте – лишь несколько человек смогли уцелеть, остальные погибли, были схвачены или перевербованы. К 1952 г. подавляющее большинство этих операций было приостановлено. И хотя за время войны бюджет и штаты специализированных разведывательных подразделений ЦРУ и военных ведомств существенно увеличились, реальная отдача от масштабных и разноплановых вложений оказалась минимальной [Corke, p. 113–114].

19 июня 1950 г. в ЦРУ был подготовлен меморандум, оценивавший исходящую от КНДР угрозу. Аналитики признавали, что боевые качества Корейской народной армии (КНА) будут улучшаться, однако способность Северной Кореи объединить страну военным путем при отсутствии прямой поддержки со стороны вооруженных сил СССР и КНР ставилась под сомнение. Ожидалось, что КНДР продолжит добиваться присоединения Юга при помощи сочетания пропаганды с диверсионными и партизанскими действиями [FRUS, 1950, vol. 7, p. 110–111].

На второй день войны директор ЦРУ контр-адмирал Р. Хилленкоттер предстал перед членами комитета по ассигнованиям сената Конгресса США для того, чтобы под присягой рассказать, что именно ЦРУ было известно о военных приготовлениях КНДР. По его словам, разведка располагала сведениями о готовившемся вторжении на юг Кореи, а Госдепартамент и Министерство обороны об этом были своевременно предупреждены. В подтверждение своих слов он привел упомянутый апрельский меморандум. Однако позднее руководители внешнеполитического и оборонного ведомств наотрез отказались признать справедливость этого заявления¹ [Paige, p. 155–156]. Данный эпизод свидетельствует, что агентурные сведения, которыми располагало ЦРУ перед началом войны на полуострове, не отличались ни полнотой, ни конкретностью и не позволяли сделать точного прогноза. В открытых, преимущественно пропагандистских материалах советского, северокорейского и китайского происхождения по понятным причинам в принципе не могло быть сообщений о готовящейся военной операции.

На основании документов Архива Президента Российской Федерации Н. и Е. Баженовы пришли к заключению, что еще в начале

---

¹ П. Нитце, в январе 1950 г. возглавивший отдел политического планирования Госдепартамента (ОПП), отмечал, что разведка при штаб-квартире Макартура в Токио вплоть до начала войны утверждала, «что нет ни малейших оснований для беспокойства по поводу возможной внешней угрозы». См.: [Nitze, p. 101].

1950 г. Сталин изменил свою дальневосточную политику. Его новая наступательная стратегия в Восточной Азии предназначалась для «заполнения вакуума, образовавшегося после того, как американцы покинули континент»² [Вапанов, р. 54, 87]. Следовательно, без должного внимания и адекватного анализа разведка США оставила не только собственно военную операцию северокорейских войск, готовившуюся в условиях строжайшей секретности, но и внешнеполитическую стратегию СССР на важнейшем для развития американо-советских отношений дальневосточном направлении [Weathersby, 1995, р. 4].

Справедливости ради следует отметить, что «провалилась» не только разведка США: Объединенный комитет разведслужб Великобритании (*Joint Intelligence Committee*, JIC) в конце 1941 г. подготовил доклад, в котором неспособность предсказать развитие ситуации на Корейском полуострове летом 1950 г. квалифицировалась как крупнейшая профессиональная неудача [Goodman, р. 257–258, 261–262]. Действия США – на тот момент уже партнера Великобритании по НАТО и союзника в Корейской войне – оценивались JIC также крайне невысоко [Goodman, р. 262–263].

Сразу после начала конфликта президент Г. Трумэн поставил задачу обобщить все имевшиеся на тот момент данные и представить прогноз действий СССР в разных регионах мира, включая и собственно Корейский полуостров. На локальном уровне одним из первых значимых объектов для изучения стала речь Ким Ир Сена, произнесенная по радио на следующий день после атаки, на основе которой аналитики ЦРУ сделали вывод о намерении КНДР вести тотальную войну [FBIS. 1950, 1950–06–29].

Более широкий обзор текущей советской политики, в срочном порядке подготовленный Дж. Кеннаном, содержал вывод о том, что СССР не планирует активных действий нигде, за исключением Кореи. Но и здесь, на полуострове, советские руководители на данный момент не имеют конкретного плана, и их дальнейшие шаги будут всецело зависеть от поведения Вашингтона [Heer, р. 247–249]. Этот вывод, очевидно, был доведен до сведения Трумэна через госсекретаря Ачесона [Felix, р. 117–118].

Параллельно в недрах Госдепартамента усилиями группы экспертов из Управления анализа разведанных был подготовлен меморандум, оценивавший ситуацию в более жестких формулировках. В нем, в частности, утверждалось, что «правительство Северной Кореи находится под полным контролем Кремля», вследствие чего нападение на Южную Корею предлагалось рассматривать как «нападение СССР» [FRUS, 1950, vol. 7, р. 149–150].

---

² Об изменении внешнеполитической стратегии СССР гипотетически и без детализации говорилось в меморандуме Госдепартамента от 25 июня 1950 г., но к происхождению этого документа органы разведки прямого отношения не имели. См.: [FRUS, 1950, vol. 7, р. 149–153; Юнгблюд, Садаков, с. 245].

Обсуждение тактики действий в отношении СССР на ранней стадии конфликта подытожил меморандум СНБ-73 от 1 июля 1950 г., в котором утверждалось, что Кремль не пойдет на прямое военное вмешательство в корейский конфликт, но поддержит любые действия коммунистов по всему миру, дискредитирующие политику США (в особенности в Азии) и будет зондировать твердость позиций США в других чувствительных точках, прежде всего в Германии и Австрии [The Position and Actions, p. 5; FRUS, 1950, vol. 1, p. 333]. Прямое вооруженное нападение на позиции американских войск в этих странах признавалось невероятным [The Position and Actions, p. 12–13]. Военных приготовлений СССР ни в Западной Европе, ни в иных регионах мира зафиксировано не было [FBIS. 1950, 1950–06–28]. Напротив, ожидалась интенсификация советской пропаганды в поддержку мира – Кремль мог попытаться снять с себя ответственность за агрессию против Южной Кореи в глазах мирового сообщества [International organizations division]. Этот прогноз вскоре оправдался. Коммунисты трубили о последовательной мирной политике СССР, которую поддерживают сторонники мира по всему земному шару [FBIS. 1950, 1950–07–20, 1950–07–27, 1950–08–10, 1950–08–24, 1950–09–21].

В целом политические решения, которые принимались в Вашингтоне в конце июня – начале июля 1950 г., основывались преимущественно на догадках и ощущениях. Их направленность определяли не установленные факты, а императивы принятой еще в апреле Директивы СНБ-68, согласно которым СССР заранее объявлялся претендентом на мировую гегемонию, «одержимым новой верой и стремящимся подчинить своей власти остальной мир» [NSC-68]. Решения администрации Трумэна о немедленном силовом вмешательстве во внутренний корейский конфликт и создании коалиции ООН не были импульсивными, скорее это была «домашняя заготовка». Они сразу же продемонстрировали иллюзорность надежд руководства СССР и Северной Кореи на скоротечную победоносную войну, в которую США вмешиваться не станут, а если и решатся на этот шаг, то не успеют этого сделать [Weathersby, 1993, p. 433].

Документальное оформление интернационализации корейского конфликта заняло чуть больше недели. Современный исследователь М. Пемброук по этому поводу справедливо отмечает, что Вашингтон делал все возможное, чтобы создать впечатление, будто «крестовый поход ведут Объединенные Нации, а вовсе не США». Результатом стало создание первой из современных «добровольных коалиций», в состав которой, кроме самих США и Республики Южная Корея, вошли еще 15 государств. На самом же деле «от начала и до конца это было американское шоу, этот союз был ненадежным, и это был союз неравных» [Pembroke, p. 140].

15 сентября 1950 г. начался новый этап в истории Корейской войны, связанный с Инчхонской десантной операцией и контрнаступле-

нием войск ООН на север, по итогам которого Корейская народная армия потерпела тяжелейшее поражение.

На полуострове сформировались условия для прямого военного вмешательства КНР, и коммунисты приступили к информационной подготовке готовившейся интервенции. Одной из первых ласточек, с точки зрения аналитиков ЦРУ, стало заявление главы правительства КНР Чжоу Эньлая, опубликованное в «Правде» 1 октября 1950 г., в котором говорилось, что «агрессивные действия безумствующего империализма подтвердили, что американское правительство является самым опасным врагом Китайской Народной Республики» [Правда]. Этот фрагмент текста интерпретировался как свидетельство намерения КНР начать интервенцию в Корею и декорировать ее как превентивную акцию. И хотя именно этот прогноз, как выяснилось, был самым точным, в конечном итоге он был проигнорирован. В ЦРУ пришли к заключению, что СССР и КНР не намерены вовлекаться в конфликт и впредь будут ограничиваться тайной помощью Северной Корее [FRUS, 1950, vol. 7, p. 933–934]. Госсекретарь Ачесон оценил публичные выступления и дипломатические демарши китайского премьера как «блеф» и «предупреждение», которые нельзя воспринимать как «ответственное политическое заявление» [Acheson, p. 452]; президент Трумэн вообще охарактеризовал их как «пропагандистскую уловку» [Truman, p. 362]. В итоге разведка США «не заметила» концентрацию в Маньчжурии трехсоттысячного соединения китайских войск, а иные видимые признаки военных приготовлений на китайской территории были отнесены на счет возможной подготовки десанта на Тайвань [Aid, ch. 2]. Согласно заключению Объединенного комитета разведки Великобритании, «совершить более крупную ошибку было невозможно» [Goodman, p. 258].

В конце октября 1950 г. китайские регулярные части перешли границу и вступили в военные действия в качестве народных добровольцев. Вступление КНР в войну привело к новому повороту в ходе конфликта. Войска ООН начали тяжелое отступление на юг. Однако к весне 1951 г. боевые действия на Корейском полуострове приняли затяжной характер. Ни войска ООН, ни коммунисты не могли склонить чашу весов в свою сторону.

Итогом дипломатических шагов, предпринятых обеими сторонами, стали переговоры о перемирии, начавшиеся 8 июля 1951 г. С самого начала обсуждения условий перемирия ЦРУ обращало повышенное внимание на любые свидетельства готовности или неготовности Москвы, Пекина и Пхеньяна идти на урегулирование конфликта. Освещение переговоров в коммунистической прессе было неоднородным. В Москве уделяли мало внимания конкретным аспектам диалога, стремились в первую очередь обратить внимание на мирные инициативы СССР и помехи переговорам, чинимые обитателями Уолл-стрит, которые стремились нажиться на войне. По мнению ЦРУ, подобные заявления свидетельствовали о том, что двери для пере-

говоров о перемирии пока остаются открытыми [FBIS. 1951, 1951–04–05, 1951–07–12]. В ЦРУ констатировали изменения в риторике Пхеньяна – из пропагандистского контента постепенно ушло слово «объединение», которое сохранилось лишь в вещании на Южную Корею [FBIS. 1951, 1951–07–06, 1951–07–19]. Вероятно, на фоне наметившейся перспективы перемирия громогласные заявления на эту тему в Пхеньяне сочли неуместными.

К концу августа 1951 г. между участниками переговоров возникли разногласия по вопросам определения демаркационной линии и обеспечения безопасности зоны переговоров [Торкунов, с. 220–221]. После бомбардировки американцами города Кэсон в августе 1951 г. диалог был приостановлен. Налет на Кэсон оценивался коммунистами как преднамеренная попытка сорвать процесс урегулирования [FBIS. 1951, 1951–08–30].

Переговоры были возобновлены в середине октября 1951 г. в Пханмунджоме. В течение 1951–1952 гг. были обсуждены и согласованы параметры будущей линии разграничения и было принято решение о том, что после прекращения огня будет организована политическая конференция по Корее, предназначенная для решения всех остающихся спорных проблем. Камнем преткновения стал вопрос о репатриации военнопленных – коммунисты требовали обмена по принципу «всех на всех», а американцы настаивали на необходимости согласия пленного на выдачу [см. подробнее: Волохова; FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 841]. Боевые действия все это время продолжались.

Важным фактором, оказавшим благотворное влияние на ход переговоров в Пханмунджоме, стала смена власти в США и СССР, произошедшая, соответственно, в январе и начале марта 1953 г. 4 ноября 1952 г. на очередных президентских выборах в США победил генерал Д. Эйзенхауэр. В случае победы генерал обещал лично приехать на полуостров и на месте решить, что необходимо сделать для прекращения насилия. Однако он приходил к власти в сложных условиях – незадолго до выборов в октябре 1952 г. мирные переговоры оказались фактически прерваны [Волохова; Millett, p. 164].

В Вашингтоне отмечали отсутствие в пропаганде КНР и КНДР признаков готовности заключить мир на компромиссных условиях. С другой стороны, ничто не говорило и о возможности военного наступления в ближайшее время [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 876]. Президент США также был преисполнен решимости во что бы то ни стало в ближайшее время завершить затянувшийся конфликт. Современный биограф отмечает, что для достижения этой цели он был готов расширить театр войны на территорию Китая и победоносно завершить войну применением ядерного оружия [Hitchcock, p. 103–104].

Прорыва в мирных переговорах удалось добиться только после кончины И. В. Сталина 5 марта 1953 г. [Пихоя, с. 116]. Спустя 14 дней

после его смерти Президиум ЦК КПСС утвердил документ, предусматривающий скорейшее завершение конфликта [К завершению Корейской войны]. Новые лидеры советского государства не видели смысла в продолжающейся войне и предпочли сосредоточиться на внутренних проблемах СССР. Как отмечает А. В. Торкунов, китайцы и северокорейцы не скрывали удовлетворения, получив известия о смене внешнеполитической линии Москвы, – усталость от войны давала о себе знать в обеих странах [Торкунов, с. 272, 280].

16 апреля, вскоре после смерти советского лидера, Эйзенхауэр произнес свою знаменитую речь «Шанс для мира». Президент подчеркивал, что смена власти в СССР дает бесценную возможность в этой опаснейшей точке повернуть течение истории, и первым шагом на пути к глобальному миру Эйзенхауэр называл почетное перемирие в Корее [Eisenhower]. Анализируя реакцию Москвы на речь президента, аналитики ЦРУ заключили, что, несмотря на определенные оговорки, советские лидеры поддерживают подходы, декларируемые Эйзенхауэром [FBIS. 1953, 1953–04–30]³.

Власти КНР и КНДР не могли без советских поставок успешно продолжать боевые действия. Суммируя разведанные, полученные из всех источников, в ЦРУ уже в начале апреля 1953 г. пришли к выводу, что «военные, дипломатические и пропагандистские действия коммунистов не указывают на намерения в ближайшем будущем развернуть широкомасштабные наземные или воздушные операции» [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 866]. Прогнозировалось также, что, несмотря на определенную напряженность, возникшую в советско-китайских отношениях, уровень военного сотрудничества этих государств не снизится и цели их политики на Корейском полуострове останутся неизменными; СССР продолжит играть ведущую роль в определении политики прокоммунистических сил в этом регионе, и власти КНР в интересах безопасности собственной страны будут демонстрировать лояльность Кремлю. Москва же была настроена взять курс на перемирие [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 866, 875–876, 888, 891–892]. И хотя по инерции в оценках разведки фигурировал вывод о том, что коммунисты стремятся установить свой контроль над всем полуостровом, фактически в них также указывалось на отсутствие желания у советского и китайского руководства вести войну за объединение Кореи до полной победы любой ценой ввиду того, что ни СССР, ни Китай не считали, что такой курс соответствует их национальным интересам⁴.

---

³ Об оценке советского внешнеполитического курса в отношении Корейской войны после смерти Сталина см.: [Рычкова].

⁴ В историографии есть точка зрения, согласно которой советское руководство следовало этой установке уже с осени 1950 г. [Mansourov, p. 105]. Полагаем, что мотивы Сталина и советских лидеров были более сложными и по-разному нюансировались в ходе войны. Однако с середины марта 1953 г. этот подход возобладал.

28 мая 1953 г. посол США в Москве Ч. Болен направил в адрес министра иностранных дел СССР В. М. Молотова ноту с примерными условиями перемирия. Американцы согласились на то, что отсев военнопленных-«отказников» должна была производить нейтральная международная комиссия. Последним препятствием для заключения мира стала позиция, занятая руководством Республики Корея, в первую очередь одержимым идеей восстановления единства страны президентом Ли Сын Маном. Руководители коммунистических государств ясно дали понять, что готовы заключить перемирие даже без согласия лидера Республики Корея [Current communist position]. В конечном итоге под давлением США Ли Сын Ман неохотно согласился на заключение перемирия, но отказался подписывать его сам [Lowe, p. 95]. Процедура подписания документа, который остановил продолжавшийся более трех лет конфликт, состоялась 27 июля 1953 г.

В отечественной историографии длительное время утверждался тезис, что в Корейской войне Сталин «довольствовался “ничьей” в партии, где, безусловно, рассчитывал на победу. Хотя в моральном плане это тоже было безоговорочное поражение» [Волкогон, с. 279]. Такой вывод можно было бы считать приемлемым в том случае, если бы изначально в Кремле конструировался план решающего удара по американским позициям на Дальнем Востоке с твердым намерением изменить расстановку сил в регионе и в мире (собственно говоря, в этом и заключалась гипотеза СНБ-68 в региональном преломлении). На деле картина выглядела несколько иначе, и американская разведка эту ситуацию зафиксировала: на первых этапах Сталин рассматривал конфликт в Корее как локальный и сделать его глобальным не планировал.

Региональный сценарий развития конфликта советской стороной нарушен не был. Все, что происходило на Корейском полуострове, вписывалось в формат советского внешнеполитического курса: после того как план скоротечной победоносной войны, обещанной руководством КНДР, не сработал, США оказались втянутыми в дорогостоящую и кровопролитную войну; всему миру Москва недвусмысленно дала понять, что она поддерживает «объединительную инициативу» северокорейцев, тем самым укрепив свой авторитет в мировом коммунистическом движении; после начала войны борьба за дело мира стала стержнем повестки международных отношений, и СССР сумел надолго закрепить за собой образ миротворца. Этот ресурс Кремль использовал в своей внешней политике вплоть до конца 1979 г.

США в этой войне добились скромных результатов: они не одержали военную победу, а условия перемирия им не сулили очевидных выгод; инициированная ими интернационализация конфликта сопровождалась не столько сплочением союзников, сколько обострением разногласий между ними; армия США понесла существенные потери, которые страна болезненно переживала в течение не-

скольких десятилетий; многократно во время войны командование и руководство США угрожали применением ядерного оружия, что вызывало протесты в стране, среди союзников и во всем мире и сохраняется в исторической памяти.

Разведывательное сообщество США во время войны предприняло серьезные усилия для получения адекватных сведений о развитии ситуации вокруг Корейской войны, используя для этого все виды источников. При том, что провалы разведки США как количественно, так и качественно существенно перевешивали ее успехи, определенные достижения в ее активе также были. В частности, в аналитических материалах ЦРУ отмечались различия в стратегиях и тактических приемах СССР, КНДР и КНР, тогда как политическое руководство США было склонно преувеличивать степень монолитности прокоммунистических государств и во всем видеть исключительно «руку Москвы».

Список литературы

Волгонов Д. Семь вождей : Галерея лидеров СССР : в 2 кн. М. : Новости, 1995. Кн. 1. 349 с.

Волохова А. А. Переговоры о перемирии в Корее (1951–1953 гг.) (по материалам Архива внешней политики России) // Корё сарам : [сайт]. URL: <https://koryo-saram.ru/peredgovory-o-peremirii-v-koree-1951-1953-gg-po-materialam-arhiva-vneshnej-politiki-rossii/> (дата обращения: 12.05.2019).

Дундуков М. Ю. Разведка в государственном механизме США. М. : Кучково поле, 2008. 448 с.

К завершению Корейской войны (1950–1953 годов) // Историко-документальный департамент МИД России : [сайт]. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnyue-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPk1am/content/k-zaverseniu-korejskoj-vojny-1950-1953-godov-?inheritRedirect=false (дата обращения: 12.05.2019).

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти : 1945–1991. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2000. 680 с.

Правда. 1950. 1 окт.

Стьюк У. Корейская война. М. : АСТ, 2002. 732 с.

Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М. : РОССПЭН, 2000. 328 с.

Юнгблюд В. Т., Садаков Д. А. Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну : Опыт Кризисного реагирования // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2018. № 4 (61). С. 241–261. DOI 10.24833/2071–8160–2018–4–61–241–261.

Acheson D. Present at the Creation : My Years in the State Department. NY : W. W. Norton, 1969. 798 p.

Aid M. The Secret Sentry : The Untold History of the National Security Agency. NY : Bloomsbury Press, 2009. 432 p.

Bajanov E. Assessing the Politics of the Korean War, 1949–1951 // Cold War Intern. History Project Bull. Winter, 1995. Iss. 6–7. P. 54–68.

Condit D. M. History of the Office of the Secretary of Defense. Middletown : US Government, Department of Defense, 2018. Vol. 2. Pentagon's Role in the Korean War, the Recall of MacArthur, Hydrogen Bomb, Truman and NATO. 537 p.

Corke S.-J. US Covert Operations and Cold War Strategy: Truman, Secret Warfare, and the CIA, 1945–1953. NY : Routledge, 2008. 256 p.

Cumings B. Korean War : A History. NY : Random House, 2011. 291 p.

Current Communist Position on a Korean Armistice. 1953. July, 1 // CIA : [website]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/5076def7993247d4d82b616e> (mode of access: 17.08.2019).

Eisenhower D. Address “The Chance for Peace” Delivered Before the American Society of Newspaper Editors // The American Presidency Project : [website]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=9819#axzz2iR459CFj> (mode of access: 17.08.2018).

FBIS. 1950 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/1950.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1951 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1951/1951.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1952 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1952/1952.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1953 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1953/1953.htm> (mode of access: 17.08.2019).

Felix D. Kennan and the Cold War : An Unauthorized Biography. New Brunswick : Routledge, 2015. 220 p.

FRUS. 1950. Vol. 1. Washington : GPO, 1977. 947 p.

FRUS. 1950. Vol. 7. Washington : GPO, 1976. 1675 p.

FRUS. 1952–1954. Vol. 15. Korea : in 2 Parts. Washington : GPO, 1984. Part 1. 1151 p.

Goodman M. The Official History of the Joint Intelligence Committee : in 2 Vols. NY : Routledge, 2016. Vol. 1. From the Approach of the Second World War to the Suez Crisis. 492 p.

Hastings M. Korean War. NY ; L. ; Toronto ; Sydney : Simon and Schuster, 1987. 391 p.

Heer P. J. George F. Kennan and US Foreign Policy in East Asia : PhD Diss. Washington, DC : The George Washington Univ. Press, 1995. 300 p.

Hitchcock W. The Age of Eisenhower. N. Y. : Simon & Schuster Paperbacks, 2018. 672 p.

International Organizations Division Weekly Summary No. 26 for Week Ending 4 July 1950 // CIA – FOIA : [official website]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78-01617a004900010090-8> (mode of access: 17.08.2019).

Lowe P. Korean War. NY : St Martin’s Press, 2000. 302 p.

Mansourov A. Yu. Stalin, Mao, Kim, and China’s Decision to Enter Korean War, September 16–October 15, 1950 : New Evidence from the Russian Archives // Cold War Intern. History Project Bull. Winter, 1995. Iss. 6–7. P. 94–119.

Millett A. Dwight D. Eisenhower and the Korean War : Cautionary Tale and Hopeful Precedent // The J. of Am.-East Asian Relations. Vol. 10. 2001. No. 3/4. P. 155–174. DOI 10.1163/187656101793645515.

Nitze P. From Hiroshima to Glasnost : At the Center of Decision. A Memoir / P. H. Nitze with A. M. Smith & S. L. Rearden. NY : Grove Weidenfeld, 1989. 504 p.

NSC-68: US Objectives and Programs for National Security, April 7, 1950 // The Cold War : Interpreting Conflict through Primary Documents / ed. by. P. M. Roberts. Santa Barbara : ABC–Clio, 2019. P. 305–320.

Paige G. D. The Korean Decision (June 24–30, 1950). NY : The Free Press, 1968. 384 p.

Pembroke M. Korea : Where the American Century Began. L. : Oneworld Publ., 2018. 368 p.

Rozitzke H. The CIA’s Secret Operations : Espionage, Counterespionage and Covert Actions. Boulder : Westview Press, 1988. 287 p.

The Position and Actions of the United States with Respect to Possible Further Soviet Moves in the Light of the Korean Situation // Digital National Security Archive : [website]. URL: <https://search.proquest.com/docview/1679066602> (mode of access: 17.08.2019).

Truman H. S. Memoirs by Harry S. Truman : in 2 vols. NY : Doubleday & Co, Inc., 1956. Vol. 2. Years of Trial and Hope. 594 p.

Weathersby K. “Should We Fear This?” Stalin and Danger of War with America. Working Paper No. 39. Washington, D. C. July, 2002 // Woodrow Wilson International

Center for Scholars : Cold War International History Project : [official website]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/should-we-fear-stalin-and-the-danger-war-america> (mode of access: 17.08.2019).

Weathersby K. The Soviet Role in the Early Phase of the Korean War : New Documentary Evidence // *The J. of Am.-East Asian Relations*. Vol. 2. Winter, 1993. No. 4. P. 425–458.

Weathersby K. Korea, 1949–50: To Attack or Not to Attack? Stalin, Kim Il Sung, and the Prelude to War // *Cold War Intern. History Project Bull.* Spring, 1995. Iss 5. P. 1–9.

References

Acheson, D. (1969). *Present at the Creation. My Years in the State Department*. NY, W. W. Norton. 798 p.

Aid, M. (2009). *The Secret Sentry: The Untold History of the National Security Agency*. NY, Bloomsbury Press. 432 p.

Bajanov, E. (1995). Assessing the Politics of the Korean War, 1949–1951. In *Cold War Intern. History Project Bull.* Iss. 6–7, pp. 54–68

Condit, D. M. (2018). *History of the Office of the Secretary of Defense*. Middletown : US Government, Department of Defense. Vol. 2. Pentagon’s Role in the Korean War, the Recall of MacArthur, Hydrogen Bomb, Truman and NATO. 537 p.

Corke, S.-J. (2008). *US Covert Operations and Cold War Strategy: Truman, Secret Warfare, and the CIA, 1945–1953*. NY, Routledge. 256 p.

Cumings, B. (2011). *Korean War: A History*. NY, Random House. 291 p.

Current Communist Position on a Korean Armistice. 1953. July, 1. In *CIA* [website]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/5076def7993247d4d82b616e> (mode of access: 17.08.2019).

Dundukov, M. Yu. (2008). *Razvedka v gosudarstvennom mekhanizme SShA* [Intelligence in the USA State Mechanism]. Moscow, Kuchkovo pole. 448 p.

Eisenhower, D. Address “The Chance for Peace” Delivered Before the American Society of Newspaper Editors. In *The American Presidency Project* [website]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=9819#axzz2iR459CFj> (mode of access: 17.08.2018).

FBIS. 1950. In *Korean War CIA FOIA Release* [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/1950.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1951. In *Korean War CIA FOIA Release* [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1951/1951.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1952. In *Korean War CIA FOIA Release* [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1952/1952.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1953. In *Korean War CIA FOIA Release* [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1953/1953.htm> (mode of access: 17.08. 2019).

Felix, D. (2015) *Kennan and the Cold War: An Unauthorized Biography*. New Brunswick, Routledge. 220 p.

FRUS. 1950. Vol. 1. (1977). Washington, GPO. 947 p.

FRUS. 1950. Vol. 7. (1976). Washington, GPO. 1675 p.

FRUS. 1952–1954. Vol. 15. Korea: in 2 Parts. (1984). Washington, GPO. Part 1. 1151 p.

Goodman, M. (2016). *The Official History of the Joint Intelligence Committee: in 2 Vols*. NY : Routledge. Vol. 1. From the Approach of the Second World War to the Suez Crisis. 492 p.

Hastings, M. (1987). *Korean War*. NY, L., Toronto, Sydney, Simon and Schuster. 391 p.

Heer, P. J. (1995). *George F. Kennan and US Foreign Policy in East Asia*. Ph D. Diss. Washington, DC, The George Washington Univ. Press. 300 p.

Hitchcock, W. (2018). *The Age of Eisenhower*. N. Y., Simon & Schuster Paperbacks. 672 p.

International Organizations Division Weekly Summary No. 26 for Week Ending 4 July 1950. In *CIA – FOIA* [official website]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78-01617a004900010090-8> (mode of access: 17.08.2019).

K zaversheniyu Koreiskoi voyny (1950–1953 godov) [To the End of the Korean War (1950–1953)]. In *Istoriko-dokumental'nyi departament Ministerstva inostrannykh del Rossii* [website]. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravochnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPk1am/content/k-zaverseni-u-korejskoj-vojny-1950-1953-godov-?inheritRedirect=false (mode of access: 12.05.2019).

Lowe, P. (2000). *Korean War*. NY, St Martin's Press. 302 p.

Mansurov, A. Yu. (1995). Stalin, Mao, Kim, and China's Decision to Enter Korean War, September 16–October 15, 1950: New Evidence from the Russian Archives. In *Cold War Intern. History Project Bull.* Iss. 6–7, pp. 94–119.

Millitt, A. (2001). Dwight D. Eisenhower and the Korean War: Cautionary Tale and Hopeful Precedent. In *The J. of Am.-East Asian Relations*. Vol. 10. No. 3/4, pp. 155–174. DOI 10.1163/187656101793645515.

Nitze, P. (1989). *From Hiroshima to Glasnost: At the Center of Decision. A Memoir* / with A. M. Smith & S. L. Rearden. NY, Grove Weidenfeld. 504 p.

Paige, G. D. (1968). *The Korean Decision (June 24–30, 1950)*. NY, The Free Press. 384 p.

Pembroke, M. (2018). *Korea: Where the American Century Began*. L., Oneworld Publ. 368 p.

Pikhoya, R. G. (2000). *Sovetskii Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [The Soviet Union: A History of Power. 1945–1991]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 680 p.

Pravda [Pravda]. (1950). October 1.

Roberts, P. M. (Ed.) (2019). NSC-68: US Objectives and Programs for National Security, April 7, 1950. In *The Cold War: Interpreting Conflict through Primary Documents*. Santa Barbara, ABC-Clio, pp. 305–320.

Rozitzke, H. (1988). *The CIA's Secret Operations: Espionage, Counterespionage and Covert Actions*. Boulder, Westview Press. 287 p.

Stueck, W. (2002). *Koreiskaya voyna* [Korean War]. Moscow, AST. 732 p.

The Position and Actions of the United States with Respect to Possible Further Soviet Moves in the Light of the Korean Situation. In *Digital National Security Archive* [website]. URL: <https://search.proquest.com/docview/1679066602> (mode of access: 17.08.2019).

Torkunov, A. V. (2000). *Zagadochnaya voyna: koreiskii konflikt 1950–1953 godov* [The Mysterious War: The Korean Conflict of 1950–1953]. Moscow, ROSSPEN. 328 p.

Truman, H. S. (1956). *Memoirs by Harry S. Truman*: in 2 Vols. NY, Doubleday & Co, Inc. Vol. 2. Years of Trial and Hope. 594 p.

Volkogonov, D. (1995). *Sem' vozhd'ei. Galereya liderov SSSR v 2 kn.* [Seven Leaders. Gallery of USSR Leadership. 2 Books]. Moscow, Novosti. Book 1. 349 p.

Volokhova, A. A. (N. d.). Peregovory o peremirii v Koree (1951–1953 gg.) (po materialam Arkhiva vneshnei politiki Rossii) [Armistice Talks in Korea (1951–1953) (Based on Materials from the Russian Foreign Policy Archive)]. In *Koryo saram* [website]. URL: <https://koryo-saram.ru/peregovory-o-peremirii-v-koree-1951-1953-gg-po-materialam-arhiva-vneshnej-politiki-rossii/> (mode of access: 12.05.2019).

Weathersby, K. (1993). The Soviet Role in the Early Phase of the Korean War: New Documentary Evidence. In *The J. of Am.-East Asian Relations*. Vol. 2. Winter. No. 4, pp. 425–458.

Weathersby, K. (2002). “Should We Fear This?” Stalin and Danger of War with America. Working Paper No. 39. Washington, D. C. July, 2002. In *Woodrow Wilson International Center for Scholars. Cold War International History Project* [official website]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/should-we-fear-stalin-and-the-danger-war-america> (mode of access: 17.08.2019).

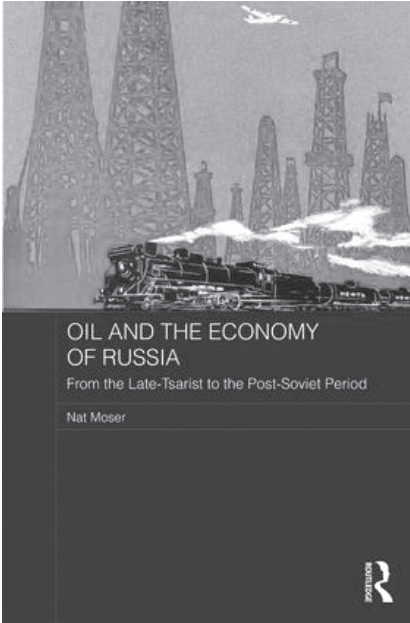
Weathersby, K. (1995). Korea, 1949–50: To Attack or Not to Attack? Stalin, Kim Il Sung, and the Prelude to War. In *Cold War Intern. History Project Bull.* Iss. 5, pp. 1–9.

Yungblud, V., Sadakov, D. (2018). Diplomatscheskoe obespechenie vmeshatel'stva SShA v Koreiskuyu voinu. Opyt krizisnogo reagirovaniya [Diplomatic Support of US Involvement in the Korean War June 25 – July 6 1950. Crisis Response Experience]. In *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 4 (61), pp. 241–261. DOI 10.24833/2071–8160–2018–4–61–241–261.

The article was submitted on 24.08.2019

Controversiae
et recensiones

DOI 10.15826/qr.2019.4.442
УДК 94(470):665.6+330.341.424+338.24

РОССИЯ И НЕФТЬ: ВЗГЛЯД ЭКОНОМИСТА*

Рец. на кн.: Moser N. Oil and the Economy of Russia: From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period. – L. : Routledge Taylor and Francis Group, 2017. – 189 p.

Михаил Михеев

Александр Бедель

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

RUSSIA AND OIL: THE VIEW OF AN ECONOMIST

Rev. of: Moser, N. (2017). Oil and the Economy of Russia. From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period. L., Routledge Taylor and Francis Group. 189 p.

Mikhail Mikheev

Alexander Bedel

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS,
Yekaterinburg, Russia

The reviewers analyse *Oil and the Economy of Russia. From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period*, a monograph by Nat Moser. For a modern researcher, the book is interesting in the context of studying the problem of subject-object relations in the economic analysis of connections between the state and the economy. The author attempts to examine the history of Russia's economy from the era of great reforms to the present through the prism of the oil industry. The main topics of the book include the degree of state participation in economic management, the relationship between business and the state, the importance of foreign investment for the Russian economy, and the problems of introducing new technologies into Russian industry during the late imperial, Soviet, and modern stages of development. The author presents substantial statistics on oil production and refining (instantaneous and interval dynamic series), as well as narrative sources, including interviews with members of the Soviet technical elite and the Russian business community. This makes the work highly informative. The author negatively assesses the Soviet period but concludes that

---

* Citation: Mikheev, M., Bedel, A. (2019). Russia and Oil: The View of an Economist. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1341–1348. DOI 10.15826/qr.2019.4.442.

Цитирование: Mikheev M., Bedel A. Russia and Oil: The View of an Economist // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1341–1348. DOI 10.15826/qr.2019.4.442 / Михеев М., Бедель А. Россия и нефть: взгляд экономиста // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1341–1348. DOI 10.15826/qr.2019.4.442.

the progressive development of the oil industry in Russia has been and remains possible only in conditions of a balanced interaction between a “strong state” and business. An analysis of this interaction in connection with the late imperial and post-Soviet times gives the publication academic significance, despite some factual inaccuracies and conceptual omissions made by the author when studying the Soviet stage of the Russian oil industry.

Keywords: late imperial Russia; USSR; Russian Federation; oil industry; economic history; industrialisation; N. Moser.

В рецензии представлен анализ монографии Ната Мозера «Нефть и экономика России: от позднеимперского до постсоветского времени». Для современного исследователя рецензируемая работа интересна в контексте изучения проблемы субъектно-объектных отношений в экономическом анализе связей государства и экономики. Автором предпринята попытка рассмотреть экономическую историю России с эпохи Великих реформ и до настоящего времени через призму нефтяной промышленности. Основные сюжеты книги включают степень участия государства в управлении экономикой, отношения между бизнесом и государством, значение для российской экономики иностранных инвестиций, проблемы внедрения новых технологий в российской промышленности на позднеимперском, советском и современном этапах развития. Введение автором в научный оборот большого объема статистических данных о нефтедобыче и нефтепереработке (моментных и интервальных динамических рядов), а также нарративных источников, включая интервью с представителями советской технической элиты и российского бизнес-сообщества, придают работе высокую информационную ценность. Автор, во многом негативно оценивая советский период развития нефтяной промышленности, приходит к выводу, что ее поступательное движение в России было и остается возможным лишь в условиях сбалансированного взаимодействия «сильного государства» и частного капитала. Анализ такого взаимодействия применительно к позднеимперскому и постсоветскому времени обеспечивает изданию научную значимость, несмотря на отдельные фактические неточности и концептуальные упущения, сделанные автором в ходе изучения советского этапа развития отечественной нефтяной промышленности.

Ключевые слова: позднеимперская Россия; СССР; Российская Федерация; нефтяная промышленность; экономическая история; индустриализация; Н. Мозер.

Изучение экономической истории России в пределах сколь-либо длительных временных границ весьма затруднительно для исследователя. Историк рискует столкнуться с проблемой чрезмерного разнообразия научных проблем уже на стадии подбора и анализа содержания широкого диапазона исторических источников, увязнув во множестве частных. Последние, хоть и могут представлять научную ценность в отдельности, неизбежно будут мешать исследовате-

лю выйти в своей работе на уровень широких концептуальных обобщений, приблизиться к всестороннему пониманию общих тенденций, динамики и направлений историко-экономических процессов в длительной перспективе. В этом плане особенный интерес представляют работы, посвященные тому или иному аспекту отечественной истории экономического развития. Узко ограниченные, например, по отраслевому принципу, они позволяют делать обобщающие выводы общеисторического плана с «меньшими затратами».

В числе недавно вышедших исследований такого рода можно отметить монографию Ната Мозера, нацеленную на изучение истории нефтяной промышленности позднеимперской, советской и современной России. Следует отметить, что рецензируемая монография писалась совершенно вне рамок исторической русистики. Ее автор – бизнес-аналитик и экономист, специализирующийся на изучении российской нефтедобывающей промышленности не столько с научной, сколько с инвестиционной точки зрения. Выбор темы исследования был сделан им исходя отнюдь не из интереса к истории России и российской нефтяной индустрии, но из внимания к значению России на мировом рынке нефти, ведь, как отмечает автор, «Россия вошла в число лидеров мировой нефтяной промышленности с 1870-х гг... в 1900–1980-х гг. ей не раз случалось быть крупнейшим производителем нефти в мире. Конкуренцию ей составляли только лишь США и в последнее время Саудовская Аравия» (р. 1)¹. Такой подход к поднимаемой теме позволил Н. Мозеру последовательно изучить историю нефтяной индустрии в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации. Для каждого из трех названных этапов автором были подготовлены общий обзор национальной экономики рассматриваемого периода, обзор нефтяной промышленности этого времени, роли государства в ее управлении, значения иностранного участия в развитии добычи, обработки и транспортировки российской нефти, также были рассмотрены вопросы технологического и технического развития отрасли в изучаемый период. По утверждению автора, методы ведения исследования сводятся к «качественным и количественным подходам» (р. 8), под первым подразумевается работа с нарративными источниками разных видов, под вторым – анализ статистических данных в виде моментных и интервальных динамических рядов «о нефтедобыче, формах владения, финансовых показателях и территориальном распределении производительных мощностей российской нефтяной промышленности» (Ibid.).

Исследуя историю становления и развития нефтяной промышленности в позднеимперский период в 1861–1917 гг., автор уделяет особое внимание проблеме взаимоотношений государства с частным капиталом, причем оценивает его в целом положительно. По мне-

---

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

нию Н. Мозера, имперское правительство своей политической волей было способно, с одной стороны, контролировать отрасль в части сдерживания монополий, не допустив появления в России аналога рокфеллеровской «Стандарт-Ойл», с другой – умело и своевременно ограничить свое присутствие на нефтяном рынке. Автор, вступая в полемику с А. Гершенкроном, на примере нефтяной промышленности оспаривает тезис последнего о «ведущей роли государства в промышленном развитии позднеимперской России» (р. 28). В качестве аргументов в свою пользу Н. Мозер приводит примеры широкой приватизации через аукционы государственных нефтяных месторождений в 1870-х гг., налоговые льготы 1877–1887 гг., привлечение масштабных зарубежных инвестиций в русский нефтяной сектор. Одновременно отмечены правительственные меры, негативно повлиявшие на развитие в России нефтеперерабатывающей отрасли. По утверждению автора, к ним в первую очередь относились высокие керосиновые налоги. Усложненная же процедура получения лицензии на разработку новых участков мешала экстенсивному развитию нефтедобычи и геологоразведки.

Анализ истории функционирования и развития нефтяной промышленности в Советском Союзе автор формально ограничивает временем существования советской власти в России (1917–1991), фактически основное внимание исследователя сосредоточено на плановой командной экономике 1928–1986 гг. – от прекращения НЭПа до начала политики перестройки. При ее рассмотрении Н. Мозером был осуществлен внушительный объем работ по изучению зарубежной историографии советской экономической системы, выявлен богатый статистический материал по развитию советской нефтяной промышленности, а также взяты интервью у бывших руководящих работников Министерства нефтяной промышленности СССР. Несмотря на это, из текста видно, что в данном случае автором был совершенно проигнорирован принцип историзма. В этой части исследования Н. Мозер в основном рассуждает об «эффективности» или «неэффективности» функционирования тех или иных направлений в советской нефтяной промышленности, при этом не оговаривая определения этих понятий применительно к советскому периоду. Автор довольно противоречиво оценивает результаты развития советской нефтяной промышленности с позиций современного понимания экономической эффективности, то есть как результат от соизмерения показателей доходности производства по отношению к общим затратам и использованным ресурсам. Этот взгляд бизнес-аналитика, по видимому, усугубляется влиянием от бесед с ветеранами советской индустрии, ведь Н. Мозером проводилось интервьюирование только тех из них, кто после 1991 г. успешно «вписались» в нефтяной рынок современной капиталистической России (р. 166–167).

В качестве примера проявления неэффективности советской нефтяной промышленности автор приводит проблемы освоения

«второго Баку» – нефтяных месторождений между Уралом и Волгой. В книге отмечено, что чиновники Наркомнефти, не желая идти на риск разработки нефтяных пластов глубиной залегания в 1800–2500 м, предпочитали выполнять план за счет добычи более легкодоступной нефти из Закавказья. Тем самым они «сосредоточивались на узких задачах в ущерб более масштабным целям» и ставили под угрозу развитие нефтедобычи в Урало-Поволжье (р. 66).

Другой приводимый на соседних страницах пример экономической неэффективности абсолютно противоречит принципам построения первого утверждения. Теперь неэффективной объявлена практика советских нефтяников проводить геологоразведку и разработку тех нефтяных месторождений, «которые на Западе считались бы нерентабельными и оставались бы нетронутыми» (р. 70). В добавление к этому автор указывает на чрезмерную производительность, избыточный квалифицированный персонал и сверхкомплектное оборудование на советских нефтяных предприятиях (Ibid.). При этом совершенно упускаются из виду весьма своеобразные с современной точки зрения представления правительства СССР о принципах экономической эффективности в социалистическом хозяйстве, определявшие содержание промышленной политики в Советском Союзе. Как отмечал в 1952 г. И. В. Сталин: «...совершенно не правы те товарищи, которые заявляют, что... у нас должны быть якобы восстановлены все экономические категории, свойственные капитализму... прибыль на капитал, средняя норма прибыли и т. п.»; «...временная и непрочная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может идти ни в какое сравнение с той высшей формой прочной и постоянной рентабельности, которую дают нам действия закона планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства...» [Сталин, с. 17–18, 24–25]. Советский лидер весьма определенно подчеркнул: «...вместо обеспечения максимальных прибылей – обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества...» [Там же, с. 40]. Подобные декларации находят весьма ярко выраженные примеры из советской истории. Так, в конце 1920-х гг. советское правительство из соображений геополитической безопасности поддержало совершенно нерентабельный проект строительства Урало-Кузнецкого угольно-металлургического комбината, сделав это в ущерб интересам металлургических производств Донбасса, готовых обеспечить краткосрочную отдачу этих капиталовложений, в отличие от урало-кузнецких предприятий, на протяжении 1930-х гг. бывших убыточными [Планирование размещения производительных сил СССР, с. 33, 77, 78; Ермаков, с. 208–211]. По аналогичному принципу осуществлялись нефтеразработки в районах «второго Баку», призванные обеспечить нефтью и нефтепродуктами азиатскую часть Советского Союза [АПД УДПАР. Ф. 1. Оп. 21. Д 161. Л. 99; АРАН. Ф. 668. Оп. 1. Д. 22. Л. 1а –3; Ф. 200. Оп. 4. Д. 99. Л. 7; Михеев, с. 94–102].

Таким образом, при оценке эффективности советской нефтяной индустрии Н. Мозером допущена некоторая путаница, не отменяющая, впрочем, ценности его наблюдений относительно трудностей реализации установок центрального правительства на уровне трестов и министерств, иллюстрирующих некоторые «некомандные» черты советской «командной» экономики. Кроме того, впечатление портят некоторые досадные ошибки, сделанные автором в части упоминания никогда не существовавшей Республики Челекен (Cheleken Republic) в Туркмении (р. 63), утверждения об оккупации Германией краснодарских нефтяных приисков вместо майкопских (р. 56) и т. д. Автор ошибочно утверждает о прекращении добычи бакинской нефти во время Второй мировой войны, сопровождавшейся эвакуацией предприятий нефтяной промышленности из региона на восток (р. 57), в то время как эвакуации подлежали в основном геологоразведывательные предприятия и заводы нефтяного машиностроения [АПД УДПАР. Ф. 1 Оп. 26. Д. 1051. Л. 1–6]. Добыча же нефти в Закавказье не прекращалась и в 1941–1945 гг. колебалась от 23 до 9 млн т в год именно на бакинских нефтепромыслах [Абасов, с. 115]. Также сомнительны попытки автора выдать бурный рост нефтедобычи в Урало-Поволжье за вынужденный результат событий 1941–1945 гг., связанный с ограничением доступа СССР к бакинской нефти. Окончательное падение удельного веса кавказских нефтяных месторождений в пользу урало-поволжских произошло не во время войны, а в послевоенный период, когда в военном отношении советскому Закавказью ничто не угрожало. Так, с 1940 по 1945 г. удельный вес нефти, добытой в Урало-Поволжье, в общесоюзном масштабе возрос с 6 до 15 %, в то время как к 1955 г. он достиг 58 % [Кравченко, с. 250; Тиунов, с. 162].

Описывая состояние дел нефтяной промышленности современной России (1991–2017), Н. Мозер констатирует, что на этом этапе началось активное и небезуспешное перенимание западных технологий и методов управления отраслью. Отмечаются проводившиеся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. работы по сокращению обслуживания предприятий, уменьшению численности персонала, ликвидации ряда издержек. Автор обращает внимание на постепенное внедрение в России западных стандартов контроля воздействия на окружающую среду.

Н. Мозер высоко оценивает результаты практики ограничения и контроля со стороны российских властей по отношению к иностранным нефтяным компаниям. «Россия пользовалась многими выгодами от иностранного участия, испытывая меньше затрат, чем могла бы понести» (р. 113). По его мнению, эти меры принесли российской экономике больше пользы, чем политика благоприятствования международным нефтяным компаниям со стороны прочих стран – участниц СНГ (например, Азербайджана) их национальным экономикам. Автор утверждает, что во многом именно такие защит-

ные меры позволили России относительно успешно сопротивляться международным санкциям после 2014 г.

Завершая исследование, Н. Мозер предсказуемо отмечает, что на протяжении позднеимперского, советского и современного периодов истории России «сильное государство являло собой неотъемлемую часть российской нефтяной промышленности» (р. 130). Вместе с тем исследователь полагает, что все это время, исключая советский период, частный предприниматель, «будь то динамичный Людвиг Нобель... или решительный Вагит Алекперов», был способен понять и использовать преимущества существующей вертикали власти, что явно демонстрирует, как «частное предпринимательство играет в экономическом развитии России важную роль, наравне, впрочем, с сильным государством» (р. 131). Развивая свою мысль, Мозер заключает, что, в отличие от стран Запада, Россия была и остается в большей степени сосредоточена на строительстве национальной экономики с позиций «порядка и контроля» и в меньшей обременяет себя заботой о благосостоянии и материальной выгоде населения. Это требует более сильного государства и большего внимания к коллективному (государственному или национальному) имуществу, но не к индивидуальным правам или свободам. Такой подход осуществляется ценой ограничения частной инициативы и динамизма, более слабых рыночных институтов, меньшего объема инвестиций и замедленного общего экономического роста – значительно замедленного, с учетом экономического потенциала страны (р. 134).

Подводя итог, отметим, что, несмотря на высказанные замечания, рецензируемая работа представляет научную ценность, поскольку в ней в целом удачно отражена история отечественной нефтяной промышленности в 1861–2017 гг. Исследованы проблемы ее формирования и эволюции, произведен анализ отраслевых тенденций. Выдвинуты гипотезы о будущей судьбе отрасли, исходя из существующих зависимостей от уже пройденного ею пути. Вопросы развития нефтяной промышленности были успешно спроецированы автором на проблемы как будущего государственного развития России, так и российской истории.

Список литературы

Абасов М. Г. Бакинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Баку : Азербайджан. гос. изд-во, 1990. 356 с.

АПД УДПАР. Ф. 1. Оп. 21. Д 161; Оп. 26. Д. 1051.

АРАН. Ф. 668. Оп. 1. Д. 22; Ф. 200. Оп. 4. Д. 99.

Ермаков А. В. Геополитический фактор в планировании Урало-Кузнецкого комбината // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. : материалы междунар. науч. конф., посв. 350-летию Н. Д. Антуфьева-Демидова / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2006. С. 208–211.

Кравченко Г. С. Военная экономика СССР 1941–1945. М. : Воениздат, 1963. 400 с.

Михеев М. В. Сталинская модернизация и проблема привлечения рабочей силы на восток (на примере нефтяников г. Баку) // Социально-экономические и ментально-

культурные трансформации в контексте российских модернизаций XVIII–XX вв. : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : АСПУр, 2014. С. 94–102.

Планирование размещения производительных сил СССР: осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства : в 2 ч. / В. П. Можин, В. В. Кристанов, А. Н. Лаврищев и др. М. : Экономика, 1985. Ч. 1. Планирование размещения производительных сил в период построения основ, упрочения и развития социализма. 303 с.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1952. 96 с.

Тиунов В. Ф. Энергетика Западного Урала : Ист.-экон. очерк. Пермь : Перм. книж. изд-во, 1968. 272 с.

Moser N. Oil and the Economy of Russia : From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period. L. : Routledge Taylor and Francis Group, 2017. 189 p.

References

Abasov, M. G. (1990). *Bakinskaya partiinaya organizatsiya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Baku Party Organisation during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Baku, Azerbaidzhanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 356 p.

APD UDFAR [Archive of Political Documents of the Office of Presidential Affairs of the Republic of Azerbaijan]. Stock 1. List 21. Dos. 161; List 26. Dos. 1051.

ARAN [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Stock 668. List 1. Dos. 22; Stock 200. List 4. Dos. 99.

Ermakov, A. V. (2006). Geopoliticheski faktor v planirovanii Uralo-Kuznetskogo kombinata [The Geopolitical Factor in Planning the Ural-Kuznetsk Combine]. In Alekseev, V. V. (Ed.). *Promyshlennaya politika v strategii rossiiskikh modernizatsii XVIII–XXI vv. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 350-letiyu N. D. Antuf'yeva-Demidova*. Yekaterinburg, Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 208–211.

Kravchenko, G. S. (1963). *Voennaya ekonomika SSSR 1941–1945* [The Military Economy of the USSR 1941–1945]. Moscow, Voenizdat. 400 p.

Mikheev, M. V. (2014). Stalinskaya modernizatsiya i problema privlecheniya rabochei sily na vostok (na primere neftyanikov g. Baku) [Stalin's Modernisation and the Problem of Attracting Workforce to the East (with Reference to Baku Oil Industry Workers)]. In Alekseev, V. V. (Ed.). *Sotsial'no-ekonomicheskie i mental'no-kul'turnye transformatsii v kontekste rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX vv. Sbornik nauchnykh statei*. Yekaterinburg, Assotsiatsiya pisatelei Urala, pp. 94–102.

Moser, N. (2017). *Oil and the Economy of Russia. From the Late-Tsarist to the Post-Soviet Period*. L., Routledge Taylor and Francis Group. 189 p.

Mozhin, V. P., Kristanov, V. V., Lavrishchev, A. N. et al. (1985). *Planirovanie razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil SSSR: osushchestvlenie politiki KPSS na etapakh sotsialisticheskogo stroitel'stva v 2 ch.* [Planning the Location of the Production Forces of the USSR: The Implementation of the Policy of the CPSU on the Stages of Socialist Construction. 2 Parts]. Moscow, Ekonomika. Part 1. Planirovanie razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil v period postroeniya osnov, uprocheniya i razvitiya sotsializma. 303 p.

Stalin, I. V. (1952). *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [The Economic Problems of Socialism in the USSR]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 96 p.

Тиунов, В. Ф. (1968). *Энергетика Западного Урала. Историко-экономический очерк* [The Energy of the Western Urals. A Historical and Economic Essay]. Пермь, Пермское книжное издательство. 272 с.

The article was submitted on 23.02.2019

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРИНОШЕНИЕ БЕЛОРУССКОМУ ПРАВОСЛАВИЮ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ГЛУБИНА И ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ*

Рец. на: *Густова-Рунцо Л. А.* Православная певческая практика Беларуси (типология и исполнительские стили). – Минск : БГУКИ, 2018. – 396 с.

Николай Денисов

Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского,
Российский фонд фундаментальных исследований,
Москва, Россия

MUSICAL CONTRIBUTIONS TO BELARUSIAN ORTHODOXY: RESEARCH SCOPE AND HYPOTHESES

Rev. of: Gustova-Runtso, L. A. (2018). Pravoslavnaya pevcheskaya praktika Belarusi (tipologiya i ispolnitel'skie stili) [The Orthodox Singing Practice of Belarus (Typology and Performance Styles)]. Minsk, Belaruskі dzыarzhaўny ўnіversіtet kul'tury і mastatstvaў, 2018. – 396 p.

Nikolay Denisov

Moscow State Tchaikovsky Conservatory,
Russian Foundation for Basic Research,
Moscow, Russia

This review considers a work by L. A. Gustova-Runtso, a Belarusian scholar, devoted to the history of Orthodox singing culture in the historical lands of Belarus. The study traces the main stages in the formation of this culture, identifying the principal spiritual and cultural centres of singing which influenced its formation. The author describes periods of “survival” during historically and religiously difficult periods when Orthodoxy was under pressure from Catholicism and then uniatism. Of particular interest is the coverage of the twentieth century, a time of persecution for Orthodoxy and its culture.

Keywords: Belarusian Orthodox singing culture; Supraśl Orthodox Monastery irmologion; psalms; a Polesky melody; Orthodox everyday life.

---

* *Citation:* Denisov, N. (2019). Musical Contributions to Belarusian Orthodoxy: Research Scope and Hypotheses. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1349–1359. DOI 10.15826/qr.2019.4.443.

Цитирование: Denisov N. Musical Contributions to Belarusian Orthodoxy: Research Scope and Hypotheses // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1349–1359. DOI 10.15826/qr.2019.4.443 / Денисов Н. Музыкальное приношение белорусскому православию: исследовательская глубина и гипотетические предположения // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1349–1359. DOI 10.15826/qr.2019.4.443.

Статья посвящена анализу труда белорусского исследователя Л. А. Густовой-Рунцо, посвященного истории становления православной певческой культуры на исторических землях Белоруссии. Прослежены основные этапы формирования этой культуры. Обозначены главные духовные и культурно-певческие центры, влиявшие на ее формирование, а также периоды «выживания» церкви и православной культуры в сложные в историческом религиозном отношении времена, когда на православие шло давление католичества, а затем униатства. Особый интерес представляет освещение XX столетия – времени гонений на православие и его культуру.

Ключевые слова: белорусская православная певческая культура; Супрасльский ирмологион; псалмы; полесский напев; православный обиход.

В 2018 г. в Минске вышла книга доктора искусствоведения Л. А. Густовой-Рунцо «Православная певческая практика Беларуси (типология и исполнительские стили)». Ее имя известно благодаря выдающемуся форуму «Международный фестиваль православных песнопений», автором проекта и директором которого она являлась. В монографии представлена история белорусской православной музыкальной культуры.

Белорусы, один из восточнославянских народов, родственных русским и украинцам, имел сложную историю вероисповедания. Приняв православную веру в эпоху князя Владимира, белорусы впоследствии испытывали экспансию католической церкви и униатства; советский период был годами гонения на веру. Но несмотря на исторические, политические, религиозные испытания, белорусы сберегли свой язык, идентичность, многогранное искусство, чему способствовала сохраненная ими православная вера [Беларусь].

Монография охватывает период от X в. до современности. На первых страницах книги дается характеристика православной музыкальной культуры Белоруссии: «Белорусская певческая практика православной традиции, являясь одной из составляющих национальной музыкальной культуры, представляет собой сложную систему, характерные черты которой определяются стилевыми приоритетами, интонационными особенностями и синкретизмом ее литургического и внелитургического типов, динамика которых отражает действие внешних и внутренних факторов» (с. 6)¹. Это одна из главных установок автора, которая подтверждается и подкрепляется на протяжении всей книги².

Далее автор декларирует тезис об этнической составляющей: «Типологическую характеристику стилей белорусской православной певческой практики обусловила ее каноничность, которая на первый

---

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

² Замечу, что неудачным является употребление термина «синкретизм», который применяется в отношении древней языческой культуры. В христианской культуре имеет место синтез искусств.

взгляд нивелирует проблемы национального своеобразия культуры. Однако этническое своеобразие белорусской певческой практики православной традиции определяется нами в контексте типологизации ее исполнительских стилей и видов» (с. 7). Общую для того времени культуру в России называют древнерусской, но не в этническом, а в общетипологическом смысле. Корректней было бы определять изучаемую Л. А. Густовой православную музыкальную культуру *культурой на исторической территории Белоруссии*, а не белорусской, слишком большое влияние многих культур, стран, религиозного-духовных центров и даже юрисдикций этот народ испытывал в разные времена. Однако автор осознанно на протяжении всей книги отстаивает позицию, что это именно культура белорусская, не принимая более широкое ее понимание.

Во вступлении к монографии говорится о высоком предназначении православия и роли, которую играет православная культура в формировании этнической составляющей.

Основу книги составляют пять глав. В каждой даются история определенного периода белорусской православной музыкальной культуры и практика ее воспроизведения.

В первой главе «Методологические основы изучения белорусской певческой традиции», представив читателю методологические принципы исследования, автор указывает, что границы изучаемой культуры определяются государственными границами современной Белоруссии, а также Подляского воеводства на северо-востоке Республики Польша (в XVI в. – Брестское воеводство Великого Княжества Литовского, в XIX в. – Белостокская область, затем – часть Гродненской губернии Российской империи, в период 1939–1975 гг. – Белостокское воеводство Республики Польша, с 1975 г. – Подляское воеводство) (с. 19) (см. об этом: [Белорусский экзархат]). По мнению автора, «белорусская певческая практика православной традиции представляет собой специфический вид этнической культуры... синтезирующей музыкальный и вербальный тексты, воплощающей христианские образы, главный из которых – образ Иисуса Христа, традиционно именуемый Словом» (с. 32).

В монографии приведен обширный список научных трудов по богословию, истории, философии, филологии, музыковедению. Методология представлена более подробно в следующей главе – «Типология белорусской православной певческой практики: исполнительские стили». Подобная работа по типологизации применительно к данному материалу предпринята впервые, ибо она доступна лишь ученому, знающему историю страны, православия, музыкальной культуры, а также формы и способы воспроизведения музыки в реальной практике. Репрезентативным является сопоставление понятий византийского канона и богослужебной практики, формировавшейся в рамках Киевского государства, в границах единой богослужебной культуры, которую в науке принято называть древнерусской.

В третьей главе «Исторические особенности формирования видов и исполнительских стилей белорусской литургической певческой практики православной традиции (X – начало XIX в.)» представлена история формирования богослужебного пения на территории Белоруссии. Автор опирается на понятия *период*, *стадия*, *этап*. Самым глобальным из них является *период*, которых насчитывается два, их хронологические рамки определяются доминирующим статусом церковного патрициата (с. 76).

Первый период (992–1830-е гг.) – юрисдикция Киевской митрополии Константинопольского патриархата. Первая стадия этого периода (992–1596) характеризуется византийской культурной ориентацией (с. 76), в которой выделяются два этапа: первый (X–XV в.) – создание древнебелорусских княжеств (Полоцкого, Туровского), второй (конец XV – конец XVI в.) – разрушение структуры единого культурного пространства.

Соглашаясь с тем, что в этот период была создана киево-печерская практика, выскажу ряд предположений об адаптации византийской культуры. Безусловно, восточные славяне в Киеве, приняв веру, приняли, соответственно, и византийскую культуру. Однако адаптация византийской культуры происходила в первые века в Киеве, Ростове, Новгороде и других княжествах, где были греческие доместики, певцы. Об этом свидетельствуют самые древние из дошедших до нашего времени певческие рукописи. Ученые говорят о наличии в них своей нотации и роспева: знаменной нотации, знаменного роспева. В их основе лежит византийская куаленская нотация, в основе роспева – роспев традиции Студийского монастыря. Кроме того, от Киевского периода сохранилось пять кондакарей, в которых представлена иная нотация – кондакарная, с кондакарным роспевом.

Не являются исключением и певческие рукописи, в которых записаны песнопения святым, подвизавшимся на землях Белоруссии, – св. Евфросинии Полоцкой и свт. Кирилла Туровского. Автор монографии не применяет к ним классификацию и терминологию, принятые в российской науке. Она обозначает данные явления как адаптацию византийской культуры белорусами. Между тем, в науке период истории культуры Киевской Руси справедливо принято обозначать как культуру древнерусскую.

Обозначая духовные центры Белоруссии в тот исторический период, автор выделяет «киево-литовский» роспев, по классификации Л. Костюковец. Именно так вышеназванный исследователь называет знаменный роспев, характеризуя его как местный исполнительский вариант, хотя ни в одном певческом источнике такого наименования нет, и в монографии не приведены его образцы и не дан анализ песнопений, что приводит к сомнениям в верности этого определения.

На втором этапе (конец XV – конец XVI в.) происходят формирование новых центров (Супрасльский, Жировицкий, Слуцкий, Пинский монастыри) и возникновение соответствующих им вариантов

церковных напевов, адаптация линейной нотации, создания ирмолоев распространение новых жанров внелитургической певческой практики – псалмов и кантов.

На следующей стадии (1596–1830) идет становление белорусской певческой практики в условиях Польского королевства (до 1795 г.) и Российского государства (с 1795 г.). Часть центров была в подчинении у Константинополя, часть – в подчинении у Рима. Это время образования новых центров – Кутеинского Богоявленского и Виленского Святого Духа мужских монастырей и развития монодийного и многоголосного исполнительских стилей. Автором книги выделяются сельско-приходские, монастырские, городские стили. В белорусской церковной культуре происходили процессы фольклоризации и латинизации богослужения (с 1720 г.). Параллельно шло создание певческого стиля внелитургического типа. Автор открывает страницы культурной миграции белорусских музыкантов, повлиявших на культуру Московской Руси (певец Иван Кокля, автор обеден и трехголосных концертов Евстафий Маневский (Миневский, Менеvский), мастер партесного стиля Данила Григорьевич Рогачевский, иеромонах московского Саввино-Сторожевского монастыря Гавриил Ароновсвич, составитель линейного стихарника с белорусскими напевами).

Второй период (с 1839 г. по настоящее время) – влияние Синода РПЦ. Внутри него выделяется третья стадия (1839–1918/1939) – светский патрициат, для которого характерны вытеснение униатского образа богослужения, унификация певческой практики, культивирование местных монастырских и приходских обиходных напевов (полесского, яблочинского, белорусского), развитие специализированного многоголосного вида, интенсивное развитие православной певческой практики в ее бытовом, учебно-обиходном и концертном видах. Выделены особая стадия – своего рода богоборческий период (1918–1939) и современная стадия (с 1989 г. по настоящее время).

Во втором параграфе третьей главы «Генезис аскетичного исполнительского стиля белорусской православной певческой практики древнеканонического вида (X – конец XVI в.)» осуществляется анализ певческого материала, который в первом параграфе этой же главы охарактеризован как адаптация византийской культуры. То, что у российских ученых принято называть знаменным распевом, Л. А. Густова представляет следующим образом: «В исполнительской литургической певческой практике древней белорусской (древнерусской) культуры в X – конце XVI в. главенствовал аскетичный стиль древнеканонического вида, который отличает доминирование вербального элемента над музыкальным» (с. 80).

Не могу согласиться, что это бесспорно. Устной культурой является культура фольклорная. Церковная культура была культурой письменной, развивалась в центрах, ее носителями являлись профессионалы. Снова и снова Л. А. Густова говорит о византийском влиянии,

не приводя примеры из письменных памятников. Та же ситуация с утверждением, что в Полоцком монастыре существовал Устав Великой церкви. И далее автор пишет: «Обилие храмов и монастырей в Полоцком княжестве в период X–XIII вв. стало тем фактом, который опосредованно свидетельствует об интенсивной ментальной аккультурации византийской певческой традиции к древнебелорусской и интонационной ассимиляции византийской литургической певческой практики» (с. 83). Однако это положение спорно и требует аргументации. Утверждение о *древнебелорусской практике* более чем гипотетично, тем более что чуть ниже автор заявляет: «На белорусских землях под влиянием литургического византийского певческого канона формировалась самобытная богослужебно-певческая практика... (курсив мой. – Н. Д.)» (с. 83), с чем нельзя не согласиться.

Таковыми же спорными являются утверждения, что «трансмиссия византийского прототипа... в белорусскую литургическую практику осуществлялось в отношении иерархической структуры исполнительского стиля» (с. 85). О каком исполнительском стиле может идти речь, если эта культура не звучит, если она является тем, что академик Д. С. Лихачев называл «культурой интеллектуального молчания»?³ И сохранились ли письменные певческие памятники, бытовавшие на территории Белоруссии или созданные на этих землях? Иное дело, когда исследователь выдвигает гипотезу о тех духовных центрах, где могли быть созданы службы св. Евфросинии Полоцкой. Это либо Спасо-Преображенский, либо Богородичный монастыри, основанные этой святой. Сами тексты служб могут трактоваться как образцы гимнографии, созданные на землях Белоруссии, но напевы – нет. Знаменный распев был един в типологическом отношении на всей территории Древней Руси.

Но автор книги следует своей установке. Она сравнивает образцы древней церковной культуры с народно-песенным искусством, показывает и черты сходства культур, и их различия. Однако проблема в том, что образцы древней гимнографии не расшифровываются, они для нас не звучат. Примеры же архаического белорусского фольклора записывались только с конца XIX и на протяжении XX столетия. Утверждать, что именно так звучали народные песни несколько веков назад, гипотетично. Фольклор всех восточнославянских народов на рубеже XVII–XVIII вв. претерпел революционные изменения под влиянием гомофонно-гармонического языка с аккордами терцовой структуры. Л. А. Густова предпринимает поиски родства культур на основе сопоставления вербального и музыкального текстов, их поэтической формы, ладовой и мелодико-ритмической организации, исполнительской техники (с. 88).

---

³ Следует уточнить еще некоторые детали. В храме Св. Софии в Константинополе служба называлась «песенное последование», а не песенное. Певческие книги Праздники и Трезвонны сформировались на Руси к XVII в. В древнейший период бытовали стихирари.

В главе приведено много исторических фактов, интересных для читателя. Но много здесь и предположительного. Автор пишет: «В XV в. продолжалось формирование стиливых исполнительских видов белорусской литургической певческой практики православной традиции и ее интонационного фона под постоянным влиянием киево-певческого и балканского богослужебного певческого искусства. Балканское влияние на развитие интонационных особенностей знаменного распева “белорусского извода”... в XV в. связано с пребыванием на кафедре в Новогрудке выдающегося болгарского гимнографа митрополита Григория Цамблака... которым были созданы тексты некоторых полных певческих циклов и отдельных микроциклов (каноны, стихиры)... исполняемые в аскетичном древнеканоническом стиле» (с. 99).

Возникает ряд нерешенных вопросов. То, что в первые века принятия православия ведущим центром был Киев, не подлежит сомнению. Иное дело – в XV в. Каким образом шло балканское влияние? Пребывание на Новогрудской кафедре митрополита Григория Цамблака – это одно. Его собственная гимнография – это другое. А балканское влияние должно быть доказано путем сопоставления конкретных памятников. Что такое знаменный распев «белорусского извода»? В какой рукописи об этом написано? Если он есть, каковы его музыкальные особенности?

Вся остальная часть главы насыщена информацией. Мы узнаем о региональных особенностях в певческой культуре, о том, какое значение этому уделяла церковь. «Региональные обычаи трактовались главой Киевской митрополии митрополитом Иосифом Солтаном (1507–1521) в качестве нарушения канонических правил, что было, с точки зрения иерарха, недопустимо. Поэтому этот важный вопрос обсуждался в 1509 г. на соборе Православной церкви... в Вильне» (с. 101).

Ценными является выводы анализа состава и структуры ирмолов: «Белорусские ирмолы содержат белорусские региональные языковые особенности церковнославянского языка, наличие хомонии, что впервые отметила Л. Костюковец... Устная традиция передачи музыкальной информации является сильнейшим консервантом музыкального элемента. Таким образом, Супрасльский ирмологион 1598–1601 гг. представляет собой бесценный памятник аскетичного стиля древнеканонического вида и древнебелорусской монодии» (с. 102).

К сожалению, отсутствует анализ музыкальный. Созданные в этот период ирмолы автор относит к белорусским с определенными региональными особенностями. Но в чем они заключаются? А итогом этой части главы является серьезный, но не бесспорный вывод, что «на древнебелорусских землях Киевской митрополии за шесть веков (X – конец XVI в.) произошли аккумуляция и адаптация византийской вокальной системы, что привело к формированию само-

бытной певческой системы осмогласия, расширению вербального и жанрового содержания богослужебно-певческих циклов, развитию многораспевности (использовались знаменный распев, греческий, болгарский, мултанский, супрасльский, мирский... и др.), распространению линейной “киевской” нотации, которой фиксировались песнопения в белорусских ирмологиях; ранняя форма новой нотации зафиксирована, по мнению А. Конотопа, в Супрасльском ирмологиконе 1598–1601 гг.» (с. 105). Была ли эта певческая система осмогласия самобытной, или она являлась частью единой в типологическом отношении культуры, которую принято называть древнерусской? Если самобытными были роспевы (мултанский, супрасльский, мирский) – это дело другое. Но это требует доказательств.

Следующая часть главы связана с латинским влиянием на белорусскую церковную культуру. В книге представлено множество интересных фактов, не обойдена и конфликтная сторона вопроса: «Действительно, конфессионального соединения православных и католиков с сохранением их культурной идентичности, декларируемых в документах Брестской унии, не получилось. Причина тому – ментальная несхожесть прототипов древнебелорусской православной и польской римско-католической культуры» (с. 107).

Интересен для истории музыкальной культуры материал о Страстях Христовых, заимствованный из певческой практики римско-католической традиции, который впервые встречается в Супрасльском ирмологиконе 1598–1601 гг. «Новый цикл исполняется монодийно, знаменным распевом местной редакции, [он] носил все черты аскетичного стиля древнеканонического вида» (с. 113) (см. об этом: [Конотоп, 1974; Конотоп, 1981]).

Важным этапом в истории белорусской церковной музыкальной культуры явился Замоийский синод. Автор замечает: «...редакция репертуарного содержания канонических певческих циклов восточно-христианской (православной) традиции привела к его *модификации*, что противоречило постановлениям Брестского собора 1596 г. Поэтому в 1738 г. униатский митрополит Киевский Афанасий Шептицкий в целях *унификации* содержания униатской литургической певческой практики распорядился вновь отредактировать все вербальные канонические тексты... Однако тщательная редакция вербального содержания литургических циклов не была проведена...» (с. 115). Мы узнаем о перипетиях в отношении латинян и членов белорусских приходов. Автор выводит понятие «обобщенного вида литургической певческой практики» и делает ценные выводы: «На формирование обобщенного вида литургической певческой практики сельско-приходского вида оказывала влияние тесная коллегиальная взаимопомощь униатского и католического священства: униатские священники по необходимости служили в католических костелах... а ксендзы, соответственно, в униатских церквях... “Переплетение” богослужебной практики римско-католической и греко-католической традиции

в одном храме, несомненно, не способствовало сохранению попираемой православной традиции и ее интонационного фонда» (с. 123).

Вся часть главы о местечковой культуре интересна и нова для российского читателя. Приведу наиболее важные мысли: «Заметим, что набожные песни стали ярким свидетельством влияния протестантской музыкальной культуры на развитие белорусской литургической певческой практики восточнохристианской традиции... Итак, главным фактором формирования и быстрого распространения *обобщенного вида* белорусской литургической певческой практики православной традиции в XVIII – начале XIX в. стало падение авторитета канонической православной традиции и растворение певческого предания, что способствовало повсеместной свободной интерпретации богослужебно-певческого канона восточной традиции и демократизации богослужебного вербального (церковнославянского) и музыкального языков» (с. 125).

Особенно важны для российского читателя сведения о том, какую роль сыграли братства и конкретные деятели Белоруссии для певческой культуры Московского государства: «Переселенцы приносили с собой рукописные и печатные книги, среди которых были нотные певческие сборники (что было новинкой для Руси) и музыкально-теоретические трактаты» (с. 132). Эти сведения очень востребованы для российских специалистов. Какую же роль они будут иметь для белорусского православия – судить ученым этой страны.

В четвертой главе «Региональные особенности исполнительских стилей белорусской литургической певческой практики православной традиции в эпоху социальных перемен: 1839–1989 гг.» речь идет об истории белорусской музыкальной культуры, связанной с Русской православной церковью. Много в истории этого периода аналогично тем процессам, которые проходили в рамках единого государства – Российской империи, а затем СССР. Не подлежит сомнению, что все развитие церковной музыкальной культуры белорусов шло под влиянием столичной Петербургской школы. Но в рамках нового влияния, новых приоритетов появились аранжировки древних «яблочинских, жировичских, минских, виленских напевов» (с. 155). Густова приводит факты, свидетельствующие о роли церковной культуры на фронтах Первой мировой войны, в госпиталях, в среде военнопленных, о репертуаре хоров, о композиторах, чьи сочинения стали звучать в Северо-Западном крае Российской империи – А. Т. Гречанинове, А. Д. Кастальском, А. Е. Туренкове, А. А. Егорове, Е. С. Азееве.

К достоинствам работы относится изложение истории православной культуры белорусов в Польской Республике (1922–1939 гг.). Особенно ценны сведения о Белосточине, о хорах Полесской епархии: «“Глубинной интонацией” белорусской певческой практики... стала обиходная интонация, образцом которой служил интонационный фонд обиходного пения, культивирующийся в 1930-е гг. в литургической практике Пинского кафедрального собора» (с. 173). Хочется

надеясь, будущие исследования белорусских ученых покажут, что именно этот обиход, именно этот распев является квинтэссенцией белорусской богослужебно-певческой практики в этническом смысле: «“Полесский обиход” представляет собой памятник белорусской музыкальной литургической культуры, так как репрезентирует репертуарную панораму белорусской православной литургической певческой практики специализированного и обыденного городского и сельско-приходского видов» (с. 174). Перед читателем встает практика белорусских православных приходов в Польше: описаны социальное положение певцов, псаломщиков, регентов, хоры, их состав. Также подробно описана богослужебная практика храмов Белоруссии с 1918 по 1989 г.

В последней, пятой главе Л. А. Густова останавливается на новом явлении – современных фестивалях церковной музыки (см. об этом: [Денисов, 2014]). Здесь хорошо представлена информация о фестивале православной музыки в г. Хайновке в Польше, о его директоре Николае Бушко [Денисов, 2018]; о Минском фестивале, а также о фестивале, который является его продолжением, – это «Коложский благовест» в г. Гродно. Особенно интересным представляется параграф, посвященный православной учебной практике.

Книга написана очень живо и местами читается, как роман. Особенно это касается описания истории, связанной с латинизацией, пребыванием белорусов в составе Польского государства. Наряду с благодарностью автору за ценный труд, хочется высказать пожелание о повторном его издании с иллюстративным материалом и приложением в виде компакт-дисков.

Список литературы

- Беларусь // Православная энциклопедия. М. : Православ. энцикл., 2000–. Т. 4. С. 457–503.
- Белорусский экзархат // Православная энциклопедия : Правосл. энцикл., 2000–. Т. 4. С. 559–562.
- Густова Л. Праздник православного искусства // Музыкальная академия. 2005. № 2. С. 142–146.
- Денисов Н. Г. «Наш формат – знакомить мир с современной музыкой» (интервью с Николаем Бушко) // Музыкальная академия. 2018. № 4. С. 192–200.
- Денисов Н. Г. Фестивали православного музыкального искусства в Польше и Беларуси: цели и задачи // Современное хоровое исполнительство: традиции, опыт, перспективы : сб. ст. Ростов н/Д : Ростов. гос. консерватория им. С. В. Рахманинова, 2014. С. 30–42.
- Конотоп А. В. Супрасльский ирмологион 1598–1601 гг. и теория транспозиции знаменного распева: на материале певческих нотоплинейных рукописей XVII в. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М. : [Б. и.], 1974. 29 с.
- Конотоп А. В. Супрасльский ирмологион 1638–1639 гг. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : Ежегодник 1980. Л. : Наука, 1981. С. 233–240.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М. : Наука, 1979. 360 с.
- Филарет, митр. «Буду петь Богу моему, доколе есмь» (беседу провели Л. Густова и Н. Денисов) // Музыкальная академия. 2005. № 1. С. 1–5.

References

Belarus' [Belarus]. (2000–). In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 4, pp. 457–503.

Belorusskii ekzarkhat [Belarusian Exarchate]. (2000–). In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 4, pp. 559–562.

Denisov, N. G. (2014). Festivali pravoslavnogo muzykal'nogo iskusstva v Pol'she i Belarusi: tseli i zadachi [Festivals of Orthodox Musical Art in Poland and Belarus: Goals and Objectives]. In *Sovremennoe khorovoe ispolnitel'stvo: traditsii, opyt, perspektivy. Sbornik statei*. Rostov-on-Don, Rostovskaya gosuderstvennaya konservatoriya imeni S. V. Rakhmaninova, pp. 30–42.

Denisov, N. G. (2018). “Nash format – znakomit' mir s sovremennoi muzykoi” (interv'yu s Nikolaem Bushko) [“Our Format is to Acquaint the World with Modern Music” (Interview with Nikolai Bushko)]. In *Muzykal'naya akademiya*. No. 4, pp. 192–200.

Filaret, metr. (2005). “Budu pet' Bogu moemu, dokole esm” (besedu proveli L. Gustova i N. Denisov) [“I Will Sing to My God As Long As I Exist” (Conversation Conducted by L. Gustova and N. Denisov)]. In *Muzykal'naya akademiya*. No. 1, pp. 1–5.

Gustova, L. (2005). Prazdnik pravoslavnogo iskusstva [Festival of Orthodox Art]. In *Muzykal'naya akademiya*. No. 2, pp. 142–146.

Konotop, A. V. (1974). *Suprasl'skii irmologion 1598–1601 gg. i teoriya transpozitsii znamennogo raspeva: na materiale pevcheskikh notolineinykh rukopisei KhVII v.* [Supraśl Irmologion of 1598–1601 and the Theory of the Transposition of the Znamenny Chant: With Reference to Song Score Linear Manuscripts of the 17th Century]. Avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, S. n. 29 p.

Konotop, A. V. (1981). Suprasl'skii irmologion 1638–1639 gg. [Supraśl Irmologion of 1638–1639]. In *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya: Ezhegodnik 1980*. Leningrad, Nauka, pp. 233–240.

Likhachev, D. S. (1979). *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. 3rd Ed. Moscow, Nauka. 360 p.

The article was submitted on 11.12.2018

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Бедель Александр Эммануилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
ORCID 0000-0001-6091-913X
bedel54@mail.ru

Боровик Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория археографических исследований, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-5891-9189
iulia.borovik@urfu.ru

Бугров Дмитрий Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-6262-1107
d.v.bugrov@urfu.ru

Бугрова Екатерина Дмитриевна, ассистент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0001-9304-1327
ekaterina.bugrova@urfu.ru

Денисов Николай Григорьевич, доктор искусствоведения, профессор, Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского; заместитель начальника управления гуманитарных наук, Российский фонд фундаментальных исследований.

125009, Россия, Москва, ул. Большая Никитская, 13/6.
119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.
ORCID 0000-0002-5147-2767
denisov_nikolay@mail.ru

Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой лингвистики, Московский государственный институт культуры.

141406, Россия, Московская обл., Химки, ул. Библиотечная, 7.
ORCID 0000-0002-4878-2027
krugh@yandex.ru

Захаров Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Челябинский государственный университет; Уральский федеральный университет.

454001, Россия, Челябинск, ул. Братъев Кашириных, 129.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-7827-8585
elural@yandex.ru

Зырянов Олег Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0003-3327-8116
o.v.zyrianov@urfu.ru

Капилупи Стефано Мария, кандидат философских наук, кандидат филологических наук, научный консультант, Римский государственный университет «Ла Сапиенца»; директор Института итальянского языка и культуры, Русская христианская гуманитарная академия.
00185, Италия, Рим, Piazzale Aldo Moro, 5.
191011, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15.
ORCID 0000-0003-0063-8197
stefanomaria.capilupi@gmail.com

Керов Валерий Всеволодович, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, лаборатория библиотечных и коммуникативных исследований, Томский государственный университет.
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
ORCID 0000-0003-4853-1102
vvkerov@gmail.com

Конявская Елена Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.
117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
ORCID 0000-0002-8960-9837
ekonyavskaya@gmail.com

Кравцова Елена Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Курский государственный медицинский университет.
305041, Россия, Курск, ул. К. Маркса, 3.
ORCID 0000-0003-1363-2165
ek7500@mail.ru

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет.
644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а.
ORCID 0000-0001-8220-9956
krikh@rambler.ru

Мамаев Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН; Санкт-Петербургский государственный университет.
117218, Россия, Москва, Нахимовский пр., 32.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
ORCID 0000-0002-1075-0468
andreydx2006@yandex.ru

Марасинова Елена Нигметовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН; профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-4538-7945
lenamarassinova@gmail.com

Михеев Михаил Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
ORCID 0000-0001-8097-4953
mikheeviiiauroran@yandex.ru

Мустафин Артур Рашидович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 82/1.
ORCID 0000-0003-2053-4061
art-staf@yandex.ru

Палкин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория археографических исследований, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-7945-3437
a.s.palkin@urfu.ru

Плате Алисе, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0003-0055-2385
aliceplate@mail.ru

Приказчикова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0001-9018-6213
miegata-logos@yandex.ru

Садаков Денис Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36.
ORCID 0000-0003-4308-7276
rstk2005@gmail.com

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-0694-6687
l.s.soboleva@mail.ru

Степенберг Майя, PhD, профессор, колледж Доусона.
N3Z 1A4, Канада, Монреаль, Sherbrooke Str. W, 3040.
ORCID 0000-0002-2640-3436
mstepenberg@dawsoncollege.qc.ca

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой литературы, Московский государственный институт культуры; руководитель Центра фундаментальных исследований русской средневековой культуры, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

141406, Россия, Московская обл., Химки, ул. Библиотечная, 7.

129366, Россия, Москва, ул. Космонавтов, 2.

a.n.uzhankov@mail.ru

Юнгблюд Валерий Теодорович, доктор исторических наук, профессор, Вятский государственный университет.

610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36.

ORCID 0000-0002-2706-3904

youngblood@vyatsu.ru

Bedel Alexander, PhD (History), Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-6091-913X

bedel54@mail.ru

Borovik Iulia, PhD (History), Senior Researcher, Laboratory of Archaeographical Studies, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-5891-9189

iulia.borovik@urfu.ru

Bugrov Dmitry, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of Social and Cultural Service and Tourism, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-6262-1107

d.v.bugrov@urfu.ru

Bugrova Ekaterina, Teaching Assistant, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-9304-1327

ekaterina.bugrova@urfu.ru

Capilupi Stefano Maria, PhD (Philosophy), PhD (Philology), Subject Expert, Sapienza University of Rome; Director of the Institute of Italian Language and Culture, Russian Christian Academy for the Humanities.

5, Piazzale Aldo Moro, 00185, Rome, Italy.

15, Fontanka River Embankment, 191011, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0003-0063-8197

stefanomaria.capilupi@gmail.com

Denisov Nikolay, Dr. Hab. (Art History), Professor, Moscow State Tchaikovsky Conservatory; Deputy Head of the Department of Humanities, Russian Foundation for Basic Research.

13/6, Bolshaya Nikitskaya Str., 125009, Moscow, Russia.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-5147-2767

denisov_nikolay@mail.ru

Dergacheva Irina, Dr. Hab. (Philology), Head of the Department of Linguistics, Moscow State Institute of Culture.

7, Bibliotechnaya Str., 141406, Khimki, Moscow Region, Russia.

ORCID 0000-0002-4878-2027

krugh@yandex.ru

Kerov Valery, Dr. Hab. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading Researcher, Laboratory for Library and Communicative Studies, Tomsk State University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.

ORCID 0000-0003-4853-1102

vykerov@gmail.com

Konyavskaya Elena, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-8960-9837

ekonyavskaya@gmail.com

Kravtsova Elena, Dr. Hab. (History), Professor, Kursk State Medical University.

3, K. Marx Str., 305041, Kursk, Russia.

ORCID 0000-0003-1363-2165

ek7500@mail.ru

Krikh Sergey, Dr. Hab. (History), Professor, Omsk State University.

55a, Mira Ave., 644077, Omsk, Russia.

ORCID 0000-0001-8220-9956

krikh@rambler.ru

Mamaev Andrey, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; St Petersburg State University.

32, Nakhimovsky Ave., 117218, Moscow, Russia.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0002-1075-0468

andreydx2006@yandex.ru

Marasinova Elena, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Professor, National Research University Higher School of Economics.

19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-4538-7945

lenamarassinova@gmail.com

Mikheev Mikhail, PhD (History), Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-8097-4953

mikheeviiiauroran@yandex.ru

Mustafin Arthur, PhD (History), Junior Researcher, National Research University Higher School of Economics; Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

82/1, Vernadsky Str., 119571, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-2053-4061

art-staf@yandex.ru

Palkin Alexander, PhD (History), Senior Researcher, Laboratory of Archaeographical Studies, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-7945-3437

a.s.palkin@urfu.ru

Plate Alice, PhD (History), Junior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0003-0055-2385

aliceplate@mail.ru

Prikazchikova Elena, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-9018-6213

miegata-logos@yandex.ru

Sadakov Denis, PhD (History), Associate Professor, Vyatka State University.

36, Moskovskaya Str., 610000, Kirov, Russia.

ORCID 0000-0003-4308-7276

rstk2005@gmail.com

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Stepenberg Maia, PhD, Professor, Dawson College.

3040, Sherbrooke Str. W, H3Z 1A4, Montreal, Canada.

ORCID 0000-0002-2640-3436

mstepenberg@dawsoncollege.qc.ca

Uzhankov Aleksander, Dr. Hab. (Philology), Head of the Department of Literature, Moscow State University of Culture; Director of the Centre of Fundamental Research of Russian Medieval Culture, D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural Heritage.

7, Bibliotechnaya Str., 141406, Khimki, Moscow Region, Russia.

2, Kosmonavtov Str., 129366, Moscow, Russia.

a.n.uzhankov@mail.ru

Yungblud Valery, Dr. Hab. (History), Professor, Vyatka State University.
36, Moskovskaya Str., 610000, Kirov, Russia.
ORCID 0000-0002-2706-3904
youngblood@vyatsu.ru

Zakharov Andrey, PhD (History), Associate Professor, Chelyabinsk State University; Ural Federal University.
129, Bratye Kashirinykh Str., 454001, Chelyabinsk, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-7827-8585
elural@yandex.ru

Zyryanov Oleg, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0003-3327-8116
o.v.zyrianov@urfu.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

РАН – Архив Российской академии наук
ARAN – Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk

ГАКО – Государственный архив Курской области
GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti

ГАКО – Государственный архив Кировской области
GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности
Императорской Академии наук
IORYaS – Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi
Akademii nauk

НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной
культуры РАН
NA IIMK RAN – Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury RAN

НКЮ – Народный комиссариат юстиции
NKYu – Narodnyi komissariat yustitsii

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества
Sb. RIO – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских
ChOIDR – Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh

CIA – Central Intelligence Agency

FBIS – Foreign Broadcast Information Service

FOIA – Freedom of Information Act

FRUS – Foreign Relations of the United States

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 7, 2019, № 4

Редакторы *Е. Берзина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Дата выхода в свет – 27.12.2019. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 32,8. Усл. печ. л. 30,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 363.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru